

**Вестник Южно-Российского
государственного технического
университета (НПИ).**

**Серия:
Социально-экономические
науки**

**Bulletin
of the South Russian
State Technical
University (NPI).
Series:
Socio-Economic Sciences**

Научный журнал

2024 год Том 17 Выпуск 1

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1

Учредитель и издатель

Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова

Главный редактор

Воденко Константин Викторович,
доктор философских наук, профессор
ЮРГПУ(НПИ)
г. Новочеркасск, Россия
vodenkok@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС 77-37943

Издается с 2008 года
Выходит 6 раз в год

Тематика номера:

Социология
Экономика
Философия

Журнал включён ВАК при Минобрнауки
РФ в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс в каталоге агентства
«Пресса России» — 10228

ISSN 2075-2067
eISSN № 2409-9163

Ответственный секретарь

И. И. Сальникова

Верстка и редакция

В. Г. Рыжкова

Адрес редакции и издателя

346428, Россия, Ростовская обл.,
г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
vestnik-npi@yandex.ru

Выход в свет 28.02.2024 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (главный редактор);

Абакумова Ирина Владимировна, академик РАО, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Архипова Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, Высшая школа экономики, Москва, Россия;

Ван Лэй, PhD, Чаньчуньский инженерно-технологический институт, Чанчунь, Китай;

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Голенко-Гинзбург Дмитрий Исаакович, доктор технических наук, профессор, Университет имени Бен-Гуриона провинции Негев, Беер-Шева, Израиль;

Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор РАН, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Иванченко Ольга Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (зам. главного редактора);

Ивушкина Елена Борисовна, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Комиссарова Мария Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Мемпель-Снежик Анна, PhD, Вроцлавский экономический университет, Вроцлав, Польша;

Нижегородцев Роберт Михайлович, доктор экономических наук, доцент, Института проблем управления РАН, Москва, Россия;

Осмонова Нургул Исраиловна, доктор философских наук, профессор, Российско-Киргизский славянский университет, Бишкек, Киргизия;

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; Институт научных коммуникаций, Волгоград, Россия; Армянский государственный экономический университет, Ереван, Армения;

Почтовюк Андрей Борисович, доктор экономических наук, профессор, Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Кременчуг, Украина;

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия;

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия;

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Сорвилов Борис Владимирович, д.э.н., профессор, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Белоруссия;

Степан Каван, PhD, Университет Южной Богемии в Ческе-Будеевице, Ческе-Будеевице, Чехия;

Сухарев Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН, Москва, Россия;

Тихоновская Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Череповицын Алексей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Юлиус Раманаускас, Dr. hab., Университет имени А. Стуглинскаса, Каунас, Литва;

Сальникова Инна Ивановна, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (ответственный секретарь).

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (НПИ)
СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

2024 год Том 17 Выпуск 1

Содержание

Contents

Экономика и управление

Economics and Management

Сухарев О. С.

Теория экономической политики:
цели, инструменты и эмпирические
трактовки.....6

Sukharev O. S.

Theory of Economic Policy:
Targets, Tools and Empirical
Interpretations.....6

***Бондаренко В. А., Дадаян Н. А.,
Гузенко Н. В.***

Формирование комплексного
подхода к оценке «зеленого» развития
региона.....20

***Bondarenko V. A., Dadayan N. A.,
Guzenko N. V.***

Formation of an Integrated Approach
to the Assessment of the «Green»
Development of the Region.....20

***Гарькуша В. Н., Переяслова О. Г.,
Черноусова С. А.***

Стратегическое управление
инновационным потенциалом ремонтных
предприятий.....36

***Garkusha V. N., Pereyaslova O. G.,
Chernousova S. A.***

Strategic Management of Innovation
Potential of Repair
Enterprises.....36

Комиссарова М. А., Землякова С. Н.

Обзор международного опыта
внедрения цифровых технологий
на предприятиях агропромышленного
комплекса.....46

Komissarova M. A., Zemlyakova S. N.

Overview of International Experience
in the Introduction of Digital Technologies
at the Enterprises of the Agro-Industrial
Complex.....46

Теоретическая и прикладная социология	Theoretical and Applied Sociology
Левченко Н. А. Совершенствование эффективности функционирования системы управления кадровым потенциалом на территории региона.....57	Levchenko N. A. Improving the Efficiency of the Human Resources Management System in the Region.....57
Некрасов Е. Е. Специфика реализации идеи равенства возможностей как воплощения социального эгалитаризма в жизненных стратегиях российской молодежи.....63	Nekrasov E. E. The Specifics of the Implementation of the Idea of Equality of Opportunity as Embodiments of Social Egalitarianism in the Life Strategies of Russian Youth.....63
Осадчая Г. И., Волкова О. А., Оставная А. Н. Возвратная миграция в Кыргызскую Республику: факторы и оценка положения.....71	Osadchaya G. I., Volkova O. A., Ostavnaia A. N. Return Migration to the Kyrgyz Republic: Factors and Assessment of the Situation.....71
Реброва Н. М. Институционально-правовое регулирование имущественных отношений между бывшими супругами в современном российском обществе.....89	Rebrova N. M. Institutional and Legal Regulation of Property Relations Between Former Spouses in Modern Russian Society.....89
Ростовская Т. К., Наберушкина Э. К. Молодые мужчины с приобретенной инвалидностью: разработка исследовательского проекта.....99	Rostovskaya T. K., Naberushkina E. K. Young Men with Acquired Disabilities: Development of a Research Project.....99
Философская инноватика	Philosophical Innovation
Керимов О. Ю. Социокультурные аспекты проблемы модернизации России.....110	Kerimov O. Yu. Socio-Cultural Aspects of the Problem of Modernization of Russia.....110
Кузьменко А. А. Становление и развитие эргономики в условиях социально-техногенного мира.....123	Kuzmenko A. A. The Future of Ergonomics in an Unstable Environment Socio-Technogenic World.....123
Майснер Т. Н. Тенденции развития современного города в условиях цифровизации.....136	Meisner T. N. Development Trends of a Modern City in the Conditions of Digitization.....136

Максимович А. В. Концепция «общества риска» и проблема управления рисками.....145	Maksimovich A. V. The Concept of «Risk Society» and the Problem of Risk Management.....145
Малахаткин Е. О. Пророчества Н. Ф. Федорова о войне в трактовке Н. А. Бердяева.....154	Malakharkin E. O. Prophecies of N. F. Fedorov About the War as Interpreted by N. A. Berdyaev.....154
Саидова Л. И. Философско-антропологические смыслы развития экологического туризма и личности человека в цифровую эпоху.....164	Saidova L. I. Philosophical and Anthropological Meanings of the Development of Eco-Tourism and Human Personality in the Digital Age.....164
Шаровара К. А. Социально-философские подходы в исследовании цивилизационного своеобразия России.....175	Sharovara K. A. Socio-Philosophical Approaches in the Study of the Civilizational Identity of Russia.....175
Шатохина Н. П. Анализ свободы творчества в контексте синергетической теории.....185	Shatokhina N. P. Analysis of Creative Freedom in the Context of Synergetic Theory.....185
Актуальные проблемы науки и образования	Actual Problems of Science and Education
Сальникова И. И. Модель комплексной оценки публикационной культуры ученого в современном научном сообществе.....196	Salnikova I. I. A Model for a Comprehensive Assessment of a Scientist's Publication Culture in the Modern Scientific Community.....196
Тищенко Ю. Г., Ковалева Н. Ю., Тищенко И. А. Социально-психологические аспекты коммуникативной деятельности педагогов.....205	Tishchenko Yu. G., Kovaleva N. Yu., Tishchenko I. A. Socio-Psychological Aspects of Teachers' Communicative Activity.....205
Шенеман М. В., Истомина О. Б. Взаимодействие участников образовательного процесса по вопросам здоровьесбережения в дошкольном образовательном учреждении: социологический анализ.....213	Sheneman M. V., Istomina O. B. Interaction of Participants in the Educational Process on Health-Saving Issues in a Preschool Educational Institution: a Sociological Analysis.....213

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ECONOMICS AND MANAGEMENT

Научная статья

УДК 338.22.01

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-6-19

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ЦЕЛИ, ИНСТРУМЕНТЫ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ТРАКТОВКИ

Олег Сергеевич Сухарев

Институт экономики РАН, Москва, Россия

o_sukharev@list.ru, ORCID: 0000-0002-3436-7703, AuthorID РИНЦ: 446204,
AuthorID Scopus: 56736819100, WoS Research ID: C-3767-2018

Аннотация. Статья посвящена вопросу возможной коррекции базового принципа в классической теории экономической политики «цели-инструменты», необходимость которой подтверждается проводимым эмпирическим анализом результатов антиинфляционной и политики роста в России.

Цель исследования — раздвинуть рамки классической теории экономической политики Тинбергена-Тейла за счёт рассмотрения структуры целей и инструментов, согласования этих структур, а также дать эмпирические трактовки проводимой макроэкономической политики в России в период 2003–2022 гг. по инфляции и росту экономики, чтобы подтвердить необходимость расширения указанной теории экономической политики.

Методология исследования базируется на продвинутой теории экономической политики за счёт авторской доктрины «распределённого управления», представляющей каждый инструмент макроэкономической политики имеющим изменяющуюся по объектам экономики силу влияния, так что чувствительность поставленных целей претерпевает изменение к набору инструментов, а сама совокупность применяемых мер приобретает собственное влияние на магистральные цели экономического развития.

Общий результат исследования сводится к тому, что эмпирическим анализом подтверждается «провал» классической теории экономической политики в достижении цели роста при снижении инфляции для российской экономики на рассматриваемом интервале времени. Это закономерно порождает необходимость выстраивания новой теории экономической политики, предполагающей учёт действующих факторов и применяемых мер макроэкономической политики совместно и с изменяемой силой влияния, распределённой по структуре экономики. Также показано, что более высокий уровень монетизации обеспечивал сдерживание инфляции и рост ВВП России, а больший темп роста денежной массы работал на инфляцию, что порождает необходимость поиска наиболее приемлемого с точки зрения согласования двух целей (по росту и инфляции) прироста денежной массы при сохранении общего вектора на монетизацию российского хозяйства. Такой итог одновременно составляет и **перспективу для дальнейших исследований**, поскольку вопрос о динамике наращивания денежной массы в экономике давно и далеко вышел за пределы известного в теории «монетарного правила».

Ключевые слова: теория экономической политики, принцип «цели-инструменты», «распределённое управление», «накопительный эффект» макроэкономическая монетарная политика, инфляция

Для цитирования: Сухарев О. С. Теория экономической политики: цели, инструменты и эмпирические трактовки // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 6–19. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-6-19>.

Original article

THEORY OF ECONOMIC POLICY: TARGETS, TOOLS AND EMPIRICAL INTERPRETATIONS

Oleg S. Sukharev

*Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
o_sukharev@list.ru, ORCID: 0000-0002-3436-7703, AuthorID RSCI: 446204,
AuthorID Scopus: 56736819100, WoS Research ID: C-3767-2018*

Abstract. *The paper is devoted to the issue of a possible correction of the basic principle in the classical theory of economic policy «goals-tools», the need for which is confirmed by the empirical analysis of the results of anti-inflationary and growth policies in Russia.*

The purpose of the study *is to expand the framework of the classical theory of economic policy of Tinbergen-Theil, by considering the structure of goals and instruments, the coordination of these structures, and also to provide empirical interpretations of the ongoing macroeconomic policy in Russia in the period 2003–2022. on inflation and economic growth, in order to confirm the need to expand the specified theory of economic policy.*

The research methodology *is based on the advanced theory of economic policy through the author's doctrine of «distributed management», which represents each instrument of macroeconomic policy as having a varying power of influence across economic objects, so that the sensitivity of the set goals undergoes a change to the set of instruments, and the totality of the measures used acquires its own influence for the main goals of economic development.*

The overall result of the study *is that empirical analysis confirms the «failure» of the classical theory of economic policy in achieving the goal of growth while reducing inflation for the Russian economy over the time interval under consideration. This naturally gives rise to the need to build a new theory of economic policy, which involves taking into account current factors and applied macroeconomic policy measures together and with a variable force of influence distributed throughout the structure of the economy. It is also shown that a higher level of monetization ensured the containment of inflation and the growth of Russia's GDP, and a higher growth rate of the money supply worked for inflation, which creates the need to find the most acceptable growth in the money supply from the point of view of reconciling two goals (for growth and inflation), while maintaining general vector for the monetization of the Russian economy. This result at the same time constitutes a prospect for further research, since the question of the dynamics of the increase in the money supply in the economy has long gone far beyond the boundaries of the «monetary rule» known in theory.*

Keywords: *theory of economic policy, principle of «goals-instruments», «distributed control», «accumulative effect» macroeconomic monetary policy, inflation*

For citation: Sukharev O.S. Theory of economic policy: targets, tools and empirical interpretations // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 6–19. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-6-19>.

Введение. Классическая современная теория экономической политики построена на принципе Тинбергена [15], который часто воспринимается как незыблемая её основа, хотя существует не такое большое число исследований, базирующихся сугубо на нём [6; 9–11], в сравнении, скажем, с колоссально большим числом работ по экономическому росту и его моделям [2–3]. Интересно отметить, что, если модели роста обычно связывают факторы роста и пытаются установить вклад их в общую динамику или влияние на характеристики роста, то модели экономической политики направлены на описание применения различных инструментов, влияющих на установленные макроэкономические цели, в рамках которых увеличение ВВП рассматривается как одна из имеющихся целей. Эти модели не включают факторы, влияющие на темп роста, а модели роста всё-таки далеко не всегда принимают во внимание набор действующих инструментов политики. В общем и целом в экономической науке сложилось разделение: упрощают каждую из групп моделей, понижая потенциал их адекватности, так как в реальности присутствуют и факторы, влияющие на динамику ВВП, и применяются инструменты макроэкономической политики для достижения установленных целей, которые влияют и на изменение самих факторов. Действует система весьма сложных прямых и обратных связей, которая очень часто не присутствует в известных моделях, применяемых для проектирования экономической политики, обоснования тех или иных инструментов и правительственных решений.

Следуя традиции Тинбергена, некоторые исследователи показывают, что одним инструментом трудно достигать, скажем, двух целей по инфляции и росту экономики либо ценовой динамики и финансовой стабильности [12], в связи с чем полезно разведение инструментов и применение их в дифференцированном режиме, то есть как минимум двух, если преследуются две цели. Однако, несмотря на укрепление правила Тинберге-

на для конкретно рассматриваемой страны и поставленной проблемы, это совсем не означает возможности достижения двух целей одним неким инструментом, либо, как минимум, улучшения положения по каким-то целям с применением некоего набора инструментов, который может оказаться и больше, и меньше числа целей на практике. Теория экономической политики не проясняет сегодня указанный вопрос. С течением времени применяемые инструменты могут изменять свою силу влияния, что не может не сказаться на продвижении к цели. Более того, инструменты распределяются по целям и по влиянию на экономическую структуру по-разному. Связь самих инструментов и целей друг с другом также перманентно изменяется, и это тоже часто не принимается во внимание при моделировании с вытекающими ограничениями для макроэкономической политики. Речь идёт об авторской доктрине «распределённого управления» [4] и накопительном эффекте по целям и инструментам проводимой политики [5], например, монетарной [1], когда применяемый один и тот же подход позволяет достичь одной цели — снизить инфляцию, но не добиться центральной цели по обеспечению устойчивого экономического роста.

Оценки эффективности экономической политики, исходящие из измерения благосостояния или достижимости целей устойчивого развития, сводя метод к рейтингам [14], не позволяют учесть распределённого эффекта, найти сочетания структуры целей, ресурсов, инструментов и доподлинно измерить чувствительность цели к применяемым инструментам, с помощью которых может быть и достигнута их не представляется возможным. Отсутствие даже желания искать ответ на этот вопрос часто становится залогом провала мер макроэкономической политики роста и борьбы с инфляцией. Включение правила Тинбергена в известные и даже игровые модели [6–7; 11] также не позволяет продвинуться в решении рассматриваемой проблемы, которая требует пересмотра или как

минимум расширения принципа Тинбергена. Рассмотрение влияния институтов (правил), структурных изменений и промежуточных целей политики [8–9] или множества целей [13], либо ожиданий [10], конечно, повышает правдоподобие, но не снимает поставленных вопросов. Аспект нейтральности мер политики или не нейтральности [7] становится предметом постановки задачи о чувствительности цели к инструментам политики, распределения инструментов по цели и структуре экономики и накопительного эффекта политики, когда мера правительства ещё не полностью нейтральна, но все-таки влияет. Цель уже становится менее чувствительной к ней.

Обобщая сказанное, делаем вывод: целью настоящего исследования является расширение рамок классической теории экономической политики за счёт изменения трактовки принципа Тинбергена и включения в неё структуры целей, инструментов и факторов достижения целей на основе доктрины «распределённого управления» и представлений о накопительном эффекте политики [5]. Для достижения поставленной цели рассмотрим две задачи. Во-первых, на теоретическом уровне анализа структуры целей экономического развития и инструментов политики осуществим попытку согласовать структуру целей и инструментов политики — продвинуться в решении задачи «структурного выбора». Во-вторых, на эмпирическом уровне анализа покажем, как достигается цель по инфляции и росту в российской экономике в период 2003–2022 гг., что подтверждает необходимость формирования новой теории экономической политики, включающей и действующие факторы, и инструменты.

1. «Распределённое управление»: структура целей и инструментов политики. Доктрина «распределённого управления» [4] была предложена как развитие принципа Тинбергена «цели-инструменты», составляющего ядро современной теории экономической политики. В отличие от него при распределённом управлении инструменты воздействия подбираются избирательно в соответствии с учётом изменяющейся силы их влияния, поскольку реализуемые правительственные влияния изменяют содержание факторов развития и сами применяемые инструменты.

Такой дифференцированный подход порождает задачу согласования структуры целей, которые необходимо достичь, и структуры применяемых инструментов политики. В классическом варианте теории экономической политики указанный аспект не принимался во внимание, как и то обстоятельство, что вполне возможно и меньшим набором инструментов влиять на большее число целей и даже достигать их, либо некоторые из них. Математические уравнения в рамках принципа Тинбергена не позволяли так сформулировать задачу, поскольку, если число неизвестных, скажем, больше числа уравнений связи целей и мер политики, то возникают непреодолимые трудности решения.

На рисунке 1 слева показано изменение совокупного дохода/продукта экономики от величины риска ведения экономической деятельности, в предположении, что кривая 1 отвечает модели получения наибольшего дохода, а кривая 2 — минимального риска. Наилучшие исходы отвечают огибающей ВАС, так как для одного и того же риска имеем наибольший доход/продукт в системе. Однако данный доход по каждой кривой 1–2 достигается за счёт различного распределения ресурсов по объектам экономики, то есть структуры распределения s_1 и s_2 — различные для каждого сочетания дохода и риска и отличаются даже для характерной точки А, в которой две разные модели дают одно и то же сочетание продукта (дохода) и риска его производства. В этой точке, как и для других точек кривых 1–2, существует проблема «структурного выбора»: какое должно быть распределение ресурсов. Эта проблема особенно остра для указанной характерной точки, потому что выбор не предопределён и требует добавочных критериев, например, связанных с оценкой состояния или учёта неких особенностей тех объектов, которым выделяется тот или иной ресурс. Если различная структура распределения ресурсов может давать различное сочетание дохода и риска, а в отдельных случаях и одинаковое, то несложно предположить, что и структура инструментов воздействия также обеспечит различное возрастание создаваемого продукта. Темп роста экономики будет зависеть также от применяемого и изменяемого набора инструментов — их структуры. Эта ситуация показана условно на ри-

сунке 1, справа. Структура распределяемого ресурса может зависеть от структуры применяемых инструментов для достижения установленной структуры целей. Как выбрать набор инструментов, если не ясно, что будет к моменту времени T^* , когда $Y1 > Y3 > Y2$, в то время как для точки $T1$ было соотношение $Y1 < Y2 < Y3$. К тому же любому правительству нужно понимать, вызвала ли такое изменение (и в какой степени) его политика, либо внешние условия, либо стечение неких обстоятельств или комбинации факторов и воздействий. На сегодня классическая теория макроэкономической политики не может дать точного ответа на такую постановку задачи, как и обеспечить структурную её постановку, которая осуществлена выше.

Структура инструментов для каждой траектории роста продукта (рисунок 1, справа) своя, то есть $dY1(I1)/dt > dY2(I2)/dt$, правее точке E (рисунок 1, справа). Имеется интервал, где $dY1(I1) > dY3(I3)/dt$, где $I1, I2, I3$ — отличающиеся структуры инструментов политики. Их можно на каком-то отрезке времени условно считать неизменными, хотя сила каждого инструмента этой структуры может меняться, но на длинном отрезке каждая структура претерпевает изменения — она не статичная, в том числе по причине обнаружения накопительного эффекта, изменяющего силы влияния благодаря реакции объектов, на которые инструменты воздействуют. Для конечного отрезка времени реализации экономической политики можно развести струк-

туры инструментов, как показано на рисунке 1 справа. Но каждая из таких структур может влиять на структуру ресурсов, то есть условно запишем это так: $s1 = a_0 + a_1 I1$; $s2 = b_0 + b_1 I2$, что означает изменение ресурсной структуры от структуры инструментов по траектории роста продукта $Y1$ и $Y2$ соответственно.

Ещё одним важным недостатком классической теории экономической политики являлось то, что построенные модели связывали цели и инструменты, но часто не видели факторов и сложившихся условий, которые, кстати, применяемые инструменты со слабым обоснованием действенности не могли преодолеть. В итоге при вводе инструмента часто не представляли, окажет он должное действие на экономику или нет. Возникал своеобразный режим «попробовать политику», а к чему она приведёт, становилось ясно позже. Это полностью укладывалось в ставший знаменитым «эффект кобры», когда желание правительства понизить популяцию кобр обернулось принятием мер, которые способствовали, наоборот, увеличению этой популяции, то есть сработали в обратном направлении. На этапе принятия этих мер все надеялись, что это решит возникшую проблему.

Вариант расширенного с учётом сказанного принципа Тинбергена может быть предложен в следующем виде. Обозначим изменение целевого параметра проводимой экономической политики — dT/dt . Оно наблюдается под влиянием не только инструментов, но и действующих релевантных

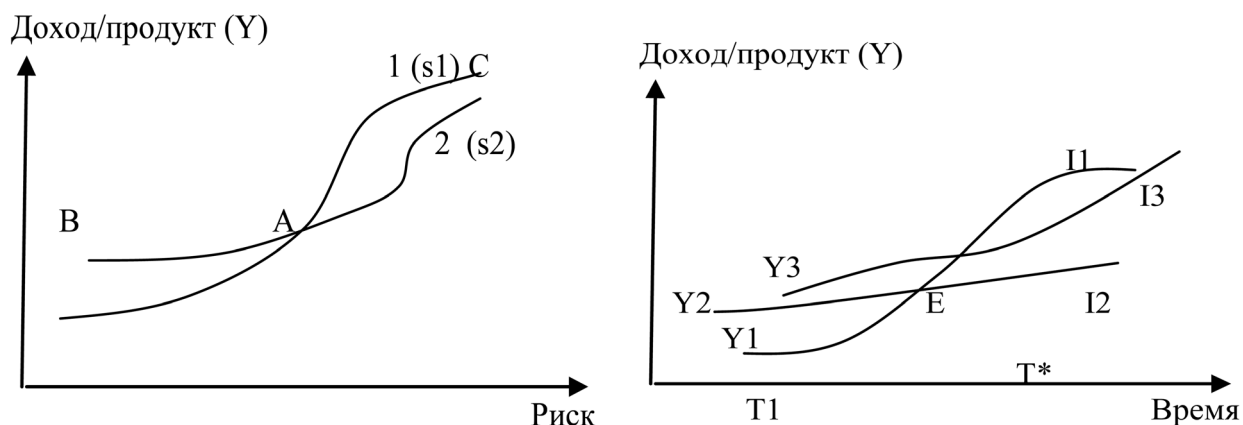

Рис. 1. Структура распределения ресурсов (слева) и инструментов (справа) политики¹
Fig. 1. Structure of distribution of resources (left) and instruments (right) of policy

¹ Источник: построено автором.

факторов. Пусть набор этих факторов — M , а изменение обозначим как dF/dt . Число изменяемых инструментов (dI/dt) равно — H . Их сила влияния изменяется со временем, как и чувствительность целей к применяемым инструментам. Если чувствительность целей или объектов экономической структуры к воздействиям снижается в силу разных причин, то можно считать это накопительным эффектом проводимой политики, причём отрицательным. Если чувствительность будет повышаться, то такой накопительный эффект от применения одного и того же инструмента можно обозначить как положительный [5].

Действующие факторы и инструменты влияют друг на друга, причём это влияние может оказаться весьма значительным и распространяться внутри каждой группы отдельно. Данное обстоятельство нельзя не учитывать, если желать получить правдоподобную картину результативности экономической политики. Формализация расширенного принципа «цели-инструменты» также предполагает формулировку уравнений связи целей, факторов и инструментов. В этом случае также понадобится отбраковка вариантов, когда возникает коллинеарность по факторам и инструментам, связи внутри них и между ними. Тем самым, несмотря на то что подход в целом расширительный и более адекватный, тем не менее математика фиксирует его ограниченность, чтобы получить базовые уравнения модели экономической политики. В формальном виде можно записать сказанное по формуле (1):

$$\sum_{i=1}^N \frac{dT_i}{dt} = \sum_{i=1}^M a_i \frac{dF_i}{dt} + \sum_{i=1}^H b_i \frac{dI_i}{dt}. \quad (1)$$

Математическая запись (1) означает, что изменение цели политики представлено некой суммой взвешенного изменения факторов развития и инструментов самой политики. Система имеет решение, если $N=M+H$. Иначе напрашиваются подходы либо по упрощению системы уравнений, либо по применению неких численных методов. Величина взвешивающих коэффициентов будет демонстрировать, что сильнее детерминирует динамику цели: сложившиеся и изменяемые факторы либо влияющие инструменты политики. Возможны варианты построения отдельных моделей по влияющим факторам и инструментам,

но в таком случае потребуются уравнения, связывающие инструменты и факторы развития — для учёта обратных связей, которые в классической теории экономической политики ускользают из внимания.

Разумеется, этот подход не преодолевает абсолютно всех проблем реализации экономической политики, лишь указывая направления для дальнейших теоретических исследований и математических преобразований. Чтобы быть результативным, на взгляд автора, он должен сочетаться с глубокими эмпирическими исследованиями и оценками происходящего, определением силы инструментов политики и оценкой накопительного эффекта по каждому применяемому инструменту относительно поставленной цели или рассматриваемого объекта экономики, состояние которого требуется изменить в нужном направлении.

Учитывая сформулированные выше теоретические позиции по важности силы применяемых инструментов и чувствительности целей к ним, накопительный эффект действия и необходимость реализации распределённого управления, то есть подбора и обоснования инструментов отдельно и в их совокупности, в заключение остановимся на эмпирическом анализе проводимой антиинфляционной и политики роста в России.

2. Макроэкономическая политика в России: борьба с инфляцией и рост. Макроэкономическая политика в России за несколько десятилетий является хорошим подтверждением того, что не только идея «распределённого управления» [4], но и даже стандартный принцип «цели-инструменты» не являются востребованными и никак не отражаются в реализуемых мероприятиях. Налицо конфликт цели по инфляции и по темпу экономического роста. Но его не пытаются преодолевать, не принимая во внимание не только модельный (который может быть неточным), но и даже прямой эмпирический сопоставительный анализ, точность которого поколебать непросто (хотя его качество также зависит от измерительных процедур и статистического учёта). При ориентации на фишеровскую модель экономического роста, требующую для организации роста подавления инфляции, из внимания исчеза-

ет обстоятельство, что со снижением инфляции снижается и темп экономического роста, что подтверждает эмпирический анализ [1; 5]. Если формулируется цель по агрегату, не учитывается структура цен и связность цен, когда, понижая динамику по одним видам цен и повышая иной вид цен (процент), увеличивают издержки и трансформируют ценовую структуру, так что агрегат достигается, но условия для дальнейшей инфляции с ростом экономики сохраняются.

Как видно из рисунка 2, связь потребительских и промышленных цен не является очень тесной, хотя и прослеживается, так как из эмпирических точек понятно, что возрастание потребительских цен сопровождается некоторым увеличением и промышленных цен. Обратное то же верно, хотя вопрос относительно того, что является исходной причиной, сохраняет своё значение, то есть какие цены исполняют роль генератора повышения прочих цен.

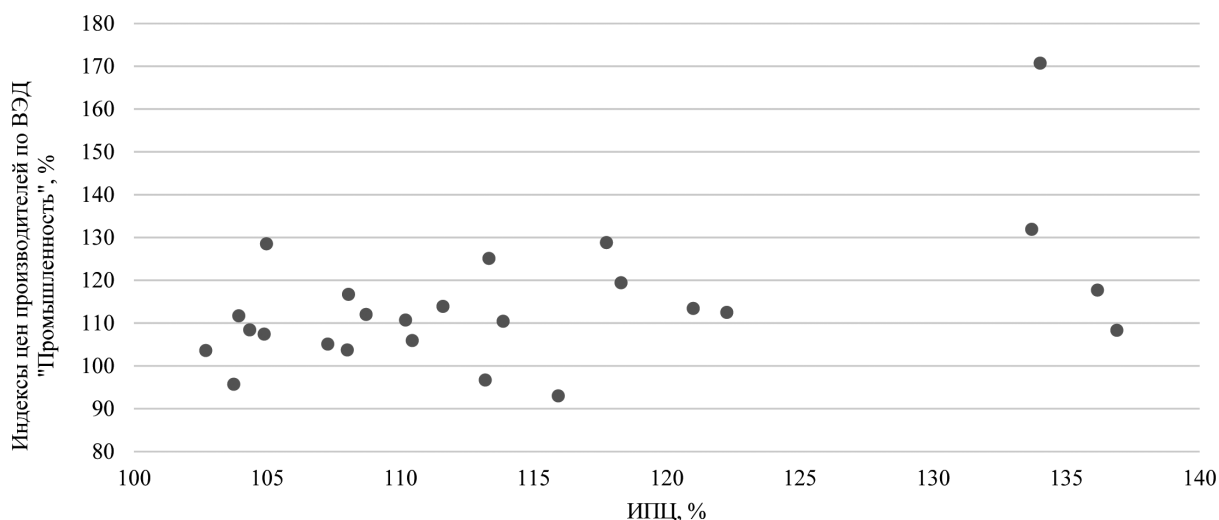

Рис. 2. Изменение индекса потребительских цен и индекса цен производителей, 1998–2022 гг.²

Fig. 2. Changes in the consumer price index and producer price index, 1998–2022

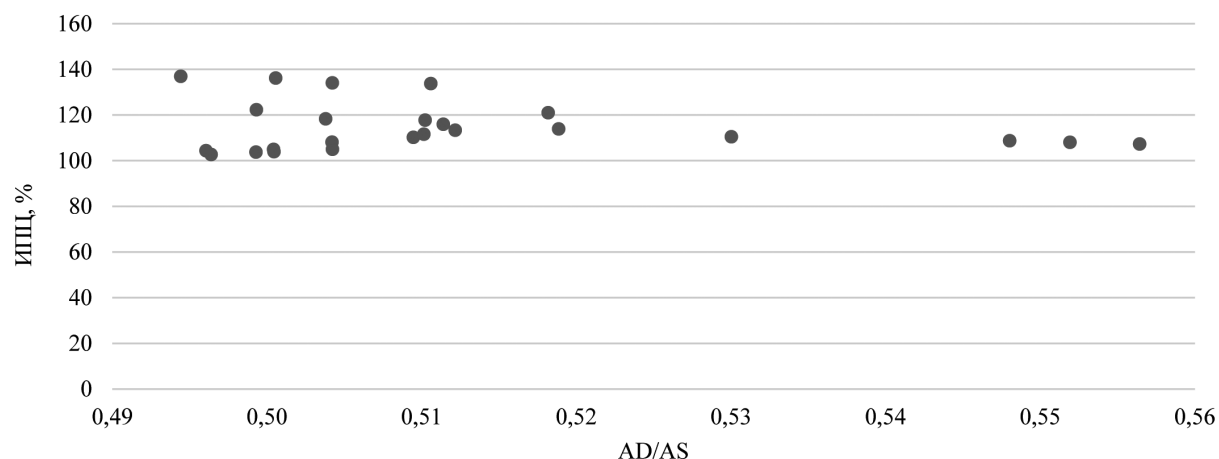

Рис. 3. Индекс потребительских цен от структуры совокупный спрос-предложение (AD/AS), 1998–2021 гг.³

Fig. 3. Consumer price index from the aggregate demand-supply structure (AD/AS), 1998–2021

² Источник: построено автором на основе данных Росстат (URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price>).

³ Источник: построено автором по данным Росстат (URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>, <https://rosstat.gov.ru/statistics/price>).

Рисунок 3 показывает, что рост совокупного спроса, конечно, способствует росту индекса потребительских цен. Однако имеются точки, когда высокий спрос (относительно совокупного предложения⁴) не даёт высокой ценовой динамики. Соотношение совокупного спроса и предложения показывает отсутствие превосходства совокупного спроса над предложением (хотя этот результат может

быть итогом неполной оценки указанного параметра). Но и превосходство предложения отнюдь не вызвало дефляцию, сохраняя инфляционное давление при понижающейся инфляции на рассматриваемом интервале времени. Это может говорить о том, что инфляцию вызывают не только факторы роста и поведение естественных монополий, но и сложившиеся институты, включая пра-

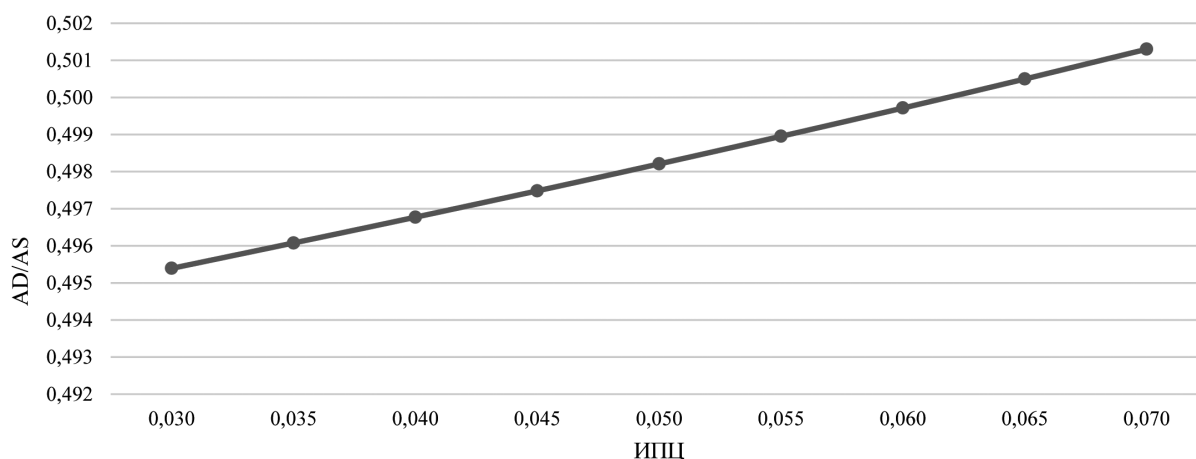

Рис. 4. Соотношение совокупного спроса и предложения от заданного ИПЦ, 2003–2021 гг.⁵
Fig. 4. The ratio of aggregate demand and supply from a given CPI, 2003–2021

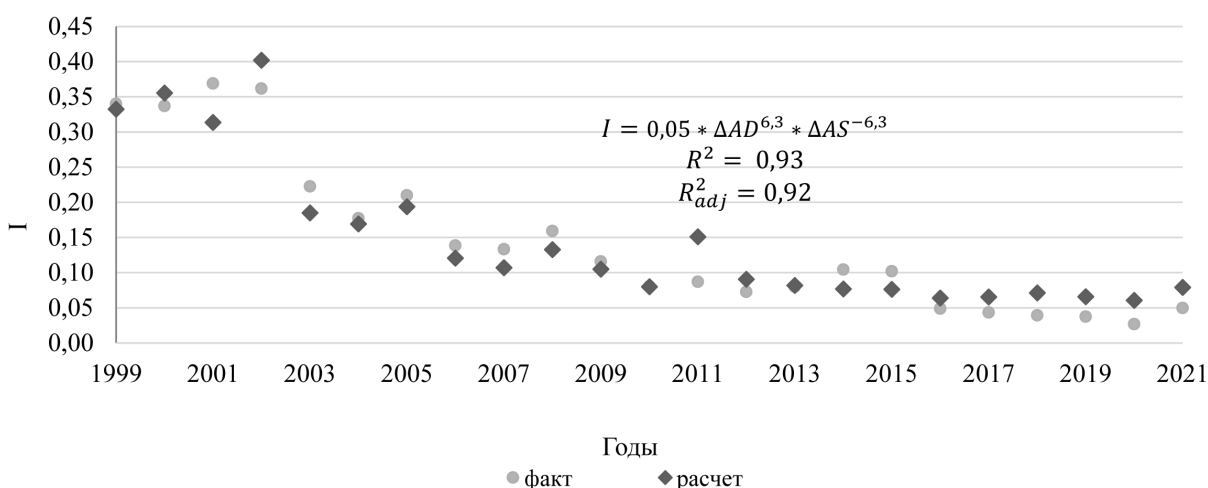

Рис. 5. Индекс потребительских цен от изменения совокупного спроса и предложения в России, 1999–2021 гг.⁶
Fig. 5. Consumer price index from changes in aggregate demand and supply in Russia, 1999–2021

⁴ Совокупный спрос представляется здесь как оценка ВВП по компонентам расходов (AD = ВВП по расходам). Совокупное предложение как выпуск товаров и услуг вместе с поступившим в страну импортом (AS = Выпуск товаров и услуг + импорт).

⁵ Источник: рассчитано автором по данным Росстат (URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>, <https://rosstat.gov.ru/statistics/price>).

⁶ Источник: рассчитано автором по данным Росстат (URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>, <https://rosstat.gov.ru/statistics/price>), ЕМИСС (URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/37697?ysclid=llbx2rakes273442283>).

вила ценообразования, монополистический характер построения экономики и даже методы проводимой политики, стимулирующей рост цен. Это может происходить за счёт ограничения объёмов выпуска и сжатия самого спроса, которое само по себе может приводить к росту издержек⁷.

Вместе с тем следует отметить, что рост совокупного спроса относительно предложения сопровождается ростом индекса потребительских цен (ИПЦ), что подтверждает рисунок 4, где показан таргет по инфляции, вводимый по ИПЦ. Этот рисунок отражает часть рассматриваемого периода, включая и участок, где таргетирование само по себе не применялось как метод борьбы с инфляцией до 2014 года.

На рисунке 5 представим простую модель⁸, связывающую индекс потребительских цен (ИПЦ — I) в России с изменением совокупного спроса (ΔAD) и предложения (ΔAS) за период 1999–2021 гг.

Рисунок 5 подтверждает, что цены на рассмотренном интервале времени понижаются по ИПЦ, но индекс цен зависит от совокупного спроса, изменение которого в сторону увеличения увеличивало и цены, а вот совокупное предложение, увеличиваясь, понижало уровень цен — инфляцию. Выявленное обстоятельство, во-первых, показывает, какая политика проводилась, поскольку именно она создала такое соотношение и динамику, во-вторых, борьба с инфляцией лежит на стороне предложения, что и напрямую обеспечит рост экономике. Таким образом, имеются все предпосылки, стимулируя предложение, обеспечивать понижение цен и рост одновременно, выводя ситуацию из контекста противоречивости макроэкономических целей развития. Добавочно следует отметить, что инновационная экономика — это принципиально система нефишеровского типа, то есть она демонстрирует рост продукта (новаций) при росте цен, поскольку новое всегда редкое и относительно более дорогое.

Что касается дефлятора ВВП для аналогичного периода времени, то в этом случае

и совокупный спрос, и предложение, увеличиваясь, работали на повышение величины дефлятора. Таким образом, общая динамика цен, которую и отражает дефлятор, положительно зависима от изменения (наращения) обоих компонент экономического развития, что вполне укладывается в известную логику классического экономического анализа.

Кроме того, более высокая величина ИПЦ и дефлятора ВВП отвечают более высокому темпу роста российской экономики, а их понижение сопровождается понижением темпа роста [1]. Иными словами, в борьбе с инфляцией подавляется и экономический рост без учёта качества и изменения структуры экономики. При этом доля обрабатывающего сектора относительно транзакционно-сырьевого понижается на исследуемом интервале, в то время как анализ подтверждает демпфирующее влияние обработки на инфляцию и стимулирующее влияние транзакционно-сырьевого сектора. С ростом денежной массы ($M2$) дефлятор понижался, а с увеличением процентной ставки — возрастал, точнее, её повышение осуществлялось на возрастание инфляции, чем и вызвана такая модельная связь указанных параметров.

Интересно отметить, что на рассматриваемом интервале 2003–2022 гг. более высокий процент отвечает большей инфляции, но девальвация рубля отвечает меньшей величине дефлятора, хотя в конкретные периоды времени именно девальвация запускала маховик инфляции через импортированную её компоненту (при высокой зависимости от импорта). Подобные соотношения явно зависят от периода времени, на котором осуществляется анализ, и должны учитывать причинно-следственные связи, какое изменение вызывает ту или иную динамику. Стандартная эконометрика, сразу вводящая неявно такие связи, часто избегает их объяснения на уровне построения модели.

В среднем повышение монетизации экономики сопровождалось понижением инфляции в период 2003–2022 гг. А вот рост цен

⁷ Это обстоятельство не учитывается, кстати, ни в одной экономической теории, а ведь организация потребления и структура совокупного спроса могут существенно влиять на динамику цен.

⁸ Статистики модели: F-критерий = 125,6; D-Врасчет. = 1,68 € [1,54; 2,46]; Тест Уайта: χ^2 расчет. = 4,76; χ^2 крит. = 5,99 (автокорреляция и гетероскедастичность отсутствуют).

на инвестиционные товары способствовал и весьма сильно общему росту цен. Повышение цены на нефть, наоборот, сопровождалось понижением инфляции в России в ходе реализации соответствующей политики (рисунк 6). Оценки на коротких интервалах, скажем, 2022–2023 или 2019–2020 гг., имеют свою специфику и могут не укладываться в общие соотношения для более продолжительных интервалов времени. Это также

не может не сказываться на выработке мер макроэкономической политики, направленной на борьбу с инфляцией и стимулирование экономического роста.

Если уровень монетизации позитивно сказывался на динамике цен, не показывая детерминацию их роста, то темп роста М2 все-таки коррелировал с увеличением дефлятора (общего уровня цен), что подтверждает рисунок 7.

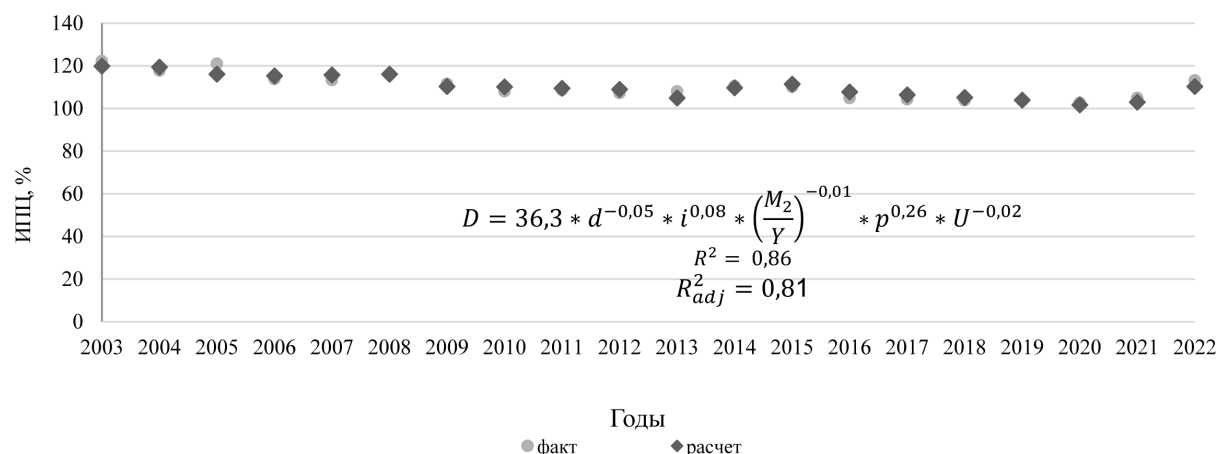

Рис. 6. ИПЦ (I) от среднегодового курса доллара (d), ключевой ставки (i), монетизации (M2/ВВП), индекса цен на продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения (p) и средней цены нефти марки Urals (U) в России⁹, 2003–2022 гг.¹⁰

Fig. 6. CPI (I) from the average annual dollar exchange rate (d), key rate (i), monetization (M2/GDP), price index for investment products (costs, services) (p) and the average price of Urals oil (U) in Russia, 2003–2022

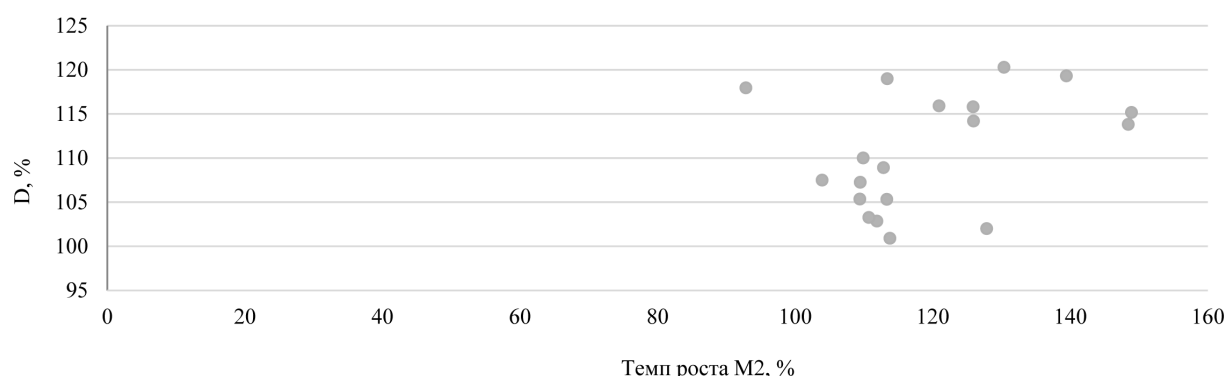

Рис. 7. Дефлятор ВВП от темпа роста М2 в России, 2004–2022 гг.¹¹

Fig. 7. GDP deflator from M2 growth rate in Russia, 2004–2022

⁹ Статистики модели: F-критерий = 14,3; D-Врасчет. = 2,05 € [1,99; 2,01]; Тест Уайта: $\chi^2_{\text{расчет.}} = 7,56$; $\chi^2_{\text{крит.}} = 11,07$.

¹⁰ Источник: рассчитано автором по данным Росстат (URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>, <https://rosstat.gov.ru/statistics/price>), ЕМИСС (URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/37697?ysclid=llbx2rakes273442283>).

¹¹ Источник: построено по данным Росстат (URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>), ЕМИСС (URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/37697?ysclid=llbx2rakes273442283>).

Обратим внимание, что при росте монетизации российской экономики понижался в среднем и темп её роста. Данное обстоятельство как очевидный эмпирический факт должно приводить к выводу, что предложения по монетизации являются пусть и необходимыми, но отнюдь недостаточными для организации роста, поскольку он сдерживается общей антиинфляционной политикой и иными реальными факторами, сила которых перевешивает возможные стимулирующие действия. Кроме того, пренебрежение структурными соотношениями в решениях и мерах макроэкономической политики снижает её же потенциал и результативность. Это возможно учесть на базе авторской доктрины «распределённого управления» [4] учётом накопительного эффекта проводимой политики роста [5]. Однако, потребуются пересмотр многих положений классической макроэкономической политики (монетарной и бюджетной) и построение — планирование новых схем влияния на базе новой теории экономической политики, общие контуры которой развиты в настоящей и серии предшествующих работ автора.

Заключение. Подводя итог, сформулируем наиболее важные выводы.

Во-первых, различные структуры распределения ресурсов могут дать отличающиеся результаты развития, в некотором случае — совпадающий результат (характерная точка распределения), но и разные наборы инструментов (структуры инструментов или мер политики) также способны приводить к сугубо отличающимся результатам с точки зрения достижения сформулированных целей макроэкономического развития.

Во-вторых, эмпирические данные по развитию российской экономики подтверждают, что проводимая макроэкономическая политика, исходящая из необходимости достижения цели роста и снижения инфляции, не смогла учесть связности целей, чувствительности их к влиянию мер политики и действенности влияющих на них инструментов (монетарной и бюджетной политики). Это породило ряд закономерностей, когда понижение инфляции сопровождалось понижением темпа роста, а рост уровня монетизации не ускорял динамики

цен, в то время как темп роста денежной массы в свою очередь положительно влиял на общую ценовую динамику. Следовательно, в монетарной политике прежде всего следовало бы корректировать классическое «монетарное правило», выводя его для нужд конкретной экономики, причём делать этот институт изменчивым в зависимости от преобразования чувствительности целей к мерам проводимой политики. Учёт указанных обстоятельств позволяет дать доктрина «распределённого управления», из которой вытекает и потребность оценки «накопительного эффекта» макроэкономической политики, к которой субъекты экономики начинают привыкать и уставать от малодейственных решений по достижению поставленных целей.

В-третьих, дифференцированный подход в области достижения макроэкономических целей стоит ориентировать на регулирование ценовой динамики в конкретных областях, например, в области роста цен на инвестиционные товары, что наиболее сильно определяло инфляцию, борьба с которой, видимо, сокращала инвестиционные возможности и в том числе порождала так называемый «инвестиционный тоннель» российской экономики, обнаруживаемый на интервале времени более десяти лет. Одновременно стимулирование предложения работает антиинфляционно и на рост экономики, что требует инструментализации отраслевой политики и наращивания усилий по развитию внутреннего рынка в России. Подавление спроса будет сдерживать не только цены, но и рост предложения, следовательно, и ВВП. Эмпирический и регрессионный анализ подтверждают указанные связи, приводя к тому, чтобы применить доктрину «распределённого управления» в части таксономии инструментов политики, оценки чувствительности целей к каждому из них и применяемому набору с обоснованием, насколько это возможно, совокупности решений, работающих на отраслевое развитие при сдержанной или контролируемой динамике цен.

Таким образом, речь следует вести о дифференцированном рассмотрении инструментов по каждому виду макроэкономической политики с решением задачи оценки

распределённого их влияния при разных комбинациях применения и изменяющейся силы влияния (чувствительностью целей к мерам политики) по структуре целей и объектам хозяйственной структуры. Это не тривиальная задача выявления связей между целями, инструментами и элементами экономической структуры, которая может решаться исключительно методами структурного анализа, причём комбинированными, не только методом исследования структуры «затраты-выпуск». Строящиеся модели должны охватывать действующие факторы и условия, включая ограничения, и воздействия применяемых мер политики, которые вводятся асинхронно и влияют с изменяющейся силой, возрастающей либо снижающейся по причине той или иной связности применяемых одновременно разных инструментов.

Список источников

1. Глазьев С.Ю. Сухарев О.С., Афанасьева О.Н. Монетарная политика России: негативный накопительный эффект в рамках неоклассической модели и его преодоление // Микроэкономика. 2022. №2. С. 5–38.
2. Лукас Р. Лекции по экономическому росту. М.: Издательство института Гайдара, 2013. 288 с.
3. Смит В. Переосмысление экономики: классическое понимание // В сборнике «Экономика для любознательных. О чём размышляют Нобелевские лауреаты». М.: Институт Гайдара, 2017. С. 40–53.
4. Сухарев О.С. Распределенное управление как расширение принципа «цели-инструменты» экономической политики // Управленческие науки. 2021. №11(1). С. 6–19.
5. Сухарев О.С. Макроэкономическая политика: накопительный эффект и его преодоление // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. №1. С. 166–181.
6. Acocella N., Di B.G. Tinbergen and Theil meet Nash: Controllability in policy games // Economics Letters. February, 2006. Vol. 90. Issue 2. Pp. 213–218.
7. Acocella N., Di B.G., Hallett A.H. Controllability in Policy Games: Policy Neutrality and the Theory of Economic Policy Revis-

ited// Computational Economics. 2006. Vol. 28. Pp.91–112.

8. Eggertsson Th. The old theory of economic policy and the new institutionalism // World Development. August, 1997. Vol. 25. Issue 8. Pp.1187–1203.

9. Fenichel E.P., Horan R.D. Tinbergen and tipping points: Could some thresholds be policy-induced? // Journal of Economic Behavior & Organization. December, 2016. Vol. 132. Part B. Pp. 137–152.

10. Figueroa J.G. Políticas y modelos en Tinbergen y Muth Policies and models Tinbergen and Muth // Economía Informa. January-February, 2015. Vol. 390. Pp. 83–96.

11. Hallett A., Acocella N., Di B.G. Policy games, policy neutrality and Tinbergen controllability under rational expectations // Journal of Macroeconomics. March, 2010. Vol. 32. Iss. 1. Pp. 55–67.

12. Peña R. Should monetary policy lean against the wind in a small-open economy? Revisiting the Tinbergen rule // Latin American Journal of Central Banking. March, 2021. Vol. 2. Iss. 1. P. 100026.

13. Schader Ch., Lampkin N., Muller A., Stolze M. The role of multi-target policy instruments in agri-environmental policy mixes // Journal of Environmental Management. December, 2014. Vol. 145. Pp. 180–190.

14. Thore S., Tarverdyan R. Chapter Two-Diagnostics for economic and social policy // Measuring Sustainable Development Goals Performance. Elsevier, 2022. Pp. 23–44.

15. Tinbergen J. Economic Policy: Principles and Design North-Holland. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, Chicago: Rand McNally and Company, 1956. 276 p.

References

1. Glaz'ev S. Ju. Suharev O.S., Afanas'eva O.N. Monetarnaja politika Rossii: negativnyj nakopitel'nyj jeffekt v ramkah neoklassicheskoy modeli i ego preodolenie [Monetary policy of Russia: negative cumulative effect within the framework of the neoclassical model and its overcoming]. *Mikroekonomika* [Microeconomics]. 2022; (2): 5–38. (In Russ.).
2. Lukas R. Lekcii po jekonomicheskomu rostu [Lectures on economic growth]. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gajdara, 2013. 288 p. (In Russ.).

3. Smit V. Pereosmyslenie jekonomiki: klas-sicheskoe ponimanie [Rethinking economics: a classical understanding]. V sbornike «Jekonomika dlja ljuboznatel'nyh. O chjom razmyshljajut Nobelevskie laureaty» [In the collection «Economics for the curious. What Nobel laureates are thinking about»]. Moscow: Institut Gajdara, 2017. Pp. 40–53. (In Russ.).

4. Suharev O.S. Rasprelennoe upravlenie kak rasshirenie principa «celi-instrumenty» jekonomicheskoy politiki [Distributed management as an extension of the principle of «goals-tools» of economic policy]. *Upravlencheskie nauki [Managerial Sciences]*. 2021; 11(1): 6–19. (In Russ.).

5. Suharev O.S. Makrojekonomicheskaja politika: nakopitel'nyj jeffekt i ego preodolenie [Macroeconomic policy: cumulative effect and its overcoming]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic sciences]*. 2023; 16(1): 166–181. (In Russ.).

6. Acocella N., Di B.G. Tinbergen and Theil meet Nash: Controllability in policy games. *Economics Letters*. February, 2006; 90(2): 213–218.

7. Acocella N., Di B.G., Hallett A. H. Controllability in Policy Games: Policy Neutrality and the Theory of Economic Policy Revisited. *Computational Economics*. 2006; (28): 91–112.

8. Eggertsson Th. The old theory of economic policy and the new institutionalism. *World Development*. August, 1997; 25(8): 1187–1203.

9. Fenichel E.P., Horan R.D. Tinbergen and tipping points: Could some thresholds be policy-induced? *Journal of Economic Behavior & Organization*. December, 2016; (132): 137–152.

10. Figueroa J.G. Políticas y modelos en Tinbergen y Muth Policies and models Tinbergen and Muth. *Economía Informa*. January-February, 2015; (390): 83–96.

11. Hallett A., Acocella N., Di B.G. Policy games, policy neutrality and Tinbergen controllability under rational expectations. *Journal of Macroeconomics*. March, 2010; 32(1): 55–67.

12. Peña R. Should monetary policy lean against the wind in a small-open economy? Revisiting the Tinbergen rule. *Latin American Journal of Central Banking*. March, 2021; 2(1): 100026.

13. Schader Ch., Lampkin N., Muller A., Stolze M. The role of multi-target policy instruments in agri-environmental policy mixes. *Journal of Environmental Management*. December, 2014; (145): 180–190.

14. Thore S., Tarverdyan R. Chapter Two-Diagnostics for economic and social policy. Measuring Sustainable Development Goals Performance. Elsevier, 2022. Pp. 23–44.

15. Tinbergen J. Economic Policy: Principles and Design North-Holland. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, Chicago: Rand McNally and Company, 1956. 276 p.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 28.01.2024; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted on 10.01.2024; approved after reviewing on 28.01.2024; accepted for publication on 14.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сухарев Олег Сергеевич — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук.

Россия, г. Москва, Нахимовский пр., 32

Oleg S. Sukharev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.

32 Nakhimovskiy ln., Moscow, Russia

Научная статья

УДК 658.7:33

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-20-35

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ «ЗЕЛЕНОГО» РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

*Виктория Андреевна Бондаренко^{1✉}, Наринэ Аркадьевна Дадаян²,
Наталья Владимировна Гузенко³*

*^{1, 2, 3}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия*

*¹b14v@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-2921-7548, AuthorID РИНЦ: 187222,
AuthorID Scopus: 57193857639, WoS Research ID: AAC-8778-2020*

*²narinedadayan@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8218-0903,
AuthorID РИНЦ: 916209, AuthorID Scopus: 57207889755*

*³musamav@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0620-4859, AuthorID РИНЦ: 783633,
AuthorID Scopus: 57567108800, WoS Research ID: AAX-1994-2020*

Аннотация. *Цель исследования* — формулирование и характеристика этапов реализации подхода к оценке «зеленого» развития региона, включающей в себя экономическую, экологическую и социальную составляющие с учетом критического анализа существующих в научной литературе решений.

Методологическая база исследования. *В исследовании отмечается возросшее значение переориентации на «зеленый» формат развития для российских регионов, что предполагает выработку действенной оценки предпринимаемых в них усилий. Данное обстоятельство опосредует учет, помимо экологических или сугубо экономических, а также социальных параметров, осознания управленцами необходимых перемен и вовлечения в них бизнеса и населения. В основу методического аппарата данного исследования положена оценка существующих подходов, их критический анализ в условиях отечественных реалий и вычленение рациональной составляющей, возможной к применению. Предлагается группировка возможных показателей для оценки развития региона в части экономической, экологической и социальной составляющих, а также потенциала создания инновационных продуктов.*

Результаты исследования. *Обосновано сочетание моделей «3Р»: «People, Profit, Planet» (Люди, Доходы, Планета) и «Reduce, Reuse, Recycle» (снижение, повторное использование, переработка) для выработки подхода, полноценно охватывающего социальное, экономическое и экологическое направления и позволяющего реализовывать стратегию развития региона по привлечению инвесторов, вкладывающих средства в экологоориентированные проекты; поощрение возможностей инновационного производства в регионе, поощрение «зеленого» предпринимательства, создания и внедрения «зеленых» инноваций; вовлечение населения в экологоориентированные проекты и формирование системы «зеленых» ценностей.*

Перспективы исследования. *На практике появляется возможность отслеживать развитие ситуации в части «зеленой» перестройки в регионе за счет сравнения динамики показателей, характеризующих его экономическое, социальное и экологическое состояние,*

готовность и возможности к созданию инноваций, а также количество привлеченных инвесторов и объем инвестиций в социально- и экологоориентированные проекты в регионе; количество таких реализованных проектов; число инновационных проектов за указанный временной интервал с наличием в них «зеленых» инноваций, что дает возможность своевременной коррекции стратегических инициатив экологических преобразований региональной экономики.

Оригинальность/значение. Исследование позволяет уточнить варианты коррекции регионального развития в нацеленности на достижение экономических, экологических и социальных результатов, основывающиеся на анализе ряда показателей, характеризующих объективно проявившуюся в регионе позицию за ряд лет. Обоснован комплексный подход, который дает возможность оценить демографическое благополучие в регионе, количество инноваторов и число производств, использующих передовые разработки, а также уровень доходов населения, динамику расходов на экологические инициативы. Отслеживание количества бизнес-проектов в регионе с экологической направленностью, их прирост; инициативы населения в осуществлении экологоориентированных мероприятий и готовность участвовать в волонтерской деятельности и благотворительных проектах с «зеленой» направленностью также дает возможность объективизации текущей ситуации, формирования обоснованного прогноза и корректирующих мероприятий для интенсификации «зеленого перехода» региональной экономики.

Ключевые слова: развитие, регион, показатели, социальные, экологические и экономические приоритеты, подход

Для цитирования: Бондаренко В.А., Дадаян Н.А., Гузенко Н.В. Формирование комплексного подхода к оценке «зеленого» развития региона // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 20–35. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-20-35>.

Original article

FORMATION OF AN INTEGRATED APPROACH TO THE ASSESSMENT OF THE «GREEN» DEVELOPMENT OF THE REGION

Victoria A. Bondarenko^{1✉}, Narine A. Dadayan², Natalia V. Guzenko³

^{1, 2, 3}Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

¹b14v@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-2921-7548, AuthorID RSCI: 187222,

AuthorID Scopus: 57193857639, WoS Research ID: AAC-8778-2020

²narinedadayan@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8218-0903,

AuthorID RSCI: 916209, AuthorID Scopus: 57207889755

³3musamav@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0620-4859, AuthorID RSCI: 783633,

AuthorID Scopus: 57567108800, WoS Research ID: AAX-1994-2020

Abstract. The purpose of the research is to formulate and characterize the stages of implementation of the approach to assessing the «green» development of the region, which includes economic, environmental and social components, taking into account the critical analysis of existing solutions in the scientific literature.

The methodological basis of the research. The study notes the increased importance of reorientation to the «green» format of development for Russian regions, which implies the development

of an effective assessment of the efforts being made in them. This circumstance mediates taking into account, in addition to environmental or purely economic, also social parameters, managers' awareness of the necessary changes and the involvement of business and the population in them. The methodological apparatus of this study is based on the assessment of existing approaches, their critical analysis in the conditions of domestic realities and the identification of a rational component, possibly for use. A grouping of possible indicators is proposed to assess the development of the region in terms of economic, environmental and social components, as well as the potential for creating innovative products.

Results. The combination of «3P» models: «People, Profit, Planet» and «Reduce, Reuse, Recycle» is justified to develop an approach that fully covers social, economic and environmental areas, and allows to implement a strategy for the development of the region to attract investors investing in eco-oriented projects; promotion of innovative production opportunities in the region, promotion of «green» entrepreneurship, creation and implementation of «green» innovations; involvement of the population in eco-oriented projects and the formation of a system of «green» values.

The prospects of the research. The research makes it possible to clarify the formulation of options for correcting regional development aimed at achieving economic, environmental and social results, based on the analysis of a number of indicators characterizing the objectively manifested position in the region over a number of years. A comprehensive approach is justified, which makes it possible to assess the demographic well-being in the region, as well as the number of innovators and the number of enterprises using advanced developments, as well as the level of income of the population, the dynamics of spending on environmental initiatives.

Practical consequences. In practice, it becomes possible to monitor the development of the situation in terms of «green» perestroika in the region by comparing the dynamics of indicators characterizing its economic, social and environmental condition, as well as readiness and opportunities to create innovations, as well as the number of attracted investors and the volume of investments in socially and environmentally oriented projects in the region; the number of such implemented projects; the number of innovative projects for the specified time interval with the presence of «green» innovations in them, which makes it possible to timely correct strategic initiatives of environmental transformations of the regional economy. Tracking the number of business projects in the region with an environmental orientation, their growth; initiatives of the population in the implementation of environmental-oriented activities and willingness to participate in volunteer activities and charity projects with a «green» orientation also makes it possible to objectify the current situation, form a reasonable forecast and corrective measures to intensify the «green transition» of the regional economy.

Keywords: development, region, indicators, social, environmental and economic priorities, approach

For citation: Bondarenko V.A., Dadayan N.A., Guzenko N.V. Formation of an integrated approach to the assessment of the «green» development of the region // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 20–35. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-20-35>.

Введение. «Зеленому» развитию регионов России придается большое значение, обусловливаемое необходимостью обеспечения качества и продолжительности жизни населения, создания условий комфортной жизнедеятельности будущих поколений.

Подтверждением этого выступают реализуемые на основе принятых документов шаги для стратегического развития в направлении декарбонизации национальной экономики, а именно: система национальных проектов, утверждённая указом Президента РФ

от 7 мая 2018 года №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и скорректированная указом Президента РФ от 21 июля 2020 года №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹; Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года², Указ Президента РФ от 4 ноября 2020 года №666 «О сокращении выбросов парниковых газов»³ и т.д.

В данной связи в настоящее время приоритетными представляются объективизированные оценки, позволяющие проследить изменения в регионах, связанные с переходом от «коричневой» модели развития к «зеленой» [2], демонстрирующие сочетание приоритетов экономического, экологического и социального эволюционирования региональной экономики.

Представленные в научной литературе подходы в большей степени опираются на экологические параметры изменений, экологический менеджмент, экологическую экспертизу и в меньшей степени ориентированы на комплексную оценку, учитывающую предпринимаемые управленческие решения в части, например, управленческой концепции экологического маркетинга, способствующей необходимым преобразованиям. По этой причине считаем актуальным исследование текущего положения дел и формулирование подхода, позволяющего оценивать «зеленое» развитие региона с учетом реализуемой управленческой концепции, ориентированной на рыночные преобразования, нацеленные на социальный, экономический и экологический эффект.

Материалы и методы. В исследовании проблематики, связанной с формулированием комплексного подхода к оценке «зеленого» развития региона, мы опирались на программные документы, определяющие стратегические ориентиры для регионов России в части комфорта и безопасности жизнеде-

ятельности, экологического благополучия, экономического роста. Нами проанализированы приведенные в научной литературе подходы по валидации экономических, экологических и социальных преобразований в регионах в условиях переосмысления подхода к экономической эффективности функционирования. Проведен анализ ключевых для целей исследования статистических показателей, характеризующих текущую и потенциальную к проявлению ситуацию в Ростовской области. Использованы методы сбора, анализа и синтеза информации, включая статистические данные, работы с вторичными данными, построения логических взаимосвязей и формулирование непротиворечивых выводов.

Обсуждение. О смене приоритетов в оценке экономического роста заявляют ученые, аргументирующие превентивное включение в расчеты ряда экологических параметров, таких, например, как снижение вредных выбросов в атмосферу и определение объемов инвестиций, направляемых на разработку инноваций в части минимизации расходования ресурсов и/или энергоэффективных технологий [10; 13; 15].

Такие зарубежные исследователи, как Й. Фернандес, М. Лопес, предлагают на регулярной основе отслеживать государственные расходы и расходы из других источников на борьбу с изменениями климата [14]. Также пул зарубежных ученых отмечает значение первичных условий в регионе и своевременность усилий управленцев по поддержанию текущего уровня благополучия и нивелированию возможных негативных последствий от хозяйственной деятельности [17; 18]. Указанная аргументация подчеркивает значение управленческой концепции, реализуемой в регионе, и готовности расходов на НИОКР, а также необходимости мониторинга ситуации.

Российские специалисты призывают учитывать экологические параметры, поскольку акцент только на валовом региональном про-

1 Указ о национальных целях развития России до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 18.01.2023).

2 Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года [Электронный ресурс]. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026?ysclid=ld1ftk158z491619551> (дата обращения: 12.01.2023).

3 Указ Президента РФ от 4 ноября 2020 года №666 «О сокращении выбросов парниковых газов» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45990> (дата обращения: 12.01.2023).

дукте, например, не позволяет оценивать возможную деградацию в социальной и экологической сферах, которая может в очевидной форме проявиться позже, а на ранней стадии она будет маскироваться экономической результативностью [1; 11].

В научной литературе также представлен подход к расчету Индикатора подлинного прогресса (ИПП), включающему в себя порядка 26 показателей, характеризующих экономическую, экологическую и социальную сферы [3; 7]. Однако далеко не все необходимые для расчетов показатели собираются и анализируются применительно к регионам России, что снижает методические и практические возможности валидации экологического, экономического и социального благополучия региона на базе данного подхода.

Целесообразно также привести подход, разрабатываемый А. Лукиной, которая учитывает параметры экономической устойчивости (финансовая устойчивость, производимый региональный продукт, энергоэффективность работы предприятий), социальной устойчивости (индекс Сена, динамика плотности населения, детской смертности), экологической устойчивости (лесистость, объемы использованной оборотной воды и выбросов в атмосферу загрязняющих веществ) [4; 5].

Полагаем, что приведенные выше подходы представляются значимыми и интересными, но либо опираются на ограниченное количество показателей, не позволяющих получить объективное понимание ситуации, либо не учитывают какую-то из составляющих: экономическую, экологическую и социальную, либо опираются на индикаторы, которые не анализируются в отечественной официальной статистике применительно к региональной экономике. По этой причине для валидации возможностей экономического, социального и экономического развития в конкретном регионе целесообразно исследовать ряд показателей, характеризующих объективно проявившуюся в регионе позицию за ряд лет, которая дает возможность проводить подобную оценку.

Считаем, что обоснованным является подход, который дает возможность оценить демографическое благополучие в регионе, состав населения, количество населения, имеющего высшее образование, количество

молодежи, работающей в регионе, количество инноваторов и число производств, использующих передовые разработки, а также уровень доходов населения. Помимо этого, целесообразно оценивать динамику расходов на экологические инициативы, критерий озеленности, доступность питьевой воды, объема выбросов в атмосферу и образования отходов и т.д.

Результат. Для проведения подобной оценки развития региона в части экономической, экологической и социальной составляющих необходимо разделить соответствующие показатели на указанные направления, а также дополнительно учитывать возможности в регионе создания инновационных продуктов, инновационных преобразований (рисунок 1).

Поясним, что подобное развитие может и должно реализовываться в рамках управленческой концепции экономического маркетинга, сопряженного с нацеленностью на устойчивое развитие, в котором с опорой на маркетинговую методологию подлежат валидации как раз эколого-экономическая, социально-экономическая и социально-экологическая составляющие (представленные на рисунке 1 в виде социального, экономического и экономического направлений), интерпретирующиеся бизнесом в формате концепции «3Р»: «People, Profit, Planet» (Люди, Доходы, Планета), что подчеркивают как отечественные, так и зарубежные исследователи [6; 9; 16].

Полагаем, что необходимо совмещение указанного подхода с принятым в бизнесе рамках формирования «зеленой» экономики, предопределяющего востребованность «зеленых» инноваций: «Reduce, Reuse, Recycle» (снижение, повторное использование, переработка) [12] (рисунок 2).

Для характеристики ситуации в Ростовской области приведем ряд показателей, демонстрирующих нацеленность на улучшение экономической обстановки. Так, на рисунке 3 приведены данные, визуализирующие динамику выбросов в атмосферу от стационарных источников.

Как видим, за представленный временной интервал наблюдается динамика прироста выбросов загрязнений в атмосферу, кото-

рая за период с 2018 по 2020 годы составила более 200%, что свидетельствует о росте производственной активности и необходимости наращивания мероприятий по преодолению негативных последствий для окружающей среды.

Однако следует отметить, что долевое соотношение уловленных и обезвреженных веществ также выросло за данный период (рисунок 4).

За временной период с 2018 по 2020 годы доля уловленных и обезвреженных веществ в общем объеме выбросов от стационарных источников выросла почти на 160%, что существенно, но тем не менее ниже, чем прирост объемов таких выбросов. Значимыми также являются показатели доступности све-

жей воды и расходования оборотной и последовательно используемой воды (рисунок 5).

Доступность свежей воды является ценным ресурсом для Ростовской области. Также положительным трендом можно считать прирост в 2020 году по сравнению с 2018 годом использования объема оборотной воды почти на 7%. Тогда как сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты за указанный временной интервал сократился (рисунок 6).

Как видим на представленном рисунке 6, сокращение сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты в Ростовской области составляет почти 6%.

Значимым представляется также привести аналитические данные, характеризующие

Рис. 1. Группировка возможных показателей для оценки развития региона в части экономической, экологической и социальной составляющих с учетом возможности создания инновационных продуктов⁴

Fig. 1. Grouping of possible indicators to assess the development of the region in terms of economic, environmental and social components, taking into account the possibility of creating innovative products

⁴ Составлено авторами.

Социальная (социально-эко- логическая) сфера в регионе	People (люди): готов- ность сообщества к «зе- леным» преобразова- ниям; запрос на эколо- гические изменения со стороны бизнеса, подде- рживаемые властями	Экологически ориентированная образовательная деятельность, а также маркетинговые коммуника- ции с потребителями, взаимодействие с обществом для поддержания запроса на экологические товары и сервисы, уточнение сложившихся предпочтений и позиционирование компаний и продуктов в необхо- димом формате
Экономическая (социально-экономическая) сфера в регионе	Profit (выгода / доход): получение бизнесом при- были от экологически ориентированного пред- ложения; упрочнение собственных позиций за счет удовлетворения потребностей общества в приобретении экологи- чески ориентированных товаров и сервисов	Ориентация бизнеса (за счет как требований на за- конодательном уровне, так и общественного запро- са) на выведение на рынок продукции, отвечающей по своим экологическим параметрам потребностям устойчивого развития (продукции, в которой мини- мизировано антропогенное воздействие на окружа- ющую среду на всех стадиях жизненного цикла); позиционирование производителя и его продукции, как разделяющего и пропагандирующего экологи- ческие ценности; вовлеченного в «зеленые» преоб- разования, осуществляющего превентивные меры по защите окружающей среды и объеме, превышающем формальные требования (что отражается на особен- ностях места производства, кадровой политике, ком- муникациях, сырье, упаковке, подходу к использова- нию и/или ликвидации отходов и т.д.)
Экологическая (эколого-экономическая) сфера в регионе	Planet (планета): вовлече- ние населения и бизнеса в следование экологичес- ким ценностям; обнов- ленные бизнес-модели и бизнес-процессы замкну- того цикла, обеспечива- ющие снижение нагрузки без потери качества пот- ребления и возможностей деловой активности	Привлечение инвестиций со стороны бизнеса и учас- тия населения в экологически ориентированных пре- образованиях, что возможно за счет трансформации системы ценностей для потребителей, формирующих спрос, в т. ч. на «зеленые» инновации, так и для биз- неса, реализующего деловую активность не только с ориентацией на выгоду, а изначально закладывающего в параметры собственной деятельности социальные и экологические критерии эффективности; коммуника- ционное и ресурсное обеспечение возможностей для возможностей устойчивого функционирования
Сфера обеспечения инновационного развития (включая «зеленые» инновации)	В рамках общего инно- вационного развития в регионе наращивание такого направления, как «зеленые инновации» «Reduce, Reuse, Recycle (снижение, повторное использование, перера- ботка)	Планомерная работа в рамках маркетинговой стра- тегии развития региона по привлечению инвесто- ров, вкладывающих средства в экологоориентиро- ванные проекты; поощрение возможностей иннова- ционного производства в регионе, поощрение «зе- леного» предпринимательства, создания и внедре- ния «зеленых» инноваций; вовлечение населения в экологоориентированные проекты и формирование системы «зеленых» ценностей

Рис. 2. Составляющие обеспечения «зеленого» развития региона
в рамках целевых установок экологического маркетинга⁵

Fig. 2. Components of ensuring «green» development of the region
within the framework of environmental marketing targets

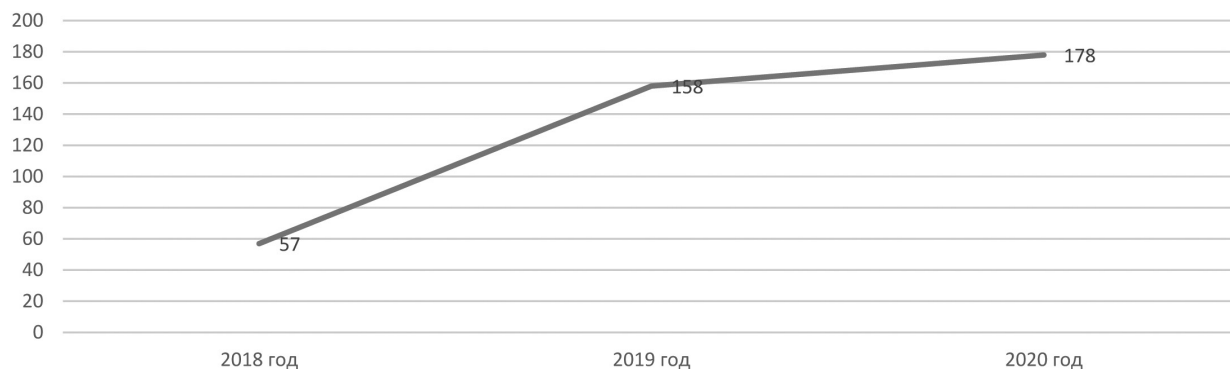

Рис. 3. Динамика выбросов в атмосферный воздух от стационарных источников в 2018–2020 гг. в Ростовской области, тыс. тонн [8]

Fig. 3. Dynamics of emissions into the atmospheric air from stationary sources in 2018–2020 in Rostov region, thousand tons

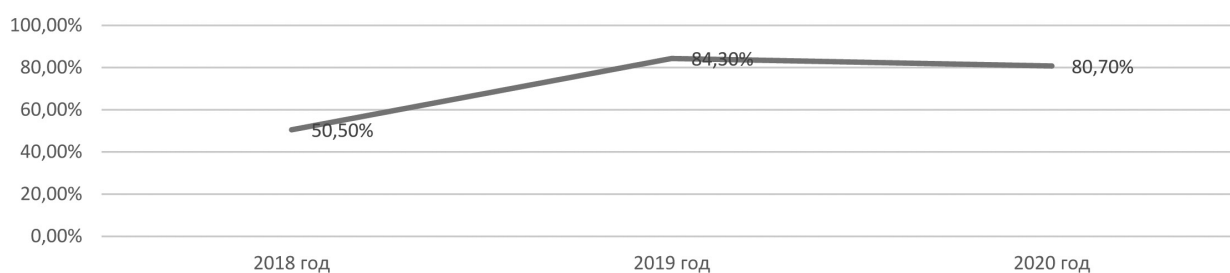

Рис. 4. Динамика доли уловленных и обезвреженных веществ в общем объеме выбросов от стационарных источников в 2018–2020 гг. в Ростовской области, тыс. тонн [8]

Fig. 4. Dynamics of the share of captured and neutralized substances in the total volume of emissions from stationary sources in 2018–2020 in the Rostov region, thousand tons

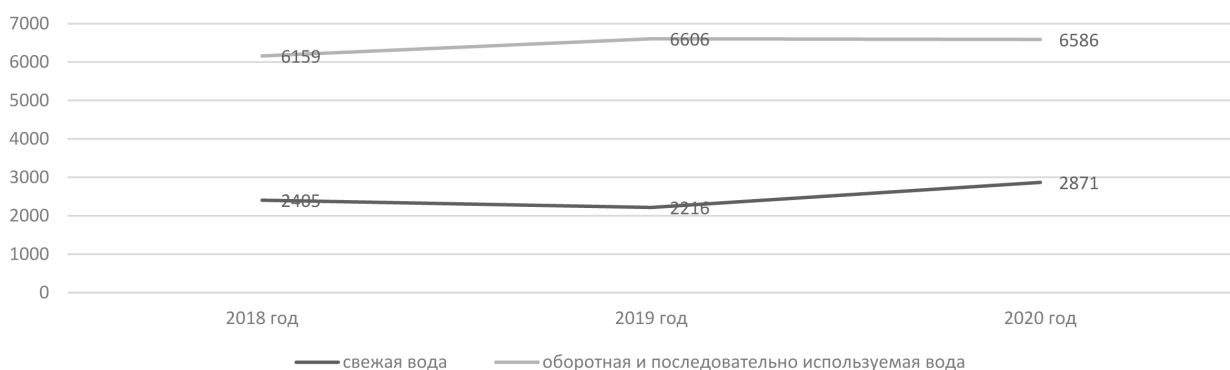

Рис. 5. Динамика использования свежей и оборотной воды в Ростовской области в 2018–2020 гг., млн кубических метров [8]

Fig. 5. Dynamics of fresh and recycled water use in Rostov region in 2018–2020, million cubic meters

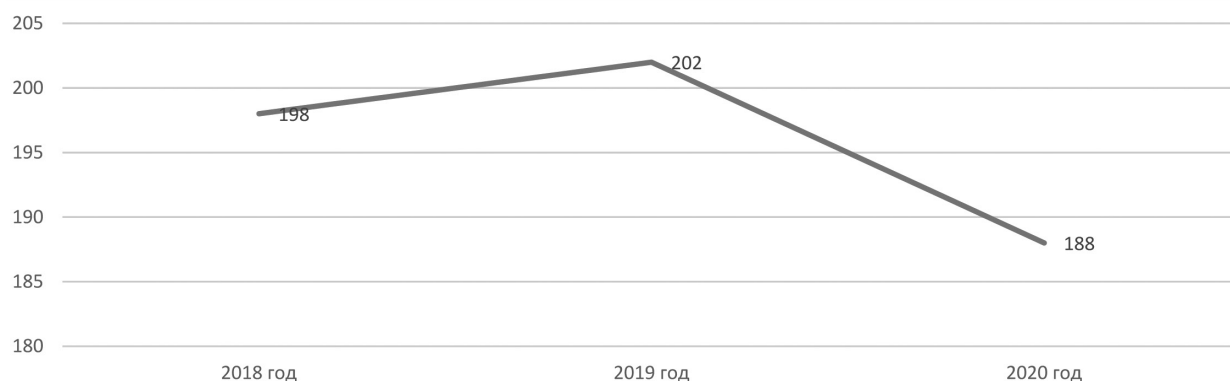

Рис. 6. Динамика сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты в Ростовской области в 2018–2020 гг., млн кубических метров [8]

Fig. 6. Dynamics of polluted wastewater discharge to surface water bodies in Rostov region in 2018–2020, million cubic meters

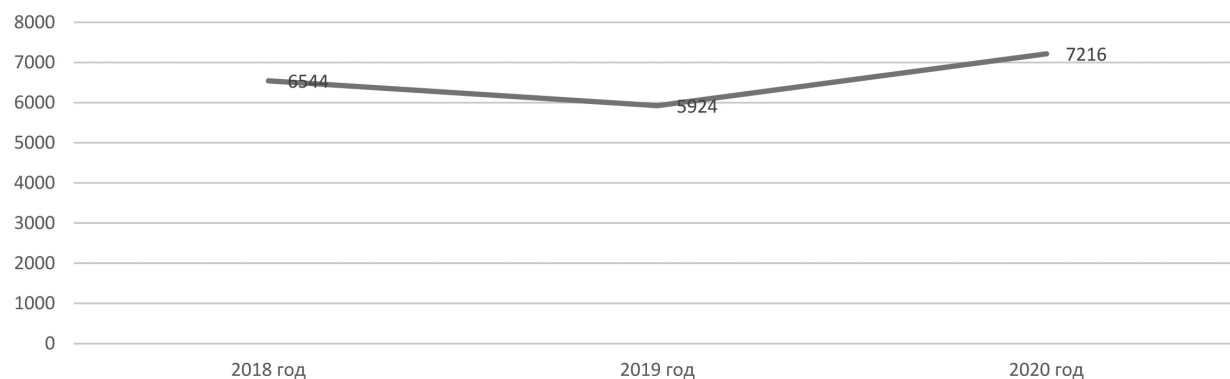

Рис. 7. Динамика расходов на охрану окружающей среды в Ростовской области в 2018–2020 гг., млн руб. [8]

Fig. 7. Dynamics of environmental protection expenditures in the Rostov region in 2018–2020, mln RUB

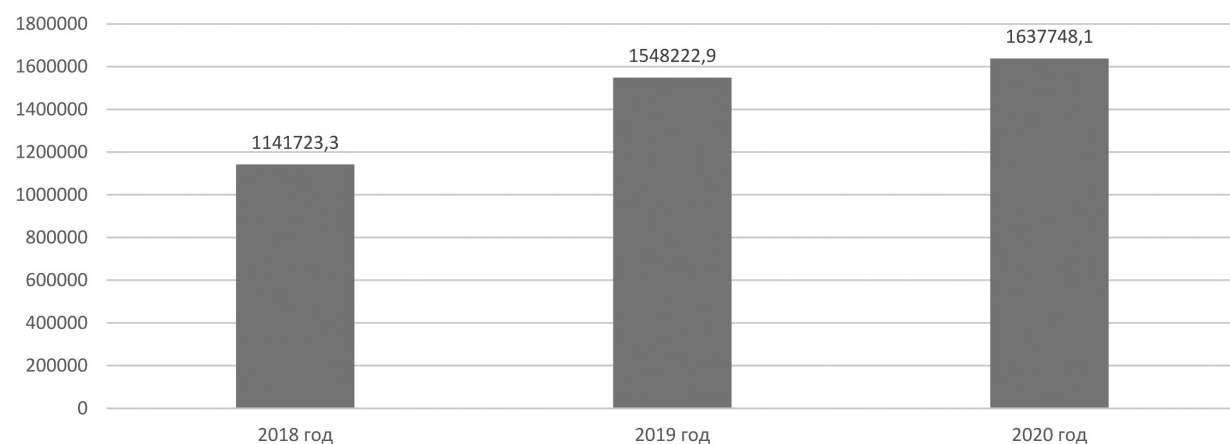

Рис. 8. Динамика валового регионального продукта в Ростовской области в 2018–2020 гг., млн руб. [8]

Fig. 8. Dynamics of Gross Regional Product in the Rostov region in 2018–2020, mln RUB

динамику расходов на охрану окружающей среды (рисунок 7).

Можно констатировать, что расходы на охрану окружающей среды в Ростовской области выросли за указанный период более чем на 9%. Однако, данный рост не представляется таким значительным на фоне динамики валового регионального продукта за тот же период (рисунок 8).

Согласно приведенным исследовательским данным, валовый региональный продукт за указанный период вырос на более чем 43%, а долевое участие в нем расходов на защиту окружающей среды, соответственно, сократилось (рисунок 9).

В качестве промежуточного вывода можно заключить, что расходы на защиту окружающей среды в регионе должны быть увеличены в аспекте нацеленности на устойчивое развитие и построение «зеленой» экономики, чему в свою очередь должен способствовать экологический маркетинг. Имеется в виду то, что помимо государственных расходов следует вовлекать внутренних и внешних инвесторов, а также деловое сообщество в вопросы финансирования природоохранных мероприятий. Не менее значимым является масштабное вовлечение населения в различные мероприятия, которые могут способствовать нормализации экологической ситуации, в том числе в формате волонтерского движения.

Поскольку становление «зеленой» экономики и внедрение «зеленых» инноваций зависят от возможностей инновационного обеспечения в регионе, то целесообразно проанализировать ситуацию по динамике

кадров, занятых в создании инноваций и расходах на НИОКР (рисунок 10).

Как видим, если сравнивать показатели 2018 и 2020 годов, то можно отметить, что расходы на НИОКР выросли на 12,9%, тогда как рост количества персонала увеличился менее чем на 2%. Приведенные данные свидетельствуют о необходимости роста вовлеченности населения и привлечения исследователей в создание передовых разработок, что окажет положительное влияние и на создание «зеленых» инноваций, позволяющих бизнесу быть энергоэффективным и применять ресурсосберегающие технологии при выведении продукции и удовлетворении потребительского спроса. Необходим также приток средств в создание инноваций, что вновь актуализирует вопрос привлечения инвесторов.

Продemonстрируем также аналитические данные относительно присутствия инновационных товаров и услуг в общем объеме отгруженной предприятиями продукции (рисунок 11).

Как видим, по данному показателю за указанный временной интервал отмечается прирост, однако, исходя из собираемых и анализируемых статистических данных, проблематично сделать вывод относительно присутствия в общем объеме инновационной продукции «зеленых» инноваций.

Соответственно, возвращаясь к вопросу оценки развития региональной экономики под влиянием экологического маркетинга с точки зрения следования приоритетам устойчивости и экологической, «зеленой» ориентации, целесообразно подчеркнуть, что представленные

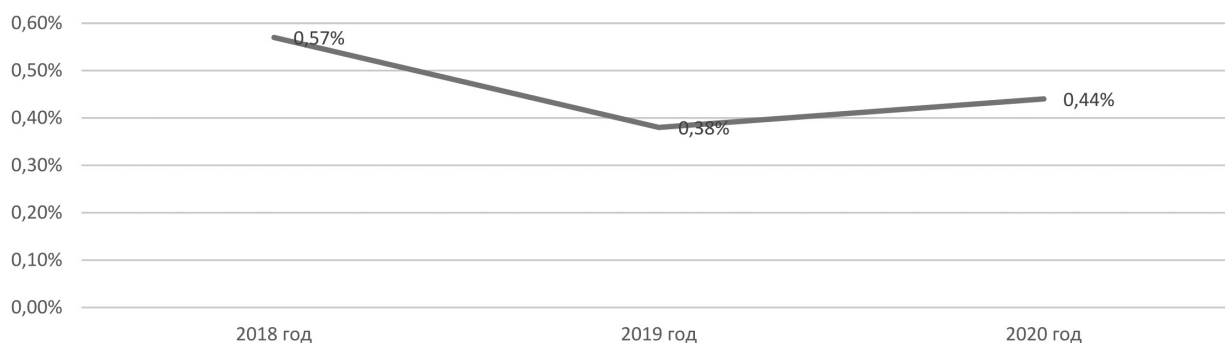

Рис. 9. Динамика долевого участия расходов на защиту окружающей среды в валовом региональном продукте в Ростовской области в 2018–2020 гг., % [8]

Fig. 9. Dynamics of the share of environmental protection expenditures in the Gross Regional Product in Rostov region in 2018–2020, %

выше подходы и собираемые статистические данные не позволяют сделать однозначные выводы в данном вопросе.

Считаем, что необходимо отслеживать развитие ситуации в регионе за счет сравнения динамики показателей, характеризующих его экономическое, социальное и экологическое состояние, а также готовность и возможности к созданию инноваций. Кроме того, необходимо за определенные промежутки времени, например календарный год, сравнивать

количество привлеченных инвесторов и объем инвестиций в социально- и экологоориентированные проекты в регионе, количество таких реализованных проектов, число инновационных проектов за указанный временной интервал с наличием в них «зеленых» инноваций. В целом подход к отслеживанию такого развития региона может быть визуализирован следующим образом (рисунок 12).

В рамках предложенного подхода значимым является формулирование вариантов

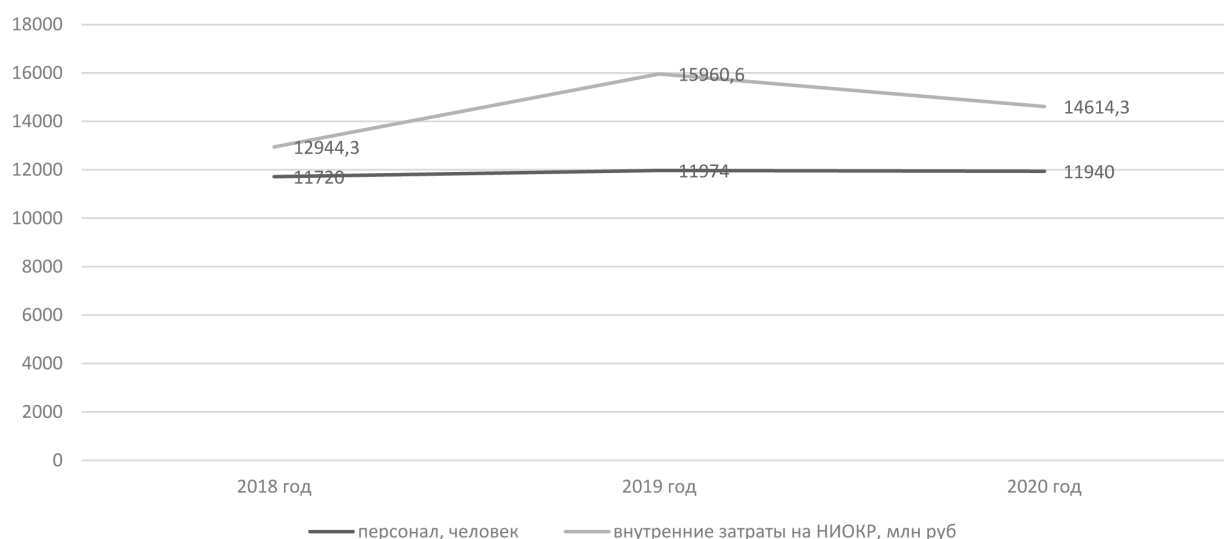

Рис. 10. Динамика количества персонала, задействованного в научных исследованиях и разработках (человек), и расходов организаций на НИОКР (млн руб.) в Ростовской области в 2018–2020 гг. [8]

Fig. 10. Dynamics of the number of personnel involved in R&D (persons) and organizations' expenditures on R&D (million rubles) in the Rostov region in 2018–2020

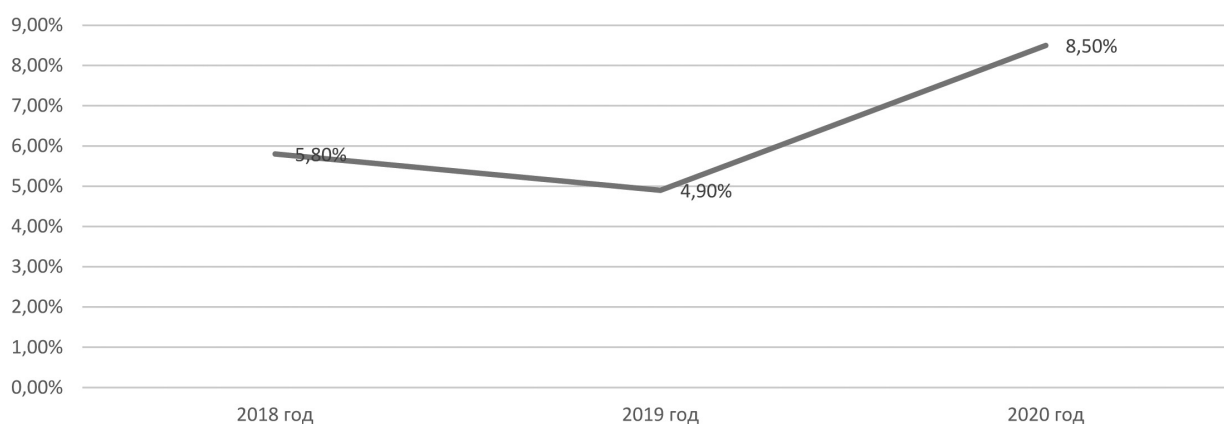

Рис. 11. Динамика долевого участия инновационных товаров и услуг в общем объеме отгруженной продукции в Ростовской области в 2018–2020 гг., % [8]

Fig. 11. Dynamics of the share of innovative goods and services in the total volume of shipped products in the Rostov region in 2018–2020, %

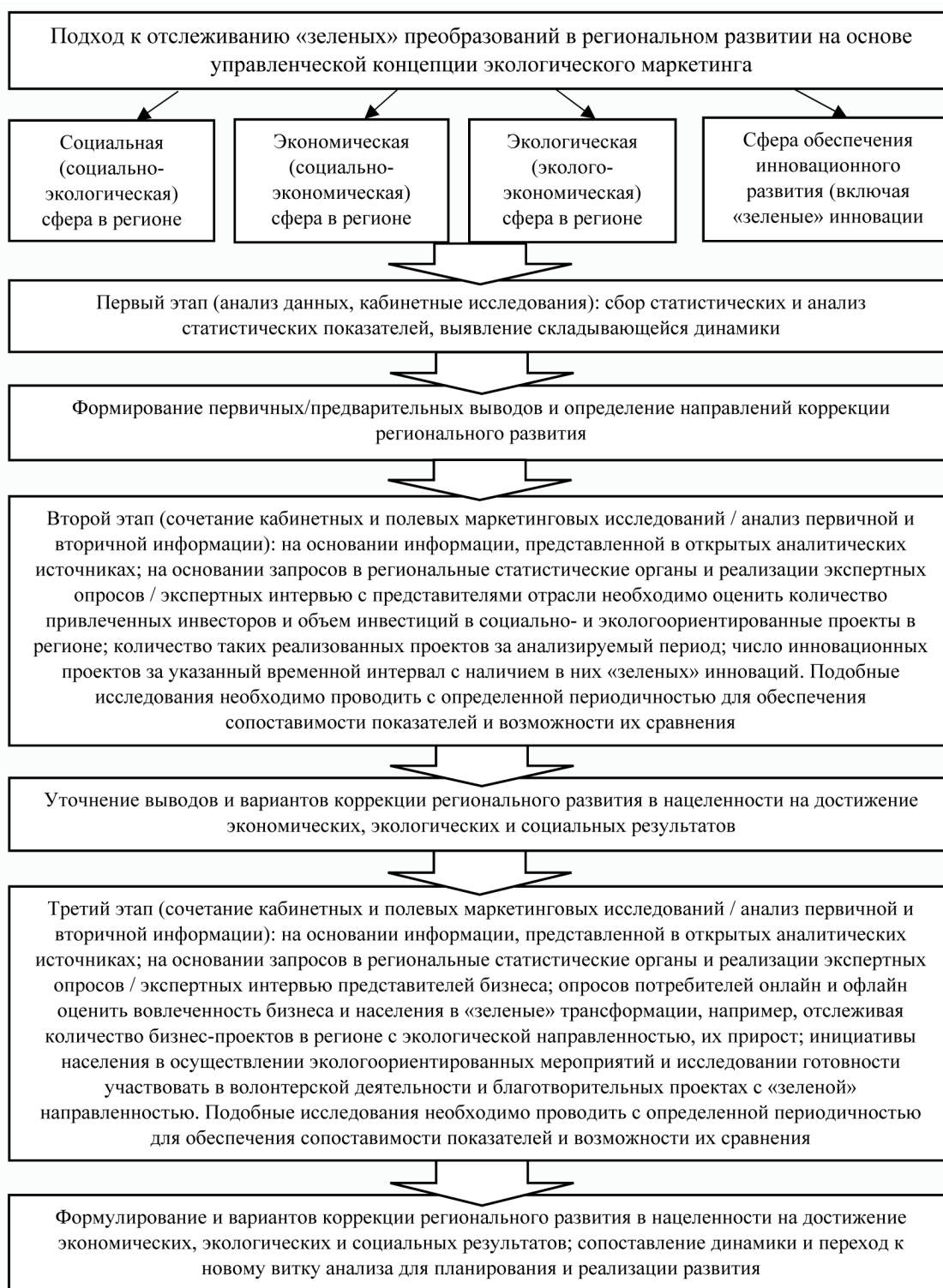

Рис. 12. Подход к отслеживанию, уточнению текущего состояния и планированию «зеленых» преобразований в региональном развитии на основе управленческой концепции экологического маркетинга⁶

Fig. 12. Approach to tracking, clarification of the current state and planning of «green» transformations in regional development based on the management concept of environmental marketing

⁶ Разработано авторами.

коррекции регионального развития в нацеленности на достижение экономических, экологических и социальных результатов.

Заключение. В оценке приоритетов «зеленого» развития определенного региона необходимо опираться на показатели, характеризующие объективно проявившуюся в регионе позицию за ряд лет, которая способствует проведению подобной валидации. Обоснованным является комплексный подход, который дает возможность оценить демографическое благополучие в регионе, количество инноваторов и число производств, использующих передовые разработки, а также уровень доходов населения. Помимо этого, целесообразно оценивать динамику расходов на экологические инициативы. Анализ статистических показателей необходимо дополнять результатами проводимых на регулярной основе эмпирических исследований, позволяющих определять вовлеченность бизнеса и населения в «зеленые» трансформации. Необходимо также на основе оценки первичной и вторичной информации отслеживать количество бизнес-проектов в регионе с экологической направленностью, их прирост, инициативы населения в осуществлении экологоориентированных мероприятий и готовность участвовать в волонтерской деятельности и благотворительных проектах с «зеленой» направленностью. Это позволяет нам определить спектр будущих научных исследований — анализ кейсов экологических преобразований в регионах и уточнение вовлеченности бизнеса и населения в данные инициативы для понимания перспектив наращивания спроса и предложения «зеленых» товаров и сервисов.

Список источников

1. Бобылев С.Н., Минаков В.С., Соловьева С.В., Третьяков В.В. Эколого-экономический индекс регионов РФ. Методика и показатели для расчета / Под ред. А.Я. Резниченко, Е.А. Шварц, А.И. Постнова. М.: WWF, Россия, РИА Новости, 2012. 147 с.
2. Бондаренко В.А., Ефременко И.Н., Гузенко Н.В. Вопросы теоретического обоснования становления зеленой экономики и ее перспективы для России // Финансовые исследования. 2019. №2(63). С. 23–31.
3. Данилишин Б.М., Веклич О.А. Индикатор подлинного прогресса как адекватный макроэкономический показатель общественного благосостояния // Проблемы прогнозирования. 2010. №6. С. 103–112.
4. Лукина А.В. Методологические подходы к кластеризации и ранжированию устойчивости субъектов Российской Федерации. М.: Институт МИРБИС, 2014. 175 с.
5. Лукина А.В. Сравнительный анализ подходов к оценке устойчивости регионов России // Друкеровский вестник. 2017. №3. С. 154–162.
6. Пржедецкая Н.В., Разинкова Т.И. Маркетинг устойчивости в развитии сферы агропромышленного производства // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2022. №4(80). С. 149–155. DOI: 10.54220/v.rstue.1991-0533.2023.80.4.022.
7. Пыжев А.И., Пыжева Ю.И., Зандер Е.В. Оценка истинного показателя прогресса Красноярского края // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2014. №10. С. 1630–1637.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Статистический сборник. М.: Росстат, 2021. 1112 с.
9. Скоробогатых И.И., Лукина А.В., Мусатова Ж.Б. Концепция устойчивого маркетинга // Вестник РЭУ. 2013. №4. С. 5–17.
10. Третьякова Е.А. Экологическая интенсивность экономического развития регионов Северо-Запада // Балтийский регион. 2019. Т. 11. №1. С. 14–28.
11. Яковлева Е.А. Региональные проблемы реализации концепции «зеленого» развития (на материалах регионов Центрального федерального округа России [Электронный ресурс] // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. ISSN 1999–2645. №3(59). Номер статьи: 5920. Дата публикации: 04.09.2019. URL: <https://eee-region.ru/article/5920/>.
12. Bourguignon D. Closing the loop: new circular economy package. Brussels: European Parliament, 2016. 9 p.
13. Henderson H. Growing the green economy — globally // International Journal Green Economics. 2007. Vol. 1. №3/4. Pp. 276–298.
14. Fernández Y.F., López M.A., Blanco B.O. Innovation for sustainability: the impact of R&D spending on CO2 emissions // Journal

of Cleaner Production. 2018. Vol. 172. №1. Pp.3459–3467.

15. Morssy A. Green Growth, Innovation and Sustainable Development // International Journal of Environment and Sustainability. 2012. Vol. 1. №3. Pp. 38–52.

16. Planet People Profit — ESG [Electronic resource]. URL: <https://www.esgthereport.com/planet-people-profit/> (date accessed: 12.12.2022).

17. Smulders S., Toman M., Withagen C. Growth theory and «green growth»// Oxford Review of Economic Policy. 2014. Vol.30. №3. Pp. 423–446.

18. Tantau A.D., Maassen M.A. Fratila L. Models for Analyzing the Dependencies between Indicators for a Circular Economy in the European Union // Sustainability. 2018. №10. P. 2141.

References

1. Bobylev S.N., Minakov V.S., Solov'eva S. V., Tret'yakov V.V. Jekologo-jekonomicheskij indeks regionov RF. Metodika i pokazateli dlja rascheta [Ecological and economic index of the regions of the Russian Federation. Methodology and indicators for calculation]. Pod red. A. Ja. Reznichenko, E.A. Shvarc, A.I. Postnova [In A. Ya. Reznichenko, E.A. Schwartz, A.I. Postnova (eds.)]. Moscow: WWF, Rossiya, RIA Novosti, 2012. 147 p. (In Russ.).

2. Bondarenko V.A., Efremenko I.N., Guzenko N.V. Voprosy teoreticheskogo obosnovaniya stanovleniya zelenoj jekonomiki i ee perspektivy dlja Rossii [Issues of theoretical substantiation of the formation of the green economy and its prospects for Russia]. *Finansovye issledovaniya* [Financial research]. 2019; 2(63): 23–31. (In Russ.).

3. Danilishin B.M., Veklich O.A. Indikator podlinnogo progressa kak adekvatnyj makroekonomicheskij pokazatel' obshhestvennogo blagosostojaniya [Indicator of genuine progress as an adequate macroeconomic indicator of public welfare]. *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting problems]. 2010; (6): 103–112. (In Russ.).

4. Lukina A. V. Metodologicheskie podhody k klasterizacii i ranzhirovaniyu ustojchivosti sub'ektov Rossijskoj Federacii [Methodological approaches to clustering and ranking the sustainability of the subjects of the Russian Fed-

eration]. Moscow: Institut MIRBIS, 2014. 175 p. (In Russ.).

5. Lukina A.V. Sravnitel'nyj analiz podhodov k ocenke ustojchivosti regionov Rossii [Comparative analysis of approaches to assessing the sustainability of Russian regions]. *Drukerovskij vestnik* [Drucker's Bulletin]. 2017; (3): 154–162. (In Russ.).

6. Przhedekaja N.V., Razinkova T.I. Marketing ustojchivosti v razvitii sfery agropromyshlennogo proizvodstva [Sustainability marketing in the development of agro-industrial production]. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta (RINH)* [Bulletin of the Rostov State University of Economics (RSUE)]. 2022; 4(80): 149–155. DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2023.80.4.022. (In Russ.).

7. Pyzhev A.I., Pyzheva Ju. I., Zander E.V. Ocenka istinnogo pokazatelja progressa Krasnojarskogo kraja [Assessment of the true progress indicator of the Krasnoyarsk Territory]. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki* [Journal SFU. Humanities]. 2014; (10): 1630–1637. (In Russ.).

8. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2021: Statisticheskij sbornik [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2021: Statistical collection]. Moscow: Rosstat, 2021. 1112 p. (In Russ.).

9. Skorobogatyh I.I., Lukina A.V., Musatova Zh. B. Konceptija ustojchivogo marketinga [The concept of sustainable marketing]. *Vestnik RJeU* [Bulletin of the Russian University of Economics]. 2013; (4): 5–17. (In Russ.).

10. Tret'yakova E.A. Jekologicheskaja intensivnost' jekonomicheskogo razvitija regionov Severo-Zapada [Ecological intensity of economic development of the regions of the North-West]. *Baltijskij region* [Baltic region]. 2019; 11(1): 14–28. (In Russ.).

11. Jakovleva E.A. Regional'nye problemy realizacii koncepcii «zelenogo» razvitija (na materialah regionov Central'nogo federal'nogo okruga Rossii) [Regional problems of the implementation of the concept of «green» development (based on the materials of the regions of the Central Federal District of Russia)] [Elektronnyj resurs]. *Regional'naja jekonomika i upravlenie: jelektronnyj nauchnyj zhurnal* [Regional Economics and Management: electronic scientific journal]. ISSN 1999–2645. №3(59). Nomer stat'i: 5920. Data publikacii: 04.09.2019. URL: <https://eee-region.ru/article/5920/>. (In Russ.).

12. Bourguignon D. Closing the loop: new circular economy package. Brussels: European Parliament, 2016. 9 p.

13. Henderson H. Growing the green economy — globally // *International Journal Green Economics*. 2007; 1(3/4): 276–298.

14. Fernández Y.F., López M.A., Blanco B.O. Innovation for sustainability: the impact of R&D spending on CO2 emissions // *Journal of Cleaner Production*. 2018; 172(1): 3459–3467.

15. Morssy A. Green Growth, Innovation and Sustainable Development // *International Journal of Environment and Sustainability*. 2012; 1(3): 38-52.

16. Planet People Profit — ESG [Electronic resource]. URL: <https://www.esgthereport.com/planet-people-profit/> (date accessed: 12.12.2022).

17. Smulders S., Toman M., Withagen C. Growth theory and «green growth» // *Oxford Review of Economic Policy*. 2014; 30(3): 423–446.

18. Tantau A.D., Maassen M.A. Fratila L. Models for Analyzing the Dependencies between Indicators for a Circular Economy in the European Union // *Sustainability*. 2018; (10): 2141.

Статья поступила в редакцию 25.12.2023; одобрена после рецензирования 21.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted on 25.12.2023; approved after reviewing on 21.01.2024; accepted for publication on 12.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондаренко Виктория Андреевна — доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Victoria A. Bondarenko — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rostov State University of Economics (RSUE).

69 B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Дадаян Наринэ Аркадьевна — доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Narine A. Dadayan — Associate Professor, Rostov State University of Economics (RSUE).

69 B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Гузенко Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Natalia V. Guzenko — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Rostov State University of Economics (RSUE).

69 B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Бондаренко В. А. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Дадаян Н. А. — обработка материала; описание результата; итоговые выводы.

Гузенко Н. В. — развитие методологии; доработка текста; обсуждения, итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Bondarenko V.A. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Dadayan N.A. — processing of the material; description of the results; final conclusions

Guzenko N.V. — development of methodology; follow-on version of the text; ts, discussion, final conclusions.

Научная статья

УДК 005.5

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-36-45

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ РЕМОНТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Валентина Николаевна Гарькуша^{1✉}, Ольга Геннадьевна Переяслова²,
Светлана Александровна Черноусова³

^{1, 2, 3}Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹garkusha_v@yahoo.com[✉], ORCID: 0000-0002-2493-5244

²olga_gennadievna@list.ru, ORCID: 0000-0003-3723-3847,

AuthorID РИНЦ: 567749, WoS Research ID: 4177766, SPIN-код: 7778-3940

³chernousowa.s@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8302-5347

Аннотация. Цель исследования заключается в обосновании авторского подхода к стратегическому управлению инновационным развитием ремонтного предприятия как процессу, формируемому в зависимости от того, являются инновации целью или средством достижения стратегических целей предприятия.

Методологическую базу исследования представляют теория организации, теории менеджмента, в т.ч стратегического и инновационного, теории управленческих решений, теории сбалансированного развития, концепции устойчивого развития, анализируемых под углом зрения взаимодействия организации с внешней средой, и теории экономики отраслевых рынков. Применение этих методов позволяет изучить и обосновать виды, последовательность и содержание этапов стратегического управления в процессе достижения глобальной цели.

Результаты исследования. Одним из важных результатов является выявленное отсутствие цельной и единой системы стратегического планирования и управления в деятельности ремонтных предприятий в целом и инновационным развитием своего потенциала в частности.

Обзор научно-практической литературы показал большое количество мнений специалистов к определению сущности понятий «стратегическое управление» и «управление инновационным развитием», значительно меньше определений сущности понятия «стратегическое управление инновационным потенциалом» и практически отсутствие их в применении к ремонтным предприятиям.

В работе установлены и раскрыты ключевые факторы, которые, по мнению авторов, должны определять систему стратегического управления инновационным потенциалом ремонтных предприятий.

Перспективу исследования составляет возможность обоснования концепции процесса формирования и реализации системы стратегий ремонтного предприятия, состоящая из трех последовательных стадий: подготовка, разработка и реализация стратегии предприятия и определенных этапов, наличие и содержание которых будет определяться исключительной ролью инновационного потенциала: важнейшей стратегической целью или средством достижения целей предприятия.

Ключевые слова: стратегическое планирование и управление, инновационный потенциал, конкурентоспособность, стратегии, программы

Для цитирования: Гарькуша В. Н., Переяслова О. Г., Черноусова С. А. Стратегическое управление инновационным потенциалом ремонтных предприятий // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 36–45. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-36-45>.

Original article

STRATEGIC MANAGEMENT OF INNOVATION POTENTIAL OF REPAIR ENTERPRISES

Valentina.N. Garkusha^{1✉}, Olga G. Pereyaslova², Svetlana A. Chernousova³

^{1, 2, 3}Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

¹garkusha_v@yahoo.com✉, ORCID: 0000-0002-2493-5244

²olga_gennadievna@list.ru, ORCID: 0000-0003-3723-3847,

AuthorID RSCI: 567749, WoS Research ID: 4177766, SPIN-code: 7778-3940

³chernousowa.s@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8302-5347

Abstract. *The purpose of the study is to substantiate the author's approach to the strategic management of the innovative development of a repair enterprise as a process formed depending on whether innovations are the goal or means of achieving the strategic goals of the enterprise.*

The methodological basis of the research is represented by the theory of organization, management theory, including strategic and innovative, theory of management decisions, theory of balanced development, the concept of sustainable development, analyzed from the point of view of the interaction of the organization with the external environment and the theory of economics of industry markets. The use of these methods makes it possible to study and justify the species, the sequence and content of the stages of strategic management in the process of achieving a global goal.

The results of the study. One of the important results is the revealed lack of an integral and unified system of strategic planning and management in the activities of repair enterprises in general, and in particular, the innovative development of their potential.

A review of the scientific and practical literature showed a large number of expert opinions on the definition of the essence of the concepts of «strategic management» and «management of innovative development», there are significantly fewer definitions of the essence of the concept of «strategic management of innovative potential» and practically their absence in application to repair enterprises.

The paper identifies and reveals the key factors that, in the author's opinion, should determine the system of strategic management of the innovative potential of repair enterprises.

The prospect of the study is the possibility of substantiating the concept of the process of forming and implementing a system of strategies for a repair enterprise, consisting of three successive stages: preparation, development and implementation of an enterprise strategy and certain stages, the presence and content of which will be determined by the exclusive role of innovative potential: the most important strategic goal or means of achieving the goals of the enterprise.

Keywords: *strategic planning and management, innovation potential, competitiveness, strategies, programs*

For citation: *Garkusha V.N., Pereyaslova O.G., Chernousova S.A. Strategic management of innovation potential of repair enterprises // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 36–45. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-36-45>.*

Введение. В современных условиях стратегическое управление предприятием необходимо для обеспечения устойчивого развития и удержания достигнутого уровня конкурентоспособности. В научной литературе и практике стратегического управления традиционно сложились определенные этапы этого процесса: анализ организационной среды предприятия, планирование целей стратегических позиций и путей их достижения, деятельность по обоснованию методов реализации стратегических планов, их контроля и мотивации. При этом недостаточно уделяется внимание принципам разработки системы стратегического управления на предприятии определенного вида и масштаба деятельности. Кроме того, в рамках системы стратегического управления предприятием инновационная деятельность рассматривается в качестве одного из важнейших направлений его деятельности, и, как правило, стратегическое управление предприятием и управление инновационным развитием анализируются отдельно. Необходимо отметить, что такой подход характерен для большинства промышленных предприятий — производителей различных товаров и услуг. Что же касается предприятий по ремонту и обслуживанию оборудования, то для них стратегическое планирование и управление деятельностью предприятия и в частности его инновационным развитием до сих пор носит абстрактный характер. Тем более, что ремонтные предприятия, как правило, относятся к малым предприятиям и далеко не всегда обладают профессиональными компетенциями в области стратегического управления, одной стороны, а с другой — располагают финансовыми возможностями для своевременного приобретения новых машин, механизмов и приспособлений, отвечающих высокотехнологичным требованиям ремонта и обслуживания существующей техники у предприятий-заказчиков.

Актуальность исследования обусловлена тем, что на современном этапе развития экономики отрасль ремонта оборудования превращается в одну из динамично развивающихся отраслей, обусловленную потребностью предприятий-заказчиков сосредоточиться на основных бизнес-процессах. Это особенно актуально в условиях импортозамещения и экономических санкций. При этом, для того чтобы ремонтному предприятию быть конкурентоспособным на данном рынке, его ресурсы должны соответствовать потребностям предприятий-заказчиков, которые, как правило, уже имеют достаточно прогрессивную материально-техническую базу. В условиях формирования нового технологического уклада возрастает роль машиностроительного комплекса, от развития которого в значительной степени зависят состояние и рост экономического потенциала Российской Федерации, ее конкурентоспособность на внутреннем и мировом рынках, а также уровень экономической безопасности государства. Большинство предприятий машиностроительного комплекса сегодня оснащены современным высокоточным оборудованием, требующим грамотного квалифицированного ремонта и обслуживания, которые далеко не всегда соответствуют возможностям ремонтных предприятий.

В этой связи необходимо формировать систему стратегического планирования и управления инновационным потенциалом ремонтных предприятий на принципиально новой основе.

Методы и результаты исследования. В основе исследования лежит критический анализ теоретических взглядов учёных по исследуемой проблеме. Для определения разнообразия научных подходов нами рассмотрены определения стратегического управления, представленные в отечественных и зарубежных научных публикациях [2; 5; 6], сущность,

методы и показатели оценки инновационного потенциала, обоснования и выбора инновационной стратегии развития предприятия [1; 4; 7; 9], изучена практика планирования деятельности ремонтных предприятий.

На наш взгляд, стратегическое управление инновационным потенциалом предприятия должно рассматриваться в зависимости от того, являются инновации целью или средством достижения стратегических целей предприятия. Для одних предприятий инновации будут важнейшим элементом общей корпоративной стратегии развития и во всех сферах деятельности будут подчинены стратегическим целям и задачам предприятия в целом, для других они будут являться важнейшей функциональной стратегией, аналогичной остальным, и средством достижения целей и задач развития в определенных направлениях деятельности предприятия. Все будет определяться такими факторами, как:

- система корпоративных целей и ценностей;

- отрасль и сфера функционирования бизнеса, его масштабы (научно-технический уровень производства, темпы обновления продукции);

- потенциал (инновационный, производственный, финансовый и пр.) предприятия, определяющий ключевые компетенции предприятия.

Анализ методологии стратегического управления позволил установить недостаточное использование методологии стратегического планирования и управления на ремонтных, в т. ч. машиностроительных, предприятиях [3; 8; 13]. Система управления ремонтным предприятием, на наш взгляд, должна строиться на стратегическом подходе, который прежде всего учитывает изменения во внешней среде бизнеса и применяет соответствующие ему методы и инструменты управления в области стратегического планирования, организации, мотивации и контроля. Именно такой подход является системным и необходимым в условиях инновационно развивающейся экономики.

Нам представляется, что процесс формирования и реализации системы стратегий ремонтного предприятия традиционно должен состоять из трех последовательных стадий: подготовка, разработка и реализация стра-

тегии предприятия — и следующих этапов: оценка стратегического потенциала сферы бизнеса — ремонтного машиностроительного предприятия; оценка стратегической организационной (внешней и внутренней), а также конкурентной среды предприятия; оценка инновационного производственного потенциала потребителей; формирование стратегического видения и миссии предприятия; идентификация возможностей и стратегических ресурсов для сокращения/ликвидации стратегического целевого разрыва; постановка целей предприятия; выработка вариантов корпоративной (базовой, общей) стратегии сокращения/ликвидации стратегического целевого разрыва; оценка вариантов корпоративной (базовой, общей) стратегии сокращения/ликвидации стратегического целевого разрыва; выбор оптимального варианта корпоративной (базовой, общей) стратегии сокращения/ликвидации стратегического целевого разрыва; формирование, деловых, функциональных и операционных стратегий; воплощение выбранного оптимального варианта общей стратегии и ее составляющих в системе стратегических планов, программ, проектов, мероприятий; контроль реализации общей (базовой) стратегии, деловых, функциональных и операционных стратегий; разработка и осуществление корректирующих действий (рис. 1).

В зависимости от масштабов и дифференциации видов деятельности ремонтного предприятия применение данного процесса формирования и реализации системы стратегий ремонтного предприятия может носить полный или частичный характер. Именно поэтому для малых предприятий, к которым, как правило, относятся ремонтные предприятия, целесообразно ограничиться разработкой единой корпоративной стратегией предприятия на основе инновационного потенциала.

При этом основными принципами, наряду с общеизвестными принципами научности, непрерывности, для эффективного функционирования процесса стратегического управления инновационным потенциалом предприятием необходимо организовать действие следующих основных поддерживающих принципов, обеспечивающих в конечном итоге кумулятивный эффект всей системе стратегического управления предприятием: принцип

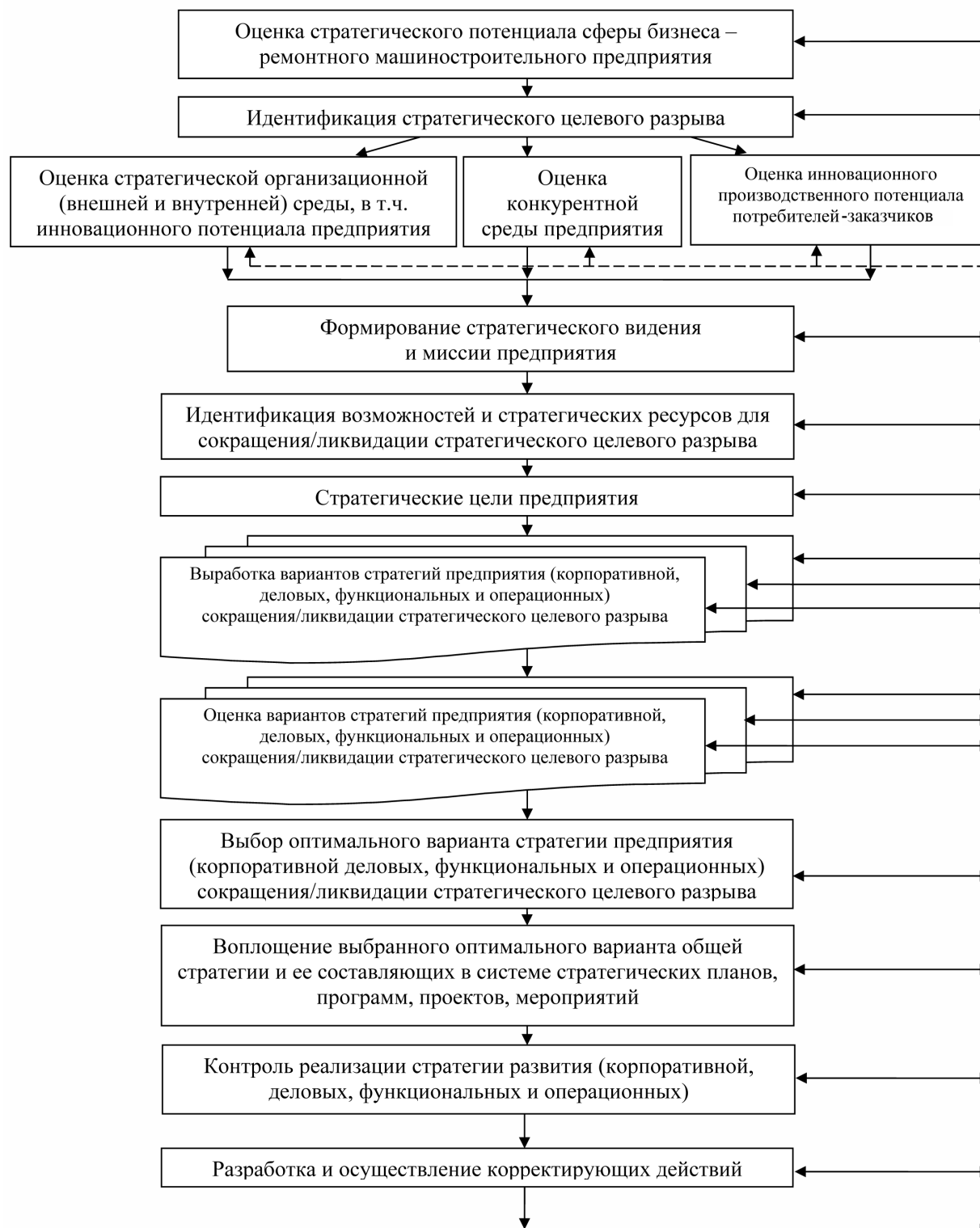

Рис. 1. Процесс формирования и реализации системы стратегий ремонтного предприятия
Fig. 1. The process of forming and implementing a system of strategies for a repair company

комплексности стратегической информации, стратегической гибкости и принцип ценностных установок и компетенций организации, креативности мышления сотрудников, которые чрезвычайно важны в условиях инновационно развивающейся экономики.

Не умаляя важности всех этапов процесса формирования и реализации системы стратегий ремонтного предприятия, остановимся более подробно на этапе оценки инновационного потенциала ремонтного предприятия и соответствии его инновационному потенциалу предприятий-заказчиков. Инновационный потенциал представляет собой сложное и многоаспектное понятие, для оценки которого учеными предлагаются разнообразные методы.

На основе анализа и обобщения мнений различных ученых [10–12] под инновационным потенциалом предприятия мы будем подразумевать совокупность ресурсов, возможностей и способностей, имеющихся у предприятия, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой и внешней средой в определенных организационно-управленческих условиях и обеспечивающих готовность к осуществлению инновационной деятельности в соответствии со стратегическими целями развития предприятия. Уровень инновационного потенциала находится в непостоянной динамике. Изменения могут происходить как в сторону его повышения, так и в сторону снижения. Динамика уровня инновационного потенциала находится под влиянием на него таких факторов, как проведение НИОКР, изменения кадрового состава, изменение уровня технической оснащенности, привлечение финансовых средств, организационной структуры управления предприятием и т.д. Поэтому важно определить не только состав инновационного потенциала, его структуру ремонтного предприятия, но и планировать его изменение в соответствии с предполагаемыми видами ремонтных работ у предприятий-заказчиков. Практика планирования портфеля заказов ремонтных предприятий, как правило, носит краткосрочный характер: чаще всего план формируется на месяц, то есть приходит оборудование (например, двигатели, трансформаторы, катушки, индукторы и т.п.) в ремонт и в зависимости от слож-

ности, выполняемых работ, сроков доставки материалов и формируется план на текущий или на следующий месяц. Формирование ориентировочного текущего плана на год на предприятии осуществляется следующими путями:

— на основе заключения договоров на ремонт определенного оборудования (с определенным количеством и определенной ценой) с теми организациями, у которых сформирован бюджет финансовых средств на ремонт оборудования;

— на основе участия в конкурсе на электронной площадке, по результатам которого заключается договор на ремонт оборудования, но исполнение которого запланировано через несколько месяцев;

— на основе договора с предприятиями на определенную сумму (например, 60 000 тыс. руб. на год) в соответствии с которым на предприятие по мере необходимости привозят оборудование в ремонт в течение года. В случае, если договор исполнен не полностью (например, на 30 000 тыс. руб.), он считается завершенным по истечении года.

Заключение. Такие методы формирования портфеля заказов, основанные на многолетнем опыте работы, длительных производственно-хозяйственных отношениях, позволяют отдельным предприятиям достаточно успешно функционировать на рынке ремонта, например, электрооборудования, но не способствуют устойчивой и динамичной работе предприятия. На наш взгляд, ремонтным предприятиям целесообразно сформировать базу данных предприятий, формирующих планы планово-предупредительного ремонта оборудования, которое предполагается осуществить на специализированном предприятии — ремонтном.

Таким образом, стратегическое планирование и управление деятельностью ремонтного предприятия на основе предлагаемых подходов, на наш взгляд, позволит избежать отказа от определенных заказов в связи с невозможностью их исполнения из-за отсутствия тех или иных ресурсов инновационного потенциала, сократить длительность и стоимость выполняемых работ и услуг, и, как следствие, увеличит долю данного предприятия на рынке ремонта оборудования.

Список источников

1. Ананьева Л.Ю. Стратегия инновационного развития предприятия [Электронный ресурс] // Справочник Автор24. URL: https://spravochnik.ru/innovacionnyy_menedzhment/innovacionnoe_razvitie_predpriyatiya/strategiya_innovacionnogo_razvitiya_predpriyatiya/.

2. Ансофф И. Стратегическое управление [Электронный ресурс]. М.: Экономика, 1989. 519 с. URL: <https://obuchalka.org/strategicheskoe...ansoff-i-1989.html>.

3. Гнитиева Н.С. Тенденции функционирования предприятий ремонтно-обслуживающего производства [Электронный ресурс] // Экономинфо. 2011. №15. С. 17–19. URL: <https://uchimsya.com/a/q5Wk2tbr>.

4. Добрынин Е.И. Системные особенности инновационной стратегии [Электронный ресурс] // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2016. Т. 10. №2. С. 98–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnye-osobennosti-innovatsionnoy-strategii>.

5. Каткало В.С. Эволюция теории стратегического управления: монография [Электронный ресурс] // Высшая школа менеджмента СПбГУ. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Высшая школа менеджмента: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2011. 544 с. URL: <https://rucont.ru/efd/207785/>.

6. Левин А.А. Классификация стратегий развития компаний [Электронный ресурс] // Вопросы студенческой науки. 2019. №6(34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-strategiy-razvitiya-kompaniy>.

7. Мяснянкина О.В. Инновационная стратегия: выбор и условия реализации [Электронный ресурс] // Национальная Ассоциация Ученых. 2020. Т. 1. Вып. 58. С. 19–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-strategiya-razvitiya-predpriyatiya-vybor-i-usloviya-realizatsii/viewer>.

8. Околелова Э.Ю. Механизм управления ремонтным предприятием в условиях рыночной экономики [Электронный ресурс] / Э.Ю. Околелова, Н.С. Гнитиева // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2012. Т. 8. №2. С. 137–140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mechanizm-upravleniya-remontnym-predpriyatiem-v-usloviyah-rynochnoy-ekonomiki?ysclid=lm9ljhs1g9>.

9. Соменкова Н.С. Формирование стратегии инновационного развития промышленного предприятия [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. №1. С. 160–162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-strategii-innovatsionnogo-razvitiya-promyshlennogo-predpriyatiya>.

10. Терехова А.Н. Инновационный потенциал предприятия [Электронный ресурс] // Инновации. Бизнес. Образование: тезисы доклада международной научно-практической конференции. Смоленский институт бизнеса и предпринимательства (Смоленск, 21–22 ноября 2013 г.). Смоленск: Изд-во Смоленского института бизнеса и предпринимательства, 2013. С. 104–108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionno-kreativnyy-potentsial-predpriyatiy-opk-i-fluktuatsionnyy-mehanizm-ego-realizatsii>.

11. Трифилова А.А. Оценка эффективности инновационного развития предприятия. М.: Финансы и статистика, 2005. 301 с.

12. Устинова Л.Н. Инновационный потенциал предприятия: сущность, структура, оценка [Электронный ресурс] / Л.Н. Устинова, Р.М. Сиразетдинов // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. №23. С. 3751–3764. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-potentsial-predpriyatiya-suschnost-struktura-otsenka>.

13. Черяпина А.В. Методические подходы к оценке инновационного потенциала малого промышленного предприятия [Электронный ресурс] // Креативная экономика. 2015. №9(10). С. 1239–1254. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-podhody-k-otsenke-innovatsionnogo-potentsiala-malogo-promyshlennogo-predpriyatiya/viewer>.

References

1. Anan'eva L. Ju. Strategija innovacionnogo razvitija predpriyatija [Strategy of innovative development of the enterprise] [Elektronnyj resurs] // Spravochnik Avtor24. URL: https://spravochnik.ru/innovacionnyy_menedzhment/innovacionnoe_razvitie_predpriyatiya/strategiya_innovacionnogo_razvitiya_predpriyatiya/. (In Russ.).

2. Ansoff I. Strategicheskoe upravlenie [Strategic management] [Elektronnyj resurs]. Moscow: Jekonomika, 1989. 519 p. URL: ht-

[tps://obuchalka.org/strategicheskoe...ansoff-i-1989.html](https://obuchalka.org/strategicheskoe...ansoff-i-1989.html). (In Russ.).

3. Gnatieva N.S. Tendencii funkcionirovaniya predpriyatij remontno-obsluzhivajushhego proizvodstva [Trends in the functioning of repair and maintenance enterprises] [Elektronnyj resurs]. *Jekonominfo* [Econominfo]. 2011; (15): 17–19. URL: <https://uchimsya.com/a/q5Wk2tbr>. (In Russ.).

4. Dobrynin E.I. Sistemnye osobennosti innovacionnoj strategii [System features of the innovation strategy] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik JuUrGU. Serija: Jekonomika i menedzhment* [Bulletin of SUSU. Series: Economics and Management]. 2016; 10(2): 98–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnye-osobennosti-innovatsionnoj-strategii>. (In Russ.).

5. Kat'kalo V.S. Jevoljucija teorii strategicheskogo upravlenija: monografija [Evolution of the theory of strategic management: monograph] [Elektronnyj resurs]. Vysshaja shkola menedzhmenta SPbGU. 2-e izd., ispr. i dop. Saint-Petersburg: Vysshaja shkola menedzhmenta: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 2011. 544 p. URL: <https://rucont.ru/efd/207785/>. (In Russ.).

6. Levin A.A. Klassifikacija strategij razvitiya kompanij [Classification of company development strategies] [Elektronnyj resurs]. *Voprosy studentcheskoj nauki*. 2019; 6(34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-strategiy-razvitiya-kompaniy>. (In Russ.).

7. Mjasnjankina O.V. Innovacionnaja strategija: vybor i uslovija realizacii [Innovative strategy: the choice and conditions of implementation] [Elektronnyj resurs]. *Nacional'naja Associacija Uchenyh* [National Association of Scientists]. 2020; 1(58): 19–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaja-strategiya-razvitiya-predpriyatiya-vybor-i-usloviya-realizatsii/viewer>. (In Russ.).

8. Okolelova Je. Ju. Mehanizm upravlenija remontnym predpriatijem v uslovijah rynochnoj jekonomiki [The mechanism of management of a repair enterprise in a market economy] [Elektronnyj resurs]. Je. Ju. Okolelova, N.S. Gnatieva. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of the Voronezh State Technical University]. 2012; 8(2): 137–140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-upravleniya-remontnym-predpriatijem-v-usloviyah-rynochnoj-ekonomiki?ysclid=lm9ljhs9>. (In Russ.).

9. Somenkova N.S. Formirovanie strategii innovacionnogo razvitiya promyshlennogo predpriyatija [Formation of the strategy of innovative development of an industrial enterprise] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]. 2008; (1): 160–162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-strategii-innovatsionnogo-razvitiya-promyshlennogo-predpriyatiya>. (In Russ.).

10. Terehova A.N. Innovacionnyj potencial predpriyatija [Innovative potential of the enterprise] [Elektronnyj resurs]. Innovacii. Biznes. Obrazovanie: tezisy doklada mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. Smolenskij institut biznesa i predprinimatel'stva (Smolensk, 21–22 nojabrja 2013 g.) [Innovations. Business. Education: abstracts of the report of the international scientific and practical conference. Smolensk Institute of Business and Entrepreneurship (Smolensk, November 21–22, 2013)]. Smolensk: Izd-vo Smolenskogo instituta biznesa i predprinimatel'stva, 2013. Pp. 104–108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionno-kreativnyy-potentsial-predpriyatiy-opk-i-fluktuatsionnyy-mehanizm-ego-realizatsii>. (In Russ.).

11. Trifilova A.A. Ocenka jeffektivnosti innovacionnogo razvitiya predpriyatija [Evaluation of the effectiveness of innovative development of the enterprise]. Moscow: Finansy i statistika, 2005. 301 p. (In Russ.).

12. Ustinova L.N. Innovacionnyj potencial predpriyatija: sushhnost', struktura, ocenka [Innovative potential of the enterprise: essence, structure, assessment] [Elektronnyj resurs]. L.N. Ustinova, R.M. Sirazetdinov. *Rossijskoe predprinimatel'stvo* [Russian entrepreneurship]. 2017; 18(23): 3751–3764. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-potentsial-predpriyatiya-suschnost-struktura-otsenka>. (In Russ.).

13. Cherjapina A.V. Metodicheskie podhody k ocenke innovacionnogo potenciala malogo promyshlennogo predpriyatija [Methodological approaches to assessing the innovative potential of a small industrial enterprise] [Elektronnyj resurs]. *Kreativnaja jekonomika* [Creative economics]. 2015; 9(10): 1239–1254. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-podhody-k-otsenke-innovatsionnogo-potentsiala-malogo-promyshlennogo-predpriyatiya/viewer>. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.12.2023; одобрена после рецензирования 20.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted on 28.12.2023; approved after reviewing on 20.01.2024; accepted for publication on 12.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гарькуша Валентина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова. Автор ряда работ по проблемам планирования, стратегического менеджмента и страхования.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Valentina N. Garkusha — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department «Production and Innovation Management», Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Author of numerous works, dedicated to problems of planning, strategic management and insurance.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Переяслова Ольга Геннадьевна — доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Производственный и инновационный менеджмент», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Olga G. Pereyaslova — Associate Professor, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Production and Innovation Management, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Черноусова Светлана Александровна — старший преподаватель кафедры «Производственный и инновационный менеджмент», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ). Автор работ по внедрению образовательных технологий, инновационной деятельности в образовании.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Svetlana A. Chernousova — Senior Lecturer of the Department «Production and Innovative Management», Platov South Russian State Polytechnical University (NPI). Author of works on the introduction of educational technologies, innovation in education.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 352.071

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-46-56

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Мария Анатольевна Комиссарова^{1✉}, Светлана Николаевна Землякова²

^{1,2}Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹mari543@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-8862-4445,

AuthorID РИНЦ: 348870, AuthorID Scopus: 57000351700

²Zemlyakovasn@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-1745-0863, AuthorID РИНЦ: 714864

Аннотация. Целью исследования является изучение международных тенденций и достижений по цифровизации предприятий агропромышленного комплекса.

Методологическую базу исследования представляют методики, основанные на анализе статистических данных, характеризующих степень внедрения информационно-коммуникационных технологий в отрасли АПК в ряде зарубежных стран, обобщении полезного опыта. К используемым научным методам относятся сравнительный, причинно-следственный и статистический анализ.

Результаты исследования. Одним из приоритетных направлений развития отрасли агропромышленного комплекса является внедрение цифровых технологий, которое позволит автоматизировать работу предприятий, снизить затраты на производство, повысить производительность труда и обеспечить сбыт продукции малым формам хозяйствования наравне с гигантами отрасли по средствам размещения предложений готовой продукции на цифровых площадках, а также овладевать современными цифровыми компетенциями и новейшими технологиями. Авторами обобщен актуальный обзор последних достижений отрасли в зарубежных странах.

Перспективы исследования заключаются в развитии направлений цифровизации отрасли агропромышленного комплекса и применении положительного опыта с целью максимизации прибыли и минимизации связанных с этим затрат.

Ключевые слова: индекс сетевой готовности, агропромышленный комплекс, цифровизация АПК, цифровые компетенции

Для цитирования: Комиссарова М. А., Землякова С. Н. Обзор международного опыта внедрения цифровых технологий на предприятиях агропромышленного комплекса // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 46–56. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-46-56>.

Review article

OVERVIEW OF INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE INTRODUCTION OF DIGITAL TECHNOLOGIES AT THE ENTERPRISES OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Maria A. Komissarova^{1✉}, Svetlana N. Zemlyakova²

^{1,2}Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

¹mari543@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-8862-4445,

AuthorID RSCI: 348870, AuthorID Scopus: 57000351700

²Zemlyakovasn@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-1745-0863, AuthorID RSCI: 714864

Abstract. *The purpose of the research is to study international trends and achievements in digitalization of agro-industrial enterprises.*

The methodological basis of the study is represented by methods based on the method of analyzing statistical data characterizing the degree of implementation of information and communication technologies in the agricultural sector in a number of foreign countries, generalization of useful experience. The scientific methods used include comparative, causal and statistical analysis.

Research result. *One of the priority directions of the development of the agro-industrial complex is the introduction of digital technologies that will automate the work of enterprises, reduce production costs, increase labor productivity and ensure the sale of products to small business entities on a par with the giants of the industry by means of placing offers of finished products on digital platforms, as well as mastering modern digital competencies and the latest technologies. The authors have summarized an up-to-date review of the latest achievements of the industry in foreign countries.*

The prospects of the research *lie in the development of directions of digitalization of the agro-industrial complex and the application of positive experience in order to maximize profits and minimize the associated costs.*

Keywords: *network readiness index, agro-industrial complex, digitalization of agro-industrial complex, digital competencies*

For citation: *Komissarova M. A., Zemlyakova S. N. Overview of international experience in the introduction of digital technologies at the enterprises of the agro-industrial complex // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 46–56. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-46-56>.*

Введение. Совокупность факторов, в том числе и затяжные карантинные меры, вызванные пандемией, определила необходимость перехода от индустриализации экономики к цифровизации, так как в нынешних условиях развития общества информационно-коммуникационные технологии проникли практически во все сферы жизни индивида, а соответственно и в разные сферы экономики, в том числе агропромышленный комплекс (АПК), так как несут в себе ряд до этого

неведомых преимуществ. В данной работе будут освещены наиболее важные достижения внедрения цифровых технологий в различных странах мира и обозначены основные перспективы для дальнейшего развития.

Методика. Методологической основой исследования явились методики, основанные на анализе статистических данных, характеризующих степень сетевой готовности отрасли к процессу цифровизации и внедрения ин-

формационно-коммуникационных технологий в отрасли АПК в ряде зарубежных стран. К используемым научным методам относятся сравнительный, причинно-следственный и статистический анализ.

Зарубежный опыт внедрения цифровых технологий в аграрную сферу широко освещен в работах С.А. Алексеевой, В.А. Войтюк, В.Я. Гольяпина, О.В. Кондратьевой, Н.П. Мишунова, О.А. Моторина, В.Ф. Федоренко, А.Д. Федорова, О.В. Слинько, Е.В. Труфляк, О.Ю. Якимовой.

Результаты. На базе ФГБНУ «Росинформагротех» был проведен анализ интенсивности внедрения цифровых технологий в отрасль АПК в ряде зарубежных стран, который показал средний и высокий уровень их внедрения.

По результатам исследований было установлено, что мировые лидеры в области цифровой промышленности — страны АТР и ЕС, Великобритании, США, Канады. Например, 91 из крупнейших компаний Германии заявили о инвестировании в цифровые фабрики¹. Первенство в индустрии роботизации и печати 3D принадлежит азиатско-тихоокеанским странам и американским странам. Для организации производственных процессов широко применяются технологии промышленной

Интернет-сети вещей, которые часто используются при производстве электронных оборудования и распределенных реестра по планированию ресурсов производственных предприятий², цифровых двойников, а также расширяется спектр областей применения искусственного интеллекта [5].

Вузом Портуланс (Portulans Institute) и Всемирным альянсом информационных технологий и услуг (World Information Technology and Services Alliance) ежегодно рассчитывается индекс сетевой готовности, так как именно способность экономики государства эволюционировать в условиях цифровизации и будет главенствующим аспектом инновационного и технологического потенциала каждого государства в условиях цифровизации бизнеса (табл. 1).

По итогам 13-го Всемирного форума по продовольствию и сельскому хозяйству (19.01.2021 г., Берлин) «...министры сельского хозяйства 74 стран мира договорились использовать цифровые технологии, позволяющие повысить производительность сельскохозяйственного производства при одновременном обеспечении устойчивости, эффективности использования ресурсов, росте занятости и развитии предпринимательства, а также улучшении условий жизни, особенно в сельских районах и разрабо-

Таблица 1
Table 1

Топ-10 стран рейтинга сетевой готовности [3]
Top 10 countries in the network readiness rating [3]

Страна	2021 г.		2020 г.		2019 г.	
	Позиция	Рейтинг, %	Позиция	Рейтинг, %	Позиция	Рейтинг, %
Нидерланды	1	82,06	4	81,37	3	81,78
Швеция	2	81,57	1	82,75	1	82,65
Дания	3	81,24	2	82,19	6	81,08
США	4	81,09	8	78,19	8	80,32
Финляндия	5	80,47	6	80,16	7	50,34
Швейцария	6	80,2	5	80,4	5	81,08
Сингапур	7	80,01	3	81,39	2	82,13

¹ Digital Factories 2020 [Electronic resource] // Shaping the Future of Manufacturing. URL: <https://www.pwc.de/de/digitale-transformation/digital-factories-2020-shaping-the-future-of-manufacturing.pdf> (date accessed: 17.05.2023).

² The Digitalisation of Science, Technology and advanced production [Electronic resource]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/629af843-en/index.html?itemId=/content/component/629af843-en#>> (date accessed: 20.05.2023).

тать концепцию создания Международного совета по цифровым технологиям в области продовольствия и сельского хозяйства (International Digital Council for Food and Agriculture), чтобы помочь каждому использовать возможности, предоставляемые цифровизацией...» [10, с. 23].

Также часть европейских государств подписала Декларацию сотрудничества «Умная и стабильная цифровая перспектива для европейских сельской местности и сельской местности», в которой предусмотрены меры по поддержке успешного цифрового развития европейской сельской местности. Декларация подчеркивает, что потенциал цифровых технологий позволит решать важные, неотложные проблемы экономического, социального, климатического и экологического характера, которые стоят перед аграрным сектором ЕС, его сельских территорий. [1].

PwC Digital IQ было проведено Всемирное исследование и составлен Топ-8 наиболее востребованных цифровых технологий, представленных на рисунке 1.

Лидирующую позицию в рейтинге занимает IoT и искусственный интеллект ввиду перспективности и инвестиционной привлекательности, так как применение этих технологий способно превратить отрасль АПК в высокотехнологичную сферу бизнеса за счет активного роста производительности и сокращения непроизводительных расходов.

В таблице 2 обобщена информационная характеристика ряда зарубежных стран по концептуальным подходам в осуществлении мер цифровизации АПК.

Итак, среди зарубежных стран США занимают лидирующие позиции в цифровой экономике, внедряя цифровые технологии в сельское хозяйство [6]. Государственная политика развития цифровой экономики рассматривает различные сферы цифровой помощи, например, цифровизацию земледелия, цифровое финансовое обслуживание, развитие систем учета, управления данными, расширения информационной поддержки и т.д.

Но наиболее приоритетным направлением является оснащение сельских территорий широкополосным доступом к сети интернет. Распространение интернета на территориях сельских районов является большой важностью для того, чтобы повысить уровень цифровой грамотности и информированности жителей сельских районов. В настоящее время в мире достаточно много бесплатных услуг, благодаря которым фермеры могут получить доступную информацию по погоде, способам борьбы с вредителями и возможным государственным субсидиям.

В процессе развития экономики, постепенного перехода к не прямой поддержке в США особое внимание уделяется образованию, программе подготовки персонала, финансированию научных проектов и поддержке проектов стартапов [2]. К примеру, Научный

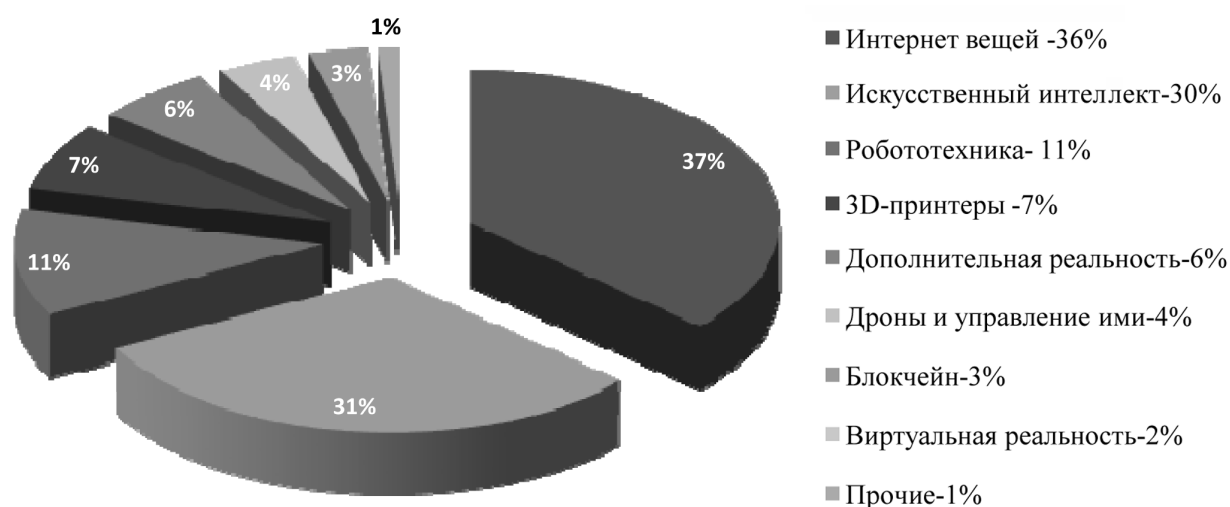

Рис. 1. Топ-8 наиболее востребованных цифровых технологий [3]

Fig. 1. Top 8 most demanded digital technologies [3]

Таблица 2
 Table 2

Концепции цифровизации АПК некоторых зарубежных стран [2]
Concepts of digitalization of the agro-industrial complex of some foreign countries [2]

Приоритетные направления развития АПК	Сфера регулирования и институты	Исследования проводятся на основе	Эффект от применения концепции цифровизации
<i>Соединенные Штаты Америки</i>			
Точное земледелие, цифровые финансовые услуги, развитие системы учета и управления данными, расширение поддержки информационных технологий и др.	Централизованная система сельскохозяйственных исследований, регулируется Национальным институтом продовольствия и сельского хозяйства, подведомственным Департаменту сельского хозяйства США	Посредством предоставления грантов	Страна стабильно занимает лидирующие позиции в международных рейтингах цифровизации 3-е место в глобальном инновационном индексе
<i>Нидерланды</i>			
Оптимизация производственных процессов с помощью цифровых технологий, эффективная логистика и высокая производительность труда	Вагенингенский университет	Идейный центр «пищевая долина»	Мировые лидеры по экспорту продовольственной продукции 1-е место в индексе сетевой готовности государства по итогам 2020 года
<i>Германия</i>			
Реализуются различные опытные решения, например, создание «цифровых полей» и развития цифровой широкополосным интернетом сельской местности	Федеральном министерстве продовольствия и сельского хозяйства и сельского предствителей науки и бизнеса	Экспертные группы при министерстве	12-е место из 176 в Индексе развития информационно-коммуникационных технологий
<i>Израиль</i>			
Главной чертой развития цифровых технологий является междисциплинарный подход при решении проблем конкурентоспособности	Исследовательский центр Вулкани	Активная Государственная поддержка стартапов	Глобальном инновационном индексе страна находится на 15-м месте из 132 стран

Окончание таблицы 2
End of table 2

<i>Польша</i>			
Занимает упрощение бюрократических процедур и повышение эффективности администрирования государственных услуг с помощью применения цифровых технологий		Функционирует единое окно для фермеров, осуществляются меры государственной поддержки сельского хозяйства, косвенно влияющие на повышение уровня цифровой грамотности страны	В Индексе развития электронного правительства страна занимает 24-е место из 193 стран
<i>Чили</i>			
В области государственной поддержки сельского хозяйства является информационной доступность субсидий	Органы государственной власти	Помощь в подборе субсидии, в зависимости от организационной формы ведения фермы и многих других аспектов	Лидер в латино-американском регионе, хотя в Индексе развития ИКТ 56-е место из 176 стран

институт NIFA³ вносит значительное инвестирование в гранты на Исследования по автоматизированному сбору и обработке данных, связанных с влажностью почвы, испарениями, с высокой точностью при принятии решений в фермах для сельского хозяйства и продовольствия, для поддержки исследований на нанотехнологиях, способствующих улучшению производства продуктов, обеспечению устойчивости сельских хозяйств и обеспечению безопасности пищевой продукции [7]. Кроме того, его цель — поддержать инициативы, обеспечивающие на долгосрочную перспективу устойчивое развитие сельского хозяйства, и донести непосредственно до фермеров новые продуктивные методы, методики и технологии, которые они и реализуют в своей практической деятельности.

Еще одним лидером можно назвать Нидерланды, прославившиеся своими достиже-

ниями в тепличном хозяйстве, которое стало, без сомнения, их визитной карточкой. Конвергенция тепличного хозяйства и цифровых технологий привела к максимально благоприятному результату в том, что Нидерланды с небольшой территорией чуть больше 40 тысяч квадратных метров смогли стать самым крупным экспортером продукции сельского хозяйства мира: на одни помидоры в структуре экспорта Голландии приходится почти 2 млрд долл. в год (1,91 млрд долл. согласно данным comtrade.com за 2020 г.). Так в Нидерландах есть отдельный регион, где сосредоточены международные пищевые исследовательские институты, а также Вагенингенский университет⁴ и научно-исследовательский центр сельскохозяйственных знаний. В этой местности в тесном взаимодействии аграрии исследователи вместе работают над инновационными концепциями пищевых продуктов [8].

³ National Institute of Food and Agriculture. U. S. Department of Agriculture NIFA [Electronic resource] // National Institute of Food and Agriculture. URL: <https://www.nifa.usda.gov/>.

⁴ Wageningen Center for Digital Innovation for the Agri-food Industry — WUR [Electronic resource]. URL: <https://www.wur.nl/en/value-creation-cooperation/wageningen-digital-innovation-hub-for-agri-food.htm>.

На ближайший период для отрасли АПК в Нидерландах определены следующие приоритетные направления:

- 1) переориентация агропромышленной системы на инновационные вариации белка для питания животных;
- 2) переход на циркулярную модель для агропромышленного комплекса;
- 3) «умные» и цифровые технологии.

В работе широко применяются искусственный интеллект, проект «цифровые двойники», автономные тракторы, сканирующие дроны, вакцинация животных, светодиодные лампы для теплиц и т.д.

Рассматривая практический опыт в цифровизации АПК Германии, следует отметить направленность государственной политики, которая, как и в США, направлена на покрытие сельских территорий высокоскоростным интернетом. Также с 2020 года Федеральное министерство продовольствия финансирует тестовые «цифровые поля» в агрохолдингах для апробирования различных цифровых технологий и определения наиболее успешного применения инновационных технологий в защите окружающей среды, улучшения качества содержания скота, флоры и фауны местности и снижения нагрузки на персонал аграрной сферы. Основным координатором исследований выступает Баварский государственный институт сельского хозяйства, Институт Юлиуса Кюна [9].

В Израиле следует отметить большую приверженность к стартап-экосистеме страны. Эксперты ее называют «страной стартапов», считают, что она является полноправным мировым лидером по их числу — за прошлые 10 лет их было создано более 20 тысяч. В Израиле широко развита государственная национальная инициатива по развитию потенциала цифровых технологий в интересах экономического роста и сокращения социально-экономических разрывов, а также повышения эффективности, скорости и доступности правительства для граждан. Основополагающую роль в этом процессе играет Научно-исследовательский центр Вулкани⁵. Его исследования включают в себя отрасль «рас-

тениеводство»: разработка новых методов в нем, сельскохозяйственное машиностроение, его модернизацию и цифровизацию для максимального сохранения урожая — активно занимаются защитой растений от насекомых, а также исследованиями почвы и вод также с целью сохранения урожая.

Примерами научно-практических достижений можно выделить разработку Платформы Agritask, которая создана для обеспечения принятия управленческих решений на основе фактического анализа массива данных. На платформе интегрированы технологии и источники данных, на основе которых оцениваются риски, выдаются предупреждения, даются рекомендации и выводы. Еще одним примером выступает единая цифровая племенная книга «Herdbook»: в ней сгруппирована информация о генетических данных, количестве полученного молока, его качестве, способности к воспроизведению и здоровье каждой головы скота.

Характеризуя степень цифровизации АПК Польши, нужно уделить должное внимание сформированной системе электронного взаимодействия государственных органов с сельскохозяйственными товаропроизводителями, которая получила название «Окно для фермеров». Министерство сельского хозяйства и развития сельских районов⁶ в сотрудничестве с Министерством цифровизации на базе электронной платформы напрямую от фермеров получает заявки на оценивание потери урожая от засухи. Нет необходимости задействовать большое количество людей для создания комиссий по оценке ситуации, а информацию получают от Института почвоведения и растениеводства, который на основе радиолокационных данных делает более точное заключение, чем на базе наземных метеостанций, и это тоже инновационный подход в области цифровизации АПК. Таким образом, работа удобной и открытой платформы направлена на упрощение взаимодействия аграриев с органами государственной власти, облегчая выполнение административных процедур и сокращая процессы бюрократических операций.

5 Vulcani Research Center [Electronic resource]. URL: <https://contentland.wixsite.com/agro-consulting/agrotechnologies-israel>.

6 Ministry of Agriculture and Rural Development [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.pl/web/agriculture>.

Наиболее успешным примером в сфере цифровизации АПК среди стран Южной Америки выступает Чили. Важнейшим шагом в сторону цифровизации стало подписание в 2017 году Федерального закона о минимальной скорости интернета к операторам интернет-услуг (Закон №21046). Кроме этого, отметим стремление органов государственной власти в обеспечении информационной доступности услуг для потребителей. Так на сайте Института сельскохозяйственного развития (INDAP) ⁷ по средствам интерактивной системы имеется возможность выделить критерии, в соответствии с которыми будут предложены варианты мер государственной поддержки представителям сферы АПК (финансовая, консультационная, т.д.).

В 2020 году Чили выступила инициатором подписания Соглашения о партнерстве в области цифровой экономики (DEPA) с такими странами, как Сингапур и Новая Зеландия, и установила новые подходы в сотрудничестве в вопросах цифровой торговли, обеспечив безбарьерную электронную торговлю с применением мер защиты персональных данных и надежное партнёрство с учетом защиты прав потребителей.

Заключение. Таким образом, в ряде вышеописанных стран активно ведется политика по широкому распространению и при-

менению возможностей цифровых ресурсов, кроме того, существуют международные объединения и организации в сфере цифровизации АПК на мировом уровне (например, «... Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) совместно с Международным союзом электросвязи (МСЭ), ведущим специализированным учреждением ООН в области информационно-коммуникационных технологий, разработано Руководство по стратегии электронного сельского хозяйства...»⁸), чьи действия направлены на оказание содействия государствам в создании и осуществлении цифровой политики сельского хозяйства.

В портфель цифровых услуг включают: Agri Apps — для Африканских стран совокупность сельскохозяйственных сервисов и цифровая интеграция; Система, характеризующая индикаторы стресса сферы сельского хозяйства (ASIS); Портал открытого доступа к воде (WaPOR); Система, характеризующая данные о землях (Open Foris и Sepal); программа для смартфонов по планированию совещаний, конференций, презентаций (EMA-i); Программа мониторинга ценовой политики в сфере продовольствия (FPMA); Аналитическая платформа по послеуборочным операциям; Эксплуатация БПЛА для борьбы с пустынной саранчой (dLocust); Система наблюдения и ранней профилактики

Рост ВВП региона ЕАЭС за счет инициатив цифровизации, %

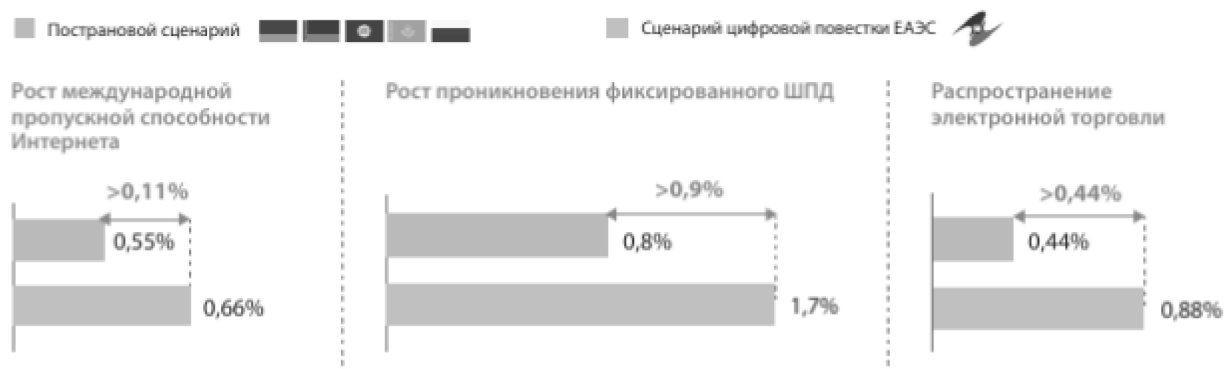

Рис. 2. Анализ потенциального роста ВВП за счет инициатив цифровизации в 2018–2025 гг. [4]

Fig. 2. Analysis of potential GDP growth due to digitalization initiatives in 2018–2025 [4]

⁷ Institute of Agricultural Development (INDAP) [Electronic resource]. URL: <https://www.weadapt.org/organisation/indap>.

⁸ ФАО. 2018. Руководство по стратегии электронного сельского хозяйства [Электронный ресурс]. Будапешт. Лицензия: CC BY-NC-SA 3 IGO. URL: <http://www.fao.org/3/I9515RU/i9515ru.pdf>.

(FAMEWS); «Eyes in the sky» (беспилотники) и т.д. Для стран Европейского союза учрежден отдельно Европейский фонд регионального развития (ERDF), для стран ЕАЭС (Российская Федерация, Беларусь, Казахстан, Армения и Кыргызстан) составлена Цифровая повестка до 2025 года, в которой отражены предложения и возможности развития стран коалиции (рис. 2)

Таким образом, переход от традиционного ведения деятельности в отрасли АПК к цифровой ориентирован на результат по созданию мощного и интеллектуального сообщества агропродовольственного сектора, обладающего здоровой конкурентоспособностью предприятий АПК, более точной обработкой данных и принятию обоснованных управленческих решений, повышению результативности государственного регулирования поддержки АПК, налаживанию прозрачности рынков и производственно-сбытовых цепочек. Однако все это бессмысленно без надлежащего уровня развития традиционного сельского хозяйства.

Список источников

1. Кондратьева О.В. «Умное» растениеводство / О.В. Кондратьева, О.В. Слинко // Аграрная наука — сельскому хозяйству: сборник материалов XV Международной научно-практической конференции. В 2-х кн. Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2020. С. 45–46.
2. Литвиненко И.Л. Влияние инноваций и цифровизации на сельское хозяйство: российский и зарубежный опыт // Инновационное развитие экономики. 2020. №1. С. 19–25.
3. Майорова М.А. Цифровое земледелие в производственно-экономической деятельности предприятий АПК // Теоретическая экономика. 2019. №2. С. 68–71.
4. Международный опыт развития цифровизации в АПК: государственная поддержка, регулирование, практика [Электронный ресурс]. URL: [Mezhdunarodnyy-opyt-razvitiya-tsifrovizatsii-v-APK-gosudarstvennaya-podderzhka-regulirovanie.pdf](#) (дата обращения: 20.05.2023).
5. Мишуров Н.П., Кондратьева О.В., Гольдяпин В.Я., Федоренко В.Ф., Федоров А.Д., Слинко О.В., Войтюк В.А., Моторин О.А., Труфляк Е.В., Алексеева С.А. За-

рубежный опыт цифровизации сельского хозяйства: аналитический обзор. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2022. 224 с.

6. Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации [Электронный ресурс]. URL: [ees.eaeunion.org](#) (дата обращения: 21.05.2023).

7. Романова Л.В. Развитие агропромышленного комплекса в условиях цифровой экономики / Л.В. Романова, И.Г. Шашкова // Фундаментальные исследования. 2020. №11. С. 152–156.

8. Шарапов Ю.В. Инновационные методы цифровой экономики для сельскохозяйственных организаций // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. №7. С. 33–36.

9. Шумакова О.В. Влияние цифровых технологий на повышение сбалансированности взаимоотношений субъектов агропродовольственного рынка / О.В. Шумакова, О.Н. Крюкова // Вестник аграрной науки. 2021. №1(88). С. 143–151.

10. Якимова О.Ю. Цифровизация сельского хозяйства: опыт Европейского союза и России // Контентус. 2020. №1. С. 18–25.

References

1. Kondrat'eva O. V. «Umnoe» rastenievodstvo [«Smart» crop production]. O. V. Kondrat'eva, O. V. Slin'ko. Agrarnaja nauka — sel'skomu hozjajstvu: sbornik materialov XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2-h kn. [Agrarian science — agriculture: collection of materials of the XV International scientific and practical conference. In 2 books]. Barnaul: RIO Altajskogo GAU, 2020. Pp. 45–46. (In Russ.).
2. Litvinenko I.L. Vlijanie innovacij i cifrovizacii na sel'skoe hozjajstvo: rossijskij i zarubezhnyj opyt [The impact of innovation and digitalization on agriculture: Russian and foreign experience]. *Innovacionnoe razvitie jekonomiki* [Innovative development of the economy]. 2020; (1): 19–25. (In Russ.).
3. Majorova M.A. Cifrovoe zemledelie v proizvodstvenno-jekonomicheskoj dejatel'nosti predpriyatij APK [Digital agriculture in the production and economic activity of agricultural enterprises]. *Teoreticheskaja jekonomika* [Theoretical economics]. 2019; (2): 68–71. (In Russ.).

4. Mezhdunarodnyj opyt razvitiya cifrovizatsii v APK: gosudarstvennaya podderzhka, regulirovanie, praktika [International experience in the development of digitalization in agriculture: state support, regulation, practice] [Elektronnyj resurs]. URL: Mezhdunarodnyj-opyt-razvitiya-tsifrovizatsii-v-APK-gosudarstvennaya-podderzhka-regulirovanie.pdf (data obrashheniya: 20.05.2023). (In Russ.).

5. Mishurov N.P., Kondrat'eva O.V., Gol'tjapin V. Ja., Fedorenko V.F., Fedorov A.D., Slin'ko O. V., Vojtjuk V.A., Motorin O.A., Truflyak E.V., Alekseeva S.A. Zarubezhnyj opyt cifrovizatsii sel'skogo hozjajstva: analiticheskij obzor [Foreign experience of digitalization of agriculture: an analytical review]. Moscow: FGBNU «Rosinformagroteh», 2022. 224 p. (In Russ.).

6. Cifrovaja povestka Evrazijskogo jekonomiceskogo sojuza do 2025 goda: perspektivy i rekomendatsii [The digital agenda of the Eurasian Economic Union until 2025: prospects and recommendations] [Elektronnyj resurs]. URL: eec.eaunion.org (data obrashheniya: 21.05.2023). (In Russ.).

7. Romanova L.V. Razvitie agropromyshlennogo kompleksa v usloviyah cifrovoj jekonomiki [Development of the agro-industrial complex in the digital economy]. L.V. Romanova, I.G. Shashkova. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research]. 2020; (11): 152–156. (In Russ.).

8. Sharapov Ju. V. Innovacionnye metody cifrovoj jekonomiki dlja sel'skohozjajstvennyh organizacij [Innovative methods of digital economy for agricultural organizations]. *Voprosy ustojchivogo razvitiya obshhestva* [Issues of sustainable development of society]. 2020; (7): 33–36. (In Russ.).

9. Shumakova O.V. Vlijanie cifrovih tehnologij na povysenie sbalansirovannosti vzaimootnoshenij sub'ektov agropredovol'stvennogo rynka [The influence of digital technologies on improving the balance of relations between subjects of the agro-food market]. O.V. Shumakova, O.N. Krjukova. *Vestnik agrarnoj nauki* [Bulletin of Agrarian Science]. 2021; 1(88): 143–151. (In Russ.).

10. Jakimova O. Ju. Cifrovizatsija sel'skogo hozjajstva: opyt Evropejskogo sojuza i Rossii [Digitalization of agriculture: the experience of the European Union and Russia]. *Kontentus* [Contentus]. 2020; (1): 18–25. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted on 12.01.2024; approved after reviewing on 30.01.2024; accepted for publication on 14.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Комиссарова Мария Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, доцент, заведующая кафедрой «Производственный и инновационный менеджмент», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. Область научных интересов: стратегическое развитие регионов и отраслей, цифровые трансформации в промышленном секторе экономики, промышленная политика в топливно-энергетическом комплексе.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Maria A. Komissarova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Production and Innovation Management, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Research interests: strategic development of regions and industries, digital transformations in the industrial sector of the economy, industrial policy in the fuel and energy complex.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Землякова Светлана Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Производственный и инновационный менеджмент», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ). Область научных интересов: стратегическое развитие регионов и отраслей, использование цифровых технологий в управлении производственными бизнес-процессами, промышленная политика в агропромышленном комплексе.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Svetlana N. Zemlyakova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Production and Innovation Management, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Research interests: strategic development of regions and industries, the use of digital technologies in the management of industrial business processes, industrial policy in the agro-industrial complex.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Комиссарова М. А. — научное руководство; написание исходного текста; доработка текста.

Землякова С. Н. — концепция исследования; написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Komissarova M. A. — scientific management; writing the source text; refinement of the text.

Zemlyakova S. N. — research concept; writing the source text; final conclusions.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY

Научная статья

УДК 351.83

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-57-62

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ НА ТЕРРИТОРИИ РЕГИОНА

Наталья Александровна Левченко

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия
levchenkona@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4016-7881, AuthorID РИНЦ: 366454*

Аннотация. *Целью исследования* является рассмотрение механизмов повышения эффективности функционирования системы управления кадровым потенциалом Ростовской области.

Методологическую базу исследования представляют теоретические аспекты социальной политики, рассматривающие эти механизмы как стимул роста эффективности программ занятости на территории Российской Федерации. Реализация актуальных проблем занятости, стоящих перед федеральными и региональными органами управления, требует особого внимания как в теоретическом, так и практическом аспекте.

Результаты исследования. Одним из приоритетных результатов проведенного исследования является анализ эффективности реализации программ социальной политики. Рассмотренные особенности кадрового менеджмента на всех уровнях власти требуют пристального изучения с учетом современных социально-экономических тенденций.

Перспективу исследования составляет углубленный анализ регионального управления с учетом теоретических аспектов, позволяющих отразить специфику процессов современной политики занятости.

Ключевые слова: занятость населения, безработица, демографические показатели, миграция населения, трудоспособный возраст, рынок труда

Для цитирования: Левченко Н.А. Совершенствование эффективности функционирования системы управления кадровым потенциалом на территории региона // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 57–62. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-57-62>.

Original article

IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE HUMAN RESOURCES MANAGEMENT SYSTEM IN THE REGION

Natalya A. Levchenko

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
levchenckona@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4016-7881, AuthorID RSCI: 366454*

Abstract. *The purpose of the study is to consider tools to improve the efficiency of the human resources management system in the Rostov region.*

The methodological basis of the study is the theoretical aspects of social policy, considering them as an incentive to increase the effectiveness of employment programs in the territory of the Russian Federation. The implementation of urgent employment problems facing federal and regional government bodies requires special attention both in theoretical and practical aspects.

The results of the study. One of the priority results of the conducted research is the analysis of the effectiveness of the implementation of social policy programs. The considered features of personnel management at all levels of government require close study, taking into account current socio-economic trends.

The perspective of the study is an in-depth analysis of regional management, taking into account theoretical aspects that allow reflecting the specifics of the processes of modern employment policy.

Keywords: *employment, unemployment, demographic indicators, population migration, working age, labor market*

For citation: *Levchenko N.A. Improving the efficiency of the human resources management system in the region // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 57–62. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-57-62>.*

Введение. С учетом сложившейся социально-экономической ситуации проблема формирования продуктивной модели занятости, нацеленной на текущее состояние рынка труда, является особо важной для решения социальных проблем в Ростовской области.

Формирование эффективной модели занятости происходит на основе следующих требований к политике занятости [3]:

1) регулирующие функции государства должны способствовать продуктивной реализации факторов экономической эффективности, которые интегрируют в себе факторы мобильности рабочей силы, текучести персонала предприятий и организаций. Приоритетным фактором для высокого уровня занятости населения в регионе является прежде всего создание новых рабочих мест, повышение уровня медианного значения оплаты труда;

2) применение современных эффективных стандартов в области материального стимулирования труда сотрудников и повышения норм выработки. При этом важно учитывать пропорции уровня оплаты труда персонала и затраты на обучение, повышение квалификации персонала.

Важнейшим условием реализации эффективной региональной модели занятости является сохраняющаяся финансовая устойчивость регионального бюджета, увеличение инвестиционной привлекательности за счет сбалансированности и прозрачности регионального бюджета.

Анализ кадрового потенциала Ростовской области. При осуществлении действенной социальной политики в Ростовской области необходимо учитывать комплекс

факторов, влияющих на кадровый потенциал территории [1; 4]:

- совокупность демографических факторов (смертность, рождаемость, численность населения трудоспособного возраста);

- миграция населения трудоспособного возраста;

- особенность отраслевой структуры Ростовской области;

- абсолютное и относительное значение предприятий-банкротов в регионе;

- природные и антропогенные факторы территории.

Особую тревогу при анализе кадрового потенциала региона вызывают демографические показатели. Так, по состоянию на 1 декабря 2023 года численность населения Ростовской области составила 4197821 человек, из них численность официально занятого населения — 2501901 человек (59,6%), безработных — 243474 человека (5,8% от общей численности).

Неблагоприятная ситуация на рынке труда региона может происходить также из-за значительного количества предприятий-банкротов (в 2022 году Ростовская область заняла восьмое место по количеству компаний-банкротов). Антикризисные меры в данном случае направлены прежде всего на поиск новых инвестиционных ресурсов для процесса переориентации обанкротившихся организаций, а также на социальные мероприятия по поддержке граждан, имеющих низкую конкурентоспособность на рынке труда [2; 8]. На местах в этом случае проводят мероприятия по активизации инвестиционных торгов, конкурсов, используют разнообразные меры инвестиционной поддержки.

Продуктивная деятельность служб занятости на территории Ростовской области оказывает прямое воздействие на общий результат управления трудовым потенциалом региона. Главными критериями эффективности мероприятий в сфере трудоустройства следует считать рост учреждений занятости на территории региона, повышение спроса на рабочие места со стороны безработного населения и увеличение кадровых заявок от предприятий.

При осуществлении мероприятий в сфере занятости населения в современных ус-

ловиях необходимо учитывать взаимосвязь занятости отдельных социальных групп, например, женщин, находящихся в оплачиваемом отпуске по уходу за детьми в возрасте до трех лет, подростков и пенсионеров [5; 6]. Следует уделить внимание альтернативным формам занятости, например около 20% женщин хотели бы организовать свой собственный бизнес, а это дополнительные рабочие места на рынке труда. Перечисленные меры могут способствовать сокращению уровня безработицы в Ростовской области (0,4% на 1 сентября 2023 года) как среди женщин, так и среди молодого поколения жителей Ростовской области.

Отметим, что молодежь в возрасте 14–35 лет составляет 51,7% безработного населения Ростовской области. Для молодого поколения актуальными становятся такие формы занятости, как работа на условиях неполного рабочего времени, профессиональная переподготовка, временная работа [9].

На региональный рынок труда оказывает большое влияние оперативное решение проблем подготовки и переподготовки профессиональных кадров для экономики Ростовской области. Современный работодатель заинтересован в профессионализме, реальных знаниях и навыках нанимаемого работника [10].

В рамках программы содействия эффективному трудоустройству необходим процесс привлечения бюджетных средств для создания новых рабочих мест в регионе. За счет средств Федерального фонда занятости рекомендуется осуществлять:

- инвестирование и выдачу кредитов товаропроизводителям под гарантии сохранения и создания дополнительных рабочих мест;

- инвестирование и кредитование предприятий, осуществляющих профессиональную подготовку и переподготовку безработных граждан с последующим их обязательным трудоустройством;

- финансирование и кредитование безработных граждан, имеющих интерес к предпринимательской деятельности.

Заключение. Обобщая вышесказанное, можно сказать, что стратегическими задачами региональной политики в сфере

эффективного трудоустройства граждан являются:

- увеличение активности субъектов РФ при реализации комплекса мер социальной политики;

- активное участие регионов РФ в осуществлении программ по государственной поддержке и реструктуризации кризисных отраслей;

- приоритетное финансирование социальных и экономических программ в Ростовской области с использованием средств социальных внебюджетных фондов;

- минимизация отрицательных последствий безработицы в регионе;

- активное осуществление на базе Центров занятости процесса подготовки и переобучения кадров для экономики региона, создание новых рабочих мест на территории региона;

- эффективная поддержка безработных граждан со стороны органов регионального управления, внедрение программ профессиональной переориентации.

При осуществлении действенной социальной политики в регионе огромное значение имеет эффективное трудоустройство граждан через Центры занятости. Для успешной реализации региональных программ занятости необходимо своевременное информирование населения о наличии вакансий, наличие широкого спектра консультационных услуг, предоставление возможности выбора различных видов занятости [7].

Наиболее важным в настоящий момент представляется смягчение последствий длительной безработицы и содействие социальной адаптации граждан, продолжительное время не работающих.

Особое внимание при реализации социальной политики в регионе приобретают программы содействия временному трудоустройству граждан. Организация общественных работ сегодня является одной из самых перспективных форм временного трудоустройства граждан. В настоящее время данные программы успешно реализуются Центрами занятости населения муниципальных образований Ростовской области. Региональные службы занятости уделяют повышенное внимание проблемам трудоустройства моло-

дого поколения. Центры занятости в период школьных каникул регулярно проводят ярмарки вакансий для подростков. В Ростовской области эффективно функционируют молодежные биржи труда.

Осуществление эффективной программы поддержки предпринимательства и самостоятельной занятости граждан активизирует возможности трудоустройства незанятого населения.

Данные мероприятия обладают высокой результативностью в случае их осуществления в тесном сотрудничестве с местными органами власти по поддержке и развитию малого предпринимательства, отделениями Фонда поддержки предпринимательства и органами исполнительной власти субъектов РФ.

Для обеспечения эффективного роста занятости населения Ростовской области необходимо решить ряд проблем:

- снизить дисбаланс спроса и предложения рабочей силы на рынке труда;

- улучшить качественные характеристики рабочих мест;

- способствовать росту инвестиций в реальный сектор экономики с целью создания рабочих мест, отвечающих современным требованиям;

- содействовать ускоренному развитию малого бизнеса, особенно в аграрном секторе и смежных с ним отраслях экономики;

- способствовать развитию внутрифирменной подготовки кадров, возрождению института наставничества, содействовать опережающему переобучению работников, увольняемых в связи с модернизацией и реорганизацией производства;

- способствовать развитию активных программ занятости для трудоустройства граждан с низкой конкурентоспособностью на рынке труда: инвалидов, одиноких и многодетных родителей, детей-сирот и др.

Таким образом, эффективная реализация процесса занятости населения в регионе обеспечивает снижение уровня официальной безработицы, осуществляет мероприятия по трудоустройству незащищенных слоев населения посредством создания центров по реабилитации незанятого населения, в которых безработные проходят переобучение, психологический тренинг.

Список источников

1. Баталова Ю. В. Государственное и муниципальное управление: учебник для вузов / Под общ. ред. Н. А. Омельченко. М.: Юрайт, 2023. 453 с.
2. Борщевский Г. А. Управление государственными программами и проектами: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 299 с.
3. Коргова М. А. Кадровый менеджмент: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 216 с.
4. Кязимов К. Г. Рынок труда и занятость населения: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 214 с.
5. Левченко Н. А. Проблемы и перспективы реализации социального обслуживания на территории региона // Сборник статей по материалам VI Международной научной конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов вузов / Под ред. Л. Н. Соколовой. Новочеркасск: ЛИК, 2022. С. 109–113.
6. Левченко Н. А., Куприк К. Д., Бородкина Е. В. Проблемы совершенствования процесса управления трудовыми ресурсами в местном сообществе // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. №5. С. 235–240.
7. Мухаев Р. Т. Государственное и муниципальное управление: учебник / Р. Т. Мухаев, Р. А. Абрамов. М.: ИНФРА-М, 2023. 468 с.
8. Плисецкий Е. Л. Региональная экономика: учебник для вузов / Под ред. Е. Л. Плисецкого. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 532 с.
9. Прокофьев С. Е. Государственное и муниципальное управление: учебник и практикум для вузов / Под ред. С. Е. Прокофьева, О. В. Паниной, С. Г. Еремина, Н. Н. Мусиной. 2-е изд. М.: Юрайт, 2023. 608 с.
10. Холостов Е. И. Социальная политика: учебник для вузов / Под ред. Е. И. Холостовой, Г. И. Климантовой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 344 с.

References

1. Batalova Ju.V. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie: uchebnik dlja vuzov [State and municipal management: textbook for universities]. Pod obshh. red. N.A. Omel'chenko

[In N.A. Omelchenko (eds.)]. Moscow: Jurajt, 2023. 453 p. (In Russ.).

2. Borshhevskij G.A. Upravlenie gosudarstvennymi programmami i proektami: uchebnik dlja vuzov [Management of state programs and projects: textbook for universities]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Jurajt, 2023. 299 p. (In Russ.).

3. Korgova M.A. Kadrovyy menedzhment: uchebnoe posobie dlja vuzov [Personnel management: a textbook for universities]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Jurajt, 2023. 216 p. (In Russ.).

4. Kjazimov K.G. Rynok truda i zanjatost' naselenija: uchebnik dlja vuzov [Labor market and employment of the population: textbook for universities]. 4-e izd., pererab. i dop. Moscow: Jurajt, 2023. 214 p. (In Russ.).

5. Levchenko N.A. Problemy i perspektivy realizacii social'nogo obsluzhivaniya na territorii regiona [Problems and prospects of the implementation of social services in the region]. Sbornik statej po materialam VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii prepodavatelej, aspirantov, magistrantov i studentov vuzov [Collection of articles based on the materials of the VI International Scientific Conference of teachers, graduate students, undergraduates and university students]. Pod red. L.N. Sokolovoj [In L.N. Sokolova (eds.)]. Novocherkassk: LIK, 2022. Pp. 109–113. (In Russ.).

6. Levchenko N.A., Kuprik K.D., Borodkina E.V. Problemy sovershenstvovaniya processa upravlenija trudovymi resursami v mestnom soobshhestve [Problems of improving the process of human resource management in the local community]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2018; 7(5): 235–240. (In Russ.).

7. Muhaev R.T. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie: uchebnik [State and municipal management: textbook]. R.T. Muhaev, R.A. Abramov. Moscow: INFRA-M, 2023. 468 p. (In Russ.).

8. Pliseckij E.L. Regional'naja jekonomika: uchebnik dlja vuzov [Regional economics: textbook for universities]. Pod red. E.L. Pliseckogo [In E.L. Plisetsky (eds.)]. 3-e izd., pererab. i dop. Moscow: Jurajt, 2023. 532 p. (In Russ.).

9. Prokof'ev S.E. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie: uchebnik i praktikum dlja vuzov [State and municipal management:

textbook and workshop for universities]. Pod red. S. E. Prokof'eva, O. V. Paninoj, S. G. Eremina, N. N. Musinovoj [Edited by In S. E. Prokofiev, O. V. Panina, S. G. Eremin, N. N. Musinova (eds.)]. 2-e izd. Moscow: Jurajt, 2023. 608 p. (In Russ.).

10. Holostov E. I. Social'naja politika: uchebnik dlja vuzov [Social policy: textbook for universities]. Pod red. E. I. Holostovoj, G. I. Klimantovoj [In E. I. Kholostova, G. I. Klimantova (eds.)]. 3-e izd., pererab. i dop. Moscow: Jurajt, 2023. 344 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.11.2023; одобрена после рецензирования 27.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 08.11.2023; approved after reviewing on 27.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Левченко Наталья Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ).

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Natalya A. Levchenko — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of «Social Sciences and Humanities» chair, South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 316.43

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-63-70

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ РАВЕНСТВА ВОЗМОЖНОСТЕЙ КАК ВОПЛОЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЭГАЛИТАРИЗМА В ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЯХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Евгений Евгеньевич Некрасов

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
izbirpravo@gmail.com, ORCID: 0009-0001-6278-9890*

Аннотация. Целью исследования является объективная необходимость осмысления эгалитарных оснований жизненных способностей молодежи, интегрирующих социальную статику и динамику.

Методы исследования составили структурно-функциональный подход, неоинституциональный подход, концепция социокультурной саморегуляции жизнедеятельности молодежи, позволяющая выделить важные ориентиры в изучении поведенческих установок и практик молодежи в контексте развития эгалитарных оснований жизненных стратегий молодежи.

Результаты. Идея равенства возможностей в жизненных стратегиях российской молодежи рассматривается как модель поведения, сформированная в результате взаимодействия объективных (социально-статусных) и субъективных (мотивационных) установок молодых людей, связанных с их представлением о своем месте в обществе, жизненными планами, самопроектированием и самоопределением в молодежной среде. Влияние эгалитаризма на жизненные стратегии молодежи выражается в различных вариантах трансформации жизненных планов. Часто молодые люди выбирают в качестве целей жизненных стратегий повышение личной значимости (высокий уровень потребления, успешная карьера, семейное благополучие). В этом случае способы реализации жизненных целей носят прикладной и инструментальный характер.

Перспективы использования результатов. Результаты исследования могут быть полезны для дальнейшего исследования жизненных стратегий российской молодежи.

Ключевые слова: российская молодежь, жизненные стратегии, социальный эгалитаризм, эгалитарные основания, равенство возможностей

Для цитирования: Некрасов Е.Е. Специфика реализации идеи равенства возможностей как воплощения социального эгалитаризма в жизненных стратегиях российской молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 63–70. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-63-70>.

Original article

THE SPECIFICS OF THE IMPLEMENTATION OF THE IDEA OF EQUALITY OF OPPORTUNITY AS EMBODIMENTS OF SOCIAL EGALITARIANISM IN THE LIFE STRATEGIES OF RUSSIAN YOUTH

Evgeny E. Nekrasov

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
izbirpravo@gmail.com, ORCID: 0009-0001-6278-9890*

Abstract. *The aim of the study is the objective need to understand the egalitarian foundations of the life abilities of young people, integrating social statics and dynamics.*

The research methods *included a structural and functional approach, a neo-institutional approach, and the concept of socio-cultural self-regulation of youth's vital activity, which allows us to identify important guidelines in the study of behavioral attitudes and practices of youth in the context of the development of egalitarian foundations of youth life strategies.*

Results. *The idea of equality of opportunities in the life strategies of Russian youth is considered as a model of behavior formed as a result of the interaction of objective (socio-status) and subjective (motivational) attitudes of young people associated with their idea of their place in society, life plans, self-design and self-determination in the youth environment. The influence of egalitarianism on the life strategies of young people is expressed in various ways of transforming life plans. Young people often choose to increase their personal importance as goals of life strategies (high consumption, successful career, family well-being). In this case, the ways of realizing life goals are applied and instrumental in nature.*

Prospects for using the results. *The results of the study may be useful for further research into the life strategies of Russian youth.*

Keywords: *Russian youth, life strategies, social egalitarianism, egalitarian foundations, equality of opportunity*

For citation: *Nekrasov E. E. The Specifics of the implementation of the idea of equality of opportunity as embodiments of social egalitarianism in the life strategies of Russian youth // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 63–70. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-63-70>.*

Введение. Определяя стратегии равенства возможностей молодежи, рассматриваемые в контексте различных сложившихся подходов в российской социологической мысли, следует обратить внимание на следующее обстоятельство: российские исследователи исходят из того, что молодежь обладает социовозрастными и социокультурными параметрами, которые и определяют ее активность как социальной группы, влияют на социальную самоидентификацию молодежи, настроения в молодежной среде и динамику поведенческих моделей. Исходя из этого общего положения, можно говорить о том, что

для российской молодежи, которой, хотя она и характеризуется сужением социально-демографического потенциала, свойственна социально-воспроизводственная функция, что на молодежь возлагается миссия социального воспроизводства, развития различных сфер общественной и общественно-экономической жизни [4].

Здесь следует учитывать, что отечественные социологи выявляют три основных аспекта стратегии равенства российской молодежи. Первый связан с тем, каким образом общество видит равенство возможностей молодежи, второй — с тем, какие социальные

ожидания и цели вносит молодежь в стратегии равенства возможностей, третий — с тем, каков социальный эффект от стратегий равенства молодежи. Таким образом, реализация заявленной цели исследования требует определения общего и особенного в стратегиях равенства молодежи как на уровне ее социально-статусных позиций (социальное позиционирование), так и на уровне социальных диспозиций, направленных на формирование стратегии равенства возможностей.

Речь идет о том, что эгалитаризм для российской молодежи является привлекательной «абстрактной» идеей, выражающей «желаемое», но не актуальное [2; 9]. Конкретизируя данную мысль, мы основываемся на факте индифферентности молодежи к эгалитаризму как конституирующему жизненному принципу. Действительно, молодые россияне воспринимают общество как пространство неравенства возможностей, то есть для них справедливость заключается в личном успехе, в везении, в пользовании неформального социального капитала или попадания в обойму высокооплачиваемых профессий. Конструкция эгалитаризма связана с правом индивида жить счастливо и достойно, но эта постановка вопроса абсолютизирует индивидуализм — эгалитаризм в жизненных стратегиях по простой схеме выражается в следующем: каждый выбирает то, что для него приемлемо, достижимо и эффективно. Эгалитаризм не является общественной добродетелью и традиционно относится к сфере политических технологий, что для современного российского общества реализуется в инициативе властных структур на уровне мегапроекта «Россия — страна возможностей».

В таком контексте эгалитаризм, повторяясь, является идеей, но не ценностью повседневной жизни. Это подтверждается исследованиями российских социологов, которые обобщающим результатом выводят формирование установок на личностные перспективы. Слабый приток молодежи в традиционные для предшествующего советского периода профессии в сфере науки, культуры, образования, инжиниринга связывают с утвердившимся в молодежной среде мнением о разделении на доходные и не доходные профессии, а жизненные планы молодежи предопределены общественной значимостью профессии,

ее престижностью и прибыльностью. Другое дело, что наблюдается динамика изменений в шкале престижности, когда доминанту набирают не профессии экономиста, юриста, дизайнера и менеджера, а «информационщика», что не является возвратом к престижу высшего технического образования инженера, а связано с мобильностью и высокими заработками. Это является тенденцией, определяющей сужение пространства эгалитаризма, так как доступность информационных технологий создает новый узел социальной диспропорции в молодежной среде, а ориентированность молодежи на интернет-пространство не означает эгалитаризма в молодежной среде.

Эгалитарные основания жизненных стратегий российской молодежи. Можно предположить, что влияние эгалитаризма на жизненные стратегии молодежи выражается в перестановке жизненных планов: молодые люди исходят из «предопределенностей» профильности, выбирая в качестве целей жизненной стратегии личную значимость (высокий уровень потребления, карьеру, семейное благополучие), способы «нейтральны» по отношению к целям и носят прикладной и инструментальный характер. Учитывая, что до сих пор российская молодежь не использует территориальную мобильность как эффективный механизм выравнивания возможностей, наполнение конфигурации эгалитаризма ожидаемо, происходит социально-демографическая диспропорция: приток в мегаполисы или добывающие регионы, или депопуляция в сельской местности и в малых городах.

Мы вынуждены неоднократно возвращаться к мысли, что эгалитаризм в молодежной среде в силу актуальных исторических и психологических причин является именно идеей и не относится к ценностям повседневности: для молодых россиян, определенным образом испытывающим социальную ностальгию по ушедшим временам социальной справедливости, исходя из позиции старших поколений, сложно сформировать жизненные стратегии по идеальному измерению: в большей степени приведенные выше показатели свидетельствуют о том, что эгалитаризм как формула равенства возможностей воспроиз-

водится на уровне стимулирования способов достижения личного успеха. В работах В.В. Чупрова и Ю.А. Зубок показана жизнь молодежи в обществе риска, когда первостепенную роль об условиях неопределенности и непредсказуемости как практик отмены меры и норм предшествующего периода играет стремление избавиться от ненужных иллюзий и взять судьбу в свои руки в контексте одобряемых и признаваемых в молодежной среде критериев успеха, которые вне оценочных суждений выработаны по логике потребительства [8]. Это сложный момент в условиях, ставших нормой для российского общества постепенных ограничений и падения уровня жизни населения, когда проекты эгалитаристской направленности, как мы отмечали выше, не совпадают с реальными жизненными стратегиями, с тем, что социальный риск в жизненных стратегиях воспроизводится на уровне «вырваться из повседневности», отрицания традиционных схем социальной интеграции, в которых молодые россияне вынуждены быть ученическим поколением. Может быть, поэтому мы долгое время будем испытывать дефицит рабочих профессий, поскольку речь идет о длительной профессиональной социализации, накоплении профессионального опыта и способности к усвоению навыков и знаний, не привитых современному молодому поколению, сформированному на виртуализированных образах личного счастья.

Отсутствие или сведение к единой значимости общественных целей и критериев развития неизбежно приводит к индивидуализации жизненных стилей, ставших фактором легитимации жизненных стратегий. Формула «каждый живет, как может и как хочет» создает ситуации парадоксальности: «парадоксальный» молодой человек не испытывает социально-когнитивного диссонанса между декларацией идеи эгалитаризма и жизненными стратегиями, нацеленными на создание собственного уютного мира. Эгалитаризм как идея «прекрасен», но как способ достижения жизненных целей — не применим. И в этом контексте наиболее зримым и очевидным критерием становится показатель материальной обеспеченности, неприятие бедности, порождающей букет проблем социального аутсайдерства и социального одиночества.

Говоря об этом, следует также подчеркнуть, что российская молодежь переходит от этапа адаптации к социальным переменам, к социальной активности в изменившихся условиях по сравнению с предшествующим советским периодом (собственно советского опыта у молодежи нет, и есть воображаемое конструируемое из коллективного опыта старших поколений и интернет-пространства представление). В этом смысле молодые россияне живут в обществе, где сосуществуют различные жизненные уклады, модели поведения и плюралистический конфликт интересов.

Необходимо подчеркнуть, что российская молодежь является в исследовательском дискурсе социологическим конструктом, то есть в нем выделяются — по схеме идеальных типов М. Вебера — наиболее воспроизводимые, регулярные, включающие социальные и культурные различия по сравнению с другими поколенческими группами социальные признаки и свойства молодежи [1]. В реальности социолог сталкивается с проблемой объединения, подведения под общую черту достаточно разнородных и часто конфликтных процессов в молодежной среде. Если говорить о структурных параметрах российской молодежи, ее положения в обществе, то в целом можно сделать вывод о том, что молодежная среда воспроизводит существующую матрицу дифференциации, что к социально-статусным позициям молодых россиян можно применить критерии, которые использует Н.Е. Тихонова (богатые, среднеобеспеченные слои населения, низкоадаптированные слои, социальное дно) [7].

Если исходить из того, что социальное дно и элита являются крайними полюсами социальной системы российского общества, но при этом 80% национального богатства сосредоточено в руках 1–2% населения, то российская молодежь дисперсирована вокруг общественного мейнстрима, то есть относится к среднеадаптированным слоям населения, так же, как и по модальным показателям, среди молодых россиян представители среднего класса занимают 20–40% [6]. При этом нужно подчеркнуть, что в ядре среднего класса молодежь занимает наиболее сильные позиции, это возможно благодаря тому, что именно среди молодых жителей больших городов выявляются критерии среднего класса.

Влияние институциональной среды российского общества на жизненные стратегии молодежи в условиях развития социального эгалитаризма. Можно говорить о том, что задача исследования заключается в нахождении адекватной формулы определения, что набор таких признаков, как материальные ресурсные признаки, нематериальные ресурсные признаки, признаки социального самочувствия (самоидентификации), являются достаточно сформированными в молодежной среде, хотя в разной степени сконцентрированы в российском обществе. Реализуя структурно-деятельностный подход, автор отмечает, что российская молодежь объективно удалена от низших страт российского общества. В доле сельского населения, характеризующегося наиболее низкими доходами, молодежь составляет 10–15%. В то же время оценка доходов молодежи свидетельствует о том, что молодое поколение достаточно широко вовлечено в теневую сферу деятельности, где скрывается 30–50% фонда оплаты труда [6].

С большой степенью вероятности можно также утверждать, что поколение молодых россиян нацелено не на накопительные, а на инвестиционные стратегии, среди молодежи более 60% не располагают сбережениями, наиболее высок процент вовлеченных в банковское кредитование, этот показатель превышает старшее поколение в 2,5–3 раза. Вместе с тем формирование имущественного набора молодежи, в частности ориентация на приобретение новейшей бытовой техники и автомобиля, не коррелирует с социально-профессиональным статусом молодежи. Наиболее острым для молодых россиян является уровень обеспеченности жильем, хотя в программах ипотеки участвуют в той или иной степени 46% молодых россиян [3].

Таким образом, интегральный показатель материальной обеспеченности молодежи основывается на том, что молодые россияне, во-первых, демонстрируют среднеобеспеченные показатели доходов (40% молодых людей); во-вторых, характеризуются высоким уровнем потребления и низким уровнем накопления; в-третьих, аккумулируют активы саморазвития. В результате по признаку материальной обеспеченности нужно говорить об определенной диспропорции между

материальным положением молодежи и реальным уровнем достижения доходов, так как проявляется лаг между реальными доходами и уровнем кредитования. Иными словами, каждый четвертый молодой россиянин живет в долг.

Это важное положение для понимания стратегий равенства возможностей, в которых прослеживается прагматистский акцент. Молодые россияне полагают, что равенство возможностей достигается за счет облегчения, формирования более комфортных условий для кредитования молодежи, особенно это касается жилищной ипотеки, то есть решения наиболее волнующих молодежь проблем. Такая позиция подвигает к равенству возможностей, создаёт условия, в которых молодежь может если не конкурировать со старшими поколениями, то реализовывать социальные ожидания, испытывать большую уверенность, вступая во взрослую жизнь.

Материальное обеспечение молодежи не коррелируется с ее социальным и профессиональным статусом, хотя в среднеадаптированных слоях российского общества молодые «профессионалы» составляют более половины. Однако молодежь уступает представителям интеллектуальных профессий и государственным служащим. Очевидно, что российская молодежная среда не имеет разветвленной системы социально-профессиональной мобильности. Среди молодых россиян достаточно сильны потребительские настроения, связанные с повышением планки имущественных притязаний по сравнению со старшими поколениями. Так, 85% молодых россиян мечтают иметь собственный автомобиль, а 72% — семью. Мы видим переход от традиционной модели потребления к современной, привнесенной глобализацией. Социально-имущественные факторы приводят к тому, что равенство возможностей связывается с критериями материальной обеспеченности и доходов.

Системно анализируя приведенные данные, нужно учитывать, что российская молодежь в глобализационных аспектах является традиционалисткой. То есть для молодых россиян ценности глобализации, если не принимать во внимание узкий слой современных «кочевников» (информационщики, медийщики, специалисты по коммуникационным

технологиям), являются привлекательными, но слабо соприкасающимися с логикой повседневности, и парадоксальным образом эгалитаризм выявляется в том, что молодежь не считает критерием успешности широты интересов или путешествий, особенно в провинциальной молодежной среде это воспринимается как признак нерациональности поведения, и покупка новой машины выглядит более привлекательной целью, чем траты на путешествия и развлечения. Эгалитаризм в большей степени воспринимается как принуждение к усредненности, реализации неравенства в определении приоритета цели, в том, что актуально основываться на близком и доступном.

Отмечается также концентрированность территориальной мобильности российской молодежи в крупных городах, преимущественно в Москве и Санкт-Петербурге, что приводит к негативным последствиям в виде депопуляции населения провинциальной России. Также каждый четвертый молодой россиянин в целях получения доходной и престижной работы мечтает выехать за рубеж.

В рамках исследования при фиксации критерия материальной обеспеченности молодежи важно рассматривать критерий материальной обеспеченности как приоритетный показатель по сравнению с социально-профессиональной ресурсностью. Преобладающие модели материального обеспечения молодежи обращают на себя внимание тем, что их список расширяется, при этом молодежь не связывает себя с сельским средним классом, а сосредоточивается на городской модели поведения [5]. Для молодежи уровень расходов, указывающий на приемлемый стандарт уровня жизни, определяется показателями приготовления пищи, услугами платного спортивного инструктора, платными медицинскими услугами, оплатой строительства жилья, наличием дачи, платным вузом, платными курсами профессиональной подготовки, платными репетиторами, кружками, секциями [6].

Нарастание тенденций к социально-инвестиционной деятельности, вкладыванию ресурсов в саморазвитие ограничивается инструментальным отношением к профессиональной деятельности, приоритетной роли материальных интересов как основы

ликвидации разрывов в жизненных шансах. Возрастание занятости молодежи в неформальном секторе экономики свидетельствует о том, что, несмотря на ущемление социальных и трудовых прав молодежи в неформальной экономике, для молодежи из необеспеченных слоев населения, не имеющей значимого семейного и неформального капитала, неформальный сектор экономики воспринимается как наилучший вариант реализации равенства возможностей «в худших социальных условиях» [10].

Среди молодых россиян потребительское поведение у каждого третьего не соответствует заявленным доходным параметрам. Из этого следует вывод о том, что стратегии равенства возможностей не столько связаны с собственной инициативой, сколько основываются на повышенных социальных ожиданиях, на критериях удачи, рационализации поведения, демонстрации признаков высокого потребительского стандарта.

Чтобы понять, каким образом уровень материальной обеспеченности влияет на стратегии равенства возможностей, нужно говорить о том, что отличительной особенностью российской молодежи являются проблемы, связанные с рынком труда, социальным самочувствием, стилем жизни и потребительским поведением. Таким образом, возрастные характеристики влияют на то, что для молодежи потребление является более важным показателем, чем ориентация на отложенное вознаграждение, то есть потребительские интенции в оценке стратегий молодежи имеют существенное значение по сравнению с инвестиционными.

Социальное позиционирование российской молодежи заключается в том, что критерии материального благосостояния превышают социально-статусные позиции. Следствием этого является нацеленность на стратегии равенства возможностей. Под равенством возможностей понимается доступ к потребительским благам вне зависимости от социально-статусного положения, от того, что можно назвать уровнем реальной доходности личности.

Заключение. Осуществлено исследование общего и особенного в жизненных стратегиях молодежи как на уровне ее социально-

статусных позиций, так и на уровне социальных диспозиций. Показано, что эгалитарные основания влияют на социальный эффект жизненных стратегий в зависимости от того, какие жизненные цели ставят молодые россияне, как они оценивают субъективные шансы в контексте равенства возможностей. Отмечается, что идея равенства возможностей, определяемая социальным эгалитаризмом, может являться для молодежи недостижимым социальным ориентиром. Данный факт вызывает чувство социальной апатии и социальной депривации в молодежной среде.

Влияние эгалитаризма на жизненные стратегии молодежи выражается в различных вариантах трансформации жизненных планов. Часто молодые люди выбирают в качестве целей жизненных стратегий повышение личной значимости (высокий уровень потребления, успешная карьера, семейное благополучие). В этом случае способы реализации жизненных целей носят прикладной и инструментальный характер.

Список источников

1. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 656 с.
2. Глухов А.П. Проблема обоснования эгалитаризма: от социальной физики к социальной феноменологии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. №7(58). С. 61–65.
3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь в России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: монография. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.
4. Zubok Yu. A. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №3. С. 4–12.
5. Некрасов Е.Е. Стратегии равенства возможностей российской молодежи в контексте институциональной ресурсности // Гуманитарий Юга России. 2018. №1. С. 180–191.
6. Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии: Коллективная монография / М.В. Михайлюк, Л.И. Ниворожкина, А.А. Овсянников и др. М.: Гендальф, 2003. 506 с.

7. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность: монография / Российская академия наук, Институт социологии. М.: Новый хронограф, 2014. 401 с.

8. Чупров В.И. Социология молодежи / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. М.: Норма, 2011. 336 с.

9. Шевелев А.А. Элитарность и эгалитаризм в современном российском обществе: теоретико-методологические основания трактовки // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №2-2(66). С. 195–199.

10. Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований) в 2015: статистический сборник. М.: Федеральная служба гос. статистики, 2016. 143 с.

References

1. Veber M. Izbrannoe: Protestantskaja jetika i duh kapitalizma [Selected works: Protestant Ethics and Spirituality]. Moscow; Saint Petersburg: Centr gumanitarnyh initsiativ; Universitetskaja kniga, 2014. 656 p. (In Russ.).
2. Gluhov A.P. Problema obosnovanija jegalitarizma: ot social'noj fiziki k social'noj fenomenologii [The problem of substantiating egalitarianism: from social physics to social phenomenology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University]. 2006; 7(58): 61–65. (In Russ.).
3. Gorshkov M. K., Sheregi F. Je. Molodezh' v Rossii v zerkale sociologii. K itogam mnogoletnih issledovanij: monografija [Youth in Russia in the mirror of sociology. To the results of long-term research: monograph]. Moscow: FNISC RAN, 2020. 688 p. (In Russ.).
4. Zubok Ju. A. Molodezh': zhiznennye strategii v novoj real'nosti [Youth: life strategies in a new reality]. *Monitoring obshchestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. 2020; (3): 4–12. (In Russ.).
5. Nekrasov E. E. Strategii ravenstva vozmozhnostej rossijskoj molodezhi v kontekste institucional'noj resursnosti [Strategies of equality of opportunities for Russian youth in the context of institutional resourcing]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2018; (1): 180–191. (In Russ.).

6. Srednie klassy v Rossii. Jekonomicheskie i social'nye strategii: Kollektivnaja monografiya [The middle class in Russia. Economic and social strategies: A collective monograph]. M. V. Mihajljuk, L. I. Nivorozhkina, A. A. Ovsjannikov et al. Moscow: Gendal'f, 2003. 506 p. (In Russ.).

7. Tihonova N. E. Social'naja struktura Rossii: teorii i real'nost': monografiya [The social structure of Russia: theory and reality: monograph]. Rossijskaja akademija nauk, Institut sociologii [Russian Academy of Sciences, Institute of Sociology]. Moscow: Novyj hronograf, 2014. 401 p. (In Russ.).

8. Chuprov V. I. Sociologija molodjozhi [Sociology of youth]. V. I. Chuprov, Ju. A. Zubok. Moscow: Norma, 2011. 336 p. (In Russ.).

9. Shevelev A. A. Jelitarnost' i jegalitarizm v sovremennom rossijskom obshhestve: teor-etiko-metodologicheskie osnovanija traktovki [Elitism and egalitarianism in modern Russian society: theoretical and methodological foundations of interpretation]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altai State University]. 2010; 2-2(66): 195–199. (In Russ.).

10. Jekonomicheskaja aktivnost' naselenija Rossii (po rezul'tatam vyborochnyh obsledovanij) v 2015: statisticheskij sbornik [Economic activity of the Russian population (based on the results of sample studies) in 2015: statistical collection]. Moscow: Federal'naja sluzhba gos. statistiki, 2016. 143 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 11.01.2024; одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted on 11.01.2024; approved after reviewing on 30.01.2024; accepted for publication on 14.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Некрасов Евгений Евгеньевич — старший преподаватель кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Evgeny E. Nekrasov — Senior Lecturer at the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК: 314.7

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-71-88

ВОЗВРАТНАЯ МИГРАЦИЯ В КЫРГЫЗСКУЮ РЕСПУБЛИКУ: ФАКТОРЫ И ОЦЕНКА ПОЛОЖЕНИЯ

**Галина Ивановна Осадчая¹, Ольга Александровна Волкова^{2✉},
Алла Николаевна Оставная³**

**^{1, 2}Институт демографических исследований — обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия**

**³Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко,
Тирасполь, Республика Молдова**

**¹osadchaya111@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2597-9724, AuthorID РИНЦ: 118648,
AuthorID Scopus: 35737719800, WoS Research ID: G-2163-2017**

**²volkovaola@rambler.ru✉, ORCID: 0000-0001-5325-0730, AuthorID РИНЦ: 690209,
AuthorID Scopus: 55962445600, WoS Research ID: S-6912-2016**

**³alaost@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-3011-6034,
AuthorID РИНЦ: 851227, WoS Research ID: AAJ-8999-2020**

Аннотация. *Цель исследования, представленного в статье: выявление факторов и осуществление оценки социального положения мигрантов, возвращающихся из Российской Федерации в Кыргызскую Республику. Этот процесс вызвал нагрузку на правоохранительную систему, рынок труда и социальную инфраструктуру, а также повлек за собой рост социальной напряженности.*

Методология. *Работа базируется на материалах трех социологических исследований, осуществленных в 2022–2023 гг. (при помощи методов анкетного опроса и полуструктурированного интервью) Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН совместно с Кыргызско-Российским Славянским университетом, в которых проведен сравнительный анализ миграционных факторов, социального положения, занятости и качества жизни кыргызских трудовых мигрантов в России и возвратных мигрантов в Кыргызстане.*

В результате исследования обнаружены факторы возвратной миграции в Кыргызскую Республику: причины и цели миграции, социокультурная специфика семейной жизни мигрантов, источники выталкивания из страны приема мигрантов и притягивания на родине. Возвратная миграция имеет многогранный характер, отражает разнонаправленность миграционного процесса, многообразие профилей мигрантов по видам миграции и социально-демографическим характеристикам. Позитивные самооценки социального положения возвратных мигрантов связаны с объективными изменениями в России и Кыргызской Республике, со сделанными накоплениями во время миграции, а также с субъективным восприятием мигрантами своей жизни на родине. Выявлено, что в Кыргызской Республике возвратную миграцию характеризует ряд проблем: отсутствие специальных программ содействия возвращению и устойчивой реинтеграции возвратных мигрантов в жизнь местных сообществ, неблагоприятное общественное мнение о возвратных мигрантах, имеющих негативный опыт миграции. Обосновано, что регулирование возвратной миграции

в Кыргызской Республике происходит преимущественно в контексте правовой интеграции мигрантов, поэтому есть потребность в оказании им комплексной правовой, экономической, социокультурной и психологической поддержки.

Перспективы исследования заключаются в развитии комплексного анализа возвратной миграции из России в страны Центральной Азии.

Ключевые слова: Кыргызская Республика, кыргызская миграция, возвратная миграция, социальное положение мигрантов, миграционная политика

Для цитирования: Осадчая Г. И., Волкова О. А., Оставная А. Н. Возвратная миграция в Кыргызскую Республику: факторы и оценка положения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 71–88. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-71-88>.

Original article

RETURN MIGRATION TO THE KYRGYZ REPUBLIC: FACTORS AND ASSESSMENT OF THE SITUATION

Galina I. Osadchaya¹, Olga A. Volkova²✉, Alla N. Ostavnaia³

^{1,2}*Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Moscow, Russia*

³*Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Republic of Moldova*

¹*osadchaya111@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2597-9724, AuthorID RSCI: 118648, AuthorID Scopus: 35737719800, WoS Research ID: G-2163-2017*

²*volkovaoa@rambler.ru✉, ORCID: 0000-0001-5325-0730, AuthorID RSCI: 690209, AuthorID Scopus: 55962445600, WoS Research ID: S-6912-2016*

³*alaost@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-3011-6034, AuthorID RSCI: 851227, WoS Research ID: AAJ-8999-2020*

Abstract. *The purpose of the study presented in the article is to identify factors and assess the social situation of migrants returning from the Russian Federation to the Kyrgyz Republic. This process has caused a strain on the law enforcement system, the labor market and social infrastructure, and has also led to an increase in social tension.*

Methodology. *The work is based on the materials of three sociological studies carried out in 2022–2023 (using questionnaire survey methods and semi-structured interviews) by the Institute for Demographic Research of the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences together with the Kyrgyz-Russian Slavic University, which conducted a comparative analysis of migration factors, social status, employment and quality of life of Kyrgyz labor migrants in Russia and return migrants in Kyrgyzstan.*

As a result of the study, *the factors of return migration to the Kyrgyz Republic were found: the causes and goals of migration, the socio-cultural specifics of migrants' family life, the sources of pushing migrants out of the country of reception and attraction at home. Return migration has a multifaceted character, reflects the multidirectional nature of the migration process, the diversity of migrant profiles by type of migration and socio-demographic characteristics. Positive self-assessments of the social status of returning migrants are associated with objective changes in Russia and the Kyrgyz Republic, with savings made during migration, as well as with migrants' subjective perception of their life in their homeland. It has been revealed that in the*

Kyrgyz Republic, return migration is characterized by a number of problems: the lack of special programs to facilitate the return and sustainable reintegration of return migrants into the life of local communities, unfavorable public opinion about return migrants with negative migration experiences. It is proved that the regulation of return migration in the Kyrgyz Republic occurs mainly in the context of the legal integration of migrants, therefore there is a need to provide them with comprehensive legal, economic, socio-cultural and psychological support.

The prospects of the study lie in the development of a comprehensive analysis of return migration from Russia to the countries of Central Asia.

Keywords: Kyrgyz Republic, Kyrgyz migration, return migration, social situation of migrants, migration policy

For citation: Osadchaya G. I., Volkova O. A., Ostavnaia A. N. Return migration to the Kyrgyz Republic: factors and assessment of the situation // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 71–88. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-71-88>.

Введение. Современная Кыргызская Республика — это страна, характеризующаяся интенсивными миграционными процессами. Согласно официальной статистике Отдела Народонаселения ООН и уполномоченного государственного органа по вопросам миграции Кыргызской Республики, ежегодно порядка 750–780 тыс. кыргызстанцев находятся за рубежом (по оценкам экспертов, контингент кыргызских мигрантов за рубежом составляет порядка 1 млн человек), тогда как численность населения страны составляет 6,6 млн человек¹.

Кыргызских граждан характеризуют различные виды миграции, причем самым массовым и динамичным потоком эмиграции является трудовая миграция. Страны назначения кыргызских мигрантов — это прежде всего Российская Федерация, Республика Казахстан и Турецкая Республика.

Выделяются несколько волн эмиграции из Кыргызской Республики, отличающихся по социально-экономическим профилям мигрантов. В 1990-х и начале 2000-х годов эмигранты из Кыргызской Республики были квалифицированными людьми, занятыми в государственном управлении, сельском хозяйстве, промышленности, образовании. С конца 2000-х годов по настоящее время большинство мигрантов — низкоквалифи-

цированные рабочие из сел. В третьем десятилетии XXI века формируется новая волна оттока из страны, которая состоит из высококвалифицированных специалистов (интеллигенции, врачей, учителей, ученых). Другая особенность третьей волны эмиграции из Кыргызской Республики это — устойчивый процесс феминизации миграции².

Результаты опросов кыргызских мигрантов в разных странах показывают, что абсолютное большинство кыргызов планируют возвращение на родину, а именно 66,4% респондентов намереваются вернуться в Кыргызскую Республику на постоянное место жительства, 21,5% не уверены в своих планах на этот счет и 12,1% планируют проживать за рубежом. Уровень намерений о возвращении в Кыргызскую Республику имеет социально-демографические особенности. Так планы возвратной миграции чаще высказывают мигранты в возрасте 49–69 лет (в среднем 74%), мужчины (74,4%) чаще, чем женщины (60,3%). По мнению респондентов, решение о возвращении в Кыргызскую Республику возможно при существенных изменениях в политической (улучшение в сфере демократии и стабильности, снижение коррупции, лучшие возможности для бизнеса) и социальной-экономической жизни страны (возможности высокооплачиваемой

1 Кыргызская Республика. Пражский процесс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pragueprocess.eu/ru/countries/420-kyrgyz-republic> (дата обращения: 15.01.24).

2 Концепция миграционной политики Кыргызской Республики на 2021–2030 годы [Электронный ресурс]. URL: https://migrant.org/wp-content/uploads/2021/06/06.04.21.ru_koncepcija-migracionnoj-politiki-kr-na-2021-2030-gg.pdf (дата обращения: 15.01.24).

занятости, получения качественных услуг образования и здравоохранения, улучшения качества жизни и др.)³.

Документ «Концепция миграционной политики Кыргызской Республики на 2021–2030 годы» отмечает ряд проблем, характеризующих возвратную миграцию. Это отсутствие программ содействия возвращению и реинтеграции мигрантов, особенно женщин и детей, лиц, имеющих негативный опыт миграции, в жизнь местных сообществ, а также неблагоприятное общественное мнение о мигрантах, особенно женщинах и тех, кто имеет негативный опыт миграции.

О низкой эффективности программ сопровождения возвратной миграции свидетельствует тот факт, что в период 2013–2020 годов Кыргызская Республика как страна происхождения оказала помощь в возвращении на родину 615 мигрантам. В 2020 году Кыргызская Республика по программам возвращения мигрантов оказала помощь 98 кыргызских граждан (23 из Беларуси, 23 из Чехии, 20 из Германии, 8 из России, 5 из Турции и 19 из других стран)⁴.

Проблематика регулирования возвратной миграции в Кыргызскую Республику приобрела высокую актуальность в 2022 году в связи с увеличением потоков людей из России, состоящих не только из кыргызских мигрантов, но и граждан России. По оценкам экспертов, это обстоятельство вызвало ряд рисков — нагрузку на правоохранительную систему, рынок труда, социальную инфраструктуру, а также рост социальной напряженности⁵. Это влечет за собой сложности как для конкретных людей, так и для государства.

Научная проблема состоит в противоречии между интенсификацией в течение последних лет процессов возвратной миграции из Российской Федерации в Кыргызскую Республику и отсутствием достоверной эмпирической информации о ее факторах и социальном положении мигрантов.

Объект: возвратная миграция из Российской Федерации в Кыргызскую Республику.

Предмет: миграционные факторы и оценка социального положения мигрантов, возвращающихся из Российской Федерации в Кыргызскую Республику.

Цель: выявить миграционные факторы и дать оценку социального положения мигрантов, возвращающихся из Российской Федерации в Кыргызскую Республику.

Библиографический обзор. Проблема возвратной миграции изучается учеными разных стран в различных ракурсах. Ученые исследуют целый комплекс вопросов: особенности образовательной реинтеграции и специфику психосоциального состояния несовершеннолетних, возвращающихся на родину [18; 25], основные стратегии работы по снятию стигмы репатриации и возвращения, практический опыт по осуществлению реинтеграции возвратных мигрантов и их семей [19], объективные и субъективные причины возвращения мигрантов и мотивов, которые ими движут, а также добровольности и принудительности возвращения [27], персонально-личностное развитие вернувшегося мигранта [28], анализ специфики влияния членов семьи на успешность реинтеграции мигранта [30].

Российские исследователи также уделяют внимание изучению процесса возвратной миграции. Исследователями характеризуется воздействие российских экономических процессов и российской миграционной политики на принятие мигрантами решения о возвращении на родину, характеризует «круговую миграцию» [1].

Ученые обращают внимание на рассмотрение специфики возвратной миграции в страны Центральной Азии. К примеру, проводится анализ гендерных особенностей, присущих мигрантам, которые принимают участие в процессах возвратной миграции

3 Отчет, картирование кыргызских диаспор, соотечественников и мигрантов за рубежом [Электронный ресурс] // Международная организация по миграции. Представительство в Кыргызстане, 2022. С. 33–35. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://publications.iom.int/system/files/pdf/Mapping-of-Kyrgyz-Diaspora-RU.pdf> (дата обращения: 15.01.24).

4 Return and Reintegration Key Highlights. 2020 [Electronic resource] // IOM Un Migration. Publications Platform. Geneva: IOM. 2021. URL: <https://publications.iom.int/books/return-and-reintegration-key-highlights-2020>.

5 Наплыв людей из России не вытеснит. Эксперты опасаются потока вынужденных мигрантов в Кыргызстан [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti.kg/politika/item/104611-naplyv-lyudej-iz-rossii-ne-vytyanem-eksperty-opasayutsya-potoka-vynuzhdennykh-migrantov-v-kyrgyzstan.html> (дата обращения: 15.01.24).

[12]. Взаимосвязь правовых и экономических факторов, воздействующих на протекание реинтеграции мигрантов в странах Центральной Азии, представлена в работе «Реинтеграция возвращающихся трудовых мигрантов в странах Центральной Азии: правовые и экономические аспекты» [8].

Проводятся сравнительные исследования в области миграционной политики стран, которые разрабатывают мероприятия по разработке нормативно-правовой документации и построению комплекса мероприятий, направленных на работу с возвратными мигрантами по их интеграции [5].

Научный труд «Возвратная миграция: международные подходы и региональные особенности» содержит теоретическое описание возвратной миграции, общую характеристику нормативных документов и миграционной политики разных стран, государственные программы содействия возвращению соотечественников, предпосылки управления возвратной миграцией в странах Центральной Азии, программы, реализуемые неправительственными организациями [4].

Тематика миграционных процессов в Кыргызской Республике отражена в научных публикациях. Основные из них характеризуют процесс миграции из Кыргызской Республики [11; 30], особенности адаптации кыргызских мигрантов в России [9; 13], положение кыргызских мигрантов в контексте миграционной политики стран ЕАЭС [3; 6] и Таможенного союза [7], вклад мигрантов в социально-экономическое развитие Кыргызской Республики [14].

Тематике возвратной миграции в Кыргызскую Республику посвящено лишь несколько публикаций. Исследования Л. Сагынбековой свидетельствуют о том, что возвращению на родину с одной стороны способствуют факторы выталкивания из страны миграции: нелегальный статус за рубежом, семейные обстоятельства, трудности, связанные с трудоустройством, и тяжелые условия труда, с другой стороны — факторы притяжения в Кыргызскую Республику: возможность инвестиций, семейные связи, благоприятное психоэмоциональное самочувствие на родине. Проживая в Кыргызской Республике, возвратные мигранты сталкиваются с рядом трудностей: проблемы трудоустройства, низ-

кие возможности для открытия собственного бизнеса, низкие доходы. Отсутствие государственной поддержки экономической активности возвратных мигрантов приводит к тому, что они вновь обращаются к миграционной стратегии. В итоге возвращение на родину не всегда является завершающей фазой трудовой миграции. Практика поведения кыргызов демонстрирует трансформацию возвратной миграции в постоянную, циркулярную или транснациональную миграцию. Таким образом, временной является возвратная миграция, а не трудовая, как планировали мигранты [26].

Аналогичный подход в оценке возвратной миграции применяют другие исследователи. На примере кейса кыргызской семьи трудовых мигрантов исследователь описывает феномен «возвратной мобильности» [24]. Эти многочисленные перемещения связаны со множеством факторов: подсчетом выгод и потерь после переезда, оценкой своей успешности, экономическими возможностями и социальной защищенностью [10].

Методы. Выбранный методологический подход основывается на классических миграционных теориях, объясняющих возвратную миграцию с точки зрения факторов миграции. Теория притягивания и отталкивания исходит из того, что возвратная миграция обусловлена негативными факторами в странах приема мигрантов, которые «выталкивают» мигрантов на родину и позитивными факторами в стране происхождения, которые побуждают к возвращению [17]. Р. Кинг к факторам выталкивания из стран приема мигрантов относит: 1) политическое или социальное давление в новой стране; 2) закон, ограничивающий время проживания; 3) неудовлетворительное жилье; 4) отсутствие экономического равенства и возможностей; 5) проблемы с адаптацией. К факторам притяжения на родину исследователь относит: 1) развитие рынка труда в родной стране; 2) силу семейных связей (включая ожидание женитьбы и оседлости); 3) инвестиции в жилье, землю и работу; 4) надежды на пенсию [21].

Неоклассическая теория объясняет возвратную миграцию ростом выгод в стране происхождения [16], а также тем, что сбережения, сформированные за рубежом, имеют

более высокую покупательскую способность в странах происхождения мигрантов [22].

Настоящее исследование нацелено на описание возвратной миграции в Кыргызскую Республику из России в условиях ее интенсификации в течение последних лет. Также произведен анализ статистических данных и программных документов Кыргызской Республики на предмет регулирования возвратной миграции. Комплексный подход позволяет сформировать целостное представление о возвратных мигрантах. Эмпирическое социологическое исследование, проведенное при помощи метода опроса (анкетирования и интервью), позволило получить достоверную первичную информацию об изучаемом явлении.

На материалах социологических исследований проведен сравнительный анализ фактором миграции и социального положения, во-первых, кыргызских трудовых мигрантов в Москве и Московской области, во-вторых, возвратных мигрантов в Кыргызской Республике. Кроме того, дана характеристика политики Кыргызской Республики в сфере возвратной миграции.

В статье приводятся результаты трех исследований, осуществленных ИДИ ФНИСЦ РАН при сотрудничестве с Кыргызско-Российским Славянским университетом.

Во-первых, проанализированы результаты социологического экспресс-опроса (анкетирования), реализованного с декабря 2022 года по январь 2023 года в Москве и Московской области. В опросе приняли участие 425 респондентов. Применен тип выборки «снежный ком», при котором критериями отбора служили следующие характеристики: трудовой мигрант, гражданин Кыргызстана, работающий в Москве и Московской области.

Во-вторых, использованы данные анкетного экспресс-опроса, проведенного с октября по декабрь 2022 года в Кыргызской Республике. Также использована выборка «снежный ком» (515 человек). Критерии формирования выборки: возвратный мигрант, работавший в России и вернувшийся в Кыргызскую Республику.

В-третьих, привлечены материалы полуструктурированных интервью, осуществленных с июня по июль 2022 года. Собрано и проанализировано 107 интервью. Информанты подбирались при помощи целевой выборки согласно следующим критериям: иностран-

ный гражданин, трудовой мигрант, работающий в Москве и Московской области.

Результаты исследований, осуществленных ИДИ ФНИСЦ РАН при сотрудничестве с Кыргызско-Российским Славянским университетом, позволяют сравнить положение кыргызов в условиях трудовой миграции на территории Москвы и Московской области и в условиях их возвращения на родину. Для двух выборок использовался единый перечень показателей и индикаторов, характеризующих социальное положение мигрантов в целом, особенности их занятости и качества жизни.

Для обработки и анализа данных, собранных при помощи анкетного опроса и полуструктурированного интервью, применялись методы компьютерного анализа данных (SPSS), математической статистики, сравнительного анализа, синтеза, тематического анализа.

Положение кыргызских мигрантов в условиях трудовой и возвратной миграции. Судя по ответам респондентов, социальное положение возвратных мигрантов в Кыргызской Республике выгодно отличается от социального положения кыргызских трудовых мигрантов, проживающих в Москве и Московской области. Возвратные мигранты по многим индикаторам дали более позитивную оценку своего положения и возможностей, чем трудовые мигранты. Хотя, если анализировать отрицательные ответы, то наоборот, их по многим сферам больше у возвратных мигрантов. Для трудовых мигрантов самыми проблемными сферами жизни в условиях миграции оказались: 1) возможности для получения образования; 2) экологическая ситуация; 3) возможности для проведения отпуска, каникул. Для возвратных мигрантов самыми неудовлетворительными условиями проживания в Кыргызской Республике стали: 1) экологическая ситуация; 2) возможности для проведения отпуска, каникул; 3) возможности для обеспечения семьи.

Корреляционный анализ данных этих индикаторов в зависимости от сроков пребывания в стране показал следующую закономерность. Уровень удовлетворенности мигрантов своим положением выше у тех мигрантов, которые обосновались в Кыргызской Рес-

Рис. 1. Удовлетворенность трудовыми и возвратными кыргызскими мигрантами своим положением в различных сферах деятельности⁶, %
Fig. 1. Satisfaction of Kyrgyz labor and return migrants with their position in various fields of activity, %

Рис. 2. Оценка трудовыми и возвратными кыргызскими мигрантами условий занятости⁷, %
Fig. 2. Assessment of employment conditions by labor and return Kyrgyz migrants, %

⁶ Составлено по данным авторского социологического исследования.

⁷ Составлено по данным авторского социологического исследования.

публике и в России от трех и более лет. Это обстоятельство можно объяснить влиянием как объективных, так и субъективных факторов. Позитивная оценка своего положения этой группы мигрантов свидетельствует об их адаптации в стране и, судя по результатам исследования, сроки адаптации составляют порядка трех лет. С другой стороны, пессимистичная оценка своего положения мигрантами, обосновавшихся в Кыргызской Республике

и в России в течение малого срока времени, может быть связано с особенностями субъективного восприятия своего положения — завышенными ожиданиями от миграции.

Доля возвратных мигрантов, указавших, что их работа соответствует знаниям, способностям и возможностям и что она хорошо оплачивается, втрое больше, чем доля трудовых мигрантов, ответивших так же. При этом среди трудовых мигрантов больше респон-

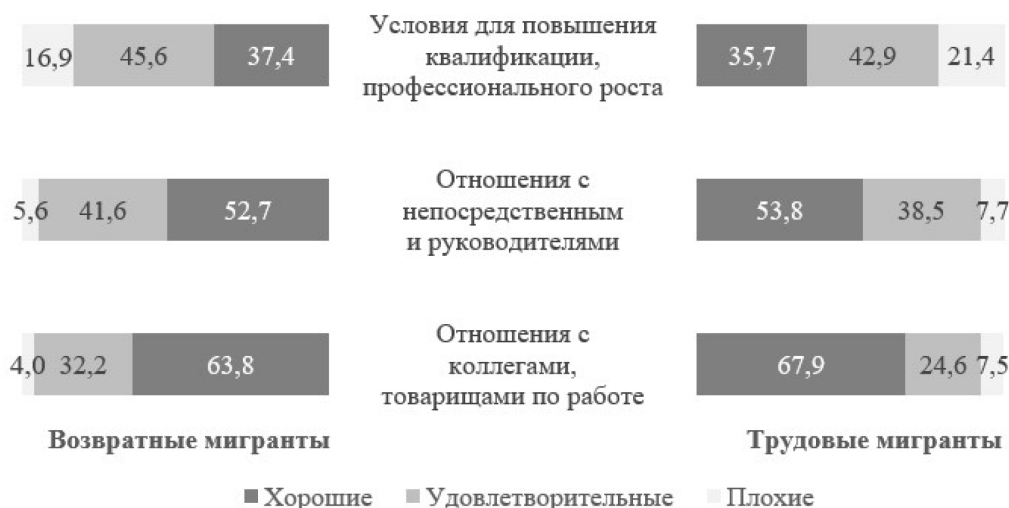

Рис. 3. Удовлетворенность трудовыми и возвратными кыргызскими мигрантами условий занятости⁸, %

Fig. 3. Satisfaction of Kyrgyz migrants with employment conditions, %

Рис. 4. Оценка трудовыми и возвратными кыргызскими мигрантами питания, одежды и материального обеспечения⁹, %

Fig. 4. Assessment of food, clothing and material security by labor and return Kyrgyz migrants, %

⁸ Составлено по данным авторского социологического исследования.

⁹ Составлено по данным авторского социологического исследования.

дентов, чем среди возвратных мигрантов, которые удовлетворены работой в целом.

Доля возвратных мигрантов, оценивающих положительно отношения с коллегами, товарищами по работе и отношения с непосредственными руководителями, чуть выше, чем доля трудовых мигрантов, считающих также. При этом доля трудовых мигрантов, отмечающих хорошие условия для повышения квалификации и профессионального роста в условиях миграции, чуть выше, чем доля возвратных мигрантов, придерживающихся этого же мнения.

Доля возвратных мигрантов, удовлетворенных своим качеством жизни, выше, чем доля трудовых мигрантов, считающих так же. При этом из трех индикаторов, характеризующих питание, одежду и материальное обеспечение, самый низкий уровень удовлетворенности мигрантов связан с материальным обеспечением.

Политика Кыргызской Республики в отношении возвратных мигрантов. Проблематика возвратной миграции отражена в программных документах миграционной политики Кыргызской Республики. Законы, регулирующие сферу миграции в Кыргызской Республике, были приняты в разные годы, при этом имеется множество редакций, что свидетельствует о гибком и оперативном подходе к регулированию миграционных процессов с учетом новым обстоятельств.

Анализ программных документов миграционной политики Кыргызской Республики выявил несколько черт, характерных для политики возвратной миграции в страну.

Во-первых, законы, регулирующие сферу миграции Кыргызской Республики, в основном затрагивают проблематику возвратной миграции этнических кыргызов¹⁰, лиц, ранее состоящих в гражданстве страны, и членов их семей¹¹. Незначительное внимание уделено возвращению трудовых мигрантов (а именно трудовых мигрантов, чей контракт трудоустройства был расторгнут¹²) и мигрантов в ситуации риска (детей мигрантов, оказавшихся в ситуации социального сиротства¹³, мигрантов, утративших удостоверение личности¹⁴, трудовых мигрантов, получивших увечья¹⁵, жертв торговли людьми¹⁶).

Существенным недостатком миграционной политики Кыргызской Республики в сфере возвратной миграции является отсутствие законов, регулирующих порядок возвращения учебных мигрантов. Согласно статистическим данным, их количество за рубежом ежегодно составляет более 10 тыс. человек (из которых 6668 кыргызских студентов обучаются в России [2], 1792 — в Турции и 1373 — в странах Европейского союза¹⁷). Ценность учебных мигрантов в возвратной миграции определяется тем, что они, как правило, увеличивают свой человеческий капитал за рубежом и по возвращении на родину могут стать существенным фактором развития Кыргызской Республики во всех сферах.

В этом же контексте недостатком является отсутствие программ возвращения трудовых мигрантов из числа свободных профессионалов (имеющих высокую квалификацию) и мигрантов-предпринимателей. Единственная мера поддержки — это возможность упрощенного порядка вступления в гражданство

10 Закон Кыргызской Республики «О государственных гарантиях этническим кыргызам, переселяющимся в Кыргызскую Республику» от 26 ноября 2007 г. №175 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

11 Закон Кыргызской Республики «О правовом положении иностранных граждан в Кыргызской Республике» от 14 декабря 1993 г. №1296-ХП [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

12 Закон Кыргызской Республики «О внешней трудовой миграции» от 13 января 2006 г. №4 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

13 Закон Кыргызской Республики «О гражданстве Кыргызской Республики» от 21 мая 2007 г. №70 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

14 Закон Кыргызской Республики «О внешней миграции» от 17 июля 2000 г. №61 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

15 Закон Кыргызской Республики «О внешней трудовой миграции» от 13 января 2006 г. №4 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

16 Закон Кыргызской Республики «О предупреждении и борьбе с торговлей людьми» от 17 марта 2005 г. №55 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

17 По данным портала EUROSTAT [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 15.01.24).

страны. Условия вступления в гражданство в общем порядке предусматривает проживание на территории страны в течение пяти лет и трех лет при наличии особых оснований (высоких достижений, инвестиций)¹⁸.

При этом отмечается, что денежные переводы в Кыргызскую Республику являются важным фактором экономического развития и составляют 25–30% от ВВП страны (одним из самых высоких в мире). Однако население в целом и мигранты в частности имеют низкий уровень финансовой грамотности, не позволяющий им использовать рыночные финансовые и инвестиционные инструменты¹⁹.

Во-вторых, регулирование возвратной миграции требует комплексного подхода — функционирования политик интеграции и адаптации во всех сферах жизни. Законодательство Кыргызской Республики, затрагивающее проблематику возвратной миграции, делает акцент на политико-правовой интеграции на территории страны. Оно предусматривает несколько путей политико-правовой интеграции для возвратных мигрантов и потомков эмигрантов из Кыргызской Республики. Это упрощенный порядок вступления в гражданство при условии проживания в стране в течение одного года для тех, кто имеет родственников или проживал в стране в течение определенного времени²⁰. Установлены условия получения статуса соотечественника Кыргызской Республики²¹.

Предусмотрено получение статуса кайрылмана. Кайрылман — это «этнический кыргыз, являющийся иностранным гражданином или лицом без гражданства, добровольно переселяющийся в Кыргызскую Республику <...>; статус кайрылмана — времен-

ный правовой статус до приобретения гражданства Кыргызской Республики»²². То есть законодательство Кыргызской Республики устанавливает следующий порядок получения статуса кайрылмана: этническим кыргызам, являющимся иностранным гражданином или лицом без гражданства и добровольно переселяющимся в Кыргызскую Республику.

В-третьих, законодательство Кыргызской Республики устанавливает ряд барьеров для политико-правовой интеграции для особых категорий потенциальных возвратных мигрантов. Так, гражданство утрачивается при обстоятельствах, связанных, например, с поступлением на военную службу иностранного государства²³.

Отказ в получении статуса кайрылмана может быть применен в отношении следующих лиц: 1) если они совершили преступление против мира и безопасности человечества; 2) если они разжигают межгосударственную, межнациональную и религиозную вражду; 3) если они выступают против суверенитета и независимости Кыргызской Республики, призывают к нарушению единства и целостности ее территории; 4) если они осуждены за террористическую деятельность или за убийство; 5) если они при подаче ходатайства о въезде сообщили о себе ложные сведения; 6) если это необходимо для защиты прав и законных интересов граждан Кыргызской Республики; 7) если они осуждены и отбывают наказание в виде лишения свободы — до истечения срока наказания²⁴.

В-четвертых, комплексные программы интеграции и адаптации возвратных мигрантов предусмотрены лишь для нескольких категорий мигрантов. Статус соотечественника

18 Закон Кыргызской Республики «О гражданстве Кыргызской Республики» от 21 мая 2007 г. №70 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

19 Концепция миграционной политики Кыргызской Республики на 2021–2030 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://migrant.org> (дата обращения: 15.01.24).

20 Закон Кыргызской Республики «О гражданстве Кыргызской Республики» от 21 мая 2007 г. №70 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

21 Закон Кыргызской Республики «О правовом положении иностранных граждан в Кыргызской Республике» от 14 декабря 1993 г. №1296-XII [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

22 Закон Кыргызской Республики «О государственных гарантиях этническим кыргызам, переселяющимся в Кыргызскую Республику» от 26 ноября 2007 г. №175 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

23 Закон Кыргызской Республики «О гражданстве Кыргызской Республики» от 21 мая 2007 г. №70 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

24 Закон Кыргызской Республики «О государственных гарантиях этническим кыргызам, переселяющимся в Кыргызскую Республику» от 26 ноября 2007 г. №175 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

предусматривает получение иностранцами ряда гражданских и трудовых прав на территории Кыргызской Республики (право на въезд/выезд без оформления визы, право на проживание без оформления вида на жительство, право на трудоустройство без оформления трудовой визы и разрешения на работу, право на одинаковые условия оплаты платных услуг наравне с гражданами Кыргызской Республики в сфере здравоохранения и образования). При этом соотечественники с иностранным гражданством ограничены в политических правах — они не могут занимать государственные и муниципальные должности в Кыргызской Республике²⁵. В настоящее время руководство Кыргызской Республики пытается содействовать переселению кайрылманов в страну и оказанию им всесторонней помощи на территории страны.

Обсуждение результатов. Таким образом, более благоприятное положение возвратных мигрантов по сравнению с трудовыми может объясняться тем, что возвратные мигранты уже улучшили свою ситуацию во время пребывания и получения заработков в другой стране и теперь хотят жить на родине. А возвратные мигранты, имеющие негативный миграционный опыт, имеют желание остаться в родной стране.

В целом результаты опроса трудовых и возвратных кыргызских мигрантов свидетельствуют о более благоприятном положении возвратных мигрантов, чем трудовых мигрантов. Этот вывод противоречит положениям ряда концепций трудовой миграции (неоклассической, человеческого капитала, теории миграции М. Тодаро, а также Дж. Харриса), согласно которым основным фактором трудовой миграции является разность экономических потенциалов стран отправления и стран приема мигрантов (в данном случае Кыргызской Республики и Российской Федерации) и ориентация мигрантов на максимизацию своего дохода [20].

С другой стороны, ряд других концепций миграции позволяют дать исчерпывающее объяснение полученным результатам. Так, новая экономическая теория миграции [23]

объясняет процесс перемещения не только с точки зрения желания максимизировать доход, но и с точки зрения минимизации рисков. События 2022 года (СВО и международные санкции в отношении России) вызвали ряд структурных изменений в России, связанных с ролью страны в международных отношениях, развитием экономической сферы, состоянием общественного мнения и социальных отношений. Все эти обстоятельства сказались на социально-экономическом положении трудовых мигрантов и стали причиной пессимистического самовосприятия трудовых мигрантов, выявленного в исследовании. Эта же теория позволяет объяснить полученные результаты не только с точки зрения объективных показателей положения трудовых и возвратных мигрантов в России и Кыргызской Республики, но и с точки зрения их субъективного самовосприятия, учитывая контекст состояния занятости, благополучия домохозяйств в целом. В этом случае пессимистическое самовосприятие трудовых мигрантов своего социального положения может быть связано с завышенными ожиданиями от миграции и сравнения своего положения с местными жителями (в пользу последних). А более благоприятное самовосприятие возвратных мигрантов может быть связано с накоплениями, сделанными во время трудовой миграции, особенностями самооценки в контексте социально-экономического положения соотечественников на родине.

Другое объяснение полученных результатов основывается на положениях неоклассической теории миграции, согласно которой миграция может быть временным решением для повышения человеческого капитала и доходов, чтобы в последствии воспользоваться ими на родине. Таким образом, возвратные мигранты — это не «аутсайдеры», которые не смогли адаптироваться за рубежом, а это «победители», которые успешно выполнили свои цели миграции и вернулись на родину [29].

Итак, раскрыть поведенческие характеристики возвратных мигрантов оказалось возможно с использованием качественной методологии социологических исследова-

²⁵ Закон Кыргызской Республики «О правовом положении иностранных граждан в Кыргызской Республике» от 14 декабря 1993 г. №1296-XII [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 15.01.24).

ний. На основе результатов анкетирования и полуструктурированных интервью сформулированы основные факторы возвратной миграции в Кыргызской Республике. Данные факторы являются общими для разных видов миграции, но особенность состоит в ориентации людей на возвращение на родину.

Во-первых, это причины и цели миграции. Установлено, что абсолютное большинство кыргызских мигрантов ориентированы на временную миграцию с целью получения образования, трудоустройства, получения навыков, доходов (приращения человеческого капитала в целом) и последующего возвращения на родину.

Во-вторых, это особенности семейного положения мигрантов, в первую очередь социокультурная специфика семейной жизни. Установлено, что для кыргызов важное значение имеют семейные узы, состоящие из многочисленных родственников и имеющие характер транснациональной семьи. В этом случае возвращение в Кыргызскую Республику происходит под влиянием семейных связей мигрантов и желания воссоединиться с семьей.

В-третьих, это факторы выталкивания из страны приема мигрантов и факторы притягивания со стороны Кыргызской Республики. Факторами выталкивания кыргызских мигрантов из России являются проблемы легализации и ограниченность прав на территории страны (в сфере здравоохранения, пенсионного обеспечения), низкие возможности приобретения жилья и обеспечения достойного качества жизни, неблагоприятный социально-психологический климат, мигрантофобия. С другой стороны, факторы притягивания в Кыргызской Республике — это наличие в стране жилья и семьи, возможность открытия бизнеса и обеспечения достойного уровня жизни за счет доходов, полученных в эмиграции, высокий социальный капитал на родине, состоящий из родственников, друзей и коллег, политика страны в отношении возвратных мигрантов.

Таким образом, возвратная миграция с точки зрения факторов возвращения имеет многогранный характер, что отражает сложность миграционного процесса, разнообразие профилей мигрантов по видам миграции и социально-демографическим характеристикам.

Заключение. Возвратная миграция в Кыргызской Республике представляет собой динамичный процесс временного или постоянного перемещения под влиянием совокупности факторов выталкивания из стран приема мигрантов и факторов притяжения на родине.

Возвратная миграция в Кыргызской Республике является малоизученной темой. Имеющиеся научные публикации описывают особенности кыргызской возвратной миграции в категориях циркулярной, транснациональной миграции и возвратной мобильности. Причиной этого являются проблемы социально-экономической адаптации возвратных мигрантов на родине и неэффективность государственных программ поддержки этой категории граждан.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о более благополучном положении возвратных мигрантов, чем трудовых мигрантов. Этот неожиданный результат исследования может быть связан как с объективными изменениями в России и Кыргызской Республике и со сделанными накоплениями во время миграции, так и с особенностями субъективного самовосприятия мигрантами своего социального положения на родине. При интерпретации результатов следует учитывать, что результаты опроса представляют собой анализ субъективных самооценок мигрантов (которые отражены в ответах респондентов на вопросы), тем более что в исследовании не стояла самостоятельная задача оценить доходы, обеспеченность жильем и другие экономические и материальные характеристики. Несмотря на отмеченный вывод, исследование выявило ряд проблемных аспектов социального положения возвратных мигрантов, связанных с неудовлетворенностью экологической ситуацией, возможностями проведения отпуска, каникул и обеспечения семьи.

Анализ программных документов Кыргызской Республики, затрагивающих проблематику миграционной политики, показал, что регулирование возвратной миграции происходит преимущественно в контексте правовой интеграции мигрантов, при этом отмечается необходимость комплексной правовой, экономической, социокультурной и психологической адаптации и интеграции возвратных мигрантов.

Таким образом, Кыргызская Республика нуждается в более тщательном регулировании процессов возвратной миграции посредством совершенствования законодательства, принятия государственных программ, развития социальной инфраструктуры по работе с этой категорией граждан. Данные меры позволят улучшить положение возвратных мигрантов на родине, консолидировать их установку на оседлость, использовать их социально-экономический потенциал в развитии домохозяйств и Кыргызской Республики.

Список источников

1. Абашин С.Н. Возвращение домой и циркулярная мобильность: как кризисы меняют антропологический взгляд на миграцию // *Этнографическое обозрение*. 2017. №3. С. 5–15.
2. Арефьев А.Л. Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации. Статистический сборник / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Вып. 17(2020). М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. 143 с.
3. Атокурова А. Т., Сайдинова М. Т. Проблемы трудовой миграции населения Кыргызской республики в условиях евразийской интеграции // *Вестник филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный социальный университет» в г. Ош Киргизской Республики*. 2021. №2(24). С. 32–37. DOI: 10.55428/16945727_2021_24_2_32.
4. Возвратная миграция: международные подходы и региональные особенности Центральной Азии / Под ред. С.В. Рязанцева. Международная организация по миграции (МОМ). Алматы: Агентство ООН по миграции, 2020. 242 с.
5. Жампеисов Д., Рязанцев С., Перемышлин С., Жампеисов Д. Опыт стран Центральной Азии и Российской Федерации в вопросах управления этнической репатриацией // *Central Asia and the Caucasus*. 2020. Т. 23. №1. С. 138–152.
6. Канафина Г.Е. Социальная защита трудовых мигрантов в Кыргызской Республике в условиях вхождения в ЕАЭС // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2015. №12–7. С. 128–131.
7. Матаева С.Ш. Трудовая миграция Кыргызстана и таможенный союз: преференции в сфере миграции и их результаты // *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. 2016. №3. С. 176–179.
8. Махмадуллозода Н.Р. Реинтеграция возвращающихся трудовых мигрантов в странах Центральной Азии: правовые и экономические аспекты // *Фундаментальная наука и технологии — перспективные разработки: Материалы XIX международной научно-практической конференции (North Charleston, 10–11 июня 2019 г.)*. North Charleston: LuluPress, Inc., 2019. С. 127–133.
9. Миграция из России в Кыргызстан: демографические и социологические аспекты монография / Г.И. Осадчая, Ш.И. Алиев, М.Л. Вартанова и др.; под общ. ред. Г.И. Осадчей; ФНИСЦ РАН. М.: Экон-Информ, 2023. 323 с.
10. Сабирова Г.А. «Возвращение после возвращения»: повторная трудовая миграция в Россию // *Этнографическое обозрение*. 2017. №3. С. 63–75.
11. Саякбаева А.А., Таалайбек М., Джакипова М.А. Миграция населения Кыргызстана // *Известия Иссык-кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии*. 2018. №4-2(23). С. 75–84.
12. Сивоплясова С.Ю., Войнов С.М., Письменная Е.Е. Гендерные особенности возвратной миграции в страны Центральной Азии // *Бизнес. Образование. Право*. 2022. №1(58). С. 1925–1928.
13. Торогельдиева Б.М. Миграция кыргызских граждан в Россию: возможности и риски // *Развитие территорий*. 2020. №4(22). С. 6772. DOI: 10.32324/2412-8945-2020-4-67-72.
14. Эргешбаев У.Ж., Ешенова С.Е., Муратова Ч.К. Современная внешняя трудовая миграция населения Кыргызстана // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук*. 2016. №1(66). С. 38–47.
15. Эргешбаев У.Ж., Кариев Б.Ч., Муратова Ч.К. Доходы трудовых мигрантов и их роль в экономическом развитии Кыргызстана и Таджикистана // *Вестник филиала фе-*

дерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный социальный университет» в г. Ош Киргизской Республики. 2017. №16. С. 48–52.

16. Bailey J. A., Law A. K. Return migration and Hong Kong's diverse circuits of mobility // *Asian Geographer*. 2013. Vol. 30(1). Pp. 21–35.

17. Gmelch G. Who Returns and Why: Return Migration Behaviour in Two North Atlantic Societies // *Human Organization*. 1983. Vol. 42(1). Pp. 46–54.

18. Grosa D., King R. The Challenges of Educational Reintegration and the Psychosocial Wellbeing of Returnee Children: Evidence from Latvia // *Journal of International Migration and Integration*. 2023. №24(2). Pp. 407–426. DOI: 10.1007/s12134-022-00960-3.

19. Guzmán Elizalde L. Return to Mexico: Exploring Reintegration Experiences // *Journal of International Migration and Integration*. 2023. Vol. 24(2). Pp. 465–483. DOI: 10.1007/s12134-022-00962-1.

20. Harris J., Todaro M. Migration, unemployment, and development: a two-sector analysis // *American Economic Review*. 1970. Vol. 60. Pp. 126–142.

21. King R. Return Migration: A Neglected Aspect of Population Geography // *Area*. 1978. Vol. 10(3). Pp. 175–182.

22. Kirdar M. G. Estimating the impact of Immigrants on the Host Country Social Security System When Return Migration is an Endogenous Choice // *International Economic Review*. 2012. Vol. 53(2). Pp. 453–486.

23. Massey D. A Synthetic theory of international migration // *World in the mirror of international migration*. 2002. Vol. 10. Pp. 143–153.

24. McHugh K. E. Inside, Outside, Upside Down, Backward, Forward, Round and Round: A Case for Ethnographic Studies in Migration // *Progress in Human Geography*. 2000. Vol. 24(1). Pp. 71–89.

25. Mueller C., Kuschminder K. Beyond «Just Comes» and «Know-It-Alls»: Exploring Strategies to Deal with Returnee Stigmas During Diaspora Return Visits for Knowledge Transfer // *Journal of International Migration and Integration*. 2023. Vol. 24(2). Pp. 427–443. DOI: 10.1007/s12134-022-00975-w.

26. Sagynbekova L. The Impact of International Migration. Process and Contemporary

Trends in Kyrgyzstan. Berlin: Springer, 2016. 315 p. DOI: 10.1007/978-3-319-26991-7.

27. Serra-Mingot E., Rudolf M. On the Same Wavelength? Differing Geopolitical Positionalities and Voluntary Return and Reintegration in Ghana // *Journal of International Migration and Integration*. 2023. Vol. 24(2). Pp. 485–502. DOI: 10.1007/s12134-022-00958-x.

28. Shaidrova M. Performing a «Returnee» in Benin City, Nigeria // *Journal of International Migration and Integration*. 2023. Vol. 24(2). Pp. 503–520. DOI: 10.1007/s12134-022-00976-9.

29. Tezcan T. «I (do not) know what to do»: how ties, identities and home states influence Mexican-born immigrants' return migration intentions // *Migration and Development*. 2018. Vol. 7(3). Pp. 388–411.

30. Wanki P., Derluyn I., Lietaert I. The Geopolitics of the Family: Negotiating Return and its Impact on the Reintegration of Cameroonian Returnees // *Journal of International Migration and Integration*. 2023. Vol. 24. Pp. 521–538. DOI: 10.1007/s12134-022-00957-y.

References

1. Abashin S. N. Vozvrashchenie domoj i cirkuljarnaja mobil'nost': kak krizisy menjajut antropologicheskij vzgljad na migraciju [Homecoming and circular mobility: how crises are changing the anthropological view of migration]. *Jetnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]*. 2017; (3): 5–15. (In Russ.).

2. Aref'ev A. L. Obuchenie inostrannyh grazhdan v obrazovatel'nyh organizacijah vysshego obrazovanija Rossijskoj Federacii. Statisticheskij sbornik [Training of foreign citizens in educational institutions of higher education of the Russian Federation. Statistical collection]. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovanija Rossijskoj Federacii. Issue 17 (2020). Moscow: Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina, 2020. 143 p. (In Russ.).

3. Attokurova A. T., Sajdinova M. T. Problemy trudovoj migracii naselenija Kyrgyzskoj respubliki v uslovijah evrazijskoj integracii [Problems of labor migration of the population of the Kyrgyz Republic in the context of Eurasian integration]. *Vestnik filiala federal'nogo gosudarstvennogo bjudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdenija vysshego obrazovanija «Rossijskij gosudarstvennyj social'nyj universitet» v g. Osh*

Kirgizskoj Respubliki [Bulletin of the branch of the federal state budgetary educational institution of higher education «Russian State Social University» in Osh, Kyrgyz Republic]. 2021; 2(24): 32–37. DOI: 10.55428/16945727_2021_24_2_32. (In Russ.).

4. Vozvratnaja migracija: mezhdunarodnye podhody i regional'nye osobennosti Central'noj Azii [Return migration: international approaches and regional features of Central Asia]. Pod red. S.V. Rjazanceva [In S.V. Ryazantsev (eds.)]. Mezhdunarodnaja organizacija po migracii (MOM). Almaty: Agentstvo OON po migracii, 2020. 242 p. (In Russ.).

5. Zhampeisov D., Rjazancev S., Peremyshlin S., Zhampeisov D. Opyt stran Central'noj Azii i Rossijskoj Federacii v voprosah upravlenija jetnicheskoy repatriaciej [The experience of the countries of Central Asia and the Russian Federation in the management of ethnic repatriation]. *Central Asia and the Caucasus* [Central Asia and the Caucasus]. 2020; 23(1): 138–152. (In Russ.).

6. Kanafina G.E. Social'naja zashhita trudovyh migrantov v Kyrgyzskoj Respublike v uslovijah vhozhdenija v EAJeS [Social protection of migrant workers in the Kyrgyz Republic in the context of joining the EAEU]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [Actual problems of humanities and natural sciences]. 2015; (12-7): 128–131. (In Russ.).

7. Mataeva S. Sh. Trudovaja migracija Kyrgyzstana i tamozhennyj sojuz: preferencii v sfere migracii i ih rezul'taty [Labor migration of Kyrgyzstan and the Customs Union: preferences in the field of migration and their results]. *Nauka, novye tehnologii i innovacii Kyrgyzstana* [Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan]. 2016; (3): 176–179. (In Russ.).

8. Mahmadullozoda N.R. Reintegracija vozvrashhajushhihsja trudovyh migrantov v stranah Central'noj Azii: pravovye i jekonomicheckie aspekty [Reintegration of returning migrant workers in Central Asian countries: legal and economic aspects]. Fundamental'naja nauka i tehnologii — perspektivnye razrabotki: Materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (North Charleston, 10–11 ijunya 2019 g.) [Fundamental science and technology — promising developments: Proceedings of the XIX International Scientific and Practical Conference (North Charleston, June 10–11,

2019)]. North Charleston: LuluPress, Inc., 2019. Pp. 127–133. (In Russ.).

9. Migracija iz Rossii v Kyrgyzstan: demograficheskie i sociologicheskie aspekty monografija [Migration from Russia to Kyrgyzstan: demographic and sociological aspects monograph]. G.I. Osadchaja, Sh. I. Aliev, M.L. Vartanova et al.; pod obshh. red. G.I. Osadchey; FNIS RAN. Moscow: Jekon-Inform, 2023. 323 p. (In Russ.).

10. Sabirova G.A. «Vozvrashhenie posle vozvrashhenija»: povtornaja trudovaja migracija v Rossiju [«Return after return»: repeated labor migration to Russia]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2017; (3): 63–75. (In Russ.).

11. Sajakbaeva A.A., Taalajbek M., Dzhakipova M.A. Migracija naselenija Kyrgyzstana [Migration of the Kyrgyz population]. *Izvestija Issyk-kul'skogo foruma buhgalterov i auditorov stran Central'noj Azii* [Proceedings of the Issyk-Kul Forum of Accountants and Auditors of Central Asian countries]. 2018; 4-2(23): 75–84. (In Russ.).

12. Sivopljasova S. Ju., Vojnov S.M., Pis'mennaja E.E. Gendernye osobennosti vozvratnoj migracii v strany Central'noj Azii [Gender characteristics of return migration to Central Asian countries]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Law]. 2022; 1(58): 1925–1928. (In Russ.).

13. Torogel'dieva B.M. Migracija kyrgyzskih grazhdan v Rossiju: vozmozhnosti i riski [Migration of Kyrgyz citizens to Russia: opportunities and risks]. *Razvitie territorij* [Development of territories]. 2020; 4(22): 6772. DOI: 10.32324/2412-8945-2020-4-67-72. (In Russ.).

14. Jergeshbaev U. Zh., Eshenova S.E., Muratova Ch. K. Sovremennaja vneshnjaja trudovaja migracija naselenija Kyrgyzstana [Modern external labor migration of the Kyrgyz population]. *Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Serija obshhestvennyh nauk* [Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. A series of social sciences]. 2016; 1(66): 38–47. (In Russ.).

15. Jergeshbaev U. Zh., Kariev B. Ch., Muratova Ch. K. Dohody trudovyh migrantov i ih rol' v jekonomicheckom razvitii Kyrgyzstana i Tadzhikestana [Incomes of migrant workers and their role in the economic development

of Kyrgyzstan and Tajikistan]. *Vestnik filiala federal'nogo gosudarstvennogo bjudzhetnogo obrazovatel'nogo uchrezhdenija vysshego obrazovaniya «Rossijskij gosudarstvennyj social'nyj universitet» v g. Osh Kirgizskoj Respubliki* [Bulletin of the branch of the Federal State budgetary educational institution of higher education «Russian State Social University» in Osh, Kyrgyz Republic]. 2017; (16): 48–52. (In Russ.).

16. Bailey J.A., Law A.K. Return migration and Hong Kong's diverse circuits of mobility. *Asian Geographer*. 2013.; 30(1): 21–35.

17. Gmelch G. Who Returns and Why: Return Migration Behaviour in Two North Atlantic Societies. *Human Organization*. 1983: 42(1): 46–54.

18. Grosa D., King R. The Challenges of Educational Reintegration and the Psychosocial Wellbeing of Returnee Children: Evidence from Latvia. *Journal of International Migration and Integration*. 2023; 24(2): 407–426. DOI: 10.1007/s12134-022-00960-3.

19. Guzmán Elizalde L. Return to Mexico: Exploring Reintegration Experiences. *Journal of International Migration and Integration*. 2023; 24(2): 465–483. DOI: 10.1007/s12134-022-00962-1.

20. Harris J., Todaro M. Migration, unemployment, and development: a two-sector analysis. *American Economic Review*. 1970; (60): 126–142.

21. King R. Return Migration: A Neglected Aspect of Population Geography. *Area*. 1978; 10(3): 175–182.

22. Kirdar M.G. Estimating the impact of Immigrants on the Host Country Social Security System When Return Migration is an Endogenous Choice. *International Economic Review*. 2012; 53(2): 453–486.

23. Massey D. A Synthetic theory of international migration. *World in the mirror of international migration*. 2002; (10): 143–153.

24. McHugh K.E. Inside, Outside, Upside Down, Backward, Forward, Round and Round: A Case for Ethnographic Studies in Migration. *Progress in Human Geography*. 2000; 24(1): 71–89.

25. Mueller C., Kuschminder K. Beyond «Just Comes» and «Know-It-Alls»: Exploring Strategies to Deal with Returnee Stigmas During Diaspora Return Visits for Knowledge Transfer. *Journal of International Migration and Integration*. 2023; 24 (2): 427–443. DOI: 10.1007/s12134-022-00975-w.

26. Sagynbekova L. The Impact of International Migration. Process and Contemporary Trends in Kyrgyzstan. Berlin: Springer, 2016. 315 p. DOI: 10.1007/978-3-319-26991-7.

27. Serra-Mingot E., Rudolf M. On the Same Wavelength? Differing Geopolitical Positionalities and Voluntary Return and Reintegration in Ghana. *Journal of International Migration and Integration*. 2023; 24(2): 485–502. DOI: 10.1007/s12134-022-00958-x.

28. Shaidrova M. Performing a 'Returnee' in Benin City, Nigeria. *Journal of International Migration and Integration*. 2023; 24(2): 503–520. DOI: 10.1007/s12134-022-00976-9.

29. Tezcan T. 'I (do not) know what to do': how ties, identities and home states influence Mexican-born immigrants' return migration intentions. *Migration and Development*. 2018; 7(3): 388–411.

30. Wanki P., Derluyn I., Lietaert I. The Geopolitics of the Family: Negotiating Return and its Impact on the Reintegration of Cameroonian Returnees. *Journal of International Migration and Integration*. 2023; (24): 521–538. DOI: 10.1007/s12134-022-00957-y.

Статья поступила в редакцию 26.12.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted on 26.12.2023; approved after reviewing on 18.01.2024; accepted for publication on 14.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Осадчая Галина Ивановна — доктор социологических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1

Galina I. Osadchaya — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Research of Socio-demographic processes in the EAEU, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS).

6 Fotieva str., bld. 1, Moscow, Russia

Волкова Ольга Александровна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований — обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН). Специалист в области прикладных социологических исследований, теории и практики социальной работы и некоммерческих организаций. Исполнитель ряда грантовых и инициативных социологических исследований.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Olga A. Volkova — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Researcher of the Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS). Specialist in applied sociological research, theory and practice of social work and non-governmental non-profit organizations. Author of a number of grant and initiative sociological studies.

6 Fotievoy str., bld. 1, Moscow, Russia

Оставная Алла Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология и социальные технологии», Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко.

Молдова, г. Тирасполь, ул. Горького, 110б

Alla N. Ostavnaia — Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor at the Department of Sociology and Social Technologies, Shevchenko Pridnestrovian State University.

110b Gorkogo str., Tiraspol, Moldova

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 347.626

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-89-98

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ БЫВШИМИ СУПРУГАМИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Наталья Михайловна Реброва

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
rebrova.natali2016@yandex.ru, ORCID: 0009-0008-6305-5267*

Аннотация. *Целью исследования* является характеристика некоторых проблем правового регулирования имущественных отношений между супругами (бывшими супругами) и сложившихся в правоприменительной практике подходов к их разрешению, а также разработка предложений по совершенствованию законодательства в указанной сфере.

Методологическую базу составили методы науки семейного права, как общенаучные, так и специальные: анализа и синтеза, формально-логический. С их помощью выявлено содержание и дано толкование правовых норм, обобщены позиции Верховного Суда Российской Федерации по актуальным проблемам правоприменения, выраженные им при разрешении конкретных дел, сформулированы предложения по совершенствованию норм, регулирующих имущественные отношения между супругами (бывшими супругами).

Результаты исследования. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что существует насущная потребность в совершенствовании правового регулирования имущественных отношений между супругами (бывшими супругами). Однако следует признать, что такое совершенствование должно происходить эволюционно, а не путем революционного изменения правовых основ имущественных отношений между супругами (бывшими супругами). Прежде всего следует обратить внимание на проблемы, касающиеся раздела общего имущества супругов, и создать правовые условия для реализации супругами права изменить режим совместной собственности уже в момент приобретения имущества. Для этого следует законодательно закрепить право супругов включать в соответствующий договор положения о приобретении имущества в долевую или раздельную собственность и определить форму подобного договора. Поскольку режим совместной собственности как законный режим имущества супругов достаточно распространен, следует закрепить нормы, позволяющие сделать Единый государственный реестр недвижимости более достоверным: отражать в нем право общей совместной собственности супругов на объект во всех случаях, когда таковое возникает. Это позволит снять многие проблемы, связанные с заключением сделок с общим имуществом супругов (бывших супругов), защитить интересы как самих супругов (бывших супругов), так и добросовестных приобретателей.

Перспективы исследования предполагают дальнейший поиск путей совершенствования правового регулирования имущественных отношений между бывшими супругами с учетом меняющейся социально-экономической ситуации как с целью обеспечения интересов самих супругов (бывших супругов), так и с целью обеспечения стабильности гражданского оборота.

Ключевые слова: совместная собственность, долевая собственность, супруги (бывшие супруги), брачный договор, раздел общего имущества супругов, соглашение, форма договора

Для цитирования: Реброва Н.М. Институционально-правовое регулирование имущественных отношений между бывшими супругами в современном российском обществе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 89–98. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-89-98>.

Original article

INSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF PROPERTY RELATIONS BETWEEN FORMER SPOUSES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Natalya M. Rebrova

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
rebrova.natali2016@yandex.ru, ORCID: 0009-0008-6305-5267*

Abstract. *The purpose of the study is to characterize some of the problems of legal regulation of property relations between spouses (former spouses) and the approaches to their resolution that have developed in law enforcement practice, as well as to develop proposals for improving legislation in this area.*

The methodological basis *was made up of methods of the science of family law, both general scientific and special: analysis and synthesis, formal-logical. With their help, the content and interpretation of legal norms were identified, the positions of the Supreme Court of the Russian Federation on current problems of law enforcement, expressed by it when resolving specific cases, were summarized, proposals were formulated for improving the rules governing property relations between spouses (former spouses).*

Research results. *An analysis of law enforcement practice indicates that there is an urgent need to improve the legal regulation of property relations between spouses (former spouses). However, it should be recognized that such improvement should occur evolutionarily, and not through a revolutionary change in the legal basis of property relations between spouses (former spouses). First of all attention should be paid to the problems relating to the division of the common property of spouses, and to create legal conditions for the spouses to exercise the right to change the regime of joint ownership at the time of acquisition of property. To do this, it is necessary to legislate the right of spouses to include in the relevant agreement provisions on the acquisition of property in shared or separate ownership and determine the form of such an agreement. Since the regime of joint ownership as the legal regime of property of spouses is quite widespread, it is necessary to establish rules that make the Unified State Register of Real Estate more reliable: to reflect in it the right of common joint ownership of the spouses to the object in all cases when it arises. This will eliminate many of the problems associated with concluding transactions with the common property of spouses (former spouses) and protect the interests of both the spouses (former spouses) themselves and bona fide purchasers.*

The prospects for the study *suggest a further search for ways to improve the legal regulation of property relations between former spouses, taking into account the changing socio-economic situation, both in order to ensure the interests of the spouses (former spouses) themselves, and in order to ensure the stability of civil turnover.*

Keywords: joint property, shared property, spouses (former spouses), marriage contract, division of common property of spouses, agreement, form of contract

For citation: Rebrova N. M. Institutional and legal regulation of property relations between former spouses in modern Russian society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 89–98. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-89-98>.

Введение. С 1 марта 1996 года вступил в силу Семейный кодекс Российской Федерации (далее — СК РФ), с которого начался новый этап в регулировании семейных отношений: от исключительно императивного метода законодатель перешел к сочетанию императивных и диспозитивных начал при определении режима имущества супругов (новые принципиальные подходы были сформулированы в первой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)) и установлении алиментных обязательств членов семьи. СК РФ, как и в целом российское семейное законодательство, отличается относительная стабильность, что отмечается в научной литературе [11], причем несовершенство СК РФ как раз видится в том, что он основан на классических семейных ценностях [6].

Безусловно, наше общество в социально-экономическом плане уже не то, каким оно было тридцать лет назад. Эволюционировали и семейные отношения, особенно в имущественной сфере. Специалистами отмечается необходимость изменения семейного законодательства, но без революционных потрясений [8]. Большие надежды возлагались на проект Федерального закона №835938–7 [5], но они по большей части не оправдались. Однако все же следует отметить, что за период, прошедший с момента вступления в силу СК РФ, семейно-правовые институты совместной собственности супругов и алиментных обязательств претерпели определенные изменения, которые, на наш взгляд, обусловлены практикой применения входящих в эти институты норм.

С одной стороны, под воздействием правоприменительной практики изменения коснулись непосредственно норм, закрепленных СК РФ, например: появление дополнитель-

ного абзаца в п. 3 ст. 35 СК РФ, значительно осложняющего оспаривание сделок по распоряжению общим имуществом супругов при отсутствии нотариально удостоверенного согласия одного из супругов, закрепление права суда уменьшать размер неустойки за несвоевременную уплату алиментов (п. 2 ст. 115 СК РФ) и другие.

С другой стороны, что более существенно, при неизменной формулировке нормы в СК РФ, Верховным Судом РФ, другими судами, дается такое ее толкование, которое заставляет по-новому взглянуть на содержание толкуемой нормы. В судебных актах, например, фигурирует понятие «режим совместной собственности бывших супругов»¹, в то время как законодательно такой вид общей собственности не закреплён. Верховный Суд РФ четко разграничивает понятия «супруги» и «бывшие супруги», хотя СК РФ в большинстве случаев такого разграничения не дает, устанавливая, например, что раздел общего имущества супругов может быть произведен после расторжения брака по требованию любого из супругов. Таким образом, в этом случае, как и во многих других (п. 7 ст. 38 СК РФ), закон не видит разницы между супругом и бывшим супругом, хотя логично предположить, что после расторжения брака потребовать раздела имущества может уже только бывший супруг. Е. А. Усачева, анализируя практику применения п. 4 ст. 38 СК РФ, отмечает, что толкование судами этой нормы привело к появлению целой системы «правил-невидимок». Однако, по ее мнению, судебное усмотрение не может быть безграничным и заменять законодательство до того, что утрачивается предсказуемость правового результата [11]. Более того, в литературе отмечается эволюция позиций Верховного

¹ Определение Верховного Суда РФ от 14 декабря 2022 г. по делу №А40-155682/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/gVvsmOrsE95X/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=%D0%9040-155682%2F2017+%vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge-&-1701184530908 (дата обращения: 20.07.2023).

Суда РФ по спорным вопросам имущественных отношений между супругами (бывшими супругами) [10]. С.Ю. Чашкова указывает на противоречивость решений коллегий по административным делам и коллегий по гражданским делам в применении норм семейного права при регистрации договоров, содержащих положения о долевой собственности супругов [12].

Толкование Верховным Судом РФ норм семейного права, на наш взгляд, отражает две тенденции в их применении.

Первая тенденция заключается во все более расширяющемся использовании норм гражданского права при разрешении спорных имущественных отношений между супругами (бывшими супругами). Наличие этой тенденции отмечается авторами применительно, например, к разрешению споров, связанных с соглашением о разделе общего имущества супругов [4]. Однако положения ст. 4 СК РФ о применении к семейным отношениям норм гражданского права достаточно расплывчаты: их можно применять, если это не противоречит существу семейных отношений. Но понимание существа семейных отношений, как показала практика, относительно и может меняться в трактовке того же Верховного Суда РФ. Например, то, что прежде уменьшение размера неустойки за несвоевременную уплату алиментов в соответствии с нормами ГК РФ противоречило существу семейных отношений, после известного постановления Конституционного Суда РФ² перестало противоречить. Исковая давность при рассмотрении споров о брачном договоре, о разделе имущества супругов и в ряде других случаев применяется в соответствии с ГК РФ, несмотря на то, что СК РФ прямо указывает только на три случая применения исковой давности к семейным отношениям и не предусматривает применение ст. 196 ГК РФ, устанавлива-

ющей общий срок исковой давности (ст. 9 СК РФ). Более того, имеют место случаи, когда при обращении в суд пытаются представить расторжение брака как сделку и применить правила о мнимой сделке, когда имеет место фиктивное расторжение брака. К чести судов, в удовлетворении требования было отказано, со ссылкой не только на отсутствие подобных норм в СК РФ, но и на существо семейных отношений³.

Вторая тенденция отражает стремление правоприменителя (а за ним и законодателя) защитить права добросовестного приобретателя общего имущества супругов (бывших супругов), усложнив правила оспаривания подобных сделок.

Вместе с тем решение множества имущественных споров между супругами (бывшими супругами), а также между ними и третьими лицами, далеко не однозначно в правоприменительной практике, что требует дальнейшего совершенствования норм семейного законодательства с целью исключения их произвольного толкования.

Раздел общего имущества супругов (бывших супругов). Существенные трудности возникают при применении норм СК РФ ввиду их неоднозначного толкования при разделе общего имущества супругов (бывших супругов). Установленный в связи с заключением брака режим общей совместной собственности может быть изменен только на основании определенных юридических фактов, к которым не относится бездействие супруга (бывшего супруга), виртуального сособственника, то есть непредъявление супругом (бывшим супругом), не указанным в качестве титульного собственника в ЕГРН, своих прав на общее имущество⁴.

Закономерно возникает вопрос: какие юридические факты, помимо судебного ре-

2 Постановление Конституционного Суда РФ от 6 октября 2017 г. №23-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.К. Костяшкина».

3 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27 июля 2020 г. №Ф09-7304/18 по делу №А60-46823/201 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/rxUazZhA5q6T/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=%D0%A409-7304%2F18&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_1701184891411&snippet_pos=8#snippet (дата обращения: 20.07.2023).

4 Определение Верховного Суда РФ от 6 июня 2023 г. по делу №48-КГ23-3-К7 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации [официальный сайт]. Тексты судебных актов. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2253632 (дата обращения: 21.08.2023).

шения, могут привести к прекращению общей совместной собственности супругов? Ясно, что это могут быть только активные действия обоих супругов (бывших супругов). Не берем в расчет случай, когда нотариус выдает свидетельство о праве собственности на долю в общем имуществе по заявлению пережившего супруга. Хотя и были предложения законодательно установить срок, по истечении которого в общем имуществе супругов автоматически будут выделяться доли в соответствии с презумпцией их равенства, либо супруг, на имя которого зарегистрировано имущество, становится его единоличным собственником («раздел в силу бездействия») [5], но они не нашли своего законодательного закрепления.

Верховный Суд РФ указал, что прекращение совместной собственности супругов возможно как на основании заключенного между ними брачного договора, так и на основании соглашения о разделе имущества (п. 2 ст. 38 СК РФ)⁵. Это конкретные сделки, к которым установлены особые требования, в частности к форме — они требуют нотариального удостоверения. Однако при этом тот же Верховный Суд РФ констатировал, что супруги (бывшие супруги) вправе по своему усмотрению изменить режим общей совместной собственности имущества, нажитого в браке (или его части), как на основании брачного договора, так и на основании любого иного соглашения (договора), не противоречащего нормам действующего законодательства⁶. Обратим внимание на последнее: любой договор, не противоречащий законодательству. Так каким же разъяснением руководствоваться на практике? Вопрос не праздный, так речь идет о форме договора, которым имущество приобретается в долевую собственность супругов.

В настоящее время многие супруги, приобретая недвижимое имущество, сразу приобретают (или в соответствии с законодательством должны приобрести) его в долевую собственность. Особенно актуально это в тех случаях, когда имущество приобретается с дополнительным вложением личных средств одного из супругов (вырученных от продажи имущества, приобретенного до заключения брака; подаренных близкими родственниками; полученных в порядке наследования). Как квалифицировать такой договор: как самостоятельную разновидность договора или как договор, в котором содержатся элементы соглашения о разделе общего имущества супругов или брачного договора? Некоторые специалисты вообще не признают такие смешанные договоры с элементами брачного договора [1].

Вопрос получил особое значение в связи с установлением обязательной нотариальной формы для соглашений о разделе общего имущества супругов с 29 декабря 2015 года. Из смысла определений Верховного Суда РФ следует, что договоры купли-продажи недвижимости, в которых они определяют свои доли, содержат элементы соглашения о разделе общего имущества супругов, поэтому форма такого договора должна соответствовать форме соглашения об разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака, установленной СК РФ на момент заключения договора⁷.

Минюст РФ в Письме от 19 июня 2023 года №12/71121-МБ указал, что договор о передаче в общую долевую собственность супругов жилого помещения, содержащий элементы соглашения о разделе имущества супругов или брачного договора, подлежит нотариальному удостоверению. В таком случае, не желая тратить лишние средства на но-

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. по делу №11-КГ23-6-К6 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации [официальный сайт]. Тексты судебных актов. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2261180 (дата обращения: 21.08.2023).

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. по делу №11-КГ23-6-К6 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации [официальный сайт]. Тексты судебных актов. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2261180 (дата обращения: 21.08.2023); Определение Верховного Суда РФ от 10 сентября 2019 г. по делу №18-КГ19-82 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации [официальный сайт]. Тексты судебных актов. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1812786 (дата обращения: 21.08.2023).

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 5 сентября 2023 г. по делу №69-КГ23-11-К7 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации [официальный сайт]. Тексты судебных актов. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2283648 (дата обращения: 10.10.2023); Определение Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. по делу №11-КГ23-6-К6 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации [официальный сайт]. Тексты судебных актов. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2261180 (дата обращения: 21.08.2023).

тариальное удостоверение сделки, супруги могут отказаться от приобретения имущества в долевую собственность, а ведь это был их осознанный выбор, который в дальнейшем мог бы снять многие проблемы владения, пользования и распоряжения этим имуществом, а также его раздела.

На наш взгляд, исходя из позиции Верховного Суда РФ, что супруги (бывшие супруги) могут изменить режим общей совместной собственности имущества любым соглашением (договором), не противоречащим закону, в СК РФ следует закрепить норму, что если имущество приобретается в долевую собственность супругов на основании договора, предусмотренного ГК РФ, то форма такого договора должна соответствовать форме, установленной ГК РФ для данного вида договора. Соответствующие изменения следует внести и в п. 3 ст. 421 ГК РФ.

С аналогичным предложением выступила Е.Ю. Горская [3]. Но она не акцентирует внимание на форме договора, а именно это, на наш взгляд, является существенным для недопущения произвольного толкования соответствующих норм права.

При разделе общего имущества возникает вопрос о том, насколько самостоятельны супруги (бывшие супруги) в определении размера долей. Закон позволяет им определить доли, игнорируя принцип равенства долей, но при этом запрещает в брачном договоре ставить одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, а также допускается признание недействительным соглашения о разделе общего имущества супругов по основаниям, предусмотренным ГК РФ. Анализ судебной практики показал, что неравенство долей при разделе общего имущества супругов вполне допустимо и не противоречит закону, если супруги действовали добросовестно и между ними отсутствует спор о судьбе общего имущества. При отсутствии спора стоимостная оценка подлежащего разделу имущества супругов не производится. Даже наличие обязательств у одного супруга пе-

ред третьими лицами не препятствует разделу совместно нажитого имущества⁸. Однако довольно часто встречаются случаи, когда раздел общего имущества осуществляется исключительно с целью уберечь имущество от взыскания, чаще всего в рамках дел о несостоятельности (банкротстве). В этой ситуации налицо недобросовестное поведение супругов, которые оба являются заинтересованными лицами. Таким образом, важно выяснить, насколько супруги (бывшие супруги) действовали добросовестно как в отношениях между собой, так и по отношению к третьим лицам (чаще всего кредиторам одного из супругов) при разделе общего имущества, поэтому, если суд установит недобросовестность в действиях супругов при разделе общего имущества в несоразмерно неравных долях, выявит признаки злоупотребления правом, то он вправе признать такую сделку (брачный договор, соглашение) недействительной.

Еще одна проблема, которая возникает при разделе общего имущества супругов (бывших супругов) касается судьбы имущества, являющегося собственностью каждого из супругов. Хотя и в этом случае, на наш взгляд, необходимо учитывать добросовестность поведения супругов (бывших супругов) в отношениях с третьими лицами, но при этом следует определить — возможно ли в принципе при разделе общего имущества супругов изменить режим имущества, являющегося личным имуществом каждого из супругов. Верховный Суд РФ пояснил, что это возможно, отметив при этом, что включение таких условий в брачный договор или в соглашение о разделе имущества не может толковаться как незаконное, сославшись на ст. 38 СК РФ⁹. Позволим частично не согласиться с позицией Верховного Суда РФ в отношении соглашений о разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака. Если п. 1 ст. 42 СК РФ допускает изменение брачным договором режима имущества каждого из супругов и установление на него режима

8 Определение Верховного Суда РФ от 1 сентября 2020 г. по делу №5-КГ20-69-К2 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации [официальный сайт]. Тексты судебных актов. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1929766 (дата обращения: 10.10.2023).

9 Определение Верховного Суда РФ от 10 сентября 2019 г. по делу №18-КГ19-82 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации [официальный сайт]. Тексты судебных актов. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1812786 (дата обращения: 21.08.2023).

совместной, долевой или раздельной собственности, то ст. 38 СК РФ называется «Раздел общего имущества супругов» и по смыслу норм применяется при разделе общего имущества супругов (бывших супругов). В соответствии с п. 2 ст. 38 СК РФ легальное название соглашения — соглашение о разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака, а согласно ст. 34 и ст. 36 СК РФ имущество каждого из супругов к общему имуществу супругов не относится, поэтому, на наш взгляд, брачным договором можно изменить режим имущества каждого из супругов, если при этом отсутствуют признаки злоупотребления правом, а указанным соглашением этого сделать нельзя.

Оспаривание сделок с общим имуществом супругов (бывших супругов). Как указывалось выше, целый ряд изменений в СК РФ и в целом в законодательстве направлены на защиту прав добросовестного приобретателя общего имущества супругов (бывших супругов). Отсылка в п. 3 ст. 35 СК РФ к ст. 173.1 ГК РФ при оспаривании сделки с общим имуществом супругов по мотиву отсутствия нотариально удостоверенного согласия другого супруга, когда таковое требуется, предполагает установление факта, что другая сторона сделки знала или должна была знать об отсутствии на момент совершения сделки необходимого согласия. Возникает вопрос: что считать разумными пределами заботливости и осмотрительности покупателя? Достаточно ли покупателю ознакомиться с Выпиской из ЕГРН об основных характеристиках и зарегистрированных правах на объект недвижимости, или он должен внимательно изучить правоустанавливающий документ на имущество, данные паспорта продавца, провести их анализ и установить, было ли имущество приобретено в период брака или нет? В настоящее время сведения о регистрации брака вносятся в паспорт по желанию

супругов. Кроме того, даже нотариальное удостоверение сделки не гарантирует, что продавец представит достоверные сведения о своем семейном положении. Показателен случай, когда состоящий в браке гражданин, имея паспорта двух государств, заявил нотариусу, что на момент приобретения имущества в браке не состоял. В подтверждение он представил паспорт гражданина Российской Федерации, где отсутствовали отметки о его семейном положении¹⁰. Или покупатель должен провести поиск в соцсетях на предмет выяснения подробностей о личности продавца и его семейном положении? Потребовать от покупателя справку о том, что последний в браке не состоит? И только в этом случае можно будет утверждать, что он не мог знать об отсутствии на момент совершения сделки нотариально удостоверенного согласия другого супруга? И даже если при оспаривании сделки все в конечном счете сложится для покупателя благополучно, то все равно это потраченное время и нервы. А обманутому супругу придется судиться с супругом о предоставлении ему части средств, вырученных от распоряжения общим имуществом супругов.

Т.И. Нестерова, ссылаясь на позицию Конституционного Суда РФ, полагает, что данных ЕГРН достаточно, так как бывший супруг (в Постановлении Конституционного Суда РФ¹¹ речь шла о бывших супругах) сам должен позаботиться о защите своих прав путем раздела общего имущества и оформления своего права собственности [7]. О.А. Рузакова считает, что все указанное Конституционным Судом РФ отношении бывшего супруга может быть отнесено и к супругу [9].

Изложенное выше вытекает из проблемы получения достоверной информации о статусе имущества, приобретенного гражданином в период брака, наличие которой давно отмечается в научной литературе [2], а также тесно связанной с ней проблемы обеспечения обяза-

¹⁰ Определение Верховного Суда РФ от 17 мая 2018 г. по делу №А40-167485/2015 [Электронный ресурс]// Верховный Суд Российской Федерации [официальный сайт]. Тексты судебных актов. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf_es.php?id=1651900 (дата обращения: 21.08.2023).

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июля 2021 г. №35-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Мокеева» [Электронный ресурс] // Конституционный Суд Российской Федерации [официальный сайт]. Решения Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision546047.pdf> (дата обращения: 21.07.2023).

тельного информирования участников сделки о семейном положении контрагента [7].

Для того, чтобы минимизировать риски при совершении указанных выше сделок, на законодательном уровне следует обязать супругов, приобретающих имущество, перечень которого содержится в п. 3 ст. 35 СК РФ, а также имущества, стоимость которого превышает 500 тысяч рублей (это может быть, например, автомобиль, он часто фигурирует в исках о разделе общего имущества супругов), указывать в договоре, что имущество приобретается в долевую собственность, в совместную собственность. Либо указывать в договоре, что имущество приобретается в собственность одного из супругов, на что имеется письменное согласие другого супруга. Форма такого договора — как для договоров этого вида. Но предварительно следует восстановить обязательное проставление в паспорте штампа о заключении брака. А также следует возложить все неблагоприятные последствия сокрытия факта состояния в браке на скрывшего факт супруга.

Можно предложить еще один вариант решения рассматриваемой проблемы. В настоящее время регистрация права общей совместной собственности супругов на недвижимое имущество осуществляется на основании заявления одного из них¹². На наш взгляд, регистрацию права общей совместной собственности супругов на недвижимое имущество следует сделать обязательной, законодательно закрепив положение, что если недвижимое имущество приобретается в период брака и договором не предусмотрено иное, то регистрируется право совместной собственности супругов. В качестве правообладателей указываются оба супруга, независимо от того, что стороной в договоре является только один супруг.

Заключение. Семейное законодательство относится к тем отраслям законодательства, которые не могут быть подвержены революционным изменениям. Оно еще долго будет отражать установившиеся в течение длительного периода стереотипы взаимоотношений супругов, в том числе в имущественных

отношениях, и это не в последнюю очередь обусловлено тем, что значительная часть семей небогаты. Эти стереотипы невозможно сломать единовременно, однако возможны (и требуются) постепенные изменения правового регулирования имущественных отношений супругов сообразно потребностям меняющегося общества. В настоящее время весьма актуальным является законодательное закрепление норм, позволяющих сделать ЕГРН более достоверным, отражая в нем право общей совместной собственности супругов на объект во всех случаях, когда таковое возникает. Это позволит защитить интересы самих супругов, а также добросовестных приобретателей такого объекта. В то же время следует расширить возможности супругов при приобретении имущества сразу устанавливать режим раздельной собственности. Это можно сделать путем законодательного закрепления права супругов включать в соответствующий договор положения о приобретении имущества в долевую собственность и определения формы подобных договоров.

При оценке права супругов разделить общее имущество в любых долях, включить в имущество, подлежащее разделу, имущество каждого из супругов, надо исходить из того, действовали ли супруги добросовестно в отношении друг друга и в отношении третьих лиц. При этом следует признать, что изменить режим имущества каждого из супругов можно только брачным договором.

Список источников

1. Арсланов К.М. О последствиях определения супругами разных долей в праве собственности на недвижимое имущество в нотариально удостоверенном договоре // Нотариус. 2022. №3. С. 19–24.
2. Ганичева Е.С. Особенности доказывания по делам о защите имущественных прав супругов и пути совершенствования обеспечивающего их реализацию законодательства // Журнал российского права. 2020. №4. С. 126–140.
3. Горская Е.Ю. Вопросы, требующие актуализации и единообразия в сфере имуще-

¹² Часть 3 ст. 42 Федерального закона от 13 июля 2015 г. №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».

твенных правоотношений супругов // Семейное и жилищное право. 2023. №5. С. 14–16.

4. Елисеева А.А. Соглашение о разделе общего имущества супругов: юридическая сущность и содержание // Семейное и жилищное право. 2022. №4. С. 8–12.

5. Крашенинников П., Михеева Л., Рассказова Н., Петров Е., Архипов Д., Федорова О., Алейникова В., Дергунова В. Реформа режима супружеской собственности // Закон. 2019. №12. С. 20–32.

6. Мерзлякова И.С. К вопросу о несовершенстве семейного законодательства Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. №12. С. 10–16.

7. Нестерова Т.И. Об обеспечении баланса интересов супругов и добросовестных приобретателей супружеского имущества // Хозяйство и право. 2023. №6. С. 97–112.

8. Основная идея — перевести внутренние супружеские правоотношения из сферы вещного права в сферу обязательственную (Интервью с Л.Ю. Михеевой) // Закон. 2022. №1. С. 8–15.

9. Рузакова О.А. Новеллы российского законодательства о защите семейных прав // Lex russica. 2022. Т. 75. №8. С. 143–144.

10. Сакулин Р.А. Регулятивное воздействие индивидуально-правовых актов судов общей юрисдикции Российской Федерации на имущественные отношения супругов // Актуальные проблемы российского права. 2022. №10. С. 148–157.

11. Усачева Е.А. Правовые последствия фактического прекращения брачных отношений для имущественных отношений супругов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. №4. С. 91–111.

12. Чашкова С.Ю. Основания и порядок возникновения режима общей долевой собственности у супругов: диссонанс правового регулирования и судебной практики // Семейное и жилищное право. 2022. №4. С. 17–21.

References

1. Arslanov K.M. O posledstvijah opredelenija suprugami raznyh dolej v prave sobstvennosti na nedvizhimoe imushchestvo v notarial'no udostoverennom dogovore [On the consequences of determining by spouses different shares in

ownership of real estate in a notarized contract]. *Notarius [Notary]*. 2022; (3): 19–24. (In Russ.).

2. Ganicheva E.S. Osobennosti dokazyvanija po delam o zashhite imushhestvennyh prav suprugov i puti sovershenstvovanija obespechivajushhego ih realizaciju zakonodatel'stva [Features of proof in cases of protection of property rights of spouses and ways to improve legislation ensuring their implementation]. *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2020; (4): 126–140. (In Russ.).

3. Gorskaja E. Ju. Voprosy, trebuyushhie aktualizacii i edinoobrazija v sfere imushhestvennyh pravootnoshenij suprugov [Issues requiring updating and uniformity in the sphere of property legal relations of spouses]. *Semejnoe i zhilishhnoe pravo [Family and housing law]*. 2023; (5): 14–16. (In Russ.).

4. Eliseeva A.A. Soglashenie o razdele obshhego imushhestva suprugov: juridicheskaja sushhnost' i soderzhanie [Agreement on the division of common property of spouses: legal essence and content]. *Semejnoe i zhilishhnoe pravo [Family and housing law]*. 2022; (4): 8–12. (In Russ.).

5. Krashennnikov P., Miheeva L., Rasskazova N., Petrov E., Arhipov D., Fedorova O., Alejnikova V., Dergunova V. Reforma rezhima supruzheskoj sobstvennosti [Reform of the marital property regime]. *Zakon [Law]*. 2019; (12): 20–32. (In Russ.).

6. Merzljakova I. S. K voprosu o nesovershenstve semejnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [On the issue of imperfection of family legislation of the Russian Federation]. *Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie [State power and local self-government]*. 2020; (12): 10–16. (In Russ.).

7. Nesterova T.I. Ob obespechenii balansa interesov suprugov i dobrosovestnyh priobretelej supruzheskogo imushhestva [On ensuring the balance of interests of spouses and bona fide purchasers of marital property]. *Hozjajstvo i pravo [Economy and law]*. 2023; (6): 97–112. (In Russ.).

8. Osnovnaja ideja — perevesti vnutrennie supruzheskie pravootnoshenija iz sfery veshhnogo prava v sferu objazatel'stvennuju (Interv'ju s L. Ju. Miheevoj) [The main idea is to transfer domestic marital relations from the sphere of property law to the sphere of obligation (Interview with L. Yu. Mikheeva)]. *Zakon [Law]*. 2022; (1): 8–15. (In Russ.).

9. Ruzakova O.A. Novelty rossijskogo zakonodatel'stva o zashhite semejnyh prav [Novelties of Russian legislation on the protection of family rights]. *Lex russica*. 2022; 75(8): 143–144. (In Russ.).

10. Sakulin R.A. Reguljativnoe vozdejstvie individual'no-pravovyh aktov sudov obshhej jurisdikcii Rossijskoj Federacii na imushhestvennye otnoshenija suprugov [Regulatory impact of individual legal acts of courts of general jurisdiction of the Russian Federation on property relations of spouses]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law]. 2022; (10): 148–157. (In Russ.).

11. Usacheva E.A. Pravovye posledstvija fakticheskogo prekrashhenija brachnyh otnosh-

enij dlja imushhestvennyh otnoshenij suprugov [The legal consequences of the actual termination of marital relations for the property relations of spouses]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics]. 2022; (4): 91–111. (In Russ.).

12. Chashkova S. Ju. Osnovaniya i porjadok vzniknoveniya rezhima obshhej dolevoj sobstvennosti u suprugov: dissonans pravovogo regulirovaniya i sudebnoj praktiki [The grounds and procedure for the emergence of the regime of common shared ownership among spouses: the dissonance of legal regulation and judicial practice]. *Semejnoe i zhilishhnoe pravo* [Family and housing law]. 2022; (4): 17–21. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.12.2023; одобрена после рецензирования 16.01.2024; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted on 26.12.2023; approved after reviewing on 16.01.2024; accepted for publication on 14.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Реброва Наталья Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Юриспруденция», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Natalya M. Rebrova — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Jurisprudence, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 159.9; 37.018.36

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-99-109

МОЛОДЫЕ МУЖЧИНЫ С ПРИОБРЕТЕННОЙ ИНВАЛИДНОСТЬЮ: РАЗРАБОТКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

Тамара Керимовна Ростовская^{1✉}, Эльмира Кямаловна Наберушкина²

¹Институт демографических исследований — обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия

²Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

¹rostovskaya.tamara@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-1629-7780, AuthorID РИНЦ: 767943,
AuthorID Scopus: 57192987864, WoS Research ID: F-5579-2018

²ellana777@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7495-231X, AuthorID РИНЦ: 532427

Аннотация. Актуальность данного проекта связана с необходимостью принятия государственных мер в отношении молодых людей с приобретенной инвалидностью в возрасте до 35 лет включительно.

Целью исследования является выявление факторов, определяющих: самосохранительный, ресурсный потенциал молодых мужчин с инвалидностью в рамках реализации Стратегии действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства, разработанной в 2023 году авторским коллективом из числа ведущих ученых, членов Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при Отделении общественных наук РАН. Указанные практики и типы поведения лежат в основе приумножения населения, сбережения мужчин, предотвращения их преждевременной смертности, формирования социальной нормы/модели ответственного отцовства и укрепления института многопоколенной традиционной семьи как принципиально важного ресурса для обеспечения национальной и демографической безопасности Российской Федерации. В то же время нельзя рассматривать самосохранительное, брачное, репродуктивное поведение мужчин и практики отцовства без учета экономической и социальной активности мужчин с инвалидностью.

Методологическую базу исследования представляют базисные положения концепции самосохранительного поведения, благополучия семьи, качества жизни населения, нормализации жизни инвалидов. В исследовании использовался такой научный метод, как сравнительный статистический анализ.

Результаты исследования. Демографическая безопасность, репродуктивное здоровье и семейное благополучие становятся важнейшей целью государства. При этом подразумевается внимание по отношению к социально уязвимым категориям граждан, молодым людям, испытывающим трудности социальной интеграции. Реализация проекта направлена на получение следующих результатов: проведение общественной экспертизы качества среды жизнедеятельности молодых людей с приобретенной инвалидностью, испытывающих трудности интеграции; развитие моделей и направлений адресной мобильной социальной работы с молодыми мужчинами с инвалидностью; развитие групп самопомощи и взаимоподдержки молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации; распростра-

нение программ развития навыков и умений самостоятельной жизни для молодых людей с инвалидностью, испытывающих трудности в интеграции.

Ключевые слова: молодые мужчины, демография, инвалидность, социальная интеграция, самосохранительное поведение, роль мужчины в российском обществе и семье, демографическая безопасность

Для цитирования: Ростовская Т.К., Наберушкина Э.К. Молодые мужчины с приобретенной инвалидностью: разработка исследовательского проекта // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 99–109. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-99-109>.

Original article

YOUNG MEN WITH ACQUIRED DISABILITIES: DEVELOPING A RESEARCH PROJECT

Tamara K. Rostovskaya^{1✉}, Elmira K. Naberushkina²

¹*Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Moscow, Russia*

²*Financial University under the Government of Russia, Moscow, Russia*

¹*rostovskaya.tamara@mail.ru[✉], ORCID: 0000-0002-1629-7780, AuthorID RSCI: 767943, AuthorID Scopus: 57192987864, WoS Research ID: F-5579-2018*

²*ellana777@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7495-231X, AuthorID RSCI: 532427*

Abstract. *The relevance of this project is related to the need to take government measures in relation to young people with acquired disabilities up to the age of 35 inclusive.*

The purpose of the study *is to identify the factors that determine: the self-preservation, resource potential of young men with disabilities as part of the implementation of the Action Strategy for saving men and supporting responsible fatherhood, developed in 2023 by a team of authors from among leading scientists, members of the Scientific Council «Demographic and Migration Problems of Russia» at the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. These practices and types of behavior underlie the increase in population, saving men, preventing their premature mortality, forming a social norm/model of responsible fatherhood and strengthening the institution of a multi-generational traditional family as a fundamentally important resource for ensuring the national and demographic security of the Russian Federation. At the same time, it is impossible to consider the self-preservation, marital, reproductive behavior of men and the practice of fatherhood without taking into account the economic and social activity of men with disabilities.*

The methodological basis of the study *is represented by the basic concepts of self-preservation behavior, family well-being, quality of life of the population, and normalization of the lives of people with disabilities. The study used a scientific method such as comparative statistical analysis.*

Research results. *Demographic security, reproductive health and family well-being are becoming the most important goals of the state. This implies attention to socially vulnerable categories of citizens, young people experiencing difficulties in social integration. The implementation of the project is aimed at obtaining the following results: conducting a public examination of the quality of the living environment of young people experiencing integration*

difficulties; development of models and directions of targeted mobile social work with young men with disabilities; development of self-help and mutual support groups for young people who find themselves in difficult life situations; dissemination of programs for developing skills and abilities of independent living for young people with disabilities who have difficulties in integration.

Keywords: *young men, demography, disability, social integration, self-preservation behavior, the role of men in Russian society and family, demographic security*

For citation: *Rostovskaya T. K., Naberushkina E. K. Young men with acquired disabilities: development of a research project // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 99–109. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-99-109>.*

Введение. Реализация приоритетного проекта «Молодые мужчины с приобретенной инвалидностью» (далее — Проект) в рамках Стратегии действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства, разработанной в 2023 году авторским коллективом из числа ведущих ученых, членов Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при Отделении общественных наук РАН¹, направлена на целевую группу молодых мужчин с инвалидностью в возрасте до 35 лет включительно [1; 5; 6]. Актуальность проекта проблематизирована объективными условиями социального неблагополучия молодых людей с инвалидностью [4], статистическими показателями Росстата, свидетельствующими об увеличении процента детской инвалидности и неблагополучных социально-демографических показателях. Акцентуация проблематики проекта связана с молодежью как наиболее ресурсной социальной стратегией в социально-экономическом и социально-демографическом контексте.

Определение понятий «молодежь» и «молодые граждане» представлено в Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»: «социально-демографическая

группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации». Более расширенное определение молодежи представлено в документе «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденном Распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 №2403-р. В соответствии с ним молодежь есть «социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями». Ключевой особенностью данного определения является упоминание в качестве отличительных черт молодежи не только фиксированного возраста ее представителей, но также обращение к «социальному положению, специфическим интересам и ценностям», присущим исключительно молодежи. Данное уточнение важно в контексте темы исследования, поскольку понимание проблем социального функционирования и качества жизни молодых граждан невозможно без учета и понимания социально статусных особенностей данной социально-демографической группы, предпочтений и ценностных ориентаций, оказывающих влияние как на личностное развитие, так и на восприятие транслируемых сообще-

¹ Авторский коллектив: Т.К. Ростовская, д-р. социол. наук, профессор, зам. председателя Научного совета, г. Москва; О.И. Аполихин, член-корр. РАН, д-р мед. наук, профессор, директор НИИ урологии и интервенционной радиологии им. Н.А. Лопаткина — филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России, член Общественной палаты РФ, г. Москва; Е.Н. Васильева, д-р социол. наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, профессор Волгоградского государственного университета, г. Волгоград; А.Е. Иванова, д-р экон. наук, профессор, зав. отделом здоровья и самосохранительного поведения Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва; Ч.И. Ильдарханова, д-р социол. наук, директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, г. Казань; О.Н. Калачикова, канд. экон. наук, заместитель директора, зав. отделом исследований уровня и образа жизни населения Вологодского научного центра РАН, г. Вологда; А.А. Шабунцова, д-р экон. наук, доцент, директор Вологодского научного центра РАН, г. Вологда.

ний из различных внешних каналов. Согласно документу «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» молодежь является основным носителем инновационного потенциала развития, эффективное и продуктивное использование которого дает государству стратегические преимущества.

По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), в Российской Федерации на 1 января 2023 года численность населения в возрасте от 14 до 35 лет включительно составила 37 846 911 человек, что в свою очередь составляет 25,86% от всего населения страны. Численность молодежи является одним из основополагающих факторов системного влияния на социально-экономическое развитие страны, рост населения, рост и сокращение трудовых ресурсов и, как следствие, пенсионной нагрузки, а также уровень обороноспособности государства.

Исследовательское внимание проекта сосредоточено на молодых людях с инва-

лидностью как наиболее уязвимой части молодежной страты, чьи ресурсы и возможности зачастую остаются «невидимыми» и наделяются статусом несущественности. Традиционно людей с инвалидностью принято было рассматривать как объект заботы, иждивенцев. Мы предлагаем другой подход: в его рамках молодые люди с инвалидностью рассматриваются с позиции их человеческого ресурсного потенциала, который следует активизировать путем повышения эффективности каналов и механизмов социально-реабилитационной и социокультурной сферы.

Сегодня в России насчитывается 11 634 231 инвалидов, среди них инвалидов 1 группы — 1 372 158 (что составляет 0,94% среди всего населения России), инвалидов 2 группы — 4 977 758 (3,41% среди всего населения в России), инвалидов 3 группы — 4 583 624 (3,14% среди всего населения в России), а количество детей-инвалидов составляет 700 681—0,48% от всего населения (рис. 1).

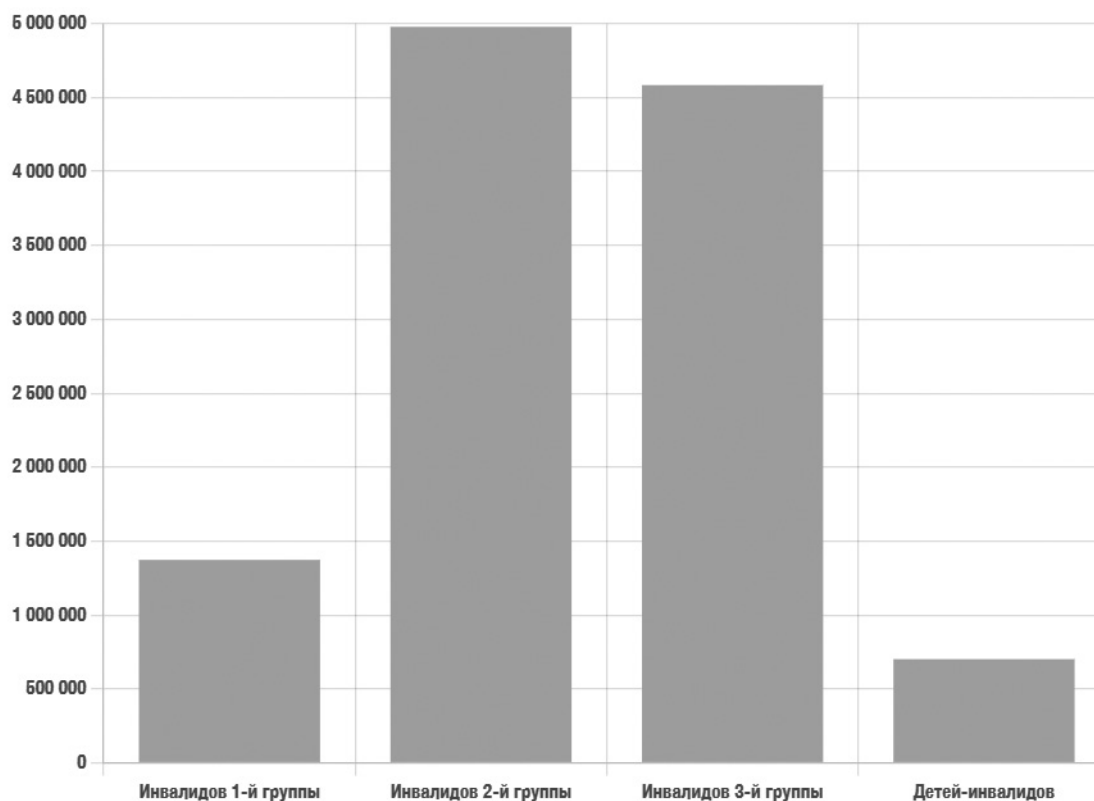

Рис. 1. Количество инвалидов в России²
Fig. 1. The number of disabled people in Russia

² Составлено по данным: Население России [Электронный ресурс] // BDEX. URL: <https://bdex.ru/naselenie/russia/>.

В соответствии с ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»: инвалид — «лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты»³. Внимание к проблемам инвалидности объективно обусловлено численностью людей с инвалидностью, темпами и статистикой инвалидизации населения, количественными и качественными показателями детской инвалидности и инвалидности людей трудоспособного возраста, скоростью старения населения и в связи с этим — возрастанием в структуре населения доли пожилых людей с накопленными хроническими заболеваниями, приводящими к инвалидности. Приобретенная инвалидность остается одной из острых проблем, поскольку возникает в результате внешних факторов (травмы, полученные на производстве, в конфликтах, ДТП). Чаще всего именно молодые мужчины получают инвалидность в результате несчастных (внешних причин). Молодые мужчины с инвалидностью — люди в возрасте от 18 до 35 лет, получившие травму в результате воздействия внешних причин.

Согласно статистике Росстат на 1 января 2023 года (табл. 1) большую часть инвалидов составляют женщины — 6057, мужчины — 4876, детей в возрасте до 18 лет — 788, людей трудоспособного возраста — 3216, старше трудоспособного возраста — 6995. Из таблицы видно, что Росстат ведет статистику, шкалируя возраст от 18 до 30 лет, и на 1 января 2022 года доля людей с инвалидностью данного возраста составляла 490 тыс. чел. С января 2023 года публикация данных по выбранным данным приостановлена (причины официально не оглашаются).

Растет количество людей с инвалидностью, включенных в систему профессионального образования: так в 2022/2023 году 11 874 студентов-инвалидов было принято в заведения среднего профессионального образования, численность инвалидов-студентов, ко-

торые уже учатся, на 2022/2023 составляет 36 033, а численность выпускников-специалистов — 7290. По статистике, высшее образование получают меньше людей с ограниченными возможностями здоровья: принято в вузы на 2022/2023 год было 10 505, уже обучаются — 34 237, выпускников-специалистов — 4627 (табл. 2).

Статистически показательна значимость проблемы, динамика увеличения численности детей и молодых людей с инвалидностью и динамика вовлеченности молодых инвалидов в систему профессионального образования, что обуславливает пристальное внимание к данной социально-демографической группе и их ресурсному потенциалу [4].

Проблематика проекта актуализирована тем, что в настоящее время в практике организации социальной помощи людям с инвалидностью происходят разнонаправленные изменения. К положительному вектору изменений можно отнести укрепление материально-технической базы социально-реабилитационных учреждений, обеспеченность медицинскими средствами, спортивными тренажерами. Однако на фоне внешнего благополучия сформировалась и негативная тенденция — отсутствует системный, многоэтапный, методологически обеспеченный подход к социальной реабилитации, нацеленный на конечный результат. Этим конечным результатом не может выступать дожитие в комфортных условиях человека с инвалидностью (особенно если речь идет о молодых людях с инвалидностью, у которых сохраняется потенциал социальной адаптации и ресоциализации). Социально-реабилитационная работа должна быть нацелена на возобновление трудовых и социальных навыков, активизацию семейных и общественных ролей. Многие предпринимаемые сегодня усилия по социальной интеграции и реабилитации инвалидов носят в большей степени декларативный характер (преимущественно медико-реабилитационный и досуговый).

Мы признаем, что создать на государственном уровне универсальную модель социальной реабилитации молодых людей с инва-

3 О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный Закон №181-ФЗ: (принят 24.11.1995 г., ред. от 28.12.2022) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559.

Таблица 1
Table 1

Распределение людей с инвалидностью по возрасту и полу⁴
Distribution of people with disabilities by age and gender

	на 1 января 2020 г.			на 1 января 2021 г.			на 1 января 2022 г.			на 1 января 2023 г.		
	в том числе		Всего	в том числе		Всего	в том числе		Всего	в том числе		Всего
	мужчины	женщины		мужчины	женщины		мужчины	женщины		мужчины	женщины	
Всего инвалидов по основным возрастным группам:	5204	6673	11877	5134	6499	11633	5046	6285	11331	4876	6057	10933
дети в возрасте до 18 лет	394	295	689	405	299	704	421	308	729	419	303	722
в том числе: в возрасте 0-7 лет	122	91	213	119	89	208	120	88	208	115	82	197
в возрасте 8-17 лет	272	204	476	286	210	496	300	221	521	304	221	525

⁴ Составлено по данным: Положение инвалидов [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 20.12.2023). Дополнительная информация по ссылке <https://sfr.gov.ru/files/id/statistics/2022/75-04-2-1-20220304.xls>.

Таблица 2
Table 2

Обучение людей с инвалидностью⁵
Education for people with disabilities

	2008/ 2009 ²⁾	2009/ 2010 ²⁾	2010/ 2011	2011/ 2012	2012/ 2013	2013/ 2014	2014/ 2015	2015/ 2016	2016/ 2017	2017/ 2018	2018/ 2019	2019/ 2020	2020/ 2021	2021/ 2022	2022/ 2023
Образовательные программы среднего профессионального образования ³⁾															
Принято студентов	4524	6091	5447	4993	5185	4456	4308	5268	8244	8287	8913	9759	9755	11041	11874
Численность студентов	14871	15910	14400	13548	14306	12359	12369	14788	21482	22935	25004	27122	30041	34045	36033
Выпуск специалистов	2953	4008	3374	3265	3099	2533	2475	2895	4711	4791	4968	5087	5235	6063	7290
Образовательные программы высшего образования															
Принято студентов	5770	7204	6670	5599	5530	5194	5179	5966	6087	6881	7487	7773	8763	9728	10505
Численность студентов	24994	23248	22939	20080	18919	16779	16768	18043	19538	21757	22893	24773	28321	31100	34273
Выпуск специалистов	2463	3040	3080	2783	2712	2500	2561	4120	3139	3214	3525	3853	3966	4222	4627

⁵ Источник: Положение инвалидов [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 20.12.2023).

лидностью, которая строилась бы на учете всех физических и психологических особенностей и направленности личности, нереально. Однако нам представляется возможным и необходимым сформулировать набор принципов и индикаторов, при учете которых можно разработать более индивидуализированные программы социальной реабилитации, например, пол человека с инвалидностью, опыт приобретения инвалидности (с детства, вследствие травмы, боевое ранение), семейный статус, образование, профессиональные навыки и др. Хотя предполагается концептуальный подход к изучению проблем инвалидности, фокусом предлагаемого исследования являются молодые мужчины с инвалидностью, что обусловлено следующими обстоятельствами:

- 1) в научных и эмпирических отечественных исследованиях достаточно представлено изучение проблем семей с детьми-инвалидами;
- 2) меньше, но все же достаточно исследований проблем женской инвалидности [2; 3];
- 3) опыт мужчин с инвалидностью (в частности с приобретенной в результате внешних факторов) слабо изучен и если представлен, то в контексте реабилитации инвалидов боевых действий и работников силовых ведомств;
- 4) мужчины с инвалидностью в контексте семейных ролей и практик отцовства остаются «невидимыми».

Целью проектной работы является выявление факторов, определяющих ресурсный потенциал человека (готовность и способность к обучению, освоению новых профессий, к вовлечению в социальные активности гражданского общества и др.), самосохранительный потенциал (брачное, репродуктивное поведение и установки мужчин с инвалидностью и практики родительства).

Указанные практики и типы поведения лежат в основе приумножения населения, сбережения мужчин, предотвращения их преждевременной смертности, формирования социальной нормы/модели ответственного отцовства и укрепления института многопоколенной традиционной семьи как принципиально важного ресурса для обеспечения национальной и демографической безопасности Российской Федерации [5; 7; 8].

В то же время нельзя рассматривать самосохранительное, брачное, репродуктивное поведение мужчин и практики отцовства без

учета экономической и социальной активности мужчин с инвалидностью. Достижение поставленной цели предполагает проведение социологического исследования, в результате которого будут получены данные, необходимые для разработки государственных мер, направленных на поддержку молодых мужчин с инвалидностью.

Для достижения указанной цели необходимо выполнить следующие задачи:

- 1) систематизировать статистические данные за 1993–2023 гг. по причинам смертности мужчин с приобретенной инвалидностью, их продолжительности жизни, брачности, разводимости и др.;
- 2) исследовать показатели и качественные характеристики ресурсного человеческого потенциала мужчин с инвалидностью;
- 3) разработать программу и инструментарий Всероссийского социологического исследования «Молодые мужчины с приобретенной инвалидностью как неоднородная социальная группа в новых реалиях» (массовый опрос, глубинное интервью, экспертный опрос, контент-анализ СМИ);
- 4) получить данные по результатам Всероссийского социологического исследования «Молодые мужчины с приобретенной инвалидностью как неоднородная социальная группа в новых реалиях» о реализации самосохранительного, брачного, репродуктивного поведения мужчин с инвалидностью, практик отцовства, их экономической и социальной активности;

5) на основе теоретических знаний и эмпирических данных сделать выводы о том, какие факторы влияют на демографическое поведение разных категорий мужчин с инвалидностью в современном российском обществе (приобретенная инвалидность, инвалидность в результате травм, полученных в условиях боевых действий). Систематизировать представления о формировании брачного, репродуктивного и самосохранительного поведения, получить ответы на следующие вопросы: какова структура ценностных установок, рейтинг ценностных ориентаций, место семьи в жизни российских мужчин и др.;

6) определить, какие факторы влияют на конструирование образа российского мужчины в новых социальных реалиях, формирование смыслов социальных ролей,

выполняемых мужчинами, с акцентом на их семейные роли мужа и отца с точки зрения возможностей регулирования демографического поведения в целях обеспечения демографического благополучия семьи;

7) подготовить методические рекомендации по формированию и развитию ответственного отцовства в российском обществе, родительства и семейной роли молодых мужчин с инвалидностью.

Результаты. Ожидаемые результаты проекта обусловлены следующими противоречиями.

Сегодня в стране не сформированы достаточные условия, позволяющие любому человеку, имеющему ограничения здоровья, самостоятельно реализовать свои возможности. В первую очередь и в большей мере это отражается на детях и молодых людях. Вложение средств, обеспечивающих интеграцию молодых людей с инвалидностью, позволяет: вывести эту группу из статуса потребителя бюджета в статус нормального налогоплательщика; сократить, а затем и ликвидировать разрыв между стартовыми возможностями вхождения в зрелую жизнь молодого человека с ограниченными возможностями здоровья и нормально развивающегося сверстника; уже на ранних стадиях возрастного общения убрать основания для возникновения дискриминации и создать условия равноправного участия в любых повседневных отношениях, что объективно приведет к устранению различий, вызванных ограничениями здоровья, и снимет психологический дискомфорт, вызывающий негативную реакцию на данную социальную группу.

Результаты проекта позволят: повысить готовность к интеграции у молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации; обеспечить не просто внешнюю, формальную включенность молодого человека в социум, а внутреннюю сопричастность обществу; добиться такого результата, когда сам молодой человек в трудной жизненной ситуации сможет ощутить позитивный эффект от своей интеграции в общество; обеспечить высокий процент ее успешности инклюзивных и социально-реабилитационных практик и устранить риск возникновения социальной напряженности; обеспечить готовность самого общества и местного сообщества к интегра-

ции молодежи с инвалидностью путем формирования инклюзивной культуры и социального доверия; сформировать готовность к интеграции микросоциума, то есть той общественной среды, с которой молодой человек постоянно соприкасается (это могут быть соседи на лестничной площадке, молодежь во дворе, школа, вуз, трудовой коллектив, жители района или микрорайона). Повышение готовности местного сообщества интегрировать молодежь, оказавшуюся в трудной жизненной ситуации, будет содействовать снижению количества рецидивов у данной категории молодежи и обеспечит большую устойчивость интеграционным процессам.

Заключение. Актуализация и координация усилий государственных и общественных объединений позволит содействовать интеграции молодежи в трудной жизненной ситуации, а увеличение количества организаций, развитие интеграционных технологий, увеличение количества проектов и мероприятий по интеграции молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, в жизнь общества позволит увеличить количество молодежи, преодолевшей непростые обстоятельства. Молодежные добровольческие проекты способны привлечь к решению проблем молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, огромный дополнительный ресурс, и облегчат работу государственных и общественных объединений и структур. Они значительно увеличат количество интеграционных проектов, тем самым повысят количество благополучателей. Необходимые правовые изменения в свою очередь позволят законодательно закрепить юридический статус термина «молодежь в трудной жизненной ситуации», выделить основные признаки трудной жизненной ситуации для молодежи, а также наиболее типичные группы молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, предусмотреть во вновь принимаемых законодательных актах формулировку «трудная жизненная ситуация», аналогичную указанной в статье 3 Федерального закона «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации»: «трудная жизненная ситуация — ситуация, объективно нарушающая жизнедеятельность гражданина, которую он не может преодолеть самосто-

ательно»⁶. Данная формулировка не позволяет искусственно ограничить виды трудных жизненных ситуаций, в которые может попасть молодежь.

Список источников

1. Демографическое развитие России в контексте национальной безопасности: монография / Отв. ред. Т.К. Ростовская. М.: Проспект, 2022. 264 с.

2. Наберушкина Э.К. Женщины и инвалидность: испытания на прочность / Е.Р. Ярская-Смирнова, Э.К. Наберушкина // Социологические исследования. 2009. №5. С. 75–85.

3. Наберушкина Э.К. Инвалидность в фокусе урбанфеминизма // Женщина в Российском обществе. 2021. №1. С. 142–155. DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.12.

4. Наберушкина Э.К. Инклюзивный потенциал молодых инвалидов в сфере медико-социальной помощи и реабилитации / Э.К. Наберушкина, О.В. Бессчетнова // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. №8 (100). С. 24–30. DOI: 10.24158/spp.2022.8.2.

5. Ростовская Т.К. О разработке Стратегии действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства: авторский взгляд // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. №1. С. 40–47. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-40-47.

6. Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. Социальный портрет одиноких отцов: анализ в рамках концепции ответственного отцовства // Социальное пространство. 2023. Т. 9. №1. С. 1–15. DOI: 10.15838/sa.2023.1.37.2.

7. Саралиева З.М. Социальные роли современных российских мужчин // Женщина в российском обществе. 2011. №3. С. 86–93.

8. Саралиева З.М., Янак А.Л., Рябинская Е.С. Берегите мужчин! Стратегии сбережения мужчин в российских семьях // Социальное пространство. 2023. Т. 9. №1. С. 7–11. DOI: 10.15838/sa.2023.1.37.4.

9. Goodley D. Disability Studies: An Interdisciplinary Introduction (2nd edition). London: Sage Publications Ltd, 2017. 236 p.

References

1. Demograficheskoe razvitie Rossii v kontekste nacional'noj bezopasnosti: monografiya [Demographic development of Russia in the context of national security: a monograph]. Otв. red. T.K. Rostovskaja [In T.K. Rostovskaya (eds.)]. Moscow: Prospekt, 2022. 264 p. (In Russ.).

2. Naberushkina Je. K. Zhenshhiny i invalidnost': ispytaniya na prochnost' [Women and disability: strength tests]. E.R. Jarskaja-Smirnova, Je. K. Naberushkina. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2009; (5): 75–85. (In Russ.).

3. Naberushkina Je. K. Invalidnost' v fokuse urbanfeminizma [Disability in the focus of urban feminism]. *Zhenshhina v Rossijskom obshhestve* [Woman in Russian society]. 2021; (1): 142–155. DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.12. (In Russ.).

4. Naberushkina Je. K. Inkluzivnyj potencial molodyh invalidov v sfere mediko-social'noj pomoshhi i rehabilitacii [Inclusive potential of young people with disabilities in the field of medical and social assistance and rehabilitation]. Je. K. Naberushkina, O.V. Besschetnova. *Obshhestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. 2022; 8(100): 24–30. DOI: 10.24158/spp.2022.8.2. (In Russ.).

5. Rostovskaja T.K. O razrabotke Strategii dejstvij po sberezeniju muzhchin i podderzhke otvetstvennogo otcovstva: avtorskij vzgljad [On the development of an Action Strategy for saving men and supporting responsible fatherhood: the author's view]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences]. 2023; 16 (1): 40–47. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-40-47. (In Russ.).

6. Rostovskaja T.K., Vasil'eva E.N. Social'nyj portret odinokih otcov: analiz v ramkah koncepcii otvetstvennogo otcovstva [Social portrait of single fathers: an analysis within the framework of the concept of responsible fatherhood]. *Social'noe prostranstvo* [Social space]. 2023; 9(1): 1–15. DOI: 10.15838/sa.2023.1.37.2. (In Russ.).

7. Saralievа Z. M. Social'nye roli sovremennyh rossijskih muzhchin [Social roles of modern

⁶ Федеральный закон от 10 декабря 1995 года №195-ФЗ Российской Федерации «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации».

Russian men]. *Zhenshhina v Rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society]. 2011; (3): 86–93. (In Russ.).

8. Saraliev Z. M., Janak A. L., Rjabinskaja E. S. Beregite muzhchin! Strategii sberezhennosti muzhchin v rossijskikh sem'jah [Take care of

men! Strategies for saving men in Russian families]. *Social'noe prostranstvo* [Social space]. 2023; 9(1): 7–11. DOI: 10.15838/sa.2023.1.37.4.

9. Goodley D. Disability Studies: An Interdisciplinary Introduction (2nd edition). London: Sage Publications Ltd, 2017. 236 p.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 04.04.2024.

The article was submitted on 28.02.2024; approved after reviewing on 18.03.2024; accepted for publication on 04.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Tamara K. Rostovskaya — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS).

6 Fotievoy str., bld. 1, Moscow, Russia

Наберушкина Эльмира Кямаловна — доктор социологических наук, доцент, профессор Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Россия, г. Москва, Ленинградский пр., 55

Elmira K. Naberushkina — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation.

55 Leningradsky ave., Moscow, Russia

Вклад авторов:

Ростовская Т. К. — концепция и дизайн исследования; интерпретация результатов исследования; написание текста; утверждение окончательного варианта статьи; ответственность за целостность всех частей статьи.

Наберушкина Э. К. — концепция и дизайн исследования; интерпретация результатов исследования; написание текста.

Contribution of the authors:

Rostovskaya T. K. — concept and design of the study; interpretation of the research results; writing the text; approval of the final version of the article; responsibility for the integrity of all parts of the article.

Naberushkina E. K. — concept and design of the study; interpretation of the study results; writing the text.

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА PHILOSOPHICAL INNOVATION

Научная статья

УДК 316.422

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-110-122

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Олег Юрьевич Керимов

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

ug-igrushka@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 1028596

Аннотация. Цель исследования заключается в изучении влияния социокультурных факторов на процесс российской модернизации, выявлении препятствий и возможностей для успешной модернизации, а также разработке положений для эффективного совмещения традиционных ценностей и социальных инноваций.

Методологическую базу исследования составляют положения теории социального и политического конструктивизма, а также методы сравнительного анализа.

Результаты исследования. Процесс модернизационного развития России не завершен. Экономическая и политическая сферы претерпели изменения, однако они не оказались достаточными для обеспечения устойчивого прогресса. Причина этой ситуации заключается в неполной целостности процесса изменений: несмотря на то, что социальные институты соответствуют современным требованиям, в социокультурной сфере все еще присутствуют элементы традиционного (и даже архаичного) ценностного комплекса и стереотипов поведения. Неравенство социокультурного развития российских регионов требует уравнивающих мер. Различные подходы в социокультурном дискурсе отличаются противоречивостью. Согласно одним, модернизация должна идти по единому шаблону, приводящему к западной вестернизации. Другие настаивают на том, что культурные и цивилизационные различия не могут быть преодолены и препятствуют модернизации по западному типу. Российская модернизация, испытывая сильнейшее влияние социокультурных особенностей, отличается от западной; теоретическое объяснение этому феномену дает концепция *Path dependence*. Теория множественных модернов Ш. Эйзенштадта важна для понимания современного социокультурного дискурса о модернизации незападных обществ. Модернизационные процессы в России должны интерпретироваться с учетом ее социокультурных и цивилизационных особенностей.

Перспективы исследования связаны с пониманием влияния социокультурных ценностей, традиций, архетипической символики и смыслов на модернизацию российского общества.

Ключевые слова: социокультурные факторы, модернизационные процессы, модернизация, теория *Path dependence*, теория множественных модернов, цивилизационные особенности

Для цитирования: Керимов О. Ю. Социокультурные аспекты проблемы модернизации России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета.

Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 110–122. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-110-122>.

Original article

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF THE PROBLEM OF MODERNIZATION OF RUSSIA

Oleg Yu. Kerimov

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
ug-igrushka@mail.ru, AuthorID RSCI: 1028596*

Abstract. *The purpose of the study is to study the influence of socio-cultural factors on the process of Russian modernization, identify obstacles and opportunities for successful modernization, as well as develop provisions for the effective combination of traditional values and social innovations.*

The methodological basis of the study consists of the provisions of the theory of social and political constructivism, as well as methods of comparative analysis.

Research results. *The process of Russia's modernization development has not been completed. The economic and political spheres have undergone changes, but they have not proved sufficient to ensure sustainable progress. The reason for this situation lies in the insufficient integrity of the process of change: despite the fact that social institutions meet modern requirements, elements of a traditional (and even archaic) value complex and behavioral stereotypes are still present in the socio-cultural sphere. The inequality of the socio-cultural development of Russian regions requires balancing measures. Different approaches in sociocultural discourse are contradictory. According to some, modernization should follow a single pattern, leading to Western Westernization. Others insist that cultural and civilizational differences cannot be overcome and hinder Western-style modernization. Russian modernization, being strongly influenced by socio-cultural characteristics, differs from the Western one; the theoretical explanation of this phenomenon is given by the concept of Path dependence. The theory of multiple moderns Sh. Eisenstadt is important for understanding the modern sociocultural discourse on the modernization of non-Western societies. Modernization processes in Russia should be interpreted taking into account its socio-cultural and civilizational features.*

The prospects for the study are related to understanding the influence of socio-cultural values, traditions, archetypal symbols and meanings on the modernization of Russian society.

Keywords: *sociocultural factors, modernization processes, modernization, Path dependence theory, theory of multiple modernities, civilizational features*

For citation: *Kerimov O. Yu. Socio-cultural aspects of the problem of modernization of Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 110–122. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-110-122>.*

Введение. В классических теориях модернизация понималась как широкомасштабный процесс, обусловленный историческими, экономическими, социокультурными, структурно-функциональными особенностями общества, которые придают ему способность

к многосторонним радикальным системным трансформациям. Логика его развития должна приводить к возникновению современного социума, атрибутивными характеристиками которого являются рыночная экономика, демократическое правление, разделение властей (за-

конодательной, исполнительной, судебной), секуляризация, гражданские права человека, научная или академическая свобода.

Понимание модернизации включало не только общие характеристики, но и траектории ее осуществления, в основном заключающиеся в структурных и институциональных изменениях. Эти изменения сводились к применению западных моделей институциональной конфигурации и соответствующих современному обществу экономических, социальных, политических и управленческих преобразований. Идеология этих преобразований была связана с ценностями и идеями, сформировавшимися в эпоху Просвещения. Считалось, что модернизация как комплексный процесс широкомасштабных структурных и институциональных трансформаций автоматически приводит к освобождению человека и приданию ему главенствующей роли и что «модерный тип общества представляет собой наиболее полное воплощение свободы и разума» [1].

Возможность полного замещения многообразия локальных культур и цивилизаций была приписана связанному с ними ценностно-нормативному комплексу, который мог выступить в качестве субститута сформированных ими культурных идентичностей. Культура в целом рассматривалась как второстепенная сфера, которая подвергнется радикальным изменениям под влиянием осуществленных социально-экономических и структурно-институциональных изменений по прошествии определенного периода времени. Однако при этом, как отмечает Р.Г. Браславский, «концептуальные основания, культурно-интерпретативное измерение модерности, по большому счету, игнорировались» [1].

Социокультурные факторы модернизации. Состояние экономики, ее технологическая и структурно-функциональная эффективность не является единственным фактором модернизации. Другие аспекты общественной жизни также влияют на ее осуществление, даже если они являются производными от экономического базиса. Эти аспекты могут стимулировать или замедлять процесс модернизации, создавая оптимальные условия для его развертывания. Я. А. Пляйс подчеркивает, что решение проблемы модернизации «долж-

но быть и фундаментальным, и системным. Иначе говоря, невозможно модернизировать экономику, не модернизировав другие сферы государственной и общественной жизни, в частности политическую» [11, с. 5].

Система социетальных ценностей, культурная среда и ментальность оказывают критическое влияние на эффективность модернизации экономики и политической сферы. По сравнению с социальными институтами эти факторы отличаются даже большей инертностью. Необходимость изучения социокультурных компонентов модернизационных процессов подтверждают многие исследователи, которые сосредотачивают свое внимание именно на социокультурных аспектах модернизации.

Особое направление в изучении модернизации, социокультурный дискурс, было сформировано такими исследователями, как Н.И. Лапин, Н.Е. Тихонова, Л.А. Беляева, И.П. Скворцов и другие. В рамках социокультурного дискурса центральной темой, связанной с модернизацией, является влияние долговременных социокультурных факторов на развитие или торможение процессов модернизации. И.П. Скворцов подчеркивает принципиальное значение социокультурных факторов, поскольку именно они определяют выбор механизмов и технологий реализации социальной и культурной политики, которую осуществляет элита [3; 12].

Вопрос о препятствиях модернизации России и методах для сохранения и повышения ее модернизационного статуса и конкурентоспособности в мире является центральным в социокультурном дискурсе. Н.И. Лапин четко сформулировал этот вопрос: «Что тормозит модернизацию России и что надо сделать, чтобы в условиях жесткой конкуренции сохранить и повысить модернизационный статус России и ее конкурентоспособность в мире?» [6, с. 29]. По мнению Лапина, основная причина замедления и недостаточной завершенности модернизационных процессов в России заключается в незавершенности социетальной трансформации, под которой он понимает преобразование общества в целом, а не только экономических институтов. И поскольку эти процессы начались, но не получили завершения, возникло промежуточное транзитное состояние рос-

сийского общества, которое представляет собой «симбиоз структур раннего капитализма с современной глобализацией: олигархо-бюрократический капитализм с компрадорской доминантой, которая подчиняет создаваемый в России капитал интересам транснационального бизнеса» [6, с. 29].

Процессы модернизации требуют участия социокультурной сферы, так как она влияет на формирование и передачу социальных ценностей и норм, которые определяют поведенческие мотивации как на индивидуальном, так и коллективном уровне. В России переход к рыночной экономике был связан с разрушением коллективистских ценностей и норм, сформировавшихся под воздействием коммунистической идеологии, и внедрением ценностей индивидуализма и достижительности, принятых в западной социокультурной среде. Российское общество оказалось на грани социокультурного раскола, обусловленного конфликтом ценностей.

Россия сталкивается с особыми проблемами в связи с многообразием культур, этнических групп и религий в российском обществе, что приводит к неравномерному социокультурному развитию регионов и сильному влиянию местной культурной и религиозной специфики.

Очевидно, что ситуация с модернизацией в России является сложной и незавершенной. На основе неинституционального подхода, который сфокусирован на выявлении институциональных факторов, приводящих к этому отставанию, можно попытаться ее проанализировать. Одну из версий объяснения незавершенности модернизационных процессов предлагает теория зависимости от прошлого пути, или *path dependence*. Согласно этому методологическому подходу (который предложил П. Дэвид), изменения в социально-экономической сфере происходят под влиянием конкретных событий прошлого, предопределяющих дальнейшее развитие, и создают некую «колею», от которой невозможно отклониться [10].

В рамках теории неинституционализма, экономические, институционально-политические и социокультурные параметры общества взаимосвязаны. Экономическим институтам соответствуют определенные формы политической и властной организации социу-

ма, а также тип культуры. Теория зависимости от прошлого пути представляет различные типы «колеи». Блокировки на пути к масштабным изменениям, включая модернизацию, возникают из-за предыдущих траекторий развития, которые определяют невозможность или трудность изменений [23].

Теория институциональных матриц, разработанная Д. Нормом, С. Кирдиной и другими, приводит к выводу, что социокультурные факторы, присущие незавершенной российской модернизации, стабильно коррелируют с институциональными факторами, основанными на единой матрице.

Незавершенность процесса модернизации также указывает на важность изучения социокультурных факторов, которые ответственны за качество человеческого потенциала общества и возможность формирования креативности и мотивации к социальной (гражданской) и экономической активности. Сложности в реализации модернизационных преобразований возникают из-за многообразия и неравномерности социально-экономического и социокультурного развития регионов России. Низкая человеческая эффективность процессов модернизации регионов, хотя статистически отмечается инерционный рост их социоэкономических индексов, описывается Н.И. Лапиным как «социокультурно несбалансированная квазимодернизация» [6, с. 29]. И подчеркивается, что без социокультурной модернизации процесс останется незавершенным.

Успех в модернизационных преобразованиях современного общества во многом определяется качеством человеческих ресурсов, сформированным влиянием социокультурного пространства. А.А. Шабунова и М.А. Ласточкина указывают на необходимость «улучшения человеческого потенциала и повышения социокультурной компоненты развития общества» [15, с. 81].

В то же время различия в восприятии социокультурных аспектов модернизации вызывают ожесточенные споры и дискуссии, что делает диалог о социально-культурных изменениях особенно конфликтным и насыщенным противоречиями.

Многие исследователи в области социокультурной модернизации в России полагают, что преобразования повлекут за собой

склонение российской действительности в сторону западных образцов. Они отмечали, что такие аспекты, как укрепление гражданского активизма, принятие толерантности, прозрачность и отход от традиционно закрепленных взглядов и клише, будут развиваться в соответствии с западными стандартами. Эти исследователи изначально подходили к теме с либеральных позиций, ожидая, что модернизация российской социально-культурной сферы сблизит ее с западными общечеловеческими ценностями.

Отмечается неоднозначность процессов относительно различных типов норм и ценностей, культурной идентичности россиян и объединяющих их ценностей. Уже невозможно сохранять гомогенность культуры в условиях глобализации, поэтому уместен «вопрос о соотношении в рамках национальной культуры носителей разных типов норм и ценностей», утверждает Н.Е. Тихонова [13, с. 25].

В рамках национальной культуры обращается внимание на взаимосвязь носителей разных типов норм и ценностей. Процесс модернизации, который происходит в различных формах соответствующих особенностям национальных культур и исторического опыта народов, позволяет традиционным обществам достичь состояния модерна. Этот процесс включает в себя экономическую, политическую, социальную, культурную, демографическую и социокультурную модернизацию. Он также подразумевает «формирование новых нормативно-ценностных систем, поведенческих паттернов, рационального типа мышления и внутреннего локус-контроля, что создает основу для формирования и успешного функционирования новых социальных институтов» [13, с. 25]. Н.Е. Тихонова считает, что модернизация должна быть понимаема в ее неомодернизационной трактовке.

На основе обзора работ Н.Е. Тихоновой В.Р. Браславский расценивает их как попытку объединить две парадигмы модернизации: «линейно-модернизационную» и «локально-цивилизационную». Он предлагает разработать «социокультурную» или «многокультурную» теорию модернизации, которая учитывает разнообразие путей и методов модернизации [1]. В этой теории должны быть объединены структурно-институциональные преобразования и усложнение социальной системы таким

способом, что сохраняется культурно-цивилизационная преемственность.

Один из ключевых моментов в предлагаемой концепции социокультурной модернизации — преодоление социокультурных препятствий, таких как коллективистско-патерналистский тип культуры, который поддерживает сращение власти и собственности. Согласно представителям социокультурного дискурса, незавершенность этой модернизации является главным барьером для успешного развития России. Эта незавершенность связана с историческими особенностями культурно-нормативной системы России, которая отражает сращение власти и собственности с доминирующей ролью власти.

Ценностно-нормативный комплекс, сохраняющий и транслирующий ценности традиционного типа, является главной фундаментальной особенностью, которая оценивается исследователями с разных позиций в контексте завершения модернизационных процессов. Одна из этих позиций, которую разделяют Тихонова и ее сторонники, заключается в том, что модернизация — социально-экономическая и социокультурная — необходима и возможна в России, однако она остается незавершенной из-за социокультурных особенностей, которые не являются принципиально непреодолимыми, однако создают барьеры для преобразований. Эти особенности противоречат современным ценностям индивидуализма и достижительности.

Теория «множественных модернов» и цивилизационная специфика российской модернизации. Важно подчеркнуть, что социум и культура обладают не только ценностно-нормативным комплексом, но и другим уникальным своеобразием. Глубинные корни этого своеобразия лежат в цивилизационной специфике, которая, как отмечал Ш. Эйзенштадт, определяется сакральными символическими структурами культурно-цивилизационного ядра.

Важно осознавать, что уникальность общества и культуры не ограничивается лишь системой ценностей и норм. Эйзенштадт указывает на то, что фундаментальные отличия уходят корнями в глубины цивилизационного контекста, который зашифрован в сакральных символах и основах культурно-циви-

зационной матрицы. При этом, по словам Эйзенштадта, прогрессирование цивилизации возможно тогда, когда культура способна к инновациям и развитию, сохраняя при этом свою уникальную идентичность и символическую сущность.

С точки зрения Эйзенштадта, глубинные культурные образцы служат фундаментом для принятия новых форм существования и создания современных общих идеалов. Считается, что истинный источник эволюции общества лежит в русле культуры, а не в сферах технологий или экономики, потому что в конечном итоге действия людей укоренены в ценностях, касающихся смысла жизни и отражающих внутренний мир членов сообщества.

Существует альтернативный подход, представленный О.И. Шкаратаном, утверждающим, что Россия имеет свой уникальный путь социального бытия из-за своих цивилизационных особенностей, которые ее сближают с азиатскими обществами. Его характеризуют циклические изменения, и модернизация на основе западной культуры в принципе невозможна, так как она основана на ценностях и нормах, принадлежащих к западной культуре [18]. Тихонова также указывает на сложность завершения модернизации в России, поскольку нормативно-ценностная модель в России близка к моделям, присущим доиндустриальным традиционным обществам, ставшим на путь трансформации [13].

В социетальной системе этакратических обществ их ценностно-нормативная основа сосредоточена на коллективистском ценностно-нормативном комплексе, который не выделяет как приоритетные права и интересы индивидов. Вместо этого государство, отражающее интересы макрообщности и само государство как инструмент реализации коллективных интересов в социальной действительности, подавляет индивидуальные интересы в нормативно-ценностной системе. Это препятствует формированию ценностных ориентаций, характерных для развитых обществ современного типа, где нормой является ситуация, когда государство гарантирует права и поддерживает интересы индивидов, входящих в это общество.

В российской цивилизационной особенности ключевую роль играет глубоко укоренившееся убеждение о превосходстве

государства, которое рассматривается как макроактор, защищающий права и интересы членов общества. Из этой перспективы проистекает представление о долге каждого гражданина проявлять преданность государству и принимать его вмешательство в личную сферу, даже за счет собственных прав. Представители такого подхода, известного как этакратический, настаивают на том, что эти установки являются результатом отличительных характеристик российской цивилизации.

О.И. Шкаратан и его сторонники убеждены, что Россия движется по уникальному цивилизационному пути, отделяя себя от Европейского цивилизационного пространства, что делает неприменимым прямое копирование западных моделей социокультурного прогресса, которые сформировались в результате теоретического анализа процессов модернизации в западных странах. Шкаратан выдвигает идею о том, что этакратизм представляет собой отдельный исторический путь развития, который следует своим уникальным правилам и закономерностям [16].

Принимая во внимание концепцию этакратизма, исторический процесс можно представить как подъем по огромной спиральной лестнице, на ступенях которой возникают новые государственно-ориентированные общества. В этом контексте Тихонова рассматривает российские социокультурные различия как временные и преходящие, считая, что европейские ценности и образцы модерна являются неотъемлемой частью любого ориентированного на модернизацию пути. В то же время Шкаратан полагает, что незавершенность российской модернизации укоренена в фундаментально отличном от европейского, цивилизационно ином паттерне исторического развития [17].

Государство играет основополагающую роль в регулировании экономических процессов, несмотря на наличие частной собственности и рыночных элементов в социально-экономической структуре. Эта характеристика подчеркивает дуалистичность этакратической общественной системы [17], где прослеживается ее цивилизационная особенность, к тому же глубокие культурные и институциональные различия обостряют разрыв между Россией и Западом, отражая уникальный цивилизационный контур Рос-

сии, который выходит за рамки простого несоответствия образов жизни.

В отношении преобразования незападных обществ теория множественных модернов, предложенная Ш. Эйзенштадтом, убедительно показывает, что модернизация по типу прямой вестернизации не является универсально применимым проектом. Это обусловлено наличием социокультурных и структурно-символических различий между местными культурными традициями. Исходя из плюрализма культурно-цивилизационных форм в их основополагающих началах — базовом архетипическом символизме, Эйзенштадт утверждает, что процессы развития культурно-символических структур, определяющих своеобразие цивилизации, обладают определенной автономией.

Определяющим фактором цивилизационного развития является социокультурная динамика, которая, согласно Эйзенштадту, связана с переходом от традиционной социальной организации к современной. Достижение этого современного состояния обусловлено «принципиально новым уровнем социокультурной динамики и интенсификацией развития» [4], связанным с более эффективным, чем ранее, сочетанием институциональных конфигураций и ценностных структур. Парадигма символического структурализма предполагает, что структура институтов формируется в соответствии с архетипическими паттернами, имеющими духовный и символический характер.

Духовная и преобразующая деятельность общества усиливается благодаря связи с архетипическим пластом культуры, который представляет собой неиссякаемый источник творческих ресурсов. В результате общество формирует жизнеспособные формы и создает свои собственные ценности, в отличие от тех, которые ему пытаются навязать извне.

По мнению Эйзенштадта, каждая цивилизация реализует эндогенный сценарий модернизации, который приведет ее к собственному типу модерна, основанному на ее культурно-символической конфигурации. Эта концепция опровергает западоцентричное представление о том, что только западная культура и западный тип человека обладают внутренними ресурсами для модернизации. Согласно Эйзенштадту, все цивилизации «осевого време-

ни» имеют внутренний потенциал для развития, но его реализация может отличаться своими специфическими формами.

Классические теории модернизации с их универсализмом и западоцентричностью, как мы видим, не согласуются с концепцией Эйзенштадта, отвергающей универсальную модель модернизации, которая не зависит от местной специфики. Вместо этого Эйзенштадт говорит о множестве моделей, где локальные элементы культуры сочетаются с западными элементами модернизации, причем эти элементы интегрируются в социокультурные и институциональные структуры общества не через насильственное внедрение, а через конфронтацию, копирование и частичное воспроизведение достижений западной цивилизации в другом контексте [4]. Цивилизационная и культурная специфика конкретного социума играют определяющую роль в данном случае.

Множество вариантов сочетания локальной специфики и универсальных структурных компонентов модернизации приводит к различным подходам незападных обществ к попыткам модернизации. В условиях «структурной дуальности» между новациями модерна и локальными традициями модернизация в странах третьего мира развивается особым образом. Это говорит о том, что общества современного типа могут обладать общими признаками, но их конкретные реализации могут сильно отличаться.

Возникают парадоксальные протестные формы, которые, по определению А. Турена, могут быть представлены как контрмодернизационные процессы, направленные против вестернизирующей модернизации и западной культуры, и в определенных случаях возникают эффективные и жизнеспособные модели такого сочетания [22]. Эти процессы, хотя и могут быть рассматриваемыми как социальная архаизация, на самом деле являются начальной фазой модернизационного развития, который является прогрессивным для данного общества и его культуры. Ч. К. Ламажаа [5] описывает этот феномен в контексте российского общества.

Онтологические контексты и конфликтная природа модерна, выявленные в сравнительных исследованиях цивилизаций Эйзенштадта, имели глубокое значение для разви-

тия исторической социологии, социологии религии и постколониальных исследований в социокультурном аспекте [4]. В работах Эйзенштадта формируется цивилизационный дискурс, оперирующий понятиями модернизации и модерна. В его работах модерн понимался не только через однозначность и структурно-функциональный подход, характерные для классических теорий модернизации, но и как возможность более поливариантного понимания.

Ранее преобладавший формационный и структурно-функциональный подход был замещен актуализированным цивилизационным подходом, вызвавшим дискуссии. В эпоху глобализации и агрессивного культурного универсализма теория множественных модернов стала идеальной методологической основой для обоснования сохранения уникальности и различий в рамках цивилизации. Представители цивилизационного анализа, такие как Йохан Арнасон, Давид Инглис, Вильфред Шпон, Вольфган Кнёбль и другие, приняли эту теорию и начали изучать возможные варианты реализации модерна в различных обществах и культурах, включая Россию.

С позиции глобализационного универсализма выдвигаются критические замечания в адрес теории множественных модернов. В этой социокультурной версии модернизации предполагается, что западноевропейская культура и ее траектория социокультурного развития являются источником и единственным образцом модернизационного проекта, который универсален для всех регионов мира. Однако оппоненты Эйзенштадта считают, что модернизация незападных обществ происходит в результате адаптации некоторых элементов модернизационной матрицы к особенностям их цивилизаций [4]. При этом происходит культурно-ценностная легитимация заимствований в контексте традиционной культуры.

Базовые паттерны модерна, которые пришли с Запада, играют главную роль в различных вариациях модерна в незападном мире, утверждают критики Эйзенштадта. Эти паттерны являются универсальными и формируют основу модерна, в то время как различия, на которые указывает Эйзенштадт, на самом деле являются ответами на вызовы и трудно-

сти универсального модернизационного проекта со стороны преобразующихся обществ третьего мира.

Как мы видим, Эйзенштадт не отрицает, что модернизация имеет набор универсальных характеристик, которые необходимы для ее осуществления независимо от цивилизационных различий. Однако он подчеркивает, что особое значение имеют изменения основных параметров социокультурного восприятия экзистенциальных и социальных констант жизни в сообществе. Вместе с появлением новых коллективных представлений происходит выделение индивидуального «я» из коллективной контекстуальности, рост рефлексивности и принятие новых ролей индивидами за пределами традиционных локальных сообществ. Такие изменения играют важную роль в процессе модернизации.

В своих исследованиях Б. Латур обращается к идее сглаживания социального ландшафта, которая заключается в выравнивании различий между глобальным центром и периферией [9]. Он также обсуждает обогащение традиционного культурного контекста символами и тематикой протеста, которые необычны для него. Кроме того, он рассматривает принятие идеи свободы, равенства, солидарности и идентичности, а также направленности истории как прогресса и освоения природы, в отличие от циклических паттернов времени, присущих традиционным культурам [19].

Теория «множественных модернов» возникла в ответ на изменения в обществе, происходящие на стыке индустриальной эпохи, высокого модерна и постмодерна. Индустриальное общество и логика индустриализма характеризуются выбором единого доминирующего направления, исключая альтернативные варианты развития. Индустриализм основывается на двоичной логике и прямолинейном представлении о прогрессе. Теории модернизации, основанные на этой логической матрице, пропагандировали прогресс, урбанизацию, эмансипацию, культурные изменения, универсальные ценности и модели современной культуры, отрицая традиционную культуру. Напротив, теория множественных модернов обосновывает возможность эффективной невестернизирующей модернизации, сохраняющей многообразие культур и их сложными взаимоотношениями.

Метанарратив модерна и культурные стереотипы индустриальной эпохи подверглись деконструкции в философии постмодерна. Наблюдается признание культурно-цивилизационных различий и прав как отдельных групп, так и стран третьего мира на сохранение и развитие своего уникального миропонимания и своей цивилизационной идентичности.

Представления о современном обществе изменились. Оно теперь понимается как реальность, состоящая из множества взаимодействий и связей на разных уровнях. Оно также представляет собой многообразие институциональных и культурных конфигураций, которые имеют свою ценностно-нормативную основу.

Следует подчеркнуть, что теория множественных модернов не отстаивает идею цивилизационного плюрализма и изоляционизма. В.Г. Федотова указывает на то, что одним из ключевых отличий теории Эйзенштадта является введение новой цивилизационной парадигмы в социокультурный дискурс о модерне и модернизации. Она становится неотъемлемой частью теории модернизации [14]. Цивилизационная парадигма в данном контексте не подразумевает изолированность и недоступность других цивилизаций для понимания внешним наблюдателем, как это описывается в интерпретации культур Кл. Гирца [2].

С точки зрения Гирца, культура остается полностью непроницаемой для представителей других культур, которые не могут расшифровать ее основной символизм. В отличие от него Эйзенштадт рассматривает процесс становления модерна как глобальный исторический процесс, который не обладает финитностью. Он также признает культурный контакт, взаимовлияние и обогащение локальных культур. В результате такого взаимодействия возникает множество цивилизационных профилей модерна. Однако для Эйзенштадта переход к модерну не означает окончания исторических изменений: «Люди стали свидетелями перехода одной современной цивилизации во множество — к нескольким современным цивилизациям. Теория модернизации перестала рассматриваться как финальная» [21, р. 34]. Комментируя это, В.Г. Федотова отмечает, что для Эйзенштадта «переход к современности, обществу и об-

ществам модерна не является завершающим актом, вводящим в столетия однотипного развития, а представляет собой процесс расширения сферы современности (modernity) путем подключения к ней все новых и новых обществ, имеющих свои пути развития, однако осуществляемые уже в общих рамках глобальной цивилизации модерна» [14, с. 63].

Центральным для социокультурного дискурса о модернизации является вопрос о ее различном понимании и подходах к реализации. Один из походов акцентирует внимание на глобальной тенденции углубления межкультурного взаимодействия и его влиянии на западноцентричную модернизацию. Этот подход представлен как классическими, так и новыми теориями модернизации. Заимствование ценностно-нормативного комплекса и институциональных конфигураций западного типа модернизации происходит со стороны незападных культур.

Второй подход выделяет неизменность и неподдающиеся простому объяснению тенденции культурного и цивилизационного многообразия, присущие различным регионам в рамках эволюционного процесса. Данный подход делает акцент на уникальности культурных кодов, образов жизни и ценностных систем единичных цивилизаций, являющихся более крупными и сложными, чем отдельные общества. Р.Г. Браславский отмечает, что приверженцы этого направления защищают идею о влиянии уникальных исторических траекторий незападных обществ на их современное состояние. Они также подчеркивают фундаментальные отличия между путями общественного развития западных и азиатских стран [1].

Суть теории множественных модернов, по мнению Браславского, заключается в поиске эффективного пути модернизации незападных обществ, которые не желают слепо копировать западный сценарий. Теория множественных модернов признает возможность такой модернизации и стремится найти более реалистичный подход к пониманию перспектив и границ развития этих обществ. Она предоставляет концептуальные основы для изучения социокультурной модернизации в различных обществах, которые отличаются от западного мира в культурно-цивилизационном плане. Эти общества, сохраняя свои

уникальные культурные особенности, могут следовать собственному пути развития, одновременно генерируя важные ценности и смыслы, которые характерны для модерна.

Выводы. Очевидно, что модернизация российского общества, которую начали правящие элиты в период перестройки, не завершена. Трансформация институциональной структуры в экономике и политике оказалась недостаточной для полноценного развития России. Проблема незавершенности преобразований и поиск ее причин стал основой социокультурного дискурса о модернизации. Большинство исследователей считают, что причина заключается в отсутствии целостности трансформации: хотя формально институты соответствуют требованиям современного общества, в социокультурной сфере продолжают существовать элементы традиционного нормативно-ценностного комплекса, образцов и поведенческих стереотипов.

В России наблюдается неравномерность социокультурного развития регионов, что требует компенсации. В российском социокультурном дискурсе существуют противоречия между различными подходами. Универсалистско-глобалистский подход предполагает, что модернизация должна осуществляться одинаковыми целями и путями во всех обществах, а также повлечь за собой вестернизацию как единственно возможный сценарий модернизации. В то же время цивилизационный подход настаивает на том, что культурно-цивилизационные различия не могут быть устранены и представляют непреодолимое препятствие для модернизации по западному сценарию. Концепция «зависимости от колеи» акцентирует внимание на фундаментальных различиях между российским и западным обществом, поэтому российская модернизация не может осуществляться по чисто западному образцу.

Теория множественных модернов Ш. Эйзенштадта играет важную роль в формировании современного социокультурного дискурса о модернизации незападных обществ. Она показывает, что формы современного общества и переход к ним могут отличаться своим культурно-цивилизационным своеобразием.

Исследование модернизационных процессов в обществах, не являющихся западными,

включая постсоциалистические, может быть осуществлено с использованием теории множественных модернов. В этом контексте социокультурная сфера, ценности и смыслы, связанные с архетипической символикой культур, играют решающую роль в модернизации, оказывая явное или имплицитное влияние на структурные и институциональные компоненты социальной системы.

Список источников

1. Браславский Р.Г. Цивилизационная перспектива в социологическом анализе современных обществ [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. №15(6). С. 30–49. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_6/Braslavsky_2012_6.pdf.
2. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
3. Евдокимов А.И. Социокультурная модернизация: теоретико-методологическая концептуализация феномена в региональном срезе // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. №12. С. 55–59.
4. Иванов А.В. «Множественные современности»: диалектика единства и разнообразия в эпоху глобализации [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. Философские науки. 2014. №6(3). С. 654–659. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34220>.
5. Ламажаа Ч.К.-О. Теория модернизации и история Тувы // Новые исследования Тувы. 2009. №1-2. С. 91–110.
6. Лапин Н.И. О стратегии интегрированной модернизации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. №1(31). С. 25–35.
7. Лапин Н.И., Беляева Л.А. От стабилизации к интегрированной модернизации России: аналитический доклад Центра изучения социокультурных изменений [Электронный ресурс] // Интеллектуальная Россия. 2011. 25 апреля. URL: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/9462-ot-stabilizacii-kintegrirovannoj-modernizacii-rossii-analiticheskijdoklad-centraizucheniya-sociokulturnyxizmenenij.htm.
8. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко;

Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 384 с.

9. Нуреев Р.М. Институциональная среда российского бизнеса — эффект колеи [Электронный ресурс] // Экономика и институты. СПб.: Леонтьевский центр, 2010. С. 25–51. URL: <http://www.rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/05/388.pdf>.

10. Пляйс Я.А. Тотальная системная модернизация — абсолютный императив для России // Власть. 2009. №8. С. 3–10.

11. Скворцов И.П. О социокультурных аспектах модернизации современной России // Теория и практика общественного развития. 2011. №4. С. 20–24.

12. Тихонова Н.Е. Динамика социокультурной модернизации в России // Социологическая наука и социальная практика. 2013. №1. С. 24–34.

13. Федотова В.Г. Социокультурные образы модернизации конца XX — начала XXI века: Россия и мир // Знание. Понимание. Умение. 2018. №2. С. 59–73.

14. Шабунова А.А., Ласточкина М.А. Преодоление социального неравенства как импульс к социокультурной модернизации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. №3(33). С. 69–83.

15. Шкаратан О.И. Информационная экономика и пути развития России // Мир России. 2002. Т. 11. №3. С. 44–61.

16. Шкаратан О.И. Социальная система, обращенная в прошлое (часть 2) // Социологический журнал. 2015. Т. 21. №4. С. 80–119. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.4.3032>.

17. Шкаратан О.И. Этакратизм и российская социетальная система // Общественные науки и современность. 2004. №9. С. 49–62.

18. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.

19. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129. №1. Pp. 1–29.

20. Eisenstad S.N. Power, Trust and Meaning. Essays in Sociological Theory and Analysis. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1995. 414 p.

21. Touraine A. Modernity and Cultural Specificities. International Social Science Journal. 1988. №18. Pp. 443–458.

22. Vergne J.-Ph., Durand R. The Missing Link between the Theory and Empirics of Path Dependence: Conceptual Clarification, Testability Issue, and Methodological Implications // Journal of Management Studies. 2010. Vol. 47. №4. Pp. 736–759. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2010.00913.x>.

References

1. Braslavskij R.G. Civilizacionnaja perspektiva v sociologicheskom analize sovremennyh obshhestv [Civilizational perspective in the sociological analysis of modern societies] [Elektronnyj resurs]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology] 2012; 15(6): 30–49. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_6/Braslavsky_2012_6.pdf. (In Russ.).

2. Girc Kl. Interpretacija kul'tur [Interpretation of cultures]. Per. s angl. Moscow: ROSSP-JeN, 2004. 560 p. (In Russ.).

3. Evdokimov A.I. Sociokul'turnaja modernizacija: teoretiko-metodologičeskaja konceptualizacija fenomena v regional'nom srezе [Sociocultural modernization: theoretical and methodological conceptualization of the phenomenon in a regional context]. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. 2019; (12): 55–59. (In Russ.).

4. Ivanov A.V. «Mnozhestvennye sovremennosti»: dialektika edinstva i raznoobrazija v jepohu globalizacii [«Multiple modernities»: dialectics of unity and diversity in the era of globalization] [Elektronnyj resurs]. *Fundamental'nye issledovanija. Filosofskie nauki* [Fundamental Research. Philosophical sciences]. 2014; 6(3): 654–659. URL: <https://fundamental-research.ru/article/view?id=34220>. (In Russ.).

5. Lamazhaa Ch. K.-O. Teorija modernizacii i istorija Tuvy [Theory of modernization and history of Tuva]. *Novye issledovanija Tuvy* [New studies of Tuva]. 2009; (1-2): 91–110. (In Russ.).

6. Lapin N.I. O strategii integrirovannoј modernizacii [On the strategy of integrated modernization]. *Jekonomičeskie i social'nye pereмены: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2014; 1(31): 25–35. (In Russ.).

7. Lapin N.I., Beljaeva L.A. Ot stabilizacii k integrirovannoј modernizacii Rossii: analit-

icheskiy doklad Centra izuchenija sociokul'turnyh izmenenij [From stabilization to integrated modernization of Russia: analytical report of the Center for the Study of Socio-Cultural Changes] [Elektronnyj resurs]. Intellektual'naja Rossija [Intellectual Russia]. 2011. 25 aprelja. URL: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/9462-ot-stabilizacii-kintegrirovannoj-modernizacii-rossii-analiticheskijdoklad-centraizucheniya-sociokulturnyxizmenenij.htm. (In Russ.).

8. Latur B. Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuju teoriju [The reassembly of the social: an introduction to actor-network theory]. Per. s angl. I. Polonskoj; pod red. S. Gavrilenko; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola je-konomiki». Moscow: Izd. dom VShJe, 2014. 384 p. (In Russ.).

9. Nureev R.M. Institucional'naja sreda rossijskogo biznesa — jeffekt kolei [The institutional environment of Russian business — the track effect] [Elektronnyj resurs]. Jekonomika i instituty [Economics and institutions]. Saint Petersburg: Leont'evskij centr, 2010. Pp. 25–51. URL: <http://www.rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/05/388.pdf>. (In Russ.).

10. Pljajs Ja. A. Total'naja sistemnaja modernizacija — absoljutnyj imperativ dlja Rossii [Total systemic modernization — an absolute imperative for Russia]. *Vlast'* [Power]. 2009; (8): 3–10. (In Russ.).

11. Skvorcov I.P. O sociokul'turnyh aspektah modernizacii sovremennoj Rossii [On the socio-cultural aspects of modernizing modern Russia]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development]. 2011; (4): 20–24. (In Russ.).

12. Tihonova N.E. Dinamika sociokul'turnoj modernizacii v Rossii [Dynamics of socio-cultural modernization in Russia]. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* [Sociological science and social practice]. 2013; (1): 24–34. (In Russ.).

13. Fedotova V.G. Sociokul'turnye obrazy modernizacii konca XX — nachala XXI veka: Rossija i mir [Sociocultural images of modernization of the late twentieth — early XXI century: Russia and the world]. *Znanie. Ponimanie*.

Umenie [Knowledge. Understanding. Ability]. 2018; (2): 59–73. (In Russ.).

14. Shabunova A.A., Lastochkina M.A. Preodolenie social'nogo neravenstva kak impul's k sociokul'turnoj modernizacii [Overcoming social inequality as an impulse to socio-cultural modernization]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2014; 3(33): 69–83. (In Russ.).

15. Shkaratan O.I. Informacionnaja jekonomika i puti razvitija Rossii [Information economy and ways of development of Russia]. *Mir Rossii* [The world of Russia]. 2002; 11(3): 44–61. (In Russ.).

16. Shkaratan O.I. Social'naja sistema, obrashennaja v proshloe (chast' 2) [Social system facing the past (part 2)]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. 2015; 21(4): 80–119. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.4.3032>. (In Russ.).

17. Shkaratan O.I. Jetakratizm i rossijskaja societal'naja sistema [Etakratism and the Russian societal system]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 2004; (9): 49–62. (In Russ.).

18. Jezenshtadt Sh. Revoljucija i preobrazovanie obshhestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij [Revolution and transformation of societies. Comparative study of civilizations]. Moscow: Aspekt Press, 1999. 416 p. (In Russ.).

19. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities. *Daedalus*. 2000; 129(1): 1–29.

20. Eisenstad S.N. Power, Trust and Meaning. Essays in Sociological Theory and Analysis. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1995. 414 p.

21. Touraine A. Modernity and Cultural Specificities // *International Social Science Journal*. 1988; (18): 443–458.

22. Vergne J.-Ph., Durand R. The Missing Link between the Theory and Empirics of Path Dependence: Conceptual Clarification, Testability Issue, and Methodological Implications. *Journal of Management Studies*. 2010; 47(4): 736–759. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2010.00913.x>.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 04.04.2024.

The article was submitted on 28.02.2024; approved after reviewing on 18.03.2024; accepted for publication on 04.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Керимов Олег Юрьевич — ассистент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Oleg Yu. Kerimov — an assistant at the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). 132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья
УДК 1 01.1:316:332
DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-123-135

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭРГОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОГЕННОГО МИРА

Александр Анатольевич Кузьменко

Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия
alex-rf-32@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3529-7575,
AuthorID РИНЦ: 878957, SPIN-код: 7182- 6201

Аннотация. *Цель исследования* — рассмотреть особенности становления и развития эргономики как науки, занимающейся вопросами взаимодействия между людьми и другими элементами системы в условиях социально-техногенного развития мира.

Методологическую основу исследования составляют три методологических подхода: социоприродный, междисциплинарный и эргоэкологический.

Социоприродный подход используется для анализа глобальных взаимосвязанных процессов и явлений в социальной и природной сферах, порожденных хозяйственной деятельностью человека. Он основан на идеях В. И. Вернадского, высказанных в первой половине XX века, о биосфере и будущей разумной ноосфере.

Согласно междисциплинарному подходу, разработанному в продолжение идей В. И. Вернадского в начале XXI века исследователями признанной РАН Междисциплинарной научно-философской школы социально-техногенного развития мира, общество, развиваясь техногенно, формирует искусственную реальность жизни, известную как техносфера. Техносфера воздействует на социальный организм, его экономическую подсистему и на биосферу, что вызывает взаимосвязанные изменения на планете как со стороны общественного развития, так и со стороны биосферы. Только всестороннее междисциплинарное рассмотрение данных изменений способно спроектировать дальнейший путь гармоничного совместного развития социосферы, техносферы и биосферы.

Третий эргоэкологический подход используется для системного изучения взаимоотношений человека с окружающей природной средой (в том числе человеко-машинного взаимодействия), воздействия социума на естественную природную среду, а также влияния трансформированной среды на человека. Данный подход позволяет установить, проанализировать, смягчить, предотвратить негативные воздействия в результате человеческой деятельности.

Результаты исследования. Глобальные социотехноприродные процессы, связанные с развитием социума и техносферы, имеют существенное влияние на биосферу и создают неустойчивость, что проявляется в росте экологических кризисов. Эргономика как наука, ставящая в качестве объекта своего изучения систему «человек-техника-среда», способна участвовать в решении глобальных проблем человечества. Эколого-эргономическая синергия позволяет рассмотреть новый подход (эргоэкологический) к безопасному эргономическому проектированию социотехнических систем, учитывая не только особенности человеко-машинного взаимодействия, но и особенности влияния этого взаимодействия на биосферу.

Перспективы исследования. Развиваемая в работе проблематика расширяет возможности участия эргономических исследований в области сохранения биосферной жизни в условиях быстро меняющегося социально-техногенного мира.

Ключевые слова: биосфера, социально-техногенное развитие мира, эргономика

Для цитирования: Кузьменко А.А. Становление и развитие эргономики в условиях социально-техногенного мира // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 123–135. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-123-135>.

Original article

THE FUTURE OF ERGONOMICS IN AN UNSTABLE ENVIRONMENT SOCIO-TECHNOGENIC WORLD

Alexander A. Kuzmenko

*Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia
alex-rf-32@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3529-7575,
AuthorID RSCI: 878957, SPIN-code: 7182- 6201*

Abstract. *The purpose of the study is to reveal the features of the evolution of ergonomics as a science dealing with issues of interaction between people and other elements of the system in the conditions of socio-technological development of the world.*

The methodological basis of the study *consists of three methodological approaches: socio-natural, interdisciplinary, and ergo-ecological.*

The socio-natural approach is used to analyze global interrelated processes and phenomena in the social and natural spheres generated by human economic activity. It is based on the ideas of V.I. Vernadsky, expressed in the first half of the XX century, about the biosphere and the future intelligent noosphere.

According to the interdisciplinary approach developed at the beginning of the XXI century, society, developing technogenically, forms an artificial reality of life, known as the technosphere. The technosphere affects the social organism, its economic subsystem and the biosphere, which causes interrelated changes on the planet, both from the side of social development and from the side of the biosphere. Only a comprehensive interdisciplinary consideration of these changes can design the further path of harmonious joint development of the socio-, techno- and biosphere.

Ergonomics as a science that puts the human-technology-environment system as the object of its study is able to participate in solving global problems of humanity. Ecological-ergonomic synergy allows us to consider a new approach (ergoecological) to the ergonomic design of sociotechnical systems, taking into account not only the features of human-machine interaction, but also the features of the impact of this interaction on the biosphere.

Research prospects. *This direction reflects the place of ergonomic research in the field of studying modern biospheric life in a rapidly changing socio-technogenic world.*

Keywords: *biosphere, socio-technogenic development of the world, ergonomics*

For citation: *Kuzmenko A. A. The future of ergonomics in an unstable environment socio-technogenic world // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 123–135. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-123-135>.*

Введение. Историческое развитие общества представляет собой непрерывный процесс, характеризующийся последовательными переходами от одного качественного состояния к другому. Каждый этап такого развития сопровождается целым спектром трансформаций (как положительных, так и отрицательных), ускоряющих процесс социализации (окультуривания) биосферного биологического вещества планеты [7]. Накопление таких социоприродных трансформаций играет ключевую роль в формировании новых эпох и этапов в эволюции общества и биосферы. На сегодняшний день социоприродные трансформации осуществляются под воздействием результатов научных и технологических достижений человечества и направлены на формирование техногенного мира, наполненного новыми формами биологической (точнее — биотехнологической) жизни. В процессе этих изменений происходит значительное вмешательство техногенного социума в биогеохимические процессы и циклы биосферы.

Именно трансформационный характер развития общества способствовал становлению и развитию эргономики как науки, ставящей объектом своего изучения сложные взаимодействия в системе «человек-техника-среда». На сегодняшний день нет единства во мнениях о периоде становления эргономики как науки. Так, В.П. Зинченко и В.М. Мунипов отмечают, что эргономика зародилась в период нижнего палеолита, когда первые люди (*homo faber*) начали создавать орудия труда около 1,5 млн лет назад. Конечно, эти практики не были результатом научного исследования, скорее, они были результатом опыта постоянного эмпирического тестирования (проб и ошибок), а также необходимости выживания и преодоления естественного отбора. Ученые подчеркивают, что, конечно, нельзя говорить о становлении эргономики как науки в тот далекий период [8]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что становление эргономики как отдельной науки также не происходит в период аграрного общества. Причиной этого выступает отсутствие революционных общественных трансформаций, способствующих появлению сложных технических объектов и систем.

Толчком к революционной трансформации общества из аграрного в индустриальное послужила промышленная революция. Начиная с 1800 года, появление технических нововведений, призванных удовлетворить общественные потребности индустриального общества, способствующие трансформации труда из ручного в машинный, привели к необходимости появления новой научной дисциплины, занимающейся вопросами удобства, эффективности и безопасности труда — эргономики.

Первое упоминание об эргономике появилось в труде польского профессора Войцеха Ястржебовски в 1857 году [14]. Ученый подчеркивал необходимость выделения отдельной науки, которая занималась бы решением вопросов безопасного для человека, но эффективного производства, не причиняющего вред окружающей естественной природной среде. Однако период индустриализации не позволил развиваться направлению, учитывающему интересы окружающей природной среды на протяжении последующих 60 лет. В 1920-е годы XX века первые страны (среди них — СССР, Япония, США), в которых официально признается эргономика (эргонология в СССР), также не рассматривают в контексте данной науки вопросы, связанные с бережным отношением к естественной природе. Однако они начинают активно развивать направление эргономики, в центр которого ставят антропоцентрический подход.

Активное развитие эргономика получает в условиях перехода наиболее развитых стран к высокотехнологичному постиндустриальному общественному развитию (с 1960 года). В этот период наблюдается становление основных принципов и подходов эргономики как системной проектировочной дисциплины, занимающейся вопросами проектирования систем «человек-техника-среда». Основное внимание в эргономических исследованиях того периода уделяется вопросам человеко-машинного взаимодействия. При этом среда (искусственная и естественная) рассматривается как рамочная конструкция (место, в котором происходит человеко-машинное взаимодействие).

Глобальные проблемы и кризисы, с которыми столкнулось человечество в конце XX века, выступили триггером для осозна-

ния важности эколого-эргономической синергии. Данная связь изменяет отношение сообщества эргономистов, заставляя их по-иному взглянуть на особенности эргономического проектирования. С этого периода постепенно начинают учитываться особенности влияния человеко-машинного взаимодействия на окружающую среду (естественную природную и искусственную), что приводит к появлению эргоэкологического подхода. На сегодняшний день отмечается рост вовлеченности эргономистов в решение глобальных проблем человечества. С каждым годом выходит все больше трудов, посвященных вопросам эргономики и устойчивого развития современного мира. С этой позиции считаем важным более детально рассмотреть особенности становления и развития данного направления.

Методология. Данная статья опирается на три методологических подхода: социоприродный, междисциплинарный и эргоэкологический.

Социоприродный подход используется для анализа глобальных взаимосвязанных процессов и явлений в социальной и природной сферах, порожденных хозяйственной деятельностью человека. Данный подход базируется на трудах В.И. Вернадского о социально направляемом развитии биосферы [1]. Еще в конце XIX — начале XX века В.И. Вернадский, Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден и Н.А. Бердяев в своих работах отмечали важность понимания глубокой взаимосвязи и взаимодействия между человечеством и окружающей средой, а также роли научных знаний и социальных структур в процессах социоприродного развития. Их работы послужили отправной точкой в развитии концепции системного социоприродного подхода.

Для преодоления изоляции между различными уровнями знаний, социальным опытом и накопленными человечеством социокультурными ценностями все большее значение приобретает междисциплинарный подход. Примером успешной реализации междисциплинарного подхода может служить Научно-философская школа исследований социально-техногенного развития мира, социотехноприродных процессов и смены эволюции жизни, созданная при Брянском государственном техническом университете в начале XXI века

профессором доктором философских наук Э.С. Демиденко. Школа объединила специалистов в области философии, а также учёных и аспирантов из различных научных областей (естественных, технических и социально-гуманитарных), что позволяет проводить значимые научно-философские исследования современной глобальной техногенной трансформации биосферной жизни и мира [5].

Эргоэкологический подход получил свое развитие в трудах ученых, занимающихся вопросами влияния человеко-машинного взаимодействия на естественную природную среду. Впервые идеи о важности осознания роли эргономических исследований в изучении трансформации социально-техногенного мира были озвучены в 1994 году выдающимся эргономистом Н. Морейем. В своем докладе Н. Морей обозначил важность эколого-эргономической синергии как феномена устойчивого проектирования современных социотехнических систем. Вслед за Н. Морейем Г. Гарсия-Акоста впервые предложил и обосновал методологические основы эргоэкологического исследования о влиянии человеческой деятельности на естественную природную среду [12]. Методологический подход эргоэкологии заключается в системном анализе взаимодействия между человеком и окружающей природной средой и согласовании его деятельности с природными процессами, позволяющими поддерживать баланс между человеческими потребностями и поддержанием устойчивого состояния окружающей природной среды.

Становление и развитие эргономики в условиях социально-техногенного мира. В индустриально-техногенном обществе (по классификации Е.А. Дергачёвой) происходило усиление общественных потребностей, а вместе с ним технических нововведений, позволяющих удовлетворить эти потребности [3]. Развитие технологий и инноваций стимулировало увеличение запросов и потребления внутри социума. В условиях современного общества процесс техногенного развития активно сопровождался увеличением потребления как естественных, так и синтетических материалов. В этом контексте технические инновации с одной стороны, давали обществу новые технологические

возможности, а с другой стороны вызывали усиление антропогенного воздействия на окружающую среду, способствуя истощению природных ресурсов и изменению в социальных структурах.

В этот период стала очевидна необходимость в появлении отдельной научной дисциплины, которая позволила бы повысить эффективность и безопасность трудовой деятельности человека в условиях промышленной революции и одновременно контролировать влияние человеческой деятельности на окружающую природную среду. Именно такой посыл содержал труд польского профессора Войцеха Ястржебовски, который в 1857 году в своей работе «Очерки эргономики, или науки о труде, основанной на объективных законах науки о природе», обратил внимание на необходимость гармоничного сочетания трудовой деятельности человека с окружающей природной средой [14].

Дальнейшее развитие эргономика получила лишь в начале XX века как наука об эффективности, безопасности и удобстве труда. Первыми странами, напрямую говорившими о данном направлении, считаются СССР, Япония и США. Вторая мировая война явилась фундаментом и субстратом становления данной науки, по окончании которой эргономика получила международное признание. Начиная с 1950 года эргономика претерпевает долгий путь развития и размежевания исследований в разных странах. Вплоть до 1980 года наблюдается полная децентрализация эргономического знания и эргономических исследований [8], о которых в рамках данной статьи обсуждения вести не будут.

Начиная с 1980-х годов во всем мире отмечается развитие интереса эргономистов в области разработки автоматизированного производства, программного управления и робототехники. С этого десятилетия наиболее востребованными темами исследования становятся проектирование эргономических параметров компьютерного оборудования, удобного для пользователя аппаратного и программного обеспечения. Эргономисты работают над разработкой механизмов представления и интерпретации информации на экране, а также над разработкой документации по эксплуатации как информационных систем, так и компьюте-

ров. Активно развивается направление организационной эргономики.

В 1990-е годы эргономика претерпела значительные изменения, включая рост интереса к когнитивной и организационной эргономике. С развитием Интернета и информационных технологий рабочие системы стали информационно насыщенными и часто географически распределенными, что представляло новые вызовы для исследователей. Новые технологии и системы привели к возникновению новых терминов и концепций в когнитивной эргономике, таких как совместные когнитивные системы, распределенное познание, ситуационная осведомленность, умственная нагрузка и виртуальная реальность и т.д. Эти термины стали общепринятыми и помогли в понимании того, как люди взаимодействуют с компьютеризированными системами и обрабатывают большой объем информации.

С 2000 года Международная эргономическая ассоциация (МЭА) выделяет три направления эргономических исследований (специализаций) и, как следствие, делит эргономику на три направления: физическая, когнитивная и организационная эргономика. В этом же году на основе принятия трех независимых, но в то же время переплетающихся направлений эргономики МЭА предлагает свое определение данной науки. «Эргономика — это научная дисциплина, занимающаяся пониманием взаимодействий между людьми и другими элементами системы, и профессия, которая применяет теорию, принципы, данные и методы при проектировании с целью оптимизации благополучия человека и общей производительности систем» [15, с. 1614].

На протяжении последних 25 лет раздавались призывы многих ученых к интеграции микроэргономических и макроэргономических исследований и практики. Некоторые из них утверждают, что макроэргономика, как ее первоначально определил Х. Хендрик, на самом деле является призывом интегрировать проблемы организационного уровня и уровня человека-машины для совместного улучшения организации и ее операторов.

Так что же послужило отправной точкой трансформации эргономики из проектной научной дисциплины о безопасности и удобстве труда в процессе человеко-ма-

шинного взаимодействия в науку, занимающуюся вопросами устойчивого развития? Мы считаем, что для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть два знаковых события, произошедших в конце XX века. Первым событием, которое послужило началом развития научной мысли в области эргономики устойчивого развития, выступает конференция ООН по окружающей среде и развитию, проведенная в 1992 году в Рио-де-Жанейро. Именно на этой конференции впервые была поставлена задача устойчивого развития человечества и окружающей среды на общемировом политическом уровне. Вторым, не менее знаковым событием в области эргономики является выступление в августе 1994 года профессора Н. Мореей на 12-м конгрессе Международной ассоциации эргономики (МЭА) в Торонто с докладом, в котором ученый подчеркивал важную роль эргономики в решении возникающих глобальных проблем человечества [16]. В своем докладе Н. Мореей опирался на работы Р. Никерсона, посвященные глобальным экологическим проблемам. Р. Никерсон подчеркивал, что эргономика должна включать в себя гораздо более широкий спектр факторов, меняющих вектор исследования с антропогенного на антропогенно-природный.

Среди наиболее важных факторов, способствующих такой смене вектора исследований, Н. Мореей выделял межкультурные особенности коренных народов, глобальные экологические проблемы современности, развитие этики, а также междисциплинарный подход, направленный на поиск эргономических решений деградации природной среды под воздействием сложных социотехнических объектов [17]. Безусловно, Н. Мореей в своем докладе обратил внимание на многие острые проблемы устойчивого развития, озвученные на конференции ООН 1992 года. Однако основным недостатком его доклада является отсутствие внимания к серьезной проблеме трансформации биосферы под воздействием социально-техногенного развития мира и расширения техносферы.

С момента выступления Н. Мореей и до официального признания участия эргономики в решении глобальных проблем устойчивого развития научное сообщество не уделяло должного внимания эргономичес-

ким исследованиям в данной области. Однако в 1996 году Г. Гарсия-Акоса, последовав призыву Н. Мореей, предложил и практически обосновал необходимость синергии между эргономическими и экологическими подходами, тем самым выделив отдельное междисциплинарное направление — эргоэкологию [11]. В предложенной концепции эргоэкологии Г. Гарсия-Акоса, поддерживая подход, предложенный Н. Мореей, признает, что человеческий вид может оказаться под угрозой исчезновения, если продолжать эксплуатацию природных ресурсов без учета негативных последствий для природной среды. Ученый настаивал на необходимости смены антропоцентрического подхода в эргономических исследованиях на антропо-экосферный.

Проведя социально-философский анализ предложений в области эргоэкологии, нам становится понятным, что на сегодняшний день данное направление не рассматривает проблемы трансформации биосферы под воздействием человеческой деятельности. Это, на наш взгляд, является существенным упущением, которое не позволяет объективно оценивать существующие риски деградации биосферы. Однако именно данное междисциплинарное направление впервые выводит среду в системе «человек-техника-среда» за пределы рамочной конструкции, в которой осуществляется человеко-машинное взаимодействие. Такой эргоэкологический антропо-экосферный подход ставит в центр внимания не человеко-машинное, а человеко-природное взаимодействие. Однако данный подход не в полной степени рассматривает современные проблемы трансформации и деградации биосферы, поэтому целесообразно вести речь о формировании эргономического социотехноприродного подхода, о чем будет сказано далее.

В 2008 году Международная эргономическая ассоциация (МЭА) признала важность эргономики в достижении целей устойчивого развития (ЦУР), организовав «Комитет по человеческому фактору эргономики и устойчивому развитию». Несмотря на, казалось бы, понятный вектор, вопросы дальнейшей эволюции эргономики остаются туманными. Будущее данной науки в условиях нарастания неустойчивости социально-техногенного мира не определено. В рамках данной статьи

мы попробуем рассмотреть пути эволюции эргономики.

После официального признания и утверждения Комитета по человеческому фактору эргономики и устойчивому развитию начинается активное развитие эргономических исследований в данной области, о которых пойдет речь в следующих разделах работы.

Эргономика и системный социоприродный подход. Большая часть исходной теории эргономики происходит из теории систем, опираясь на применение системного подхода к пониманию безопасности, благополучию и удобства в рабочей среде. Дж. Уилсон, например, утверждал, что определяющей характеристикой исследований человеческого фактора и эргономики является то, что они явно придерживаются системного подхода [21]. Центральная идея системного подхода заключается в том, что сложные системы состоят из взаимосвязанных компонентов, свойства которых изменяются, если система каким-либо образом рассредоточена. Особенностью системного подхода в эргономических исследованиях выступает одновременное социальное и организационное проектирование. Системный характер проектирования демонстрирует закономерность, отражающую влияние движения элементов в одной части системы, приводящие к движению элементов в других частях.

Как отмечает Н. Мореей, «мы вступили в эпоху антропоцена — периода, когда деятельность человека оказала ощутимое влияние на биосферу, — становится очевидным, что разделение экологических, социальных или экономических аспектов устойчивости бессмысленна и оказывает отрицательное воздействие, вызывая неустойчивость развития современного социально-технического мира. Период антропоцена создает серьезные проблемы для устойчивого общественного и природного развития» [17, с. 415]. Таким образом, Н. Мореей демонстрирует важность перехода от социотехнического эргономического подхода к социоприродному в рамках эргономических исследований и эргономического проектирования.

Системный социоприродный подход, зародившийся под влиянием трудов выдающихся ученых, таких как В.И. Вернадский,

Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден и Н.А. Бердяев, стал ключевым элементом в понимании взаимосвязи между развитием человечества и природой нашей планеты. Эти ученые не только выявили важность социума, коллективного человеческого разума и науки в социоприродном развитии, но и подчеркнули нарастающее влияние социальных форм жизни на биосферные процессы.

На сегодняшний день социотехноприродное единство представляется интеграционными эволюционными процессами в обществе и биосфере на основе расширения техносферы. Эволюционирующий техногенный социум все сильнее оказывает влияние на биосферную жизнь, и поэтому необходимо учитывать растущую угрозу дисгармонии между развитием социосферы и биосферы. Посредником в этих трансформационных процессах выступает социально создаваемая на основе разнообразной машинной техники и технологий техносфера [2].

На основе социоприродного подхода и исходя из работ ученых Междисциплинарной научно-философской школы социально-техногенного развития мира Э.С. Демиденко и Е.А. Дергачевой, можно сделать вывод, что эволюция жизни на Земле включает четыре основных этапа: биосферно-биологический, социально-биосферный, социотехнобиосферный и социотехнобиологический. На первом этапе, длившемся миллиарды лет эволюции планеты, происходит активное формирование биологических форм жизни в биосфере. На втором этапе формируется человечество как составной элемент более крупной системы биосферной жизни. На этом этапе человечество активно взаимодействует с биосферой, оказывая на нее воздействие на основе природных законов. На третьем этапе эволюции (его началом является неолитическая революция), продлившемся примерно 10 тыс. лет, формируются фрагменты техносферы с помощью ручной техники, усиливается антропогенное воздействие на основе естественных технологий земледелия на биосферные почвы. Результатом такого воздействия оказывается разрушение значительных участков плодородных почв (до 2/3). Начиная с 1800 года промышленная революция перенесла человечество на четвертую ступень развития биологичес-

кой жизни. Сегодняшний этап социотехноприродного развития, в котором техногенный социум играет доминирующую роль, сопоставим по силе трансформационного воздействия на биосферу на основе искусственных технологий с биогеохимическими процессами в самой биосфере. Человечество активно влияет на окружающую среду, используя биосферные ресурсы для создания новых, биотехнологических (генно-модифицированных) форм жизни. Основываясь на этих и других размышлениях, ученые настаивают на необходимости смены вектора развития с социально-техногенного на социально-биосферный, направленный на сохранение естественного человека и биосферы как системы жизни, без которой невозможно дальнейшее развитие социума [2].

Как отмечалось, Н. Мореей обращено внимание на необходимость перехода от социотехнического эргономического подхода к социоприродному в рамках эргономических исследований и эргономического проектирования. Развивая свои идеи, Н. Мореей опирается на работы А. Виснера [21], который подчеркивал сложности формирования эргономики в промышленно развивающихся странах, а также работы Р. Никерсона [18], посвященные глобальным экологическим проблемам. Р. Никерсон отмечал, что эргономика должна включать в себя гораздо более широкий спектр факторов, меняющий вектор с социально-технического на социально-природное развитие. Среди наиболее важных факторов, способствующих такой смене эргономического мышления, Н. Мореей выделял межкультурные особенности коренных народов, глобальные экологические проблемы современности, развитие этики, а также междисциплинарный подход, направленный на поиск эргономических решений деградации естественных природных систем под воздействием сложных социотехнических объектов и систем. По нашему мнению, данный подход отчетливо показывает смещение вектора эргономических исследований с человеко-машинного направления на человеко-природное.

П. Хэнкока и С. Друри в своих трудах свидетельствовали о необходимости пересмотра ценностей в дисциплине эргономика и указывали на необходимость рассматривать социальные, этические и экологические

вопросы как базис, оказывающий влияние на общество в целом [13]. По их мнению, подобные исследования и практики проектирования могут помочь эргономике стать более релевантной и востребованной областью, способной вносить значимый вклад в улучшение жизни всех людей, а следовательно, создания более справедливого общества, находящегося в устойчивом взаимодействии с окружающей природной средой.

Мы считаем, что рассмотренные подходы хорошо коррелируют с концепцией социотехноприродного общественного развития, находящего отражение в работах Междисциплинарной научно-философской школы социально-техногенного развития. Осознание важности учета потребностей биосферы и смене вектора с социально-техногенного на социально-биосферное развитие позволят эргономике создать устойчивый проекторочный базис, способный решать многие задачи проектирования безопасных социально-техногенных систем.

Формирующиеся новые позиции эргономики в отношении устойчивого развития. Начиная с XXI века мы наблюдаем формирование междисциплинарных связей эргономики с другими науками, направленными на решение глобальных проблем человечества, и попытки смены вектора с неустойчивого социоприродного развития на устойчивое [4]. В данном контексте можно говорить об исследованиях в области макроэргономики, посвященные изучению воздействия систем на окружающую природную среду и её устойчивость [9].

По мнению Н. Мореей, эргономика должна интегрировать знания и подходы с социальными и философскими науками [17]. Хотелось бы особо подчеркнуть, что это утверждение основывается на понимании того, что работа человека и его взаимодействие с рабочей средой и технологиями имеют глубокие социальные особенности, которые необходимо учитывать для достижения более эффективных и устойчивых решений. Мы верим, что интегрирование этих знаний в область эргономики позволяет лучше понимать, как социокультурные и социально-экономические факторы влияют на проектирование технических систем.

Развитие эргономики в контексте устойчивого развития способствовало выделению новых междисциплинарных наук. Первой наукой, выделенной после утопического доклада Н. Морейя, была эргоэкология [11], предлагающая применение экосферного сознания в вопросах достижения устойчивости между техногенным обществом и биосферой. Эргоэкология делает акцент на системной экоэффективности и экопродуктивности как концепциях, которые могут послужить разработке конкретных показателей при оценке пределов природного капитала Земли.

Несмотря на важность выделения данного направления, хочется отметить, что, на наш взгляд, слишком много не рассмотренного остается в вопросах биосферной трансформации и биосферной устойчивости. Однако эргоэкология положила начало осознанию возможности синергии методов эргономического и экологического проектирования и исследований, в которых окружающая естественная природная среда выдвигается на первый план вместе с человеком. Еще один подход в области устойчивого развития, появившийся в 2008 году, получил название экоэргономика. Данное направление предложил выделять А. Тэтчер, который в своих трудах [19; 20] указывал на эколого-эргономическую междисциплинарность, обращая внимание на прямую зависимость общества от окружающей среды и важность осознания их взаимовлияния. Мы видим, что общей особенностью рассмотренных направлений является осознание важности перехода от антропоцентрического к экосферному подходу в эргономических исследованиях. Однако данные работы не рассматривают в полной мере влияние социально-техногенного социума на биосферу, что является существенной недоработкой данных концепций.

Осознание важности перехода от антропоцентрического подхода к экосферному выступает важным шагом, который совершили эргономисты в рамках изучения особенностей влияния эргономики на устойчивое развитие. Однако в современном социально-техногенном мире более уместно говорить о важности осознания необходимости перехода от антропоцентрического подхода к социотехноприродному, который, на наш взгляд, является основой для сохранения биосферы на планете Земля.

Л. Моралес и др. в своих работах предложили принцип уважения к природе [15] в процессе эргономического проектирования. Они отметили, что одним из социально ответственных подходов является признание вклада более старых культур коренных народов (они рассматривают как пример концепцию «Минга» у некоторых групп коренных народов Амазонии и концепцию «Убунту» в культурах Южной Африки). Эти культуры подчеркивают важность прав всех членов общества. Авторы утверждают, что при принятии решений в области эргономического проектирования следует учитывать систему в целом (т.е. людей, природу и технологии), а не только человеческие и технологические (созданные человеком) особенности.

Обсуждение. Несмотря на выделение ряда направлений эргономики в области устойчивого развития и принципов проектирования, мы приходим к выводу о том, что предложенные подходы к решению вопросов глобальных проблем человечества недостаточно широко рассматривают понятия «окружающая среда» и «природа».

Авторы упускают из вида многие проблемы, способствующие деградации и даже гибели биосферы, о которых в своих трудах неоднократно пишут Э.С. Демиденко и Е.А. Дергачёва [2; 4; 6; 7]. Социально-философский анализ приводит нас к мысли о необходимости выделения междисциплинарного направления эргономических исследований, занимающегося вопросами изучения взаимодействия человека (социума) с техносферой и биосферой в самом широком смысле, призванного повысить уровень безопасной жизнедеятельности людей через повышение устойчивости биосферы и ее сбережение.

Другими словами, мы считаем, что необходимо сменить акцент междисциплинарных направлений в области эргономики устойчивого развития с классического антропотехногенного на социотехноприродный, тем самым направив все методы эргономического проектирования на разработку безопасных и эффективных систем для человека, но при этом поддерживающих стабильное устойчивое состояние биосферы.

Также мы придерживаемся позиции, что одной из значимых причин социально-техно-

генной трансформации биосферы выступает попытка человечества преодолеть естественный отбор, тем самым обезопасить свое существование, сделав его более комфортным и удобным.

В контексте нашего исследования мы считаем необходимым выделить эргономику социотехноприродного развития, которая способна найти и внедрить справедливую и сбалансированную взаимосвязь между всеми элементами социально-техногенного мира, гарантируя, что каждый элемент будет иметь равноценную значимость.

Результаты и выводы. Многовековая эволюция биосферы и её живого вещества оказала огромное влияние на формирование нашей планеты. Биосфера способствовала становлению жизни и, как следствие, выделению общества в отдельную подсистему, способствуя развитию социальных структур и созданию среды, в которой живет человечество. Важно отметить, что в течение долгих тысячелетий общество существовало в гармонии с биосферой, используя ручную технику для создания элементов техносферы, но продолжая существовать внутри биосферной системы жизни. Это сбалансированное взаимодействие социума и природы способствовало сохранению естественных ресурсов, характерных для биосферного биологического живого вещества.

С приходом промышленной революции в конце XVIII века произошел переломный момент в развитии человеческой цивилизации. Она стала техногенной и даже постбиосферной (по мысли Э.С. Демиденко и Е.А. Дергачевой), что привело к постепенной замене естественных основ жизни искусственными, техносферно-городскими. Данный сдвиг сформировал техносферу, а экспансия новой техногенной социоприродной реальности привела к качественным изменениям биосферной жизни. В этот период началась активная трансформация как биосферы, так и естественного человека.

Машинно-техническая революция, протекавшая с конца XIX века до первой половины XX века, представляла собой период интенсивной индустриализации, структурных изменений в промышленном производстве и перехода от паровой энергии к электрической. Именно в этот период наблюдается

становление нового междисциплинарного направления, занимающегося вопросами безопасности и удобства труда в процессе человеко-машинного взаимодействия — эргономики. Эколого-эргономическая методология играет важную роль в преодолении разрыва между искусственной (техносферной) и естественной (биосферной) природой средой. Однако современное понимание эргономики устойчивого развития рассматривает природную среду в узком диапазоне взаимодействия и не учитывает систему более высокого уровня — биосферу, в которой эти взаимодействия происходят, поэтому в рамках данной работы мы считаем важным обратить внимание эргономистов на вопросы перехода к социально-биосферному развитию. Такой поворот поможет понять взаимосвязь человека и техносферы с трансформирующейся вследствие техногенного развития природной средой и сформировать методы проектирования, необходимые для обеспечения устойчивого развития биосферной жизни.

Список источников

1. Вернадский В. И. Живое вещество. М.: Наука, 1978. 358 с.
2. Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. Буржуазно-техногенное уничтожение биосферной жизни и земного мира: междисциплинарное исследование: монография. М.: URSS, 2023. 280 с.
3. Демиденко Э. С., Дергачева Е. А., Попкова Н. В. Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины: научное издание. М.: Всемирная информационная энциклопедия; Брянск: БГТУ, 2011. 388 с.
4. Дергачев К. В., Кузьменко А. А., Спассеников В. В. Анализ взаимосвязи объекта и парадигмы исследования в эргономике с использованием информационных технологий // Эргодизайн. 2019. №1(3). С. 12–22.
5. Дергачев К. В., Трифанков Ю. Т. Мультидисциплинарные исследования как приоритетное направление брянской научно-философской школы социально-техногенного развития мира // Проблемы современного антропосоциального познания. Брянск, 2018. С. 15–30.
6. Дергачева Е. А. Социально-техногенное уничтожение биосферной жизни и фор-

мирование стратегии социально-биосферного развития регионов России // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. №5. С. 195–203.

7. Дергачева Е. А. Философия техногенного общества. М.: Ленанд, 2011. 216 с.

8. Зинченко В. П., Мунипов В. М. Основы эргономики. Учебное пособие для вузов по специальности Психология. М.: МГУ, 1979. 344 с.

9. Кузьменко А. А. Концептуальные основы устойчивого и неустойчивого развития жизни на земле в условиях социально-техногенного развития мира // Глобалистика-2020: глобальные проблемы и будущее человечества. Электронный сборник тезисов участников VI Международного научного конгресса. 2020. С. 632.

10. Попкова Н. В. Техногенное развитие и техносферизация планеты. М.: ИФ РАН, 2004. 260 с.

11. Garcí'a-Acosta G. Modelos de explicacio'n siste'mica de la ergonomí'a [Models of systemic explanation of ergonomics] // Master's thesis. Universidad Nacional Auto'noma de Me'xico, 1996. 171 p.

12. Garcí'a-Acosta G., M. H. Saravia, and C. Riba i Romeva. 2012. Ergoecology: Evolution and Challenges // WORK: A Journal of Prevention, Assessment and Rehabilitation. 2012. №41. Pp. 2133–2140.

13. Hancock P. A., Drury C. G. Does human factors/ergonomics contribute to the quality of life? // Theoretical Issues in Ergonomics Science. 2011. №12(5). Pp. 416–426.

14. Jastrzebowski W. An outline of ergonomics or the science of work based upon the truths drawn from the science of nature. Central Institute for Labour Protection: Warsaw, 2000. 31 p.

15. Lange-Morales K., Thatcher A., García-Acosta G. Towards a sustainable world through human factors and ergonomics: it is all about values // Ergonomics. 2014. №57(11). Pp. 1603–1615.

16. Moray N. Ergonomics and the global problems of the twenty-first century // Ergonomics. 1995. №38 (8). Pp. 1691–1707.

17. Moray N. The good, the bad, and the future: on the archaeology of ergonomics // Human. 2008. №50(3). Pp. 411–417.

18. Nickerson R. S. What does human factors research have to do with environmental

management? // Proceedings of the 36th Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting. October, 1992. Pp. 636–639.

19. Thatcher A. Affect in designing for sustainability in human factors and ergonomics // International Journal of Human Factors and Ergonomics. 2012. №1(2). Pp. 127–147.

20. Thatcher A. Green Ergonomics: Definition and Scope // Ergonomics. 2013. №56(3). Pp. 389–398.

21. Wilson J. R. Recurring issues in the IEA, the discipline and the profession of ergonomics/human factors // Work. 2012. №41 (Supplement 1). Pp. 5041–5044.

22. Wisner A. Ergonomics in industrially developing countries // Ergonomics. 1985. №28(8). Pp. 1213–1224.

References

1. Vernadskij V. I. Zhivoe veshchestvo [Living matter]. Moscow: Nauka, 1978. 358 p. (In Russ.).

2. Demidenko Je. S., Dergacheva E. A. Burzhuazno-tehnogennoe unichtozhenie biosfernoj zhizni i zemnogo mira: mezhdisciplinarnoe issledovanie: monografija [Bourgeois-technogenic destruction of biospheric life and the earthly world: an interdisciplinary study: monograph]. Moscow: URSS, 2023. 280 p. (In Russ.).

3. Demidenko Je. S., Dergacheva E. A., Popkova N. V. Filosofija social'no-tehnogenного razvitija mira: stat'i, ponjatija, terminy: nauchnoe izdanie [Philosophy of socio-technogenic development of the world: articles, concepts, terms: scientific edition]. Moscow: Vsemirnaja inform-jenciklopedija; Brjansk: BGTU, 2011. 388 p. (In Russ.).

4. Dergachev K. V., Kuz'menko A. A., Spasennikov V. V. Analiz vzaimosvjazi ob'ekta i paradigmy issledovanija v jergonomike s ispol'zovaniem informacionnyh tehnologij [Analysis of the relationship between the object and the paradigm of research in ergonomics using information technologies]. Jergodizajn [Ergodesign]. 2019; 1(3): 12–22. (In Russ.).

5. Dergachev K. V., Trifankov Ju. T. Mul'tidisciplinarnye issledovanija kak prioritnoe napravlenie brjanskoj nauchno-filosofskoj shkoly social'no-tehnogenного razvitija mira [Multidisciplinary research as a priority direction of the Bryansk scientific and philo-

sophical school of social-technogenic development of the world]. Problemy sovremennogo antroposocial'nogo poznanija [Problems of modern anthroposocial cognition]. Brjansk, 2018. Pp. 15–30. (In Russ.).

6. Dergacheva E.A. Social'no-tehnogennoe unichtozhenie biosfernoj zhizni i formirovanie strategii social'no-biosferного razvitiya regionov Rossii [Socio-technogenic destruction of biospheric life and the formation of a strategy for socio-biospheric development of the regions of Russia]. *Vestnik JuRGTU (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the SRSTU (NPI). Series: Socio-economic sciences]*. 2023; 16(5): 195–203. (In Russ.).

7. Dergacheva E.A. Filosofija tehnogenno-go obshhestva [Philosophy of technogenic society]. Moscow: Lenand, 2011. 216 p. (In Russ.).

8. Zinchenko V.P., Munipov V.M. Osnovy jergonomiki. Uchebnoe posobie dlja vuzov po special'nosti Psihologija [Fundamentals of ergonomics. Textbook for universities specializing in Psychology]. Moscow: MGU, 1979. 344 p. (In Russ.).

9. Kuz'menko A.A. Konceptual'nye osnovy ustojchivogo i neustojchivogo razvitiya zhizni na zemle v uslovijah social'no-tehnogenного razvitiya mira [Conceptual foundations of sustainable and unstable development of life on earth in the conditions of socio-technogenic development of the world]. Globalistika-2020: global'nye problemy i budushhee chelovechestva. Jelektronnyj sbornik tezisev uchastnikov VI Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa [Globalistics 2020: global problems and the future of mankind. Electronic collection of abstracts of participants of the VI International Scientific Congress]. 2020. P. 632. (In Russ.).

10. Popkova N.V. Tehnogennoe razvitie i tehnosferizacija planety [Technogenic development and technospherization of the planet]. Moscow: IF RAN, 2004. 260 p. (In Russ.).

11. Garcí'a-Acosta G. Modelos de explicacio'n siste'mica de la ergonomi'a [Models of systemic explanation of ergonomics]. Master's thesis. Uni-

versidad Nacional Auto'noma de Me'xico, 1996. 171 p.

12. Garcí'a-Acosta G., M.H. Saravia, and C. Riba i Romeva. 2012. Ergoecology: Evolution and Challenges. *WORK: A Journal of Prevention, Assessment and Rehabilitation*. 2012; (41): 2133–2140.

13. Hancock P.A., Drury C.G. Does human factors/ergonomics contribute to the quality of life? *Theoretical Issues in Ergonomics Science*. 2011; 12(5): 416–426.

14. Jastrzebowski W. An outline of ergonomics or the science of work based upon the truths drawn from the science of nature. Central Institute for Labour Protection: Warsaw, 2000. 31 p.

15. Lange-Morales K., Thatcher A., García-Acosta G. Towards a sustainable world through human factors and ergonomics: it is all about values. *Ergonomics*. 2014; 57(11): 1603–1615.

16. Moray N. Ergonomics and the global problems of the twenty-first century // *Ergonomics*. 1995; 38 (8): 1691–1707.

17. Moray N. The good, the bad, and the future: on the archaeology of ergonomics. *Human*. 2008; 50(3): 411–417.

18. Nickerson R.S. What does human factors research have to do with environmental management? Proceedings of the 36th Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting. October, 1992. Pp. 636–639.

19. Thatcher A. Affect in designing for sustainability in human factors and ergonomics. *International Journal of Human Factors and Ergonomics*. 2012; 1(2): 127–147.

20. Thatcher A. Green Ergonomics: Definition and Scope. *Ergonomics*. 2013; 56 (3): 389–398.

21. Wilson J.R. Recurring issues in the IEA, the discipline and the profession of ergonomics/human factors. *Work*. 2012; 41 (Supplement 1): 5041–5044.

22. Wisner A. Ergonomics in industrially developing countries. *Ergonomics*. 1985; 28(8): 1213–1224.

Статья поступила в редакцию 26.12.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted on 26.12.2023; approved after reviewing on 18.01.2024; accepted for publication on 14.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузьменко Александр Анатольевич — кандидат биологических наук, доцент, Брянский государственный технический университет.

Россия, г. Брянск, бульвар 50 лет Октября, 7

Alexander A. Kuzmenko — Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Bryansk State Technical University.

50 let Oktyabrya ave., Bryansk, Russia

Научная статья

УДК 304.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-136-144

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Татьяна Николаевна Майснер

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

designtatyana@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8654-0881,

AuthorID РИНЦ: 345191, SPIN-код: 2057-0869

Аннотация. *Цель исследования* заключается в анализе тенденций развития крупного города в условиях цифровизации.

Методологической основой исследования выступает системный и рискологический подходы, а также положения концепции информационного общества.

Результаты исследования. Развитие информационных технологий значительно модернизировало городскую инфраструктуру, позволило оптимизировать процессы управления городским хозяйством, а также открыло новые возможности для перспективного градостроительства. Цифровые технологии стали фундаментом практической реализации концепции «умного» города, позволив оптимизировать процессы управления, планирования, контроля и развития урбанизированных территорий. Кроме того, внедрение цифровых технологий в городскую систему обеспечивает права человека на безопасную социальную и экологическую среду.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования влияния цифровизации на развитие урбанизированных территорий, понимания ее перспектив и рисков для управления городскими процессами.

Ключевые слова: город, цифровизация, умный город, смарт-сити, искусственный интеллект, нейросетевые технологии, технологии «Big Data»

Для цитирования: Майснер Т.Н. Тенденции развития современного города в условиях цифровизации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 136–144. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-136-144>.

Original article

DEVELOPMENT TRENDS OF A MODERN CITY IN THE CONDITIONS OF DIGITIZATION

Tatyana N. Meisner

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
designtatyana@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8654-0881,
AuthorID RSCI: 345191, SPIN-код: 2057-0869*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the development trends of a large city in the context of digitalization.*

The methodological basis of the study is the systemic and riskological approaches, as well as the provisions of the concept of the information society.

Research results. *The development of information technology has significantly modernized the city infrastructure, made it possible to optimize urban management processes, and also opened up new opportunities for promising urban planning. Digital technologies have become the foundation for the practical implementation of the smart city concept, making it possible to optimize the processes of management, planning, control and development of urban areas. In addition, the introduction of digital technologies into the urban system ensures human rights to a safe social and environmental environment.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research into the impact of digitalization on the development of urban areas, understanding its prospects and risks for managing urban processes.*

Keywords: *city, digitalization, smart city, smart city, artificial intelligence, neural network technologies, Big Data technologies*

For citation: *Meisner T. N. Development trends of a modern city in the conditions of digitization // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 136–144. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-136-144>.*

Введение. Последние десятилетия темпы технологического развития предопределили переход общества к новому уровню социальной организации, особенностью которого является цифровизация. Процесс цифровизации связан с переходом от аналоговых способов обработки информации к цифровому формату, позволяющему значительно оптимизировать процессы хранения, обработки и передачи данных. Кроме того, активное внедрение цифровых технологий принципиально меняет формы коммуникации и деятельности людей. Выступая сегодня основным трендом современного развития, цифровизация затронула практически все сферы общества: экономику, политику, образование, медицину, повседневность

и пр. В результате произошли революционные изменения в образе жизни современного человека.

В первую очередь, цифровизация охватила крупные мегаполисы, которые обладают всеми необходимыми ресурсами как для развития информационной инфраструктуры городского пространства, так и для ее обслуживания. Внедрение цифровых технологий принципиально изменило способы управления и организации городским пространством, открыв новые перспективы для развития городских территорий и породив новые риски. Такая ситуация инициирует потребность в осмыслении тенденций развития современного города в условиях цифровизации.

Методология и методы. В качестве методологической основы исследования предлагается системный подход, позволяющий рассматривать город как сложную систему, интегрирующую различные элементы в единое целое (экосферу, техносферу и антропосферу); рискологический подход [4; 9], позволяющий анализировать риски, обусловленные цифровизацией городской инфраструктуры. В исследовании цифровой трансформации городской среды автор опирается на положения теории информационного общества [15; 16].

Результаты. В настоящее время проблема влияния цифровизации на жизнь современного города находится в начальной стадии научного обсуждения. В то же время в научной литературе анализу данной тематике посвящены работы таких авторов, как О.В. Артемова, Г.М. Зинчук, Е.В. Пахомов, Е.В. Рожков и др. [2; 6; 11; 13]. Исследователи, оценивая влияние цифровизации на функционирование городской инфраструктуры, приходят к выводу о том, что этот процесс радикально меняет принципы организации практически всех сфер городского хозяйства, а также образ жизни населения города. Прежде всего, это проявляется во внедрении цифровых технологий в управление такими системами города, как жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт, общественная безопасность, сфера услуг и пр. Внедрение новых технологических инноваций в организацию городского пространства позволяет обеспечивать высокий уровень комфорта и социального благополучия горожан.

Именно развитие технологий и их имплементация в организацию жизнедеятельности современного города определили появление в научном дискурсе концепции «умного» города или смарт-сити.

Идея «умного города» начинает активно обсуждаться урбанистами в начале XXI века, что было обусловлено стремительным развитием ИТ-технологий и их применением в управлении городской территорией. В настоящее время однозначного толкования понятия «умный город» еще не сложилось, но в широком толковании данное понятие отражает интегративные характеристики жизнедеятельности современного города, а именно:

удобство, комфорт, функциональность, эстетичность, экологичность. Синтез этих показателей, базирующихся на применении информационных инноваций, фиксирует новый уровень развития современного города.

Анализируя современные «smart cities», исследователи отмечают, что их специфика заключается в активном использовании цифровых технологий для «...максимального удовлетворения потребностей жителей города и оптимизации их взаимодействия с государственными структурами и местными органами власти» [10, с. 8]. Следует отметить, что «умный город» представляет собой не только технологический проект, но и модель социальной жизни, ориентированную на повышение качества жизни человека в пространстве крупного города.

Сегодняшний уровень развития технологий позволяет воплощать концепцию «умного города» на практике. Реализацию модели «умного города» можно наблюдать в таких городах, как Амстердам, Барселона, Нью-Йорк, Стокгольм, Токио, Сингапур, Копенгаген и др. Очевидно, что инкорпорирование цифровых технологий в городскую систему реализуется преимущественно в крупных городах мира.

Действительно, стремительное развитие цифровых технологий позволяет создать город, обеспечивающий более комфортные условия жизни на урбанизированной территории. В настоящее время основными инновационными технологиями, активно используемыми в функционировании городской инфраструктуры, являются: камеры наблюдения, обеспечивающие контроль и безопасность; системы «умной» парковки; энергосберегающие технологии (солнечные панели); управление системой уличного освещения; автоматизация водоснабжения; мобильное приложение «Best Time», которое отслеживает движение общественного транспорта; цифровые платформы, позволяющие взаимодействовать горожанам с различными социальными службами и структурами власти и т.п.

По сути, модель «умного» города отражает новое представление об организации городского пространства на основе инновационных технологий, позволяющих соединять в единую систему различные компоненты городской инфраструктуры.

Огромную роль в функционировании городской инфраструктуры начинает играть искусственный интеллект, технологии которого все активнее внедряются в современные мегаполисы. В научной литературе под искусственным интеллектом понимается «система информационных взаимодействий, способная к самопрограммированию, самообучению, а также — созданию и изменению алгоритмов последовательных операций, направленных на формирование нового информационного продукта» [1, с. 91].

В организации и управлении городской средой искусственный интеллект применяется повсеместно, его ресурсы используются в поисковых системах, навигационных устройствах, функционировании виртуальных платформ, промышленном и финансовом секторах и пр. Ученые относят искусственный интеллект «к разряду так называемых «подрывных» технологий, составляющих основу Четвертой промышленной революции, развитие которых может способствовать технологическому прорыву любой страны сразу в нескольких отраслях» [14, с. 127].

Относительно недавно в управлении городским пространством стали применяться нейросетевые технологии, которые уже положительно зарекомендовали себя в оптимизации многих процессов, обеспечивающих эффективную работу городских служб. Использование потенциала нейросетевых алгоритмов позволяет осуществлять следующие процессы:

- а) анализ данных относительно расходов по различным видам коммунальных услуг;
- б) управление транспортными потоками;
- в) обработка статистической информации;
- г) расчет объемов промышленных и бытовых отходов по районам и оптимальных способов их утилизации;
- д) усовершенствование работы социальных сфер города и т.д.

Очевидно, что применение нейросетевых технологий обеспечивает более оптимальное управление как различными системами городского хозяйства, так и сферой услуг, оказываемых населению.

В системе управления городом большую роль начинают играть технологии «Big Data», которые, по мнению специалистов, «в отличие от статистических выборок,

которые успевают устареть к моменту их анализа, “большие данные” могут обрабатываться в режиме реального времени, что повышает качество и скорость принятия решений. “Большие данные” в области городского управления дополняют традиционные типы информации о городе и расширяют сферу их применения» [7, с. 6].

Практика современного градостроительства не может обходиться без применения технологий «Big Data», которые позволяют выводить городское планирование на новый, более высокий уровень. Сегодня уже очевидно, что технологии «Big Data» обладают огромным потенциалом для создания единой информационной основы, связывающей все разрозненные городские процессы в общую систему. Эти технологии позволяют рассматривать город как сложный социальный организм, выявляя его проблемные зоны и перспективы развития. В целом внедрение технологий «Big Data» в инфраструктуру города открывает широкие возможности для анализа колоссальных объемов информации, отслеживания работы различных секторов городского хозяйства, координации действий различных городских служб и т.п.

В реализации проекта «умный» город используются технологии Интернета вещей. Последние представляют собой такие технологические устройства, как датчики, умные девайсы, камеры и другие приборы, которые представляют информацию об условиях функционирования городской инфраструктуры. Это техническое оборудование позволяет осуществлять мониторинг движения общественного и автомобильного транспорта в городе, определять наличие свободных парковочных мест, устанавливать качество дорожных покрытий, измерять температуру воздуха и др.

В настоящее время технологии Интернета вещей активно используются для обеспечения экологической безопасности города. Благодаря им осуществляется мониторинг и оптимизация энергопотребления, качество и расход воды, состояние воздуха, почвы и водоемов в городской агломерации. Также возможности технологии Интернета вещей могут применяться для оптимизации сбора и переработки отходов.

В России сегодня запущен пилотный проект работы с отходами на основе цифровых технологий. Компанией МТС была разработана платформа, с помощью которой можно контролировать весь процесс уборки территории и вывоза коммунальных отходов. Данная система позволяет не только следить за работой подрядчиков, но и устанавливать прозрачные тарифы для жителей города, оптимизировать расходы на их утилизацию и улучшение экологической ситуации. Технология создана на основе российской ERP — программы, позволяющей с помощью датчиков, устанавливаемых на машины и мусорные баки, контролировать процесс вывоза мусора из различных районов города. Как отмечают специалисты, данная система позволяет в режиме реального времени отслеживать движение мусороуборочной техники на интерактивной карте города, «технология фиксирует любое отклонение от маршрута, что позволяет не допустить образование несанкционированных свалок» [3, с. 6]. Очевидно, что технологии Интернета вещей обладают огромным потенциалом для решения многих проблем современного города.

Развитие цифровых технологий позволило создать проект «цифрового двойника» города. Этот проект, по мнению специалистов, представляет собой «интегрированную мульти-масштабную вероятностную симуляцию сложного объекта, которая использует физические, математические, имитационные и другие модели, для того чтобы получить как можно более достоверное представление о соответствующем реальном объекте на основе анализа данных, поступающих из сенсорных сетей и других источников» [7, с. 7]. Эта модель представляет собой виртуальную копию территории города, содержащую информацию в реальном времени о деятельности городских систем.

Система «цифрового двойника» города делает возможным осуществлять систематизацию информации относительно функционирования различных участков городской инфраструктуры, а планирование развития урбанизированных территорий. Кроме того, опираясь на технологии искусственного интеллекта, данная виртуальная система позволяет не только выявлять сбои в функционировании различных сфер городского хо-

зяйства, но и предлагать способы решения проблем. По сути, искусственный интеллект включается в управление урбанистическим ландшафтом.

Таким образом, сегодня мы являемся свидетелями активной интеграции технологий искусственного интеллекта в процессы функционирования урбанизированных территорий. Конечно, это в первую очередь относится к мегаполисам, которые сегодня представляют собой реализацию модели «умного» города — система «цифрового двойника» города применяется практически во всех крупных городах мира, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге.

По мнению американского ученого П. Друкера, главной составляющей системы «умного города» является «открытое эффективное управление, базирующееся на инновационных технологиях, которыми умело пользуются жители города» [5, с. 337]. Данный подход предполагает не только наличие в городе высокотехнологичной инфраструктуры, но и умение жителей пользоваться технологическими благами.

В этой связи исследователи правомерно указывают на то, что «в фокусе концепции “умного города” наряду с умной энергетикой, инновационной инфраструктурой, технологией, экологичностью, мобильностью, здравоохранением и управлением находится умный гражданин, для высокого качества жизни которого и происходит управленческая трансформация на всех уровнях правительств и учреждений» [8, с. 107]. Очевидно, что жизнь в мегаполисе, где активно задействованы инновационные технологии, требует развития у человека цифровых компетенций, которые не только позволят сделать его жизнь более комфортной и безопасной, но и значительно повысят уровень его конкурентоспособности в качестве трудового ресурса.

Таким образом, технологическое развитие города влечет за собой необходимость формирования у жителей городов цифровых компетенций, которые не только позволяют им быть успешными в профессиональной сфере, но и способствуют решению многих бытовых вопросов. В настоящее время происходят революционные изменения в организации повседневной жизни современного человека. Исследователи отмечают, что «бла-

годаря стремительному развитию Интернета происходят кардинальные изменения и в автоматизации домашних хозяйств. Примерами могут служить различные роботизированные приборы, возможности управления системами безопасности, кондиционированием, освещением, аудио- и видеоконтентом. Это делает проживание людей гораздо более комфортным и безопасным, открывая практически неограниченные возможности и повышая эффективность использования имеющихся ресурсов» [8, с. 107].

Тенденция цифровизации современного города активизирует внедрение технических инноваций в сферу услуг, что значительно оптимизирует многие процессы, в частности это относится к взаимодействию населения с государственными структурами (сайт «Госуслуги», сервис «Активный гражданин»), с финансовыми институтами (Интернет-банкинг, Яндекс.Деньги и т.п.), с транспортными службами (Яндекс.Такси, Uber и т.д.), с системой заказов товаров посредством сети Интернет и др. Развитая цифровая инфраструктура современного крупного города позволяет его жителям пользоваться широким спектром информационных услуг.

В то же время внедрение технологий искусственного интеллекта сопряжено не только с положительным эффектом, но и с появлением новых рисков:

— технологические риски связаны с техническими сбоями в работе, что может привести к коллапсу во многих сферах жизнедеятельности города — кибератаки на систему «умного» города способны дестабилизировать работу многих городских служб;

— информационные риски сопряжены с возможными утечками личных данных, конфиденциальной информации, развитием кибермошенничества;

— риски правового характера заключаются в несформированности законодательной базы, которая регулировала бы процесс внедрения технологий искусственного интеллекта в различные сферы социальной жизни и управления ими;

— риски цифрового неравенства, проявляющиеся в неравномерном экономическом и технологическом развитии урбанизированных территорий. Как верно отмечают ученые, современные цифровые технологии симво-

лизируют собой «ящик Пандоры», который показывает их обратную сторону, приоткрывающую проблему цифрового неравенства, сложившегося в обществе. Это новое неравенство проявляется в разрыве «между информационно богатыми и бедными, подключенными и неподключенными, активными и пассивными» [17, p.13];

— социальные риски обусловлены вытеснением человека из определенных областей деятельности, заменой его искусственным интеллектом, что ведет к сокращению рабочих мест и накоплению социального недовольства в обществе.

Одновременно с этим ученые указывают на то, что широкое использование технологий искусственного интеллекта в различных секторах экономики сопровождается не только рисками безработицы, но и «способствует решению проблемы дефицита кадров в малонаселенных районах, что позволит осваивать удаленные территории» [1, с. 91]. В таком случае искусственный интеллект обладает значительным потенциалом для решения многих социальных проблем.

Несмотря на перспективы, которые открываются в результате применения цифровых технологий в различных сферах городского хозяйства, необходимо формирование «правовой базы и значительных финансовых вложений в разработку качественных нейросетевых алгоритмов, что позволит принимать грамотные управленческие решения в стратегическом планировании развития городского хозяйства» [12, с. 80], поэтому процесс внедрения цифровых технологий в организацию и функционирование городской инфраструктуры требует серьезного юридического осмысления и формирования нормативной основы.

Заключение. Изложенное выше позволяет констатировать, что сегодня крупные города и мегаполисы становятся центрами интенсивной цифровизации. Развитие информационных технологий значительно модернизировало городскую инфраструктуру, позволило оптимизировать процессы управления городским хозяйством, а также открыло новые возможности для перспективного градостроительства. Цифровые технологии послужили фундаментом практической реа-

лизации концепции «умного» города, позволяя оптимизировать процессы управления, планирования, контроля и развития урбанизированных территорий. Кроме того, внедрение цифровых технологий в городскую систему обеспечивает высокий уровень жизни населения мегаполисов, права человека на безопасную социальную и экологическую среду, поэтому цифровизация не только определяет формирование инновационной технологической инфраструктуры современного города, но и обеспечивает устойчивое развитие социума в целом.

Список источников

1. Акбюлов Р.И. Современные технологии искусственного интеллекта и занятость населения: проблемы и перспективы регулирования // Вопросы управления. 2019. №4(59). С. 89–97.
2. Артемова О.В., Савченко А.Н., Ужegov А.О. Качество жизни в российских мегаполисах: поиск возможностей городского развития // Социум и власть. 2021. №1(87). С. 76–89.
3. Бастркова В.С. Цифровые решения утилизации отходов // Colloquium-journal. 2021. №2(89). С. 5–6.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
5. Друкер П.Ф. Энциклопедия менеджмента / Пер. с англ. М.: Вильямс, 2004. 432 с.
6. Зинчук Г.М., Мотовилова М.А., Алехашин К.Ю. Цифровые технологии в развитии территорий // Актуальные вопросы экономики промышленности: поиск и выбор решений. М.: Русайн, 2023. С. 138–142.
7. Иванов С.А., Никольская К.Ю., Радченко Г.И., Соколинский Л.Б., Цымблер М.Л. Концепция построения цифрового двойника города // Вестник ЮУрГУ. Серия: Вычислительная математика и информатика. 2020. Т. 9. №4. С. 5–23.
8. Камолов С.Г., Корнеева А.М. Технологии будущего для «умных городов» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2018. №2. С. 100–114.
9. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. СПб.: Наука, 2007. 646 с.

10. Муравлева Т.В. Проект «цифровой город» как вектор развития цифровой экономики в регионе // Экономическая безопасность и качество. 2018. №3(32). С. 8–11.

11. Пахомов Е.В. Цифровизация умного города // Инженерный вестник Дона. 2017. №4(47). С. 109–112.

12. Родин О.А., Кленова Т.В. Возможности и перспективы использования нейросетевых технологий в развитии городского хозяйства // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. №5–3. С. 77–80.

13. Рожков Е.В. Анализ цифровизации российских городов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. №4. С. 325–341.

14. Цветкова Л.А. Технологии искусственного интеллекта как фактор цифровизации экономики России и мира // Экономика науки. 2017. Т. 3. №2. С. 126–144.

15. Beck U. The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World. Cambridge, Malden: Polity, 2016. 240 p.

16. Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford: Oxford University Press, 2002. 304 p.

17. Norris P. Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 330 p.

References

1. Ak'julov R.I. Sovremennye tehnologii iskusstvennogo intellekta i zanjatost' naselenija: problemy i perspektivy regulirovanija [Modern artificial intelligence technologies and employment of the population: problems and prospects of regulation]. *Voprosy upravlenija [Management issues]*. 2019; 4(59): 89–97. (In Russ.).
2. Artemova O. V., Savchenko A. N., Uzhegov A. O. Kachestvo zhizni v rossijskih megapolisah: poisk vozmozhnostej gorodskogo razvitija [Quality of life in Russian megacities: search for urban development opportunities]. *Socium i vlast' [Society and power]*. 2021; 1(87): 76–89. (In Russ.).
3. Bastrakova V. S. Cifrovye reshenija utilizacii othodov [Digital solutions for waste disposal]. *Colloquium-journal*. 2021; 2(89): 5–6. (In Russ.).

4. Bek U. Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk society. On the way to another modernity]. Moscow: Progress-Tradiciya, 2000. 384 p. (In Russ.).
5. Druker P.F. Jenciklopedija menedzhmenta [Encyclopedia of Management]. Per. s angl. Moscow: Vil'jams, 2004. 432 p. (In Russ.).
6. Zinchuk G.M., Motovilova M.A., Aleksashin K. Ju. Cifrovye tehnologii v razvitii territorij [Digital technologies in the development of territories]. Aktual'nye voprosy jekonomiki promyshlennosti: poisk i vybor reshenij [Actual issues of industrial economics: search and choice of solutions]. Moscow: Rusajn, 2023. Pp. 138–142. (In Russ.).
7. Ivanov S.A., Nikol'skaja K. Ju., Radchenko G.I., Sokolinskij L.B., Cymbler M.L. Konceptija postroenija cifrovogo dvojnika goroda [The concept of building a digital twin of the city]. Vestnik JuUrGU. Serija: Vychislitel'naja matematika i informatika [Bulletin of SUSU. Series: Computational Mathematics and Computer Science]. 2020; 9(4): 5–23. (In Russ.).
8. Kamolov S.G., Korneeva A.M. Tehnologii budushhego dlja «umnyh gorodov» [Technologies of the future for «smart cities»]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Jekonomika [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Economics]. 2018; (2): 100–114. (In Russ.).
9. Luman N. Social'nye sistemy. Oчерk obshhej teorii [Social systems. An essay on general theory]. Per. s nem. Saint Petersburg: Nauka, 2007. 646 p. (In Russ.).
10. Muravleva T.V. Proekt «cifrovoj gorod» kak vektor razvitija cifrovoj jekonomiki v regione [The Digital City project as a vector of development of the digital economy in the region]. Jekonomicheskaja bezopasnost' i kachestvo [Economic security and quality]. 2018; 3(32): 8–11. (In Russ.).
11. Pahomov E.V. Cifrovizacija umnogo goroda [Digitalization of a smart city]. Inzhenernyj vestnik Dona [Engineering Bulletin of the Don]. 2017; 4(47): 109–112. (In Russ.).
12. Rodin O.A., Klenova T.V. Vozmozhnosti i perspektivy ispol'zovanija nejrosetevykh tehnologij v razvitii gorodskogo hozjajstva [Possibilities and prospects of using neural network technologies in the development of urban economy]. Jekonomika i biznes: teorija i praktika [Economics and Business: theory and practice]. 2023; (5–3): 77–80. (In Russ.).
13. Rozhkov E.V. Analiz cifrovizacii rossijskih gorodov [Analysis of digitalization of Russian cities]. Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences]. 2021; (4): 325–341. (In Russ.).
14. Cvetkova L.A. Tehnologii iskusstvennogo intellekta kak faktor cifrovizacii jekonomiki Rossii i mira [Artificial intelligence technologies as a factor of digitalization of the economy of Russia and the world]. Jekonomika nauki [Economics of science]. 2017; 3(2): 126–144. (In Russ.).
15. Beck U. The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World. Cambridge, Malden: Polity, 2016. 240 p.
16. Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford: Oxford University Press, 2002. 304 p.
17. Norris P. Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 330 p.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 29.01.2024; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted on 12.01.2024; approved after reviewing on 29.01.2024; accepted for publication on 14.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Майснер Татьяна Николаевна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Tatyana N. Meisner — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 316.42

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-145-153

КОНЦЕПЦИЯ «ОБЩЕСТВА РИСКА» И ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯМИ РИСКАМИ

Александр Владимирович Максимович

*Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Ростов-на-Дону, Россия
85093@mail.ru, ORCID: 0009-0006-4974-1952*

Аннотация. *Целью статьи* является анализ концепций общества риска У. Бека и Э. Гидденса, изучение специфики функционирования «общества риска» на объективном и субъективном уровне.

Методология *базируется на общенаучных методах исследования, наиболее важным является сравнительный анализ. В теоретическом плане статья опирается на концепцию модернизации.*

Результаты исследования. *Рассмотрены и проанализированы концепции общества риска, предложенные У. Беком и Э. Гидденсом, а также рядом других авторов. Показана специфика присущих «рефлексивной современности» рисков, порождаемых не столько внешней природной средой, сколько успешной научно-технической деятельностью человека, показан всеобщий и трансграничный характер рисков, рассмотрены объективный и субъективный аспекты существования рисков в современном обществе и сложности прогнозирования рисков и управления ими.*

Ключевые слова: *риск, общество риска, модерн, рефлексивный модерн, индустриальный модерн, модернизация, наука, технология*

Для цитирования: *Максимович А.В. Концепция «общества риска» и проблема управлениями рисками // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 145–153. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-145-153>.*

Original article

THE CONCEPT OF «RISK SOCIETY» AND THE PROBLEM OF RISK MANAGEMENT

Alexander V. Maksimovich

*South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
85093@mail.ru, ORCID: 0009-0006-4974-1952*

Abstract. *The purpose of the article is to analyse the concepts of risk society by W. Beck and E. Giddens, to study the specifics of the functioning of «risk society» at the objective and subjective level.*

The methodology is based on general scientific methods, the most important being comparative analysis. In theoretical terms, the article is based on the concept of modernisation.

Research results. *The concepts of risk society proposed by W. Beck and E. Giddens, as well as a number of other authors. The specificity of risks inherent in «reflexive modernity», generated not so much by the external natural environment as by the successful scientific and technological activity of man, is shown, the universal and transboundary nature of risks is shown, the objective and subjective aspects of the existence of risks in modern society and the complexity of risk forecasting and management are considered.*

Keywords: *risk, risk society, modernity, reflexive modernity, industrial modernity, modernisation, science, technology*

For citation: *Maksimovich A. V. The concept of «risk society» and the problem of risk management // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 145–153. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-145-153>.*

Введение. В данной статье рассматривается концепция общества риска, предложенная рядом современных теоретиков, среди которых наиболее влиятельными были Ульрих Бек и Энтони Гидденс. По мнению этих авторов, на исходе XX века в обществе модерна произошли важные изменения, которые позволяют говорить о переходе к «другому модерну», «рефлексивному модерну» или «обществу риска». При этом институциональная преемственность с первым, классическим индустриальным, модерном сохраняется.

Убежденность в том, что существующие социологические концепции и теоретические инструменты, созданные в эпоху классической современности, более не пригодны для исследования общества, в котором доминируют обусловленные развитием науки и технологий риски и опасности, привела Бека к выводу о необходимости изменения теоретической перспективы. Применение концеп-

ций эпохи индустриальной современности к принципиально иным проблемам научной, «рефлексивной», современности не только неэффективно, но и может быть понято как избегание ответственности за разработку и принятие новых решений возникающих проблем, ответственности за формирование новых институциональных структур для осуществления постоянного контроля за воздействием технологий, управления рисками, прогнозирования их последствий.

По сути, для эффективного управления технологическими рисками, возникающими во второй, рефлексивной, современности, «сценарий современности должен быть переписан, переопределен, заново изобретен» [8, р. 9].

Развивая теорию общества риска, Бек и Гидденс переосмысливают многие из существующих теоретических подходов к риску, включая те, которые разработаны в социологии, политологии, антропологии,

географии, психологии, праве и экономике. В конечном итоге оба теоретика приходят к выводу, что этика создания богатства, характерная для индустриальной «первой» современности, была заменена этикой избегания риска, «классовое сознание» было оттеснено на второй план «рисковым сознанием», а возросшее осознание того, что человек живет в условиях риска, неопределенности и незащищенности, стало основным катализатором многих социальных преобразований.

В данной статье мы рассмотрим не только объективные, но и субъективные стороны «общества риска» — возникновение коллективного сознания риска, как это отражено в работах Бека, Гидденса и некоторых других теоретиков общества риска.

Тотальное распространение риска. Рефлексивная современность — это коренное изменение в восприятии реальности, формирование новых ценностных ориентаций. На основе новых ценностей возникают новые поведенческие установки, нормы и ожидания. Сущность «рефлексивной современности» заключается в возрастании осознанности в отношении возможных угроз и рисков, неопределенности, с которой связаны постоянные усилия по специфической «колонизации» будущего с целью его контроля. В эпоху «рефлексивной современности» общество живет в ситуации постоянного возрастания неопределенности и уязвимости, возникающими в результате бурного развития современной науки и порождаемых ею технологий.

В своем критическом анализе технологического детерминизма и опасностей, заключенных в неконтролируемом прогрессе науки, концепция общества риска опирается на идеи ряда более ранних исследователей, критиковавших диктат технологий и технологический и технократический способ мышления (Л. Мэмфорд, Э. Хоркхаймер, Т. Адорно, Ж. Эллюль и др.).

Сторонники концепции общества риска выражают опасения, связанные с тем, что технологии срастаются с механизмами социального контроля, усиливая его. Приверженцы этой концепции обращают внимание на парадоксальное противоречие между постоянно растущей ролью науки — не только в про-

изводстве рисков, но и в их предотвращении и предсказании — и падением авторитета науки, её специфической делегитимацией в массовом сознании, которая порождается частыми неудачами в управлении разнообразными рисками, неумением предвидеть опасные последствия собственной деятельности.

Примером общественного неведения в авторитет науки является остро негативная реакция общества на проводимую в связи с эпидемией COVID-19 вакцинацию, общие сомнения в качестве лечения и эффективности вакцин. Однако необходимо отметить, что негативная реакция во многом была оправдана, поскольку деятельность национальных государств позже была подвергнута критике многими представителями экспертного сообщества.

В рамках теорий общества риска отмечаются и культурные по своему характеру угрозы. Это прежде всего угрозы, которым подвергаются личностные и коллективные идентичности в связи с эрозией унаследованных от прошлого ценностно-нормативных систем, а также обычаев.

От эпохи «первичной» современности, связанной со зрелым индустриальным обществом, которому были присущи черты определенной стабильности и устойчивости (классовая структура, устойчивая нуклеарная семья, определенность гендерных ролей, относительно устойчивая занятость и т.д.), общество риска отличается усилением процессов дезинтеграции, размывания четкой классовой структуры, ценностно-нормативной дезориентацией — тем, что У. Бек и Э. Гидденс обозначали как «превратности детрадиционализации». Сущность этих превратностей заключается главным образом в том, что высвобождение из сети четких норм и правил усиливает чувство свободы, но одновременно обостряет чувство изоляции и ненадежности окружающего мира, ослабляет экзистенциальную безопасность. Зачастую индивидам в обществе риска не остается ничего другого, как делать выбор в отношении своей самоидентификации, отношений с другими людьми, планирования и формирования своей жизни. Выбор же подразумевает принятие на себя личного риска.

Многих людей, не склонных к риску, это приводит к опасному состоянию, называемому рискованной свободой [1]. В свою очередь

это приводит к вездесущему в обществе риску ощущению тревоги и незащищенности, утраты чувства безопасности и защищенности. Стараясь сохранить более оптимистичный настрой, К. Лэш утверждает, что солидарность сообществ, основанная на религии и общих традициях, замещается другими формами сплоченности, в частности основанными на осознании рисков и стремлении к безопасности.

По мнению Лэша, риск теперь является коллективной связью, объединяющей сообщества в воображаемые сообщества риска. В рефлексивной современности сложился общий консенсус по поводу уязвимости, и это общее чувство незащищенности породило новый этос культуры риска [10].

Подход к риску в разные исторические эпохи и специфика современного общества риска. Предмодерн, первичный модерн, рефлексивный модерн и постмодерн характеризуются различным отношением к риску и неопределенности. В фаталистическом предмодерне неопределенность была обыденностью, а риск приписывался сверхъестественным силам и божественному вмешательству.

Сформированная научной революцией XVI века и Просвещением XVIII века, первая эпоха модерна характеризовалась оптимистическим настроем. Для этой эпохи была характерна вера в прогресс, убежденность в том, что укрепление социального порядка, развитие рационалистического мировоззрения, усовершенствование управленческих механизмов будут способствовать росту процветания и стабильности общества, обеспечению безопасности, сглаживанию конфликтов. Но в эпоху рефлексивной современности все эти ожидания оказываются подвергнуты сомнению, все основные институты, включая институт государства и науки, ослабевают, в результате чего постоянно растет страх перед глобальной неопределенностью.

Однако необходимо отметить, что «рефлексивная современность» — не синоним постмодерна. Теоретики рефлексивной современности не считают необходимым отказ от политических, социальных и культурных завоеваний модерна, не являются критиками научного разума. Напротив, «рефлексивная современность», с их точки зрения, долж-

на стать новой «эпохой Просвещения», что подразумевает укрепление и совершенствование рациональных методов мышления и управления, еще большую интенсивность усилий разума, укрепление демократических институтов и совершенствование управления с учетом новых проблем, в частности экологических [8].

Таким образом, концепция общества риска с её идеей рефлексивной современности не претендует на то, чтобы ниспровергать современность. Напротив, она нацелена на её продолжение и укрепление, но настаивает при этом на необходимости усиления рефлексивности, обусловленном новыми вызовами, с которыми современность сталкивается на нынешнем этапе исторического развития.

Опираясь во многом на идейное наследие «критической теории», сторонники концепции рефлексивной современности утверждают, что для обеспечения успешного перехода от индустриализма, основанного на безудержном производстве и эксплуатации природных ресурсов, к обществу, основанному на производстве знаний, предотвращении риска и сбережении природной среды, необходимо реформирование институтов, унаследованных от более ранней эпохи.

Для более глубокого понимания проблем и вызовов, стоящих перед обществами на нынешнем этапе модернизации, Гидденс и Бек анализируют модификации понимания рисков, происходящие при переходе к рефлексивной современности. К таким модификациям следует отнести перемещение фокуса внимания с природных рисков на риски, вызванные технологиями, осознание не столько онтологической, сколько конструируемой сущности рисков, понимание различия между реальными угрозами и восприятием риска, осознание того факта, что многие современные риски являются, по сути, «безграничными», поскольку уязвимость перед ними не зависит от пространственных, политических, демографических и прочих характеристик. Перед экологическими рисками, технологическими катастрофами и прочими подобными угрозами все в равной мере уязвимы.

Концепция общества риска не утверждает, что нынешние общества подвержены опасностям больше, чем более ранние общества. Речь идет именно о новом понимании

рисков и изменении их природы, появлении ряда новых угроз, а также о повышенной чувствительности в отношении угроз и их последствий.

Для общества риска характерно постоянное осознание того факта, что развитие биомедицинских, информационных, химических и других технологий является одним из важнейших источников возможных рисков. Риск перестает мыслиться только лишь как стихийное природное явление, но становится непредвиденным последствием успешной деятельности человека по преобразованию и освоению природы.

На протяжении всей человеческой истории стихийные бедствия, такие как ураганы, засухи, землетрясения, наводнения, изменения климата угрожали человеку. Угрозы, связанные с ними, сохраняются и сегодня, хотя человечество в некоторой степени научилось их предсказывать и если не избегать, то ограничивать разрушительные последствия.

Однако сторонники концепции общества риска концентрируют свое внимание на других рисках, на тех, которые производятся самим человеком — в исследовательских лабораториях и на предприятиях, на высокотехнологичных производствах. Это уникальные риски, свойственные обществам с высоко развитой наукой. Можно сказать, что нынешние опасности являются обратной стороной успехов и прогрессивного развития. Иными словами, созданные научно-технической деятельностью риски представляют собой непреднамеренные последствия накопленного знания и побочный эффект «покорения природы», в котором современные общества достигли высоких результатов.

Смещение акцента с природных на техногенные риски Гидденс обозначил как следствие «колонизации природы» и «конца природы» [9]. Это означает, что сегодня осталось очень мало аспектов природного мира, которые не были бы затронуты наукой, ориентированной на получение максимальной прибыли. Гидденс считает, что конец природы наступил в тот момент, когда мы перестали беспокоиться о том, что природа может сделать с нами, и стали больше беспокоиться о том, что мы сделали с природой [9; 2].

Это сравнение между знакомыми природными и незнакомыми технологически-

ми рисками занимает центральное место во всех сравнительных исследованиях риска, как и различие между реалистической и социально-конструктивистской парадигмами понимания природы риска. Одно из важных расхождений в литературе о риске — это различие между «реальными» и «социально сконструированными рисками» [11].

Сторонники «реалистичного подхода» считают, что риски имеют объективную природу. Как таковые, они могут измерены, классифицированы, предсказаны, для чего существуют соответствующие научные методы. Сторонники культурного релятивизма, напротив, полагают: ничто не является риском само по себе и в реальности нет никакого риска — риск создается только восприятием того или иного фактора как опасного [6].

Все может быть риском; все зависит от того, как анализировать опасность, рассматривать событие. Между этими двумя крайностями находятся умеренные сторонники социального конструирования, в том числе и теоретики общества риска. Теоретики общества риска примиряют этот дуализм, описывая риски и как реальные, в том смысле, что они существуют и причиняют физический вред, и как социально сконструированные, в том смысле, что они могут быть изменены, увеличены, драматизировать или минимизировать в рамках знания, и в этом смысле они открыты для социального определения и конструирования [1].

По мнению Бека, риски, связанные с развитием технологий, являются результатом научной деятельности, а не порождаются природой самой по себе, поэтому их невозможно экстернализовать. Если человеческие инновации породили риски, то ответственность за их последствия несет человеческая мораль. Одно из главных опасений Бека заключается в том, что в сети институтов, производящих знания, происходит рассеивание или отрицание ответственности. По мнению Бека, в результате коллективного уклонения от ответственности за управление рисками коллективная безопасность, защищенность и выживание находятся под угрозой.

Эта организованная безответственность в сочетании с неспособностью социальных институтов, сформированных «первой современностью» управлять незнакомыми и не-

ограниченными рисками, возникающими во второй современности, демонстрирует, например, неспособность страховых компаний предложить адекватное страхование как защиту от риска или возмещение ущерба, а также компенсации жертвам рискованных событий. Как следствие, общество риска — это, по мнению Бека, общество «постстрахования». Оно может обеспечить страхование лишь незначительного количества очевидных и простых рисков.

Одной из особенностей, определяющих рисковое общество как крайне неустойчивое и небезопасное, является тот факт, что по мере увеличения спроса на возмещение ущерба предложение со стороны страхования снижается. Особенно в тех случаях, когда потенциальная опасность очень велика.

Индустрия страхования сформировалась в эпоху первого, индустриального модерна. Её целью было найти коллективное решение обеспечения безопасности, она базировалась на техническом подходе к пониманию риска. Гидденс отмечал, что страхование и риски связаны общим происхождением и коренятся в присущем современности желании контролировать природу, риск и будущее [9]. Эта форма страхования ориентировалась, прежде всего, на количественный подход к оценке риска. Оно не могло помешать рисковому событию произойти, но могло сократить нанесенный им ущерб, регулируя расходы. Но новые социальные подходы к риску сформировались как критика объективистского понимания рисков. Эти подходы стремились описать риск как факт человеческого опыта. Некоторые теоретики утверждали, что людей больше волнуют последствия реализации той или иной угрозы, чем вероятность её реализации. Общественное беспокойство вызывает также вопрос социальной справедливости в связи с последствиями рисков [7].

С учетом этих факторов перед системой страхования возникает необходимость разработки каких-то новых его форм. Должны быть по-новому осмыслены и учтены такие проблемы, как возмещение ущерба, ответственность за предотвращение рискованного события, управление рисками, оценка предполагаемого ущерба и т.д.

Едва ли не главным конфликтом, свойственным обществам риска, является невоз-

можность адекватной оценки предполагаемого риска. Этот конфликт из научного может при определенных условиях превратиться в политический. Ситуация может усугубляться отсутствием экспертного консенсуса по поводу определения характера и вероятности той или иной угрозы. Конфликты и конкуренция внутри экспертного сообщества способствуют подрыву общественного доверия к нему и его решениям [4]. Таким образом, возникает противоречие между рисками реальными и рисками воспринимаемыми — или социально обусловленными. Это противоречие может выражаться в общественных дебатах, превращаясь не только в теоретический вопрос, но и предмет спора различных экономических, социальных и политических субъектов, становится вопросом политики и идеологии. Свидетельством этого являются постоянные дискуссии, связанные с экологической повесткой и проблемой изменения климата.

Таким образом, воспринимаемые риски» вполне реально существуют. Они определяют как сознание индивидов, так и общественное сознание, а также влияют на идеологическую повестку, программы политических партий и общественных организаций, затрагивают деятельность коммерческих структур и развитие производства.

Но восприятие риска в индивидуальном и общественном сознании весьма существенно отличается от количественных методов расчетов реальных рисков, которые применяют в своей деятельности специалисты по эпидемиологии, управленческие структуры, инвесторы, представители страхового бизнеса, государственные структуры и т.д., потому различаются методы оценки реальных и воспринимаемых рисков. Изучение восприятий рисков подразумевает исследование эмоциональных реакций и субъективный опыт переживания и оценки рисков [3].

Границы между реальными и воспринимаемыми, техногенными и природными рисками далеко не всегда являются четкими. Необходимо отметить также, что вопрос рисков в обществе риска часто сопряжен с вопросом уязвимости различных групп перед теми или иными рисками. В этом случае вопрос предотвращения рисков тоже способен превратиться в политический.

Люди уязвимы перед многими рисками, независимо от богатства или бедности, принадлежности к элите или низам. Однако нельзя сказать, что неравенство полностью редуцируется рисками. От некоторых рисков все же легче защититься тем, кто занимает сильные социальные позиции. Но риск глобальной технологической катастрофы — это общая проблема, как и риск экологических кризисов.

Непредсказуемые риски научных исследований пересекают границу между невозможным, возможным и вероятным. Как предполагает Бек, «мир стал испытательным полигоном для рискованных проектов» [8, р. 101]. Опасности многих сложных новых технологий связаны еще и с тем, что не всегда существует реальная возможность их адекватной проверки в лабораторных условиях, не всегда также существует возможность их точного прогнозирования. Бывает так, что негативные последствия оказывается возможным обнаружить только тогда, когда некое опасное событие уже случилось в действительности.

Техногенные риски в обществе риска имеют свойство переходить границы отдельных государств и территорий, они превращаются в глобальные риски, угрожающие всему глобальному человеческому сообществу. Часто последствия реализации той или иной угрозы затрагивают тех, кто находится весьма далеко от центра событий. И это касается не только техногенных рисков, но и экономических, например. Последствия финансовых кризисов, коренящихся в экономике отдельных государств могут порождать негативные последствия в мировом масштабе [5].

И, наконец, риски общества риска могут пересекать даже границы поколений. Это означает, что скрытые эффекты ионизирующей радиации, канцерогенных химических веществ и генной терапии могут быть унаследованы еще не рожденными людьми, как и последствия политических кризисов и применения тех или иных видов оружия массового поражения.

Заключение. Развитие науки и техники, их широкое внедрение в ткань современных обществ и даже в осуществление природных процессов привело к тому, что общество классической индустриальной современнос-

ти превратилось в общество «другого модерна», в общество риска, когда человечество столкнулось с постоянной угрозой, порождаемой собственным прогрессом. Масштаб этих угроз столь велик, а характер настолько сложен, что перед обществом встает проблема формирования новых институтов, способных противостоять этим рискам. Однако при всех усилиях, предпринимаемых в данном направлении, нельзя говорить о том, что задача уже решена. Противостояние рискам осложнено тем, что в обществе зачастую отсутствует согласие по поводу тех или иных рисков, наличие опасности сопряжено с растущим недоверием к официальной экспертизе.

Список источников

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107–134.
3. Зинченко Я.Г., Максимович А.В. Социальное прогнозирование в условиях неопределенности: теория и практики изучения // Институциональные трансформации общественно-политической системы России: прошлое, настоящее, будущее: сборник трудов участников III Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 10 февраля 2023 г.). Ростов н/Д: ЮРИУФ РАНХиГС, 2023. С. 26–28.
4. Идрисова А.А. Социально-экономическая концептуализация понятия «Риск» // Вестник Казанского технологического университета. 2013. №5. С. 324–326.
5. Максимович А.В. Средства массовой информации: толерантность, ксенофобия и экстремизм в молодежной среде // Проблемы воспитания толерантности и профилактики экстремизма в молодежной среде: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов н/Д: РГУПС, 2005. С. 92–95.
6. Максимович А.В. Социальное прогнозирование: история и предпосылки появления социологической теории // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №8. С. 35–39.
7. Максимович А.В. Теории социального развития как форма социального прогнози-

рования в условиях неопределенности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №1. С. 64–67.

8. Beck U. Ecological Politics in an Age of Risk. Cambridge: Polity Press, 1995. 228 p.

9. Giddens A. Risk Society: The Context of British Politics / In J. Franklin (eds.) // The Politics of Risk Society Order. Cambridge: Polity Press, 1998. 23–24 p.

10. Lash S. Risk Culture / In B. Adam, U. Beck and J. van Loon (eds.) // The Risk Society and Beyond: Critical Issues for Social Theory. London: Sage, 2000. 46–72 p.

11. Lupton D. Risk. New York: Routledge, 1999. 198 p.

References

1. Bek U. Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk society. On the way to another modern]. Moscow: Progress-Tradiciya, 2000. 383 p. (In Russ.).

2. Giddens Je. Sud'ba, risk i bezopasnost' [Fate, risk and security]. *THESIS*. 1994; (5): 107–134. (In Russ.).

3. Zinchenko Ja. G., Maksimovich A. V. Social'noe prognozirovanie v usloviyakh neopredelennosti: teoriya i praktiki izuchenija [Social forecasting in conditions of uncertainty: theory and practice of studying]. Institucional'nye transformacii obshhestvenno-politicheskoy sistemy Rossii: proshloe, nastojashhee, budushhee: sbornik trudov uchastnikov III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Rostov-na-Donu, 10 fevralja 2023 g.) [Institutional transformations of the socio-political system of Russia: past, present, future: a collection of works of participants of the III International Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, February 10, 2023)]. Rostov-on-Don: JuRIUF RANHiGS, 2023. P. 26–28. (In Russ.).

4. Idrisova A. A. Social'no-jekonomicheskaja konceptualizacija ponjatija «Risk» [Socio-economic conceptualization of the concept of

«Risk»]. *Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Kazan Technological University]. 2013; (5): 324–326. (In Russ.).

5. Maksimovich A. V. Sredstva massovoj informacii: tolerantnost', ksenofobija i jekstremizm v molodezhnoj srede [Mass media: tolerance, xenophobia and extremism in the youth environment]. Problemy vospitaniya tolerantnosti i profilaktiki jekstremizma v molodezhnoj srede: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Problems of tolerance education and prevention of extremism in the youth environment: materials of the All-Russian Scientific and practical Conference]. Rostov-on-Don: RGUPS, 2005. Pp. 92–95. (In Russ.).

6. Maksimovich A. V. Social'noe prognozirovanie: istorija i predposylki pojavlenija sociologicheskoy teorii [Social forecasting: history and prerequisites for the emergence of a sociological theory]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2023; (8): 35–39. (In Russ.).

7. Maksimovich A. V. Teorii social'nogo razvitiya kak forma social'nogo prognozirovaniya v usloviyakh neopredelennosti [Theories of social development as a form of social forecasting in conditions of uncertainty]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2023; (1): 64–67. (In Russ.).

8. Beck U. Ecological Politics in an Age of Risk. Cambridge: Polity Press, 1995. 228 p.

9. Giddens A. Risk Society: The Context of British Politics. In J. Franklin (eds.). The Politics of Risk Society Order. Cambridge: Polity Press, 1998. 23–24 p.

10. Lash S. Risk Culture. In B. Adam, U. Beck and J. van Loon (eds.). The Risk Society and Beyond: Critical Issues for Social Theory. London: Sage, 2000. 46–72 p.

11. Lupton D. Risk. New York: Routledge, 1999. 198 p.

Статья поступила в редакцию 25.10.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 25.10.2023; approved after reviewing on 16.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Максимович Александр Владимирович — аспирант Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54

Alexander V. Maksimovich — Postgraduate Student of the South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

70/54 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 1:316.485.26(47)

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-154-163

ПРОРОЧЕСТВА Н. Ф. ФЕДОРОВА О ВОЙНЕ В ТРАКТОВКЕ Н. А. БЕРДЯЕВА

Евгений Олегович Малахаткин

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

malahatkin.zhenya@yandex.ru, ORCID: 0009-0009-1579-8055

Аннотация. Цель статьи. В статье рассматривается анализ Н. А. Бердяева воззрений Н. Ф. Федорова о войне, которые он назвал пророческими, прежде всего, предсказания неизбежности именно мировой войны, в которой предвидел главную роль Германии.

Методология исследования базируется на традициях русской философской мысли.

Результаты. Делается вывод о том, что Н. А. Бердяев акцентирует внимание на том, что Н. Ф. Федоров хорошо понимает: Германия — носительница милитаристического индустриализма и «мировой пожар» возгорится по ее вине. Отмечается, что Н. А. Бердяев осмысляет воззрения Н. Ф. Федорова на войну, исходя из фундаментальных положений «философии общего дела» последнего. Это дает возможность увидеть такие принципиально важные вещи для федоровского понимания войны, как противопоставление «духа германизма» «духу расы славянской», использование армии для регуляции природных сил, прекращение войны как устранение розни через преодоление смерти и т. д. Рассматривается критическое отношение Н. Ф. Федорова к таким представителям немецкой философии, как Шопенгауэр, Кант, Ницше, которые явились идейным источником «духа германизма». На этом фоне выявляются типологические отличия немецкой «воли к власти» и русской «воли к правде». В заключении делается вывод, что анализ идей Н. Ф. Федорова, осуществленный Н. А. Бердяевым, имеет важное значение для понимания своеобразия философии войны в контексте фундаментальных идей русской философии.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем осмыслении феномена войны в русской философии.

Ключевые слова: русская философия, немецкая философия, Н. Ф. Федоров, Н. А. Бердяев, война, мировая война, философия войны, германизм, миссия России

Для цитирования: Малахаткин Е. О. Пророчества Н. Ф. Федорова о войне в трактовке Н. А. Бердяева // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 154–163. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-154-163>.

Original article

PROPHECIES OF N. F. FEDOROV ABOUT THE WAR AS INTERPRETED BY N. A. BERDYAEV

Evgeny O. Malakharkin

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
malaharkin.zhenya@yandex.ru, ORCID: 0009-0009-1579-8055*

Abstract. *The purpose of the article.* The article discusses N. A. Berdyaev's analysis of N. F. Fedorov's views on the war, which he called prophetic, first of all, predictions of the inevitability of the world war, in which he foresaw the main role of Germany.

The research methodology is based on the traditions of Russian philosophical thought.

Results. It is concluded that N. A. Berdyaev focuses on the fact that N. F. Fedorov understands well: Germany is the bearer of militaristic industrialism and the «world fire» will ignite through its fault. It is noted that N. A. Berdyaev comprehends N. F. Fedorov's views on the war, based on the fundamental provisions of the latter's «philosophy of the common cause». This makes it possible to see such fundamentally important things for Fedorov's understanding of war as the opposition of the «spirit of Germanism» to the «spirit of the Slavic race», the use of the army to regulate natural forces, the cessation of war as the elimination of discord through overcoming death, etc. N. F. Fedorov's critical attitude to such representatives of German philosophy as Schopenhauer, Kant, Nietzsche, who were the ideological source of the «spirit of Germanism». Against this background, typological differences between the German «will to power» and the Russian «will to truth» are revealed. In conclusion, it is concluded that the analysis of N. F. Fedorov's ideas, carried out by N. A. Berdyaev, is important for understanding the originality of the philosophy of war in the context of the fundamental ideas of Russian philosophy.

The prospects of the research are in further understanding of the phenomenon of war in Russian philosophy.

Keywords: Russian philosophy, German philosophy, N. F. Fedorov, N. A. Berdyaev, war, world war, philosophy of war, Germanism, Russian mission

For citation: Malakharkin E. O. Prophecies of N. F. Fedorov about the war as interpreted by N. A. Berdyaev // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 154–163. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-154-163>.

Введение. Философия войны в русской философской культуре — тема, далеко еще не освоенная. До недавнего времени ведущими направлениями в истории русской философии были исследования в области историософии, метафизики всеединства, синергийной антропологии и других значимых направлений, которые в советский период были практически неизвестны. Воззрения классиков русской философии на войну также оставались неизвестными. Сегодня ситуация выправляется и такой значимый пласт русской философии становится доступным

не только для исследователей русской философии, но и для широкой публики. Выходят не только статьи и монографии, коллективные сборники, но и хрестоматии [4; 5; 9; 12; 13; 14; 15].

В данной статье предполагается рассмотреть оценку Н. А. Бердяева взглядов Н. Ф. Федорова о войне, которые он назвал пророчествами. Мы полагаем, что это важно по нескольким причинам. Во-первых, Н. Ф. Федоров и Н. А. Бердяев являются наиболее русскими (в духовно-культурном плане) философами, представителями «русскости»

в русской философии, что видно в современной перспективе. Сам Н.А. Бердяев считал именно Н.Ф. Федорова выразителем глубинного русского начала в культуре и в философии. Во-вторых, это углубляет современные представления о русской философии войны, являющейся органической частью русской философии. И в-третьих, рассматривая взгляды Н.Ф. Федорова в режиме *pro et contra*, то есть в критическом, а не исключительно в апологетическом русле, можно выявить действительно аутентичное ядро воззрений «Московского Сократа», чтобы его имя не использовалась в часто неадекватной пацифистской аргументации.

Прежде необходимо отметить те исследования, в которых рассматривались конкретно взгляды Н.А. Бердяева о войне. В работах В.А. Бойко, И.В. Лихоманова, Л.А. Гаман, А.М. Давлетшиной, С.И. Ивановой, Н.И. Мартишиной, А.И. Тимофеева и др. рассмотрен достаточно широкий спектр вопросов, связанных с тем, как понимал войну философ [3; 6; 7; 8; 10; 16]. Однако, мы не обнаружили специального разбора взглядов Н.Ф. Федорова со стороны Н.А. Бердяева. Последний, очень ценивший Н.Ф. Федорова, считавший его выразителем корневого русского мировоззрения, особенно отмечает пророчества мыслителя о войне. Мы полагаем, что это значительный пласт, требующий отдельного рассмотрения.

Неизбежность мировой войны. Статья «Пророчества Н.Ф. Федорова о войне» из книги «Типы религиозной мысли в России» была написана Н.А. Бердяевым в 1915 году, в период, когда русская философская мысль очень бурно и активно отреагировала на события Первой мировой войны [13]. Практически все русские философы первой величины отреагировали на событие войны глубокими размышлениями. Среди наиболее значимых текстов следует назвать «Война и русское самосознание» С.Н. Булгакова, «Война и мировая задача России» Е.Н. Трубецкого, «О поисках смысла войны» С.Л. Франка, «Меч и крест» В.Ф. Эрн и др.

Русские мыслители показали негативные крайности пацифизма и милитаризма, не просто выбрав «золотую середину», но раскрыв глубочайший трагический смысл

войны, не только ее «ужасы»: убийство, гибель, разруху, насилие, жестокость, зверства, но и ее светлую сторону, выводящую в иные измерения, где вершатся судьбы человечества. Н.А. Бердяев не остался в стороне, более того, он по праву считается одним из наиболее активных философов, остро отреагировавших на войну как на мировую катастрофу. Практически все статьи в его книге «Типы религиозной мысли в России», написанные с 1915 по 1922 годы, касаются темы войны. Это не случайно, поскольку событие войны отвечало эсхатологическому мировосприятию философа, в котором он увидел практическое подтверждение многим своим размышлениям этического, историософского и метафизического характера. Вообще, это особенность именно русской философии воспринимать войну не только в политических, экономических, национальных, социальных, то есть эмпирических координатах, но в духовных, затрагивающих фундаментальные истоки и смыслы человеческого существования.

В рассматриваемой статье Н.А. Бердяев делает ряд метких наблюдений относительно идей Н.Ф. Федорова, которые одновременно помогают более глубоко понять и своеобразие русской философии, и своеобразие русской философии войны. Бердяев выделяет три главных момента: Федоров пророчествовал о неизбежности мировой войны, это первое; во-вторых, при всех комбинациях неизбежно столкновение России и Германии; и в-третьих, предвидение роли Германии в мировом столкновении. Вот эти пророчества Федорова относительно германизма и представляют главный интерес Бердяева, и, как оказалось, они интересны и для сегодняшнего времени, поскольку ситуация в некотором роде повторилась.

В философе «общего дела» Бердяев видит прежде всего сильного политического, сейчас бы мы сказали, геополитического мыслителя, блестящего знатока военно-политических стратегий мировых держав, и в то же самое время — довольно наивного этика, у которого представления о морально-психологической, на языке христианства «греховной», стороне человека оказались в плену рационалистических утопий. Но одно не отменяет другого, и то ценное, что есть в мысли Федорова, как раз очень тонко улавливает Бердяев, что в свою очередь оказывается

весьма актуальным в современной военно-политической ситуации.

Прежде всего, Бердяев дает высокую оценку и пророческим, и патриотическим идеям философа, его искренней и глубокой вере в *спасительную миссию России*. Он пишет: «Федоров очень много думал о войне и способах водворения мира в жизни человечества. Многие мысли Федорова не только представляют сейчас особый интерес, но прямо-таки носят пророческий характер. Мысль Федорова неустанно работала в направлении возможности мировой войны и предвидела роль Германии в мировом столкновении. <...> Федоров страстно стремился к всеобщему миру, к соединению человечества для общего дела. Он видел миссию России в умиротворении, в прекращении розни. <...> Федоров страстно хотел предотвратить и преодолеть войны и видел в этом великую миссию России. Но он не хотел разоружения» [1, с. 64, 66].

Это очень ценное качество Федорова — его вера и любовь к России, которые невозможно обнаружить у современных противников войны, выступающих, скорее, против России, а не против войны и за мир. Федоров же озабочен тем, чтобы найти действенные и реальные меры по предотвращению войн, причины которых лежат в глубоких онтологических, а не в социально-политических и экономических пластах. Тем самым он один из первых русских философов затронул вопрос о метафизических корнях человеческой розни, наиболее зримым проявлением которой являются нескончаемые братоубийственные войны.

То, что Федоров много думал о войне, обусловлено трудными обстоятельствами его детства, когда он, выражаясь современным языком, получил «травму» — будучи незаконнорожденным сыном князя был удален из своего родного дома. Ученик и последователь Федорова философ В. А. Кожевников пишет по этому поводу следующее: «Когда же тяжелый опыт неродственных отношений расширился еще рассказами о самом грубом и широком проявлении их, о войне, тогда в чуткой к общему горю душе ребенка вспыхнуло желание пособить этому горю еще задолго до тех лет, когда, опять под влиянием надвигающегося народного бедствия,

накануне Крымской войны (в 1852 г.), юноша задумался над причинами всемирной вражды и над способами замены ее миром всего мира, задумался для того, чтобы уже до конца дней своих не расставаться с этой думой и служить всеми силами своими ее осуществлению» [10, с. 99].

Война как «общее горе», как «народное бедствие» — очень русский подход, в основе которого нравственное переживание бытия. Мысли Федорова о войне носили не отвлеченно-теоретический характер, а были обусловлены, выражаясь языком православной аскезы, «печалованием» о мире, о его болезнях и страданиях. Это развило своеобразную оптику восприятия зла в мире, когда оно воспринимается не как абстрактный антагонист добра, но как вопиющее недолжное состояние, подрывающее основы существования. Отсюда и определенная наивность и утопичность его идей, предполагающих миролюбивое и братолюбивое состояние человечества как идеал.

Современный исследователь А. Г. Гачева точно характеризует эту сторону философа: «Федоров глубоко чувствовал неправду войны — войны человека с человеком, сопряженной с убийством, с насильственным прерыванием жизни личности, с вытеснением ее из бытия. При этом мыслитель подчеркивал: битва далеко не всегда ведется военным оружием. В не меньшей степени разрушительна война словом, будь то злобная ругань в адрес ближнего или вполне допустимый в обществе газетно-журнальный спор, ученая или политическая полемика: и то, и другое представляют собой одно из многоликих проявлений неродственности и небратства» [7, с. 47].

Пожалуй, наиболее сильной стороной в пророчествах Федорова, на которые обращает внимание Бердяев, является мысль о *неизбежной мировой войне*. Он говорит: «предвидение мирового столкновения», «пророчествовал о неизбежности мировой войны», что особенно значимо, поскольку это происходило из глубины XIX века, когда войны были локальными, несмотря на свой масштабный характер конфликтов, как, например, в случае с Наполеоновскими войнами др. Однако, они несопоставимы по уровню мирового катастрофизма военных конфликтов XX–XXI веков. И то, что Федоров пред-

видел именно такого рода глобальное мировое столкновение, говорит о его личном масштабе мышления и о планетарном характере русской мысли, в том числе русского космизма, родоначальником которого он по праву считается. Этот «русский глобализм» в корне отличается от западного глобализма: русский основан на глубоком эсхатологическом чувстве и на идее Достоевского о всечеловеческой, то есть спасительной миссии России, американский глобализм, в сущности, — это колониальная политика, направленная на мировое господство в масштабах всей планеты.

Важнейшая интуиция (в терминологии Бердяева — пророчество Федорова) заключалась в понимании угрожающей роли Германии в мировой жизни. Его не смущало то, что Германия может быть поддержкой консервативных начал в России. Бердяев отмечает, что Федоров был одним из немногих в правом лагере, кто понимал реальную опасность германизма для России. И это при том, что правому лагерю как раз свойственно традиционное германофильство, которое обнаруживается даже у таких мыслителей, как Достоевский и К. Леонтьев. В этом плане Федоров оказался прозорливее в своих геополитических идеях, чем многие видные и авторитетные мыслители.

Федоров, отмечает Бердяев, очень хорошо понимал связь милитаризма с индустриализмом, который есть порождение капиталистического хозяйства. Именно в Германии эта связь милитаризма с индустриализмом обнаружила себя наиболее зримо. Бердяев пишет: «Федоров отлично понимал, что Германия — носительница этого милитаристического индустриализма или индустриалистического милитаризма, что мировой пожар возгорится по вине Германии» [1, с. 69–70]. Это действительно мощные прогностические идеи о германском милитаризме для своего времени, которые нашли подтверждение и в Первую мировую, и в Великую Отечественную войну.

Немецкая воля к власти и русская воля к правде. Бердяев показывает, что для Федорова основополагающее значение имели все же не политические факторы при всей их важности, но духовные, коренящиеся в глубинах народного самосознания, в его

религиозных и культурных пластах, которые в результате дают два культурных типа: «дух германизма» и «дух расы славянской», прежде всего русской. Характер военно-политического столкновения предопределен глубинным различием этих типов. «Дух германизма», считает Бердяев, был самым главным препятствием на пути к осуществлению проекта общего дела Федорова, направленного на всеобщее соединение для спасения всех.

Предпринимая сравнительный анализ этих типов, Бердяев выявляет мысли Федорова, усиленные собственным видением. Но это не искажение, а как раз духовно-мыслительный синтез, когда один философ, разделяя взгляды другого, усиливает их собственными интонациями. Так, он пишет: «Как глубоко отличается воля Федорова к всемирному единению людей для всеобщего дела, к регуляции всех стихийных сил природы, его русская воля к спасению всех, живущих и умерших, к оживлению всего, от германской воли к могуществу и власти над миром, воли к войне и насилию. Федоров призывает к силе и активности, но силе и активности, спасающей слабых и погибающих, а не давящей и губящей. Тут сказывается глубокое отличие духа германизма от духа расы славянской. Славянской расе чужда воинственная воля к власти над миром, ей свойственна воля к всемирному соединению человечества, к всеобщему спасению. Наш русский универсализм совсем не походит на универсализм германский» [1, с. 70].

Русская воля и германская воля, русский универсализм и универсализм германский — это важнейшие типологические критерии, раскрывающие сущностные отличия духовного строя двух культур. Можно, несколько перефразировав Бердяева, дополнить эти критерии таким обобщенным, но, как мы полагаем, справедливым противопоставлением: *немецкая воля к власти и русская воля к правде*. Это вытекает из идей и Федорова, и Бердяева, и многих других русских мыслителей.

Федоров действительно всегда чувствовал враждебность Германии и, более всего, даже не ее политики, а духовного строя немецкой культуры и немецкой философии, к своему учению о всеобщем воскрешении и вообще славяно-русской философии. Он противопоставляет «немецкую» и «славян-

скую мечту»: «Но что значит наша славянская, глубоко нравственная мечта, вызванная сознанием своего, своей зависимости от чудовищной слепой силы вселенной, [мечта] обратить господствующую над нами слепую силу в силу, правимую союзом воскресших поколений, считая себя орудиями благого Существа, — что значит такая сердобольная мечта перед немецким наглými и комичным признанием своего рабства за господство (какова проницательность!), признанием себя творцом мира ... Наша [же мечта] — страждущей души порождение...» [1, IV, с. 149–150]. Эта глубоко нравственная мечта есть идея всеобщего воскрешения о победы над смертью. Она очевидно противостоит волевой идее политического господства.

Что касается антипатий Федорова к немецкой философии, то они есть наиболее жесткая часть его критического отношения вообще ко всей западной философии, начиная с Сократа, в принципе самопознания которого он усмотрел начало индивидуализма, эгоизма, разобщенности и всеобщей вражды. О Шопенгауэре, которого Федоров считал представителем «западного буддизма» и чье «превращение мира в представление» считал фикцией, он говорит: «Мир, понимаемый *по Шопенгауэру* как воля (к бытию), а в действительности остающийся неволею (к смерти)» [1, II, с. 129].

Много гневной критики раздается у Федорова в адрес Канта, чью философию — «кантизм» — он считает сущностью германизма. Современная западная философия находится под гнетом и игом Канта, полагает Федоров. Это иго Канта заключается в том, что он навязал идею двух разумов — практического и теоретического, чем обрек человека на бездействие. Однако, миролюбивая позиция Федорова заключается в нравственной сфере, а не в политическом противостоянии и войне с Германией. Он пишет: «Всего важнее — для побед над Германией нужна не война, а, напротив, мирное соединение. Только нравственность, ко всем людям относящаяся, ко всем в их совокупности, а не в отдельности, заключает в себе опровержение и теории, и практики кантизма» [1, II, с. 87].

Но особое негодование у Федорова вызывает Ницше, которого он называет и «философом черного царства», и «черным проро-

ком», и «черным царем», и блудным сыном философии» и, самое главное, «философом милитаризма и врагом мира». Он пишет: «Ницше — философ нового рода и нового поколения, философ объединенной “Новой Германии”, совершенно отличный от старых философов-мыслителей. Задача этой новой философии — устанавливать цель жизни, управлять жизнью» [1, II, с. 120]. Отдельные положительные моменты, которые усматривает Федоров у Ницше, не перекрывают крайне отрицательного к нему отношения как проповеднику смерти и любви к року. Милитаризм оказывается единственным следствием этой волюнтаристской идеи, которая призвана не спасать, а поработать мир.

Из этих начал немецкой философии и складывается «дух германизма», который становится идейной основой германского милитаризма, угнетающей, как полагал Федоров, весь мир. При общей гиперкритичной, и нужно сказать, не всегда справедливой установке русского философа по отношению к немецкой все же необходимо отметить их общий провидческий характер, который раскрылся в том, что германский милитаризм действительно стал причиной мировых войн в будущем.

Рационалистический оптимизм Н. Ф. Федорова. Таким образом, Бердяев, отметив все пророчески-положительные аспекты у Федорова, также подвергает критике некоторые существенные его воззрения, что делает его анализ объективным. Так, в другой работе «Религия воскрешения» он называет взгляды философа на войну «рационалистическим оптимизмом», говоря, что «Федоров хочет рационализировать войско и войну, превратить без остатка в чистейшее добро. Он верит, что люди потому лишь не направляют всех своих сил на общее дело, что они не знают, в чем общее дело, не имеют истинного сознания» [1, с. 46]. И в этом взгляды Федорова согласуются со взглядами одного из наиболее сильных его идейных оппонентов Л. Толстого, который также не считается с темным началом в человеке, полагая, что достаточно одного лишь осознания божественного закона, чтобы наступило всеобщее благо.

В истории философии подобные воззрения восходят к Сократу, который полагал, что

добродетель — это знание добра и зла, что дурные поступки основываются на незнании и что достаточно научить человека добру, и он никогда сознательно не будет выбирать зло. Этот этический рационализм Бердяев усматривает у Федорова, называя его утопистом. Бердяев пишет: «Как утопист, Федоров верит в безграничную силу разума в мире и недооценивает значение иррациональных, темных стихий, преуменьшает силу зла в человеческой жизни» [1, с. 65].

Здесь, безусловно, Федоров вступает во внутреннюю полемику с Достоевским и со всей русской религиозно-философской традицией, полагавшей зло, хоть и преодолимой, но серьезной и опасной силой, игнорирование которой может привести не к его искоренению, а к еще большему его проявлению. В качестве истока можно вспомнить памятник древнерусской книжности «Повесть о горе-злочастии», где показана как раз та «сила зла», приносящая горе человеку, о которой говорит Бердяев: «Не на час я к тебе, Горе злочастное, привязалось! Хошь до смерти с тобою помучуся!» [11, с. 607]. Это свидетельство того, что иррациональные силы достаточно сильны и в душе, и в истории, и что простым просвещением, в том числе и религиозным, ситуацию не исправить.

Исходя из идей рационалистического оптимизма, Федоров предлагает свои меры по преодолению войны, которые соответствуют основополагающим установкам его «философии общего дела». Это особо подчеркивает Бердяев: «Армия и война не должны быть заменены промышленностью, как того хотел бы ненавистный Федорову буржуазный дух; они должны обратиться на единственного врага, источник смерти и всякого зла, на слепые, бессознательные силы природы, сохранив свой воинский дух» [2, с. 46]. Во многом установка на преодоление смерти соответствует и самому Бердяеву, но при этом он не считает, что именно армия должна принимать участие в этом процессе.

Бердяев говорит: «По Федорову, народ должен быть вооружен, войско должно быть народом. Но конечная цель вооруженных народов — регуляция сил природы, а не взаимное истребление» [1, с. 68]. Вот это и есть «рационалистический оптимизм» в чистом виде, поскольку, считает Бердяев, война зарожда-

ется от злой вражды людей, от иррациональности жизни, несоизмеримой с человеческим разумом и не преодолимой человеческими техническими средствами.

Нужно сказать, что Федоров был далеко не одинок в своих идеях миролюбивого, направленного на спасение использования орудий, вооруженных сил. Например, философ В. Н. Муравьев в статье с характерным федоровским названием и посылом «Об использовании воинской силы для борьбы с природой» писал, что «армия должна превратиться в грандиозную организацию всех людей для овладения природой, прежде всего для регуляции атмосферных явлений» [13, с. 422]. Сильные федоровские интонация встречаются у Н. А. Сетницкого, когда он говорит, что использование ресурсов науки в борьбе против войны есть задача «христолюбивого воинства». Единственная война — это война против самой смерти, и это дело, полагает философ, «христианской науки, науки творчества и синтеза, науки жизни, обеспечения и восстановления ее» [17, с. 305].

Однако, Бердяев не вполне согласен с этими мыслями относительно использования науки и техники в борьбе со смертью. Он считает, что Федоров, верно указывая на германизм и германский милитаризм как причину войны, неверно абсолютизирует именно германизм как единственный корень зла. Он говорит: «Но Федоров как будто бы не хотел видеть, что то, что так сильно и крепко выражено в Германии, то и вообще есть в человечестве. Семя мировой войны было заложено в душе современного человечества. И лишь через страдальческий опыт мирового раздора идет человечество к большему единению и единству» [1, с. 70].

Вот это самое главное, выявленное Бердяевым: «страдальческий опыт мирового раздора». Только пройдя через «горнило» страданий, вызванных войной, очистившись в ее ужасах и муках, можно выйти к более нравственно совершенной жизни. Трезвая и глубокая мысль русского философа указывает на трагическую неизбежность войны как способ достижения мира в данном положении вещей, поэтому прямолинейный пацифизм не только утопичен, он еще и опасен, так как именно пацифизм, не понимая метафизического трагизма бытия, иррациональ-

ных корней зла, в действительности способствует войне, а не миру.

Заключение. Таким образом, можно подвести итог, отметив, что осмысление Н. А. Бердяевым идей Н. Ф. Федорова — это пример преемственности в русской философской традиции, свидетельствующий о ее глубоко органичном характере и ценностно-смысловом единстве.

Анализ Н. А. Бердяева — это критическое осмысление идей Н. Ф. Федорова о войне в контексте «философии общего дела», что дает возможность действительно увидеть в них нечто ценное, что может быть применимо и в современной ситуации. Федоров воспринимает войну не как «частное» зло, отдельное от мирового целого, но как проявление небратского состояния человечества, поэтому его подход к мерам по преодолению войны носит нравственный характер, связанный с преображением сознания человека.

Бердяев, понимая и признавая величие мысли Федорова, прежде всего, его пророчества относительно мировой войны, ее истинно патриотический характер, в то же время указывает на ее объективную ограниченность и утопичность, что не позволяет ее абсолютизировать, как это часто бывает, особенно в русском космизме. Но этот «утопизм» гораздо ценнее и значимее тех пацифистских проектов, которые исходят из абстрактных принципов добра, не учитывающих ни реальную ситуацию, ни нравственное состояние человека. И в этом смысле идеи Федорова, носящие этико-антропологический характер, способствуют выработке действенных и реальных мер по достижению мира.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Пророчества Н. Ф. Федорова о войне // Мутные лики (Типы религиозной мысли в России). М.: Канон+, 2004. С. 64–71.
2. Бердяев Н. А. Религия воскрешения // Мутные лики (Типы религиозной мысли в России). М.: Канон+, 2004. С. 5–64.
3. Бойко В. А., Лихоманов И. В. Философия войны Н. А. Бердяева // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. №68. С. 56–69.
4. Великое русское исправление имен: сборник / Под. ред. А. Ю. Коробова-Латынцева, Н. В. Арутюнова. СПб.: Солнце Севера, 2023. 240 с.
5. Всем всего светлого и ясного. Сборник памяти Владлена Татарского (Максима Фомина). Краснодар: Митра, 212 с.
6. Гаман Л. А. Н. А. Бердяев о войне // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. №3(29). С. 41–47.
7. Гачева А. Г. Почему мир не мир? Образ войны в философии русского космизма // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 44–62.
8. Давлетшина А. М. Война и вера: проблема морального обновления в философии Н. А. Бердяева и А. А. Керсновского // Общество: философия, история, культура. 2020. №12(80). С. 57–61.
9. Иванова С. И. Проблема войны в творчестве Н. А. Бердяева // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2017. №4. С. 202–208.
10. Кожевников В. А. Опыт изложения учения Н. Ф. Федорова по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. М.: Мысль, 2004. 576 с.
11. Коробов-Латынцев А. Ю. Философ и война. О русской военной философии. М.: Русская философия, 2022. 250 с.
12. Мартишина Н. И. Осмысление начала Первой мировой войны в философской публицистике Н. А. Бердяева // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2021. №2(10). С. 111–115.
13. Муравьев В. Н. Об использовании воинской силы для борьбы с природой // Н. Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 2. СПб.: РХГА, 2008. С. 421–423.
14. Повесть о Горе-Злосчасти / Под ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева // Изборник. Сборник произведений литературы древней Руси. М.: Художественная литература, 1969. С. 597–609.
15. Русская философия войны. Карманная хрестоматия для бойца. М., 2023. 88 с.
16. Русские философы о войне: Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн. М.: Жуковский: Кучково поле, 2005. 496 с.

17. Сетницкий Н. А. Христоролюбие и война // Н. Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 2. СПб.: РХГА, 2008. С. 293–305.

18. Скворцов А. А. Русская религиозная этика войны XX века. М.: МАКС-Пресс, 2002. 230 с.

19. Скворцов А. А. Русская философия войны Серебряного века: основные особенности // Философские науки. 2020. Т. 63. №11. С. 91–103.

20. Тимофеев А. И. Николай Бердяев: человечность и война // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 85–93.

21. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Прогресс, 1995–1999. 517 с., 497 с., 742 с., 687 с.

References

1. Berdjaev N. A. Prorochestva N. F. Fedorova o vojne [The prophecies of N. F. Fedorov about the war]. Mutnye liki (Typy religioznoj mysli v Rossii) [Muddy faces (Types of religious thought in Russia)]. Moscow: Kanon+, 2004. Pp. 64–71. (In Russ.).

2. Berdjaev N. A. Religija voskreshenija [Religion of resurrection]. Mutnye liki (Typy religioznoj mysli v Rossii) [Muddy faces (Types of religious thought in Russia)]. Moscow Kanon+, 2004. Pp. 5–64. (In Russ.).

3. Bojko V. A., Lihomanov I. V. Filosofija vojny N. A. Berdjaeva [N. A. Berdyaev Philosophy of war]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. 2022; (68): 56–69. (In Russ.).

4. Velikoe russkoe ispravlenie imen: sbornik [The Great Russian correction of names: collection]. Pod. red. A. Ju. Korobova-Latynceva, N. V. Arutjunova [In A. Y. Korobov-Latyntsev, N. V. Arutyunova (eds.)]. Saint Petersburg: Solnce Severa, 2023. 240 p. (In Russ.).

5. Vsem vsego svetlogo i jasnego. Sbornik pamjati Vladlena Tatarskogo (Maksima Fomina) [Everything is bright and clear to everyone. Collection of the memory of Vladlen Tatarsky (Maxim Fomin)]. Krasnodar: Mitra, 212 p. (In Russ.).

6. Gaman L. A. N. A. Berdjaev o vojne [N. A. Berdyaev about the war]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2014; 3(29): 41–47. (In Russ.).

7. Gacheva A. G. Pochemu mir ne mir? Obraz vojny v filosofii russkogo kosmizma [Why is the world not the world? The image of war in the philosophy of Russian Cosmism]. Solov'evskie issledovanija [Solovyov studies]. 2016; 1(49): 44–62. (In Russ.).

8. Davletshina A. M. Vojna i vera: problema moral'nogo obnovenija v filosofii N. A. Berdjaeva i A. A. Kersnovskogo [War and faith: the problem of moral renewal in the philosophy of N. A. Berdyaev and A. A. Kersnovsky]. Obshchestvo: filosofija, istorija, kul'tura [Society: philosophy, history, culture]. 2020; 12(80): 57–61. (In Russ.).

9. Ivanova S. I. Problema vojny v tvorchestve N. A. Berdjaeva [The problem of war in the work of N. A. Berdyaev]. Vozdushno-kosmicheskie sily. Teorija i praktika [Aerospace forces. Theory and practice]. 2017; (4): 202–208. (In Russ.).

10. Kozhevnikov V. A. Opyt izlozhenija uchenija N. F. Fedorova po izdannym i neizdannym proizvedenijam, perepiske i lichnym besedam [The experience of presenting N. F. Fedorov's teachings on published and unpublished works, correspondence and personal conversations]. Moscow: Mysl', 2004. 576 p. (In Russ.).

11. Korobov-Latynceva A. Ju. Filosof i vojna. O russkoj voennoj filosofii [The philosopher and the war. Russian Russian military Philosophy]. Moscow: Russkaja filosofija, 2022. 250 p. (In Russ.).

12. Martishina N. I. Osmyslenie nachala Pervoj mirovoj vojny v filosofskoj publicistike N. A. Berdjaeva [Understanding the beginning of the First World War in the philosophical journalism of N. A. Berdyaev]. Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshhenija: Gumanitarnye issledovanija [Bulletin of the Siberian State University of Railway Engineering: Humanitarian Studies]. 2021; 2(10): 111–115. (In Russ.).

13. Murav'ev V. N. Ob ispol'zovanii voin-skoy sily dlja bor'by s prirodoj // N. F. Fedorov: pro et contra: v 2 kn. [On the use of military force to combat nature // N. F. Fedorov: pro et contra: in 2 books]. Book 2. Saint Petersburg: RHGA, 2008. Pp. 421–423. (In Russ.).

14. Povest' o Gore-Zloschastii [The tale of Misfortune]. Pod red. L. A. Dmitrieva, D. S. Lihacheva [In L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev (eds.)]. Izbornik. Sbornik proizvedenij literatury drevnej Rusi [The electoral college. Collection of

works of literature of ancient Russia]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1969. Pp. 597–609. (In Russ.).

15. Russkaja filosofija vojny. Karmannaja hrestomatija dlja bojca [The Russian philosophy of war. Pocket textbook for a fighter]. Moscow, 2023. 88 p. (In Russ.).

16. Russkie filosofy o vojne: F.M. Dostoevskij, Vl. Solov'ev, N.A. Berdjaev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubeckoj, S.L. Frank, V.F. Jern [Russian philosophers on war: F.M. Dostoevsky, V. Solovyov, N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubetskoy, S.L. Frank, V.F. Ern]. Moscow: Zhukovskij: Kuchkovo pole, 2005. 496 p. (In Russ.).

17. Setnickij N.A. Hristoljubie i vojna [Love of Christ and war]. N.F. Fedorov: pro et contra: in 2 books. Book 2. Saint Petersburg: RHGA, 2008. Pp. 293–305. (In Russ.).

18. Skvorcov A.A. Russkaja religioznaja jetika vojny XX veka [Russian religious ethics of war of the twentieth century]. Moscow: MAKSPress, 2002. 230 p. (In Russ.).

19. Skvorcov A.A. Russkaja filosofija vojny Serebrjanogo veka: osnovnye osobennosti [Russian philosophy of war of the Silver Age: main features]. *Filosofskie nauki* [Philosophical science]. 2020; 63(11): 91–103. (In Russ.).

20. Timofeev A.I. Nikolaj Berdjaev: chelovechnost' i vojna [Nikolay Berdyaev: humanity and war]. *Solov'evskie issledovanija* [Solovyov studies]. 2016; 1(49): 85–93. (In Russ.).

21. Fedorov N.F. Sobranie sochinenij: v 4-h t. [Collected works: in 4 volumes]. Moscow: Progress, 1995–1999. 517 p., 497 p., 742 p., 687 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.12.2023; одобрена после рецензирования 20.01.2024; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted on 25.12.2023; approved after reviewing on 20.01.2024; accepted for publication on 14.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Малахаткин Евгений Олегович — соискатель, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Evgeny O. Malakharkin — applicant, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 338.48

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-164-174

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА И ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Липа Исаевна Саидова

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия*

*Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова, Грозный, Россия
lipa-ch1enti@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 824144, SPIN-код: 6745-0718*

Аннотация. *Целью исследования* является выявление и обоснование философско-антропологических смыслов и методологических ориентиров в изучении экологического туризма как агента становления и развития личности в цифровую эпоху.

Методологическую базу исследования составляет комплекс теоретических подходов и концепций, среди которых приоритетные позиции занимает антропологический подход в контексте сформировавшихся теоретических границ новой отрасли знания, во многом имеющей междисциплинарный характер, — антропологии туризма.

Результаты исследования позволили выявить непосредственную связь культуры и туризма как составляющих предметное поле антропологического подхода в философских исследованиях туризма. При этом в центре внимания оказываются задачи, связанные с анализом сущности, содержания, истории становления туризма, прежде всего культурного, проблемы становления и развития устойчивого (экологического) туризма как культурного явления.

Перспективу исследования составляет потенциал философско-антропологического анализа экологического туризма, в рамках которого глубокой рефлексии подвергается социокультурная природа экологического туризма как продукта эволюции самого человека и общества в координатах совокупности отношений, складывающихся на различных уровнях человеческого бытия.

Ключевые слова: туризм, экологический туризм, природа, молодежь, экологические практики, философская антропология, цифровая эпоха, личность

Для цитирования: Саидова Л. И. Философско-антропологические смыслы развития экологического туризма и личности человека в цифровую эпоху // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 164–174. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-164-174>.

Original article

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL MEANINGS OF THE DEVELOPMENT OF ECO-TOURISM AND HUMAN PERSONALITY IN THE DIGITAL AGE

Lipa I. Saidova

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia
lipa-chlenti@mail.ru, AuthorID RSCI: 824144, SPIN-code: 6745-0718*

Abstract. *The purpose of the study is to identify and substantiate philosophical and anthropological meanings and methodological guidelines in the study of ecotourism as an agent of formation and development of personality in the digital age.*

The methodological basis of the research *is a set of theoretical approaches and concepts, among which the anthropological approach takes priority positions in the context of the formed theoretical boundaries of a new branch of knowledge, largely having an interdisciplinary character — the anthropology of tourism.*

The results of the study *revealed the direct connection between culture and tourism as components of the subject field of the anthropological approach in philosophical studies of tourism. At the same time, the focus is on tasks related to the analysis of the essence, content, and history of the formation of tourism, primarily cultural, the problems of the formation and development of sustainable (ecological) tourism as a cultural phenomenon.*

The perspective of the research *is the potential of the philosophical and anthropological analysis of ecotourism, in which the socio-cultural nature of ecological tourism as a product of the evolution of man himself and society in the coordinates of the totality of relations developing at various levels of human existence is subjected to deep reflection.*

Keywords: *tourism, ecotourism, nature, youth, environmental practices, philosophical anthropology, digital age, personality*

For citation: *Saidova L. I. Philosophical and anthropological meanings of the development of eco-tourism and human personality in the digital age // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 164–174. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-164-174>.*

Актуальность темы и постановка проблемы исследования в философско-антропологическом исследовательском ракурсе. Экологический туризм в последнее время привлекает значительное внимание научного сообщества и общественно-политических кругов. С ним связывается реализация целей устойчивого развития, а также формирование экологической культуры населения как необходимого условия охраны природы в условиях распространения потребительских ценностей и цифровой культуры, особенно в молодежной среде. Практики экологическо-

го туризма весьма активно распространяются в современном обществе, в том числе и в российском, чему способствует также активная государственная политика, ориентированная на развитие внутреннего туризма, ознакомление с культурно-природным ландшафтом родных просторов. Вместе с тем технологические нагрузки цифрового общества, сопровождающиеся ростом потребности в отдыхе на природе и, соответственно, популярности практик экологического туризма, несут с собой и рискованные нагрузки на саму природу вследствие дефицита экологической культу-

ры у субъектов этих практик, зачастую не понимающих сущность туризма экологического характера. В этой связи требуется глубокий философско-антропологический анализ экологического туризма как социокультурного феномена, развивающегося в логике глобальной цифровизации и соответствующих ей рискованных факторов.

Таким образом, философско-антропологический анализ экологического туризма может способствовать выявлению экзистенциальных потребностей личности в условиях цифровой эпохи и их реализации в контексте практик экологического туризма, а также наметить пути гармонизации взаимоотношений человека и природы с помощью формирования высокой экологической культуры личности, осознающей высокую ценность общения с природой, через которое переосмысливается собственное бытие и сознание.

В современном мире активно развиваются самые различные виды туризма, и для многих стран туристическая деятельность составляет значимую часть экономического дохода государства и населения, т.е. туризм выступает одной из самых активно развиваемых отраслей экономики современных государств, и российское государство не составляет исключения. Туризм в России достаточно быстро развивается, особенно в последнее время, когда возможности выезда граждан страны за пределы государства сильно ограничены в результате режима пандемии [20], а затем санкций и обострения международных отношений. Наша страна обладает огромной территорией с богатейшим природным ландшафтом, культурным и историческим наследием, и ориентиры на развитие различных видов внутреннего туризма на современный день являются приоритетными в политике российского государства.

Конечно, туризм и раньше активно развивался в России. Исследователи, отмечая, что на территории России располагается более 12 тысяч уникальных охраняемых природных территорий, а также огромное количество памятников природы, указывают

на многообещающие перспективы развития экологического туризма с точки зрения его ресурсной базы в нашей стране, что и послужило отправной точкой для развития экологического туризма как одного из самых важных и стратегических направлений деятельности Министерства природных ресурсов с 2019 года [30].

Большой популярностью в России всегда пользовались различные виды спортивного туризма, а также познавательного и развлекательного. В них традиционно активно была вовлечена молодежь, которая и сейчас составляет основную долю среди потребителей туристских услуг. Предпочтения молодежи в области туристских практик разнообразны, но исследователи выделяют в качестве наиболее популярных туры, связанные с природными достопримечательностями и историей России, а также спортивные направления, в основном экстремальной направленности (скалолазание, альпинизм, рафтинг и т.д.) [19].

Каждый вид туризма имеет свои функции и задачи. В данной работе мы обратимся к социальным функциям такого вида туризма, как экологический туризм. Его популярность во всем мире стремительно растет [23], что связано, как нам представляется, с динамикой развития самого общества, все глубже и глубже погружающегося в мир информационных и цифровых технологий.

В России внимание к этому виду туризма привлечено сравнительно недавно, несмотря на конкурентные преимущества нашей страны в развитии данного направления в туризме [12]. Так, можно привести в качестве примера Федеральный проект под названием «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма», который реализуется в рамках Государственной программы «Охрана окружающей среды», утвержденной постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 №326 и национального проекта «Экология»¹.

Отдельного внимания заслуживают исследования теоретико-методологического

¹ Федеральный проект «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» [Электронный ресурс]. URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/federalnyy-proekt-sokhranenie-biologicheskogo-raznoobraziya-i-razvitiie-ekologicheskogo-turizma/?ysclid=lrdrmqunm894989643 (дата обращения: 10.01.2024).

и концептуального характера. Их не так много, но в них поднимаются вопросы содержания экотуризма, его концептуальные установки, характерные черты, принципы, виды, показатели развития [6; 28], а также самого понятия «экологический туризм» [4; 22].

Исследователи указывают на такое важное предназначение экологического туризма, как рост экологической культуры и экологического сознания участвующих в такого рода туристских практиках [15].

Немаловажным фактором негативного техногенного влияния современной эпохи выступает также разрушение местной культуры, ее колорита, ценностей, обычаев, ритуалов. В этой связи экотуризм несет в себе мощную просветительскую функцию, приобщая туристов к культуре местного населения, обогащая их знаниями о самобытной культуре, о многообразии мира культуры, что особенно важно для молодых поколений, зачастую видящих мир сквозь призму экранов цифровых технологий.

Как видим, спектр функций экологического туризма достаточно широкий, но, дополняя уже сказанное выше, хотелось бы подчеркнуть экзистенциальное значение данного вида туризма, которое пересекается с его функциональными характеристиками социокультурного и социального порядка. Речь идет о том, что если обращаться к социально-философскому контексту анализа экологического туризма, то экотуризм оказывает сильное влияние на личностное становление. При этом важно учитывать социальный контекст, контекст эпохи, ибо туризм (в любом его виде и в экологическом тем более) есть социокультурный продукт.

Отношение к природе в каждом обществе, в каждую эпоху специфично, как и тип личности, формирующийся в пространстве ценностей, исторических событий конкретного государства и народа. По мере эволюции человеческого общества менялась и концепция взаимоотношений человека с природой, концепция отношения человека к своей, человеческой, природе, и сегодня мы, безусловно, имеем все основания связывать бурное развитие экотуризма с процессами информатизации, цифровизации, т.е. с формированием мира, в котором человек словно выброшен за пределы природы, будучи большую часть

времени погружен в информационное, техногенное, искусственное пространство.

Не сказать, что в нем стало меньше общения, меньше контактов между людьми, но, во-первых, сама форма коммуникации трансформировалась, и значимая часть коммуникаций осуществляется посредством информационных, сетевых технологий, а, во-вторых, сократилось пространство и время общения человека с природой в условиях урбанизации и дефицита времени у человека мобильного [11], спешащего жить в духе времени, не отставать от современности, которая постоянно и стремительно изменяется.

Экологический туризм и его влияние на развитие личности в условиях цифровой эпохи в методологических границах философской антропологии. Анализируя теоретические подходы к рассмотрению практик экологического туризма, следует выделить несколько основных направлений исследовательской активности. В этой связи можно говорить, во-первых, о научном дискурсе в рамках анализа возможности применения ряда экологических теорий в процессе социально-философской рефлексии туризма как социальной практики. Речь идет об осмыслении потенциала использования в социально-гуманитарном знании теорий экологической ниши [27] и экологического следа [25], теории жизненного цикла [10], теории несущей способности [26; 32] и т.д.

Теория экологической ниши предполагает анализ факторов среды, влияющих на место, занимаемое видом в биоценозе. Мнение о том, что каждый организм занимает определенное место, нишу в природе, а также анализ факторов, влияющих на это, создает перспективы для изучения роли экологического туризма в сохранении и воспроизведении природой определенных экологических ниш, и, таким образом, устойчивости всего природного мира. Фактически, речь идет о возможности отхода от точки невозврата в движении к экологической катастрофе.

Теория экологического следа — одна из самых популярных среди теорий, имеющих естественно-научное происхождение и при этом обеспечивающих проекцию в социально-гуманитарном знании. Она оказалась одной из самых доступных для пони-

мания и затрагивающих сферу ценностных ориентаций и установок респондентов благодаря обеспечению «рельефности» осознания своего личного влияния на экологическую ситуацию в мире, а также глобальности слияния экологических следов жителей планеты в деле предотвращения катастрофических изменений природной среды. Именно теория экологического следа, в частности в аспекте экологического туризма, обладает серьезным потенциалом для использования в процессе количественных и качественных исследований состояния экологического сознания и экологической культуры граждан.

Теория жизненных циклов как часть эволюционной экологии создает перспективы для рассмотрения потенциала такой социальной практики, как экологический туризм, в аспекте внимания к изучению влияния внешних факторов на выживаемость и адаптационные возможности организма или же экосистемы в целом.

Теория «несущей способности» зачастую рассматривается как предпосылка возникновения и развития концепции устойчивого развития, представляя человеческую деятельность через призму целесообразности и сбалансированности с точки зрения учета интересов будущих поколений в деле использования природных ресурсов. Экологические практики, в том числе туристического направления, рассматриваются как эффективное средство аксиологического сопровождения внедрения принципов устойчивого развития и преобразования сформированной ценностной ориентации в экологические действия.

Во многих работах экологический туризм рассматривается в границах концепции устойчивого развития. С ним в рамках данной концепции связывают надежды и перспективы решения актуальных социальных задач и проблем, которые позволили бы обеспечить сбалансированное развитие социальной, экологической и экономической сфер жизнедеятельности общества. Дискурсивный, методологический и аналитический подход к этой проблеме представлен в трудах различных исследователей [13; 18; 31], но в отдельный ряд следует выделить работы, в которых рассматриваются и подвергаются глубокому анализу антропологические аспекты туризма, в том числе и экологического. Антропология

туризма как отрасль научного знания достаточно молодая, несмотря на то, что отдельные антропологи, такие как Терон Нанц, Нельсон Грэберн, Денисон Нэш, Вален Смит, Маргарет Сван и др. в конце XX века обращали внимание на антропологические проблемы и ипостаси туризма, связывая с этим явлением особенности развития гендерных отношений, маргинализацию этнических общностей, экономические аспекты развития традиционных народов и этносов, их систему. Но именно на современном этапе, характеризующемся переходом к цифровой цивилизации, антропологический интерес к туризму обозначился как значительный, что находит отражение и в российской научно-исследовательской практике, в которой анализируются динамика туризма, в том числе и экологического, с позиций изменений в глобализирующемся мире, а также обосновывается необходимость философско-антропологического осмысления этих изменений и поиска методологических альтернатив изучения туризма во всем его многообразии типов и практик [3; 9].

Как показал проведенный выше анализ, многие исследователи различных отраслей социально-гуманитарного знания обращаются к данной проблематике, в том числе с учетом регионального контекста экологических практик в стране. Вместе с тем глубоких философских разработок в данном предметном поле с обращением к этому явлению как антропологическому феномену, играющему значительную роль в личностном становлении и развитии в современную цифровую эпоху, явно недостаточно, что определяет постановку исследовательской цели и задач с позиций познавательного интереса и эвристической значимости обозначенной проблематики.

Базовым методологическим основанием данной работы выступает теория цифрового общества. При этом, согласно мнению исследователей, с которым стоит согласиться, устоявшегося определения такого общества в научно-исследовательской литературе еще не сложилось. Нам импонирует определение, согласно которому, цифровое общество есть «стадия развития информационного общества, в которой важнейшее значение имеет не информация в целом, а прежде всего ее цифровой формат, методы оцифровки, кодирования и передачи информации» [21, с. 132].

Цифровое общество в своем становлении обязано появлению сети Интернет. Именно интернет-среда стала играть ключевую роль в цифровом обществе. Ее развитие стало источником социокультурной динамики и глобальных изменений в общественной жизни. Эти изменения имеют различный вектор и, соответственно, неоднозначно оцениваются.

Наряду с положительными оценками присутствуют и отрицательные, как правило, описывающиеся в терминах рисков, угроз, вызовов. «Цифровизация с одной стороны — это растущая угроза естественной основе жизни человечества, а с другой — взрывной прогресс в области информации, коммуникации и технологии» [24, с. 494].

Итак, эпоха цифровизации наступила вследствие наступления эпохи информатизации и компьютеризации [17]. Данный этап социокультурной динамики — качественно новый в мировой истории, и ему посвящено много научных работ, в которых, в том числе и с позиций философской рефлексии, выявляются угрозы, которые несут процессы цифровизации обществу в виде разрушения ценностно-смыслового базиса взаимодействия человека и природы [2; 8; 29]. Признаки разрушительных процессов уже давно наблюдаются в пространстве этого взаимодействия в виде роста экологических проблем и ухудшения экологической ситуации во всем мире.

Указанные методологические подходы и идея вписываются в философско-антропологический анализ, заявленный в нашем исследовании, поскольку само явление туризма с тех самых пор, как стало значимой социальной практикой, оказывающей влияние на развитие личности и общества, на характер отношений в системе «Человек-Природа», ученые заговорили об антропологии туризма. И сегодня это направление стало самостоятельной научной отраслью, включающей в себя опыт смежных дисциплинарных практик: социологических, культурологических, философских и др., в рамках которых ученые подвергают анализу сущность и эволюцию туризма в контексте длительной истории его становления от единичных практик до массовых и организованных в целые движения. Сегодня туризм стал мощным фактором экономического развития стран, регионов, народов [5]. Ученые отмечают:

«Для многих стран экотуризм является основной отраслью национальной экономики. В качестве ярких примеров таких стран можно привести Коста-Рику, Эквадор, Непал, Кению, Таиланд, Мадагаскар и др. ... Экотуризм также вовлечен в туристский рынок такие территории, как Арктика и Антарктика» [1, с. 8]. По мере того как экологический туризм развивается, расширяет свои географические и ресурсные границы, возможности, происходит также накопление рисков, новых угроз, предотвращение которых требует глубокого понимания траектории развития этого феномена, его движущих сил, смыслов, функций, что и определяет значимость антропологических исследований в области экологического туризма.

В бинарной связи «Человек-Природа», согласно концепции культурного ландшафта, происходят постоянные сдвиги в зависимости от характера и уровня развития, изменений каждой из частей, а потому эволюция экологического туризма в его деятельностно-смысловом и функциональном контексте во многом определяется спецификой самой сферы жизнедеятельности человека и непосредственно с механизмами и принципами природопользования. Всем известны примеры деструктивного влияния туризма на природную среду в ситуации отсутствия ответственного и бережного отношения к природе со стороны субъектов туристских практик и их организаторов, поставивших задачу экономического обогащения за счет природы.

На этом основании закономерен вывод о том, что настало время концептуально переосмыслить экологический туризм во всем его видовом и функциональном многообразии, наполнить его философским смыслом с целью прояснения его сущности и понятийной конфигурации. Иными словами, речь идет о новой философской парадигме экологического туризма, которая призвана стать базисом всей туристической индустрии, поскольку экологизация всех туристских практик — единственно верное и перспективное решение, единственно оптимальная траектория развития туристской деятельности, если мы хотим сохранить туризм как практику, не угрожающую самой жизнедеятельности человека и окружающей его среде.

Заключение. Природа — источник колоссальной энергии, созидания, вдохновения. Активная и творческая личность — это личность свободная, и величие природы наполнено духом свободы, гармонии и красоты. Бережное отношение к природе как части бытия человека выступает одним из оснований формирования доброты и ответственности, а переживание чувства прекрасного — источник эстетического воспитания и реабилитации утомленного цифровым бытием тела и духа. Очень много современных исследователей пишут о снижении здоровья общества, жизненного тонуса и духовности, обращая взоры к молодому поколению [7; 14].

Причин этому много, в том числе и неблагоприятная экологическая обстановка окружающей, прежде всего городской, среды. Оздоровительный эффект природы и экологического туризма мог бы частично решить эту проблему. Более того, формирование экологической культуры посредством распространения экотуристских практик в молодежной среде будет способствовать улучшению экологической ситуации, достаточно критично складывающейся в ряде регионов современного мира, в том числе и российского.

В ходе туристской деятельности молодежь познает не только окружающий мир, но и саму себя в нем, становясь взрослее, сознательнее, ответственнее, что способствует снижению рисков инфантилизации в молодежной среде и активному включению молодых граждан в социальную жизнь, в решение социально значимых задач.

Экологический туризм предстает как социокультурный феномен. Самая непосредственная связь культуры и туризма и есть предмет антропологического подхода в философских исследованиях туризма. При этом в центре внимания оказываются задачи, связанные с анализом сущности, содержания, истории становления туризма, прежде всего культурного, проблемы становления и развития устойчивого (экологического) туризма как культурного явления.

Таким образом, философско-антропологический анализ экологического туризма исходит из необходимости изучения социокультурной природы этого вида туризма как продукта эволюции самого человека и общества в координатах совокупности отношений,

складывающихся на различных уровнях человеческого бытия.

Список источников

1. Афанасьев О. Е., Афанасьева А. В. Концепт «экологического туризма» в мировой и российской практике: компаративный анализ и кейсы // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. Т. 11. №4. С. 7–26. DOI: 10.22412/1995-0411-2017-11-4-7-25.
2. Бакаева Ж. Ю., Степанов А. Г., Степанова С. Е. Философско-методологические основания информатизации и моделирования в контексте цифровизации социума // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Т. 7. №5А. С. 20–27.
3. Богомолова Е. С., Зевеке О. Ю., Чистяков Д. И. Антропологический фактор и тенденции развития международного туризма // Горизонты экономики. 2022. №5(71). С. 124–128.
4. Васильева М. И. К юридическому определению понятия экологического туризма // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73. №4(161). С. 34–52. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.034-052.
5. Воронкова Л. П. Глобализация туризма в антропологическом аспекте // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2015. №1-2. С. 16–20.
6. Дорогова З. В. Экологический туризм в России: перспективы развития // Московский экономический журнал. 2023. Т. 8. №5. DOI: 10.55186/2413046X_2023_8_5_231.
7. Журавлева И. В. Здоровье молодежи: возможно ли его улучшить? // Россия реформирующаяся. 2017. №15. С. 419–436.
8. Ивлиев Г. П., Карцхия А. А. Этика эпохи цифровизации // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2023. №1. С. 21–39.
9. Ивушкина Е. Б., Дашкова Е. В. Экологическое просвещение посредством туризма // Научный альманах стран Причерноморья. 2023. №9(2). С. 32–39. DOI: <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-9-2-32-39>.
10. Игнатъев А. А. Формирование теории в области туризма и его развития // Интеграл. 2015. №1-2. С. 74–78.
11. Круталевич А. Н. Мобильность как ценностная характеристика культуры Новейшего

времени // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №9(364). С. 71–74.

12. Лебедева С.А., Паткина Е.В. Барьеры развития экологического туризма и пути их преодоления // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. №5. С. 1271–1288. DOI: 10.18334/epp.11.5.112046.

13. Лукичев А.Б. Сущность устойчивого и экологического туризма // Российский журнал экотуризма. 2011. №1. С. 3–6.

14. Мавропуло О.С. Культура нездоровья в российском обществе: причины и специфика проявления // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2017. №1(60). С. 86–96.

15. Оборин М.С. Современная концепция развития экологического туризма в России // Сервис в России и за рубежом. 2020. Т. 14. №4(91). С. 22–32. DOI: 10.24411/1995-042X-2020-10402.

16. Полишкене Й. Концепция экотуризма: содержание, состояние, развитие // Самоуправление. 2023. №3(136). С. 566–568.

17. Равочкин Н.Н. Социально-философский взгляд на взаимодействие цифровизации и политико-правовых институтов [Электронный ресурс] // Искусственные общества. 2019. Т. 14. Вып. 3. URL: <https://artsoc.jes.su/S207751800007024-5-1>.

18. Ралык Д.В. Экологический и «умный» туризм в контексте устойчивого развития отрасли в России // Общество: политика, экономика, право. 2023. №8(121). С. 150–157. DOI: 10.24158/per.2023.8.19.

19. Рожабова К.Э. Туристские практики в молодежной среде на Юге России: особенности, типы, приоритеты // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. №3. С. 45–52. DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-45-52.

20. Саидова Л.И. Экологический туризм в постпандемическом мире: тенденции развития // Российское общество в условиях постпандемической реальности: ценностная трансформация и стратегии адаптации: материалы Всероссийской научной конференции Южный федеральный университет; отв. ред. А.В. Верещагина. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2021. С. 148–150.

21. Смирнов А.В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская дейс-

тельность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №1. С. 129–153. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790>.

22. Тихомирова А.В. Экологический туризм // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20. №1. С. 80–83. DOI: 10.14529/law200112.

23. Усольцева А.Н. Зарубежный и российский опыт организации экологического туризма на особо охраняемых природных территориях // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Естественные науки. 2022. №1(213). С. 80–89. DOI: 10.18522/1026-2237-2022-1-80-89.

24. Устойчивое развитие цифрового общества / К.А. Татаринов, С.М. Музыка, Н.Н. Аникиенко, И.А. Савченко // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. №11-3. С. 494.

25. Флуд Н.А. Как измерить «устойчивость развития»? // Вопросы статистики. 2006. №10. С. 19–29.

26. Фомина М.В., Приходько В.В. Устойчивое развитие в условиях глобализации: противоречия и факторы // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2016. №2. С. 112–121.

27. Хлебосолов Е.И. Теория экологической ниши: история и современное состояние // Русский орнитологический журнал. 2002. Т. 11. №203. С. 1019–1037.

28. Цепилова Е.С., Родионова Н.Д. Развитие экологического туризма в России: концептуальные характеристики и потенциал развития // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. №2. С. 110–128. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-110-128.

29. Чернышов А.Г. Стратегия и философия цифровизации // Власть. 2018. №5. С. 13–21.

30. Шабалина Н.В., Никанорова А.Д., Александрова Е.Е. Экологический туризм: особенности и проблемы развития в России // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2021. Т. 15. №1. С. 4–14.

31. Шестакова Е.В., Ситжанова А.М., Прытков Р.М. Экологический туризм как форма устойчивого развития // Вестник

университета. 2022. №6. С. 105–113. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-6-105-113.

32. Яницкий О.Н. Экосоциология как перспектива // Россия реформирующаяся. 2009. №8. С. 36–57.

References

1. Afanas'ev O. E., Afanas'eva A. V. Koncept «jekologicheskogo turizma» v mirovoj i rossijskoj praktike: komparativnyj analiz i kejsy [The concept of «ecological tourism» in world and Russian practice: comparative analysis and cases]. *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Modern problems of service and tourism]. 2017; 11(4): 7–26. DOI: 10.22412/1995-0411-2017-11-4-7-25. (In Russ.).

2. Bakaeva Zh. Ju., Stepanov A. G., Stepanova S. E. Filosofsko-metodologicheskie osnovaniya informatizacii i modelirovaniya v kontekste cifrovizacii sociuma [Philosophical and methodological foundations of informatization and modeling in the context of digitalization of society]. *Kontekst i refleksija: filosofija o mire i cheloveke* [Context and reflection: philosophy of the world and man]. 2018; 7(5A): 20–27. (In Russ.).

3. Bogomolova E. S., Zeveke O. Ju., Chistjakov D. I. Antropologicheskij faktor i tendencii razvitija mezhdunarodnogo turizma [The anthropological factor and trends in the development of international tourism]. *Gorizonty jekonomiki* [Horizons of Economics]. 2022; 5(71): 124–128. (In Russ.).

4. Vasil'eva M. I. K juridicheskomu opredeleniju ponjatija jekologicheskogo turizma [Towards the legal definition of the concept of ecological tourism]. *Lex Russica (Russkij zakon)* [Lex Russica (Russian Law)]. 2020; 4(161): 34–52. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.034-052. (In Russ.).

5. Voronkova L. P. Globalizacija turizma v antropologicheskom aspekte [Globalization of tourism in an anthropological aspect]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 27: Globalistika i geopolitika* [Bulletin of the Moscow University. Episode 27: Globalism and Geopolitics]. 2015; (1-2): 16–20. (In Russ.).

6. Dorogova Z. V. Jekologicheskij turizm v Rossii: perspektivy razvitija [Ecological tourism in Russia: development prospects]. *Moskovskij jekonomicheskij zhurnal* [Mos-

cow Economic Journal]. 2023; 8(5). DOI: 10.55186/2413046X_2023_8_5_231. (In Russ.).

7. Zhuravleva I. V. Zdorov'e molodezhi: vozmozno li ego uluchshit'? [Youth health: is it possible to improve it?]. *Rossija reformirujushajasja* [Russia is reforming]. 2017; (15): 419–436. (In Russ.).

8. Ivliev G. P., Karchija A. A. Jetika jepohi cifrovizacii [Ethics of the era of digitalization]. *Intellectual'naja sobstvennost'*. *Avtorskoe pravo i smezhnye prava* [Intellectual property. Copyright and related rights]. 2023; (1): 21–39. (In Russ.).

9. Ivushkina E. B., Dashkova E. V. Jekologicheskoe prosveshhenie posredstvom turizma [Environmental education through tourism]. *Nauchnyj al'manah stran Prichernomor'ja* [Scientific almanac of the Black Sea region countries]. 2023; 9(2): 32–39. DOI: <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-9-2-32-39>. (In Russ.).

10. Ignat'ev A. A. Formirovanie teorii v oblasti turizma i ego razvitija [Formation of theory in the field of tourism and its development]. *Integral*. 2015; (1-2): 74–78. (In Russ.).

11. Krutalevich A. N. Mobil'nost' kak cennostnaja harakteristika kul'tury Novejshego vremeni [Mobility as a value characteristic of modern culture]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2015; 9(364): 71–74. (In Russ.).

12. Lebedeva S. A., Patkina E. V. Bar'ery razvitija jekologicheskogo turizma i puti ih preodolenija [Barriers to the development of ecological tourism and ways to overcome them]. *Jekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Economics, entrepreneurship and law]. 2021; 11(5): 1271–1288. DOI: 10.18334/epp.11.5.112046. (In Russ.).

13. Lukichev A. B. Sushhnost' ustojchivogo i jekologicheskogo turizma [The essence of sustainable and ecological tourism]. *Rossijskij zhurnal jekoturizma* [Russian Journal of Ecotourism]. 2011; (1): 3–6. (In Russ.).

14. Mavropulo O. S. Kul'tura nezdorov'ja v rossijskom obshhestve: prichiny i specifika projavlenija [Culture of ill health in Russian society: causes and specifics of manifestation]. *POISK: Politika. Obshhestvovedenie. Iskustvo. Sociologija. Kul'tura* [SEARCH: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture]. 2017; 1(60): 86–96. (In Russ.).

15. Oborin M.S. Sovremennaja koncepcija razvitiya jekologicheskogo turizma v Rossii [Modern concept of ecological tourism development in Russia]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad]. 2020; 4(91): 22–32. DOI: 10.24411/1995-042X-2020-10402. (In Russ.).
16. Polishkene J. Koncepcija jekoturizma: sodержanie, sostojanie, razvitie [The concept of ecotourism: content, condition, development]. *Samoupravlenie* [Self-government]. 2023; 3(136): 566–568. (In Russ.).
17. Ravochkin N.N. Social'no-filosofskij vzgljad na vzaimodejstvie cifrovizacii i politiko-pravovyh institutov [Socio-philosophical view on the interaction of digitalization and political and legal institutions] [Jelektronnyj resurs]. *Iskusstvennye obshhestva* [Artificial societies]. 2019; 14(3). URL: <https://artsoc.jes.su/S207751800007024-5-1>. (In Russ.).
18. Ralyk D.V. Jekologicheskij i «umnyj» turizm v kontekste ustojchivogo razvitiya otrasli v Rossii [Ecological and «smart» tourism in the context of sustainable industry development in Russia]. *Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law]. 2023; 8(121): 150–157. DOI: 10.24158/pep.2023.8.19. (In Russ.).
19. Rozhabova K. Je. Turistskie praktiki v molodezhnoj srede na Juge Rossii: osobennosti, tipy, priority [Tourist practices among youth in the South of Russia: features, types, priorities]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences]. 2022; 15(3): 45–52. DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-45-52. (In Russ.).
20. Saidova L.I. Jekologicheskij turizm v postpandemicheskom mire: tendencii razvitiya [Ecological tourism in the post-pandemic world: development trends]. *Rossijskoe obshhestvo v uslovijah postpandemicheskoj real'nosti: cennostnaja transformacija i strategii adaptacii: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii Juzhnyj federal'nyj universitet; otv. red. A.V. Vereshagina* [Russian Society in a post-pandemic reality: value transformation and adaptation strategies: proceedings of the All-Russian Scientific Conference Southern Federal University; in A.V. Vereshchagin (eds.)]. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovanija, 2021. Pp. 148–150. (In Russ.).
21. Smirnov A.V. Cifrovoe obshhestvo: teoreticheskaja model' i rossijskaja dejstvitel'nost' [Digital society: a theoretical model and Russian reality]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. 2021; (1): 129–153. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790>. (In Russ.).
22. Tihomirova A.V. Jekologicheskij turizm [Ecological tourism]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Law]. 2020; 20(1): 80–83. DOI: 10.14529/law200112. (In Russ.).
23. Usol'ceva A.N. Zarubezhnyj i rossijskij opyt organizacii jekologicheskogo turizma na osobo ohranjaemyh prirodnyh territorijah [Foreign and Russian experience in the organization of ecological tourism in specially protected natural territories]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Serija: Estestvennye nauki* [Izvestia of higher educational institutions. The North Caucasus region. Series: Natural Sciences]. 2022; 1(213): 80–89. DOI: 10.18522/1026-2237-2022-1-80-89. (In Russ.).
24. Ustojchivoe razvitie cifrovogo obshhestva [Sustainable development of the digital society]. K.A. Tatarinov, S.M. Muzyka, N.N. Anikienko, I.A. Savchenko. *Vestnik Altajskoj akademii jekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]. 2023; (11-3): 494. (In Russ.).
25. Flud N.A. Kak izmerit' «ustojchivost' razvitiya»? [How to measure the «sustainability of development»?]. *Voprosy statistiki* [Statistical issues]. 2006; (10): 19–29. (In Russ.).
26. Fomina M.V., Prihod'ko V.V. Ustojchivoe razvitie v uslovijah globalizacii: protivorechija i faktory [Sustainable development in the context of globalization: contradictions and factors]. *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Serija V. Jekonomika i pravo* [Bulletin of Donetsk National University. Series B. Economics and law]. 2016; (2): 112–121. (In Russ.).
27. Hlebosolov E.I. Teorija jekologicheskogo nishi: istorija i sovremennoe sostojanie [Theory of ecological niche: history and current state]. *Russkij ornitologicheskij zhurnal* [Russian Orni-

thological Journal]. 2002; 11(203): 1019–1037. (In Russ.).

28. Cepilova E. S., Rodionova N. D. Razvitiye jekologicheskogo turizma v Rossii: konceptual'nye harakteristiki i potencial razvitiya [Development of ecological tourism in Russia: conceptual characteristics and development potential]. *Vestnik RGGU. Seriya: Jekonomika. Upravlenie. Pravo* [Bulletin of the Russian State University. Series: Economics. Management. Law]. 2022; (2): 110–128. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-2-110-128. (In Russ.).

29. Chernyshov A. G. Strategiya i filosofiya cifrovizatsii [Strategy and philosophy of digitalization]. *Vlast' [Power]*. 2018; (5): 13–21. (In Russ.).

30. Shabalina N. V., Nikanorova A. D., Aleksandrova E. E. Jekologicheskij turizm: osoben-

nosti i problemy razvitiya v Rossii [Ecological tourism: features and problems of development in Russia]. *Vestnik Associatsii vuzov turizma i servisa* [Bulletin of the Association of Universities of tourism and service]. 2021; 15(1): 4–14. (In Russ.).

31. Shestakova E. V., Sitzhanova A. M., Prytkov R. M. Jekologicheskij turizm kak forma ustojchivogo razvitiya [Ecological tourism as a form of sustainable development]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University]. 2022; (6): 105–113. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-6-105-113. (In Russ.).

32. Janickij O. N. Jekosociologiya kak perspektiva [Ecosociology as a perspective]. *Rossija reformiruyushhasya* [Russia is reforming]. 2009; (8): 36–57. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 10.11.2023; approved after reviewing on 28.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Саидова Липа Исаевна — аспирант Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова, и.о. заведующего кафедрой «Социально-культурный сервис и туризм» Чеченского государственного университета.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
Россия, г. Грозный, ул. Асланбека Шерипова, 32

Lipa I. Saidova — Postgraduate Student, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Acting Head of the Department «Socio-cultural service and Tourism», Chechen State University.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia
32 Aslanbeka Sheripova str., Grozny, Russia

Научная статья

УДК 316.322

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-175-184

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СВОЕОБРАЗИЯ РОССИИ

Кристина Артемовна Шаровара

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

starodubceva.kriss@mail.ru, ORCID: 0009-0006-7088-6777

Аннотация. *Целью исследования* является сравнительный анализ существующих теоретико-методологических подходов и парадигм социально-философского изучения ценностей как основы цивилизационного своеобразия обществ и в частности России.

Методологическую базу исследования составляют методы сравнительного анализа и метаметодологической рефлексии.

Результаты исследования. В условиях усложнения мировой обстановки и роста международной напряженности актуальным становится анализ особенностей и специфических характеристик цивилизаций. В свете этого большое значение приобретает поиск методологии, ориентированной на понимание цивилизационных различий в мировом пространстве. Обычно предпочтительным является обращение к цивилизационному подходу. Речь идет о необходимости цивилизационной рефлексии и укрепления национальной цивилизационной идентичности, что становится актуальным вызовом для общества. В построении основы цивилизации важную роль играют сакральные ценности, формирующие коллективную ментальность. Анализ цивилизационно-культурных ценностей в настоящее время требует использования широкого спектра теоретических подходов и парадигм, взаимодействующих для решения разнообразных исследовательских задач. Среди выделяемых автором наиболее значимых подходов и парадигм отмечается цивилизационный подход, дающий возможность исследования объективных факторов, таких как природные особенности, климатические условия, этногенез и другие предпосылки исторического развития цивилизационных особенностей: аксиологический подход, основывающийся на выделении и анализе базовых сакральных ценностей, принадлежащих культурному ядру цивилизации; социокультурный подход, ориентирующий на рассмотрение базовых ценностей цивилизации в контексте социокультурной динамики, глобального влияния и процесса глобализации в контексте анализа социокультурной триады, объединяющей социальные и культурные аспекты общества; подход, основанный на конструктивистской парадигме, для исследования процессов формирования и направленного конструирования цивилизационной идентичности как субъективного элемента цивилизации. Элементы различных подходов, несмотря на их различия, оказываются совместимыми и необходимы в силу сложности цивилизационной проблематики, которая не поддается редукции.

Ключевые слова: цивилизация, сакральные ценности, аксиологический подход, неокантианская философия, социокультурный подход, социокультурная триада, ценностное ядро культуры, цивилизационная идентичность

Для цитирования: Шаровара К. А. Социально-философские подходы в исследовании цивилизационного своеобразия России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 175–184. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-175-184>.

Original article

SOCIO-PHILOSOPHICAL APPROACHES IN THE STUDY OF THE CIVILIZATIONAL IDENTITY OF RUSSIA

Kristina A. Sharovara

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
starodubceva.kriss@mail.ru, ORCID: 0009-0006-7088-6777*

Abstract. *The purpose of the study is a comparative analysis of existing theoretical and methodological approaches and paradigms of the socio-philosophical study of values as the basis of the civilizational originality of societies and in particular Russia.*

The methodological basis of the study *consists of methods of comparative analysis and metamethodological reflection.*

Research results. *In the context of the increasing complexity of the global situation and the growth of international tension, the analysis of the features and specific characteristics of civilizations becomes relevant. In light of this, it is of great importance to search for a methodology focused on understanding civilizational differences in the global space. It is usually preferable to turn to a civilizational approach. We are talking about the need for civilizational reflection and strengthening of national civilizational identity, which is becoming an urgent challenge for society. Sacred values that form a collective mentality play an important role in building the foundation of civilization. The analysis of civilizational and cultural values currently requires the use of a wide range of theoretical approaches and paradigms that interact to solve a variety of research tasks. Among the most significant approaches and paradigms highlighted by the author, the civilizational approach is noted, which makes it possible to study objective factors such as natural features, climatic conditions, ethnogenesis and other prerequisites for the historical development of civilizational features: an axiological approach based on the identification and analysis of the basic sacred values belonging to the cultural core of civilization; a socio-cultural approach focusing on the consideration of the basic values of civilization in the context of socio-cultural dynamics, global influence and the process of globalization in the context of the analysis of the socio-cultural triad uniting the social and cultural aspects of society; an approach based on the constructivist paradigm to study the processes of formation and directed construction of civilizational identity as a subjective element of civilization. The elements of different approaches, despite their differences, turn out to be compatible and necessary due to the complexity of the civilizational problem, which cannot be reduced.*

Keywords: *civilization, sacred values, axiological approach, neo-Kantian philosophy, sociocultural approach, sociocultural triad, value core of culture, civilizational identity*

For citation: *Sharovara K. A. Socio-philosophical approaches in the study of the civilizational identity of Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 175–184. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-175-184>.*

Введение. Изучение цивилизационного своеобразия обществ традиционно опирается на методологию, связанную с цивилизационным подходом. В настоящее время обращение к цивилизационному подходу в значительной мере актуализировалось в связи с осложнением международной обстановки, резкой поляризацией глобального пространства по цивилизационному признаку, началом СВО. Эти макросоциальные изменения поставили перед российским обществом ряд неотложных вопросов, среди которых одним из основных является вопрос рефлексивного осмысления и укрепления на этой основе российской цивилизационной идентичности.

В целом цивилизационные вопросы сохраняют актуальность до сих пор, хотя были поставлены отечественными мыслителями значительно раньше. Ввиду сложности исторического пути, пройденного российским обществом, эти вопросы не были достаточно отрефлексированы. В течение длительного времени носители социальной рефлексии рассматривали западный мир в качестве референтной для россиян цивилизации, развитие которой оценивалось как опережающее и прогрессивное, в силу чего Россия должна была следовать в своем историческом развитии по ее траектории. Естественно, что такая установка предполагала наличие близких культурных связей между Россией и западным миром, и такие связи действительно были и есть. Представители западничества (в самом широком смысле) в России традиционно считали ее частью западной цивилизации. В советский период идеологически мотивированное доминирование формационного подхода привело к почти полному вытеснению из профессионального социально-философского дискурса цивилизационной проблематики, заменив ее идеологической. В этой схеме уходили на задний план или вовсе вытеснялись вопросы, связанные с реальным своеобразием российской цивилизации.

В настоящее время стало актуальным углубленное исследование российской цивилизации с точки зрения не только ее положения и статуса в глобальном геополитическом пространстве, взаимоотношениях с западным миром и коллективным Востоком, дискуссий о цивилизационной принадлежности

России и связанных с этим перспективах ее развития. На первый план выходит содержательное осмысление цивилизационных особенностей и специфических характеристик обществ, которое может позволить социуму во всей полноте осознать себя как самостоятельное и самобытное духовно-ментальное и социально-политическое образование.

Ценности как основа и ядро цивилизации: концепции и подходы. В фундаменте цивилизации лежат характерные для нее смысложизненные ценности, определяющие базовые черты коллективной ментальности. О значимости таких ценностей как неизменяемого сакрального ядра социокультурной традиции писал известный традициолог Э. Шилз, согласно которому именно это ядро формирует базу коллективной идентичности [5]. По мнению Э. Шилза, ценности и фундаментальные нормы социокультурной традиции укоренены в трансцендентной инстанции и ею же легитимизированы. Таким образом, ценности традиционных культур имеют непосредственную привязку к сакральному истоку бытия, чем обусловлена, по Э. Шилзу, их мощная энергетика, сообщаемая ими социуму.

Сакральные ценности находятся в тесной корреляции с архетипическими символами культуры, отражающими структуры связи сообщества с сакральным истоком. Неизменность сакрального ценностного ядра, поддерживающая коллективную и индивидуальную цивилизационную идентичность, адаптируется к меняющимся условиям посредством периферийной зоны социокультурной традиции, которая относительно изменчива и гибка.

Трансценденталистская позиция Шилза находится в противоречии с функционалистской трактовкой сакральных ценностей и сакрального как такового, например, в понимании Э. Дюркгейма. Дюркгейм ограничивает горизонт исследователя только функционалом сакральных ценностей, не выходя в трансценденталистскую перспективу. Сакральное для него является продуктом социальных отношений и практически тождественно обществу в целом, а сакральные ценности отражают коллективное мироощущение сообщества. Общество не может су-

ществовать без сакральных ценностей, полагает Э. Дюркгейм, поскольку только они способны объединять индивидов в коллектив через ощущение глубочайшей причастности им каждого человека.

Для философских исследований в этом отношении наиболее фундаментальным является аксиологический подход. Если цивилизационный подход сформировался как своего рода альтернатива универалистской социальной философии и является главным образом макросоциальной концепцией, с помощью которой исследуются черты и культурные конфигурации обществ, то основным содержанием аксиологического подхода выступает анализ социальных и культурных ценностей как основы жизни и функционирования социальных образований. Как отмечает С.Г. Лавлинский, «аксиологический подход в своем наиболее последовательном виде усматривает в культуре позитивный срез общественных отношений и деятельности. Культура рассматривается как совокупность традиционно передаваемых норм и ценностей деятельности и поведения человека» [7, с. 58]. В свою очередь ценности рассматриваются в рамках аксиологического подхода как фундаментальный компонент культуры и ее ядро, делающее ее таковой и позволяющее ей выполнять многочисленные базовые функции в обществе, прежде всего функцию культурной легитимации социального порядка.

Исторически корни аксиологического подхода восходят к неокантианскому и герменевтическому направлению в философии. Как показывает В.Л. Ершов, еще «философия Просвещения, отмечая разумную природу человека и его способность мыслить, придала ценностному мироощущению рационалистическую интерпретацию» [3, с. 108]. Так, И. Кант стоит у истоков философской концепции ценностей как фундаментального компонента субъектности. Для Канта ценности — основа формирования осознанных мотиваций субъекта к действию, связанная с индивидуальным личностным выбором. Без выбора действие невозможно. Активный характер субъектности предполагает проявление через действия, поступки, целеполагание и осознанный выбор ценностей. Понимание субъекта в трансцендентальных глубинах

его выбора возможно в этой парадигме лишь на основе интерпретации, поскольку ценности и их выбор относятся к «миру свободы» и не принадлежат противоположному ему «миру природы», в котором господствуют строгие объективные закономерности. Социальные явления и отношения также суть проявления субъектной активности, принадлежат миру свободы, и их познание, следовательно, тоже должно основываться на философской интерпретации, а не на раскрытии каузальных законов.

Общие методологические принципы подхода к пониманию ценностей наследовало от И. Канта неокантианское направление в философии и социологии. Одной из центральных идей неокантианства стала идея сущностного различия естественных (объективных) и гуманитарных (исследующих глубины субъекта) наук. Если задачей естественных наук является поиск объективных закономерностей природы, то гуманитарные науки призваны заниматься интерпретацией духовной жизни субъектов, и прежде всего выбираемых ими как основание деятельности ценностей. Согласно Г. Риккерт, в отличие от ценностно-нейтральной природы культуры содержит ценности и ассоциируемые с ними блага. Предложенный Г. Риккертом метод «отнесения к ценности», по его мнению, позволяет исследовать не только явления культуры, но и историю обществ, которая движима культурными ценностями и конституируется выбором субъектов, основанным на принимаемых ими культурных ценностях. Таким образом, познание социальных явлений и связей интерпретативно и должно принимать в расчет содержательное наполнение ценностей, разделяемых акторами-участниками [4].

Аналогичная концепция социума развивалась и другим известным неокантианцем — М. Вебером, одним из основоположников классической социологии. В отличие от объективистских и позитивистских трактовок социального как полностью детерминированного устойчивыми объективными структурами и институтами неокантианское направление в социальном знании ориентировано на изучение субъектов социального действия, их осознанных мотиваций, основывающихся на выборе целей и ценностей. В.Л. Ершов подчеркивает: «М. Вебер в своей

“понимающей социологии” воспринял у неокантианцев представление о ценности как норме, способом бытия которой является значимость для субъекта, и применил его к интерпретации социального знания. В дальнейшем понятие ценности трансформировалось и приобрело обобщенно методологический смысл как средство выявления социальных связей и функционирования социальных институтов» [3, с. 109]. Одним из наиболее значимых компонентов социологии и социальной философии Вебера является его теория социального действия, в классификации которого важное место занимает ценностно-рациональное действие, мотивации к которому не содержат прагматизма и зачастую противоречат ему.

Усилиями представителей неокантианских школ сложилось направление социально-философского и социологического знания, позиционирующего ценности как мотивационную базу социального действия. Тем самым в целом конституировался аксиологический подход, прошедший длительный путь дальнейшего развития. В настоящее время, как пишет В. Л. Ершов, «аксиология — самостоятельная область философских исследований, задачей которой является демонстрация ценности в общей структуре человеческого бытия. Процесс развития философии привел не только к дифференциации различных видов ценностной ориентации, но и к образованию понятий, представляющих ценностное мироотношение» [3, с. 108].

Существенной вехой в разработке социально-философской и социологической концепции ценностей стало творчество П. А. Сорокина. Продолжая и развивая аксиологический подход к исследованию социальной динамики, П. А. Сорокин рассматривает ценности не только как ядро и основание культуры, а также фундамент реализации субъектности через социальное действие, но фактически и как основу социальной идентичности и интеграции. При этом культура обладает чрезвычайной значимостью для общества и его институтов. Согласно Сорокину, культура и социальные структуры в их функциональности находятся в единстве, вместе с характерным для них социальным типом личности образуя так называемую социокультурную триаду. На основе определенной культуры

может сложиться и функционировать только соответствующая ему структурная организация общества. В этом и заключается сущность социокультурного подхода, разработанного П. А. Сорокиным. По определению А. С. Ахиезера, социокультурный подход — это методология, выросшая из системного подхода, направленная на изучение общества как в единстве культурного и социального компонентов [1].

Значимость социокультурного подхода для исследований цивилизации состоит прежде всего в принятии этой методологической установки на наличие взаимозависимости и единства культуры и социальности. Такая установка ограничивает возможности социальных и институциональных трансформаций, осуществляемых за короткие сроки, наличием глубинного культурного бэкграунда, образующего инертную и резистентную к изменениям часть социальной системы. Ядром такого бэкграунда являются ценности. Так, отечественный исследователь А. И. Ракитов предлагает (в полном соответствии с концепцией Э. Шилза) двухкомпонентную модель культуры, состоящую из ядра и «защитного пояса» (периферии). В структуру ядра входит система базовых ценностей сообщества, сформировавшихся на протяжении его истории под влиянием его исторической судьбы, культурных травм и побед, природных и климатических условий существования народа. Ценности связаны и с цивилизационными условиями исторического становления культурного ядра. Как и в концепции Э. Шилза, у А. И. Ракитова ценностное ядро культуры обладает функционалом поддержания социальной и культурной идентичности, будучи крайне незначительно подверженным изменениям в ходе истории [9].

Таким образом, именно ценности изначально несут на себе печать цивилизационного своеобразия общества. В силу транслируемого социокультурным подходом принципа единства социального и культурного компонентов институциональные конфигурации и социальная структура находятся в относительной привязке к ценностному ядру, которое тормозит попытки ускоренного институционального реформирования и обеспечивает устойчивость и культурную легитимацию установленного социального порядка. Более

того, культура с ее ценностями противостоит тенденциям социальной энтропии и хаоса, сдерживая аномию.

Аксиологический и тем более социокультурный подходы в исследовании цивилизационных процессов позволяют существенно обогатить традиционный цивилизационный подход, причем общей методологической матрицей цивилизационного подхода в его классических формах является объективизм: для него характерна недооценка роли субъектности, мотивационных предпосылок социального действия и поведения. Традиционным для цивилизационного подхода является сущностно макросоциальный «взгляд сверху», оценивающий самые общие исторические тенденции и различия. Социокультурный подход, дополняющий классический цивилизационный пониманием механизмов взаимосвязи и взаимодействия культурных ценностей и социальных структур, дает возможность увидеть специфику культурного компонента цивилизации и институционального строения социума в рамках целостной матрицы.

Однако, как мы показали выше, принятие значимости и взаимосвязанности ценностей и смыслов культуры с институциональными конфигурациями и структурным строением социума не означает институционального или культурного детерминизма, объективизма. Социокультурный детерминизм свойственен классическим теориям модернизации, позиционировавшим ее как исключительно и всеохватно вестернизирующий процесс. В дальнейшем эти концепции были пересмотрены в сторону плюрализации вариантов современного общества. Как пишет Ю.А. Прозорова, «асинхронность российских трансформаций модернизации на Западе и незрелый характер институтов современного общества в России явились основанием пересмотра теории модернизации и выделения моделей, описывающих особый российский опыт модернизации. Одними из ключевых проблем, объяснение которых предлагают разные версии теории модернизации, являются специфика адаптации западных институциональных моделей в российском обществе и акторы, влияющие на их модификацию и особый режим функционирования в России» [8, с. 72]. Многие из созданных на этой основе альтернативных

теоретических моделей модернизации, отмечает Прозорова, остаются редуccionистскими и сохраняют в себе элементы линейного детерминизма классического периода, так как в них «модернизационные процессы определяются либо исторически сложившимся институциональным профилем / “институциональной матрицей”, либо совокупностью культурных кодов, либо положением в капиталистической миросистеме» [8, с. 72]. Среди таких моделей, например, можно назвать концепцию этакратической цивилизации О.И. Шкаратана (Россия — азиатская по типу цивилизация, принципиально не модернизируемая по модели западных обществ, которой свойственна неизменная институциональная конфигурация); концепцию уникального культурного кода России, лежащего в основе самобытной российской цивилизации; концепцию, возникшую на основе мир-системной модели И. Валлерстайна, согласно которой цивилизационные особенности России и ее способность к модернизации определяются ее сложившейся принадлежностью к социально-экономической периферии [8]. Все эти модели в своей сущности основываются на логике линейного бинаризма, явно или неявно закрепляют противопоставление цивилизаций Запада и Востока, опираясь на известные противоположные друг другу цивилизационные характеристики.

Использование аксиологического и социокультурного подходов в диалектической перспективе дают возможность отойти от бинаризма и абстрактных противопоставлений. Одной из наиболее значимых концепций, связанных с социокультурным подходом, является теория множественных модернов Ш. Эйзенштадта. Резюмируя ее основное содержание, В.Г. Федотова отмечает: «В отличие от теорий, видящих в модернизации переход из традиционного общества в современное и показывающих сходство процедур рационализации и процессов модернизации, он (Эйзенштадт), как следующий теории осевых цивилизаций, видит общность процесса в разных странах в формировании общей цивилизации модерна, но считает процедуры осуществления этого в различных обществах далекими от возможностей канонического описания или универсализации» [10, с. 228]. При этом, несмотря на то что в конечном сче-

те цивилизация модерна в глобальном масштабе едина и обладает общностью характеристик, пути и стратегии перехода к модерну многообразны. Таким образом, в различных цивилизационно-социокультурных контекстах вхождение в цивилизацию модерна осуществляется различными путями, и начальные фазы модерна в таких контекстах существенно различаются между собой.

В понимании Ш. Эйзенштадта социокультурное развитие и своеобразие современных обществ сложнее, чем бинарно-дихотомичная схема соотношения традиционности и модерности. В реальности социокультурная традиция и составляющие ее ядро базовые ценности не составляют жесткой оппозиции внедряемым формам модерна. При этом, подчеркивает Р. Браславский, многообразие конкретных институциональных конфигураций и культурных форм модерна «не может быть отнесено всецело на счет влияния исторически сложившихся цивилизационных традиций или институциональных матриц, т.е. объяснено исключительно культурной и/или институциональной зависимостью от прошлого пути (так называемым “эффектом колеи”» [2, с. 154]. В реальности традиционные для конкретной цивилизации культурные формы взаимодействуют с современными тенденциями, адаптируясь к ним за счет изменчивости периферийных слоев культуры. Однако, по мнению Р. Браславского и В. Козловского, в развитии общества к модерну играют существенную роль цивилизационные паттерны, являющиеся специфическими «комбинациями культурных моделей и институциональных структур» [2, с. 154].

Ценности играют существенную роль в социокультурном функционировании цивилизационных паттернов. Являясь принадлежностью социокультурного ядра цивилизации, ценности поддерживают стабильность культурно-цивилизационной идентичности и полноту ее межпоколенческой трансляции, тем самым обеспечивая сохранность культуры во времени и единство общества в процессе его исторической динамики. Естественно, что в ходе своего развития, в особенности в кризисные и переломные периоды, во время социетальных трансформаций культурно-цивилизационные характеристики общества испытывают значительное дестабилизирующее влияние.

Так, в период интенсивных институциональных реформ в России — в девяностые годы прошлого века — исследователи констатировали углубление социокультурного раскола общества под влиянием того, что часть его быстро переориентировалась на ценности материальной достижительности, старательно вытеснявшиеся в советской культуре в силу ее моноидеологической ориентации. После отказа от государственной моноидеологии марксизма-ленинизма и связанного с ней идеологического прессинга значительная часть активного населения сменила ценностные ориентиры, поставив во главу иерархии ценностей потребление материальных благ и переориентировавшись на потребительскую культуру. Одновременно еще более значительная часть социума, пострадавшая от негативных последствий реформ в силу неготовности к ним, сохраняла сложившиеся ценностные ориентации, продолжая добросовестно трудиться на рабочих местах, несмотря на длительные задержки зарплат и их низкую покупательную способность. Обострение социокультурного раскола и конфликта ценностей связано и с социально-статусной поляризацией общества, ростом имущественного неравенства, демонстративным потреблением элит на фоне невысокого в целом уровня доходов населения.

Значимость социокультурного подхода в исследовании культурно-цивилизационной специфики общества и ее влияния на характер реализации модернизационных процессов определяется прежде всего тем, что именно социокультурный подход позволяет рассматривать цивилизационные ценностные константы в динамике текущих социокультурных изменений, выявлять влияние на них всей совокупности социальных и культурных факторов, действующих внутри общества и извне.

В современном социально-философском и социологическом знании сложились две взаимодополняющие, хотя и достаточно противоположные методологические парадигмы — объективизм и конструктивизм. Как уже говорилось выше, объективизм как парадигма традиционно связан с цивилизационным подходом, тяготея к рассмотрению цивилизаций в тесной связи с объективными — природными, климатическими, этногенетическими, этнокультурными, институци-

ональными — факторами. Нельзя преуменьшать значение объективных природных предпосылок, как и фактора зависимости от исторической колеи цивилизационного развития, однако объективные характеристики цивилизаций несамодостаточны в отрыве от изучения их субъективного компонента — цивилизационных идентичностей, принадлежащих к сфере субъектности. Нам представляется, что изучение цивилизационных идентичностей в динамике их диахронного становления и взаимовлияния с другими цивилизациями и культурами предполагает обращение к методологической парадигме конструктивизма, генетически восходящей к феноменологии и через нее — всё к тому же неокантианству.

В отличие от природных и иных объективных предпосылок цивилизационная идентичность конструируется. В своей основе она имеет сакральные ценности культурного ядра и архетипические символы традиционной культуры, однако эти структуры в большой степени укоренены в коллективном бессознательном и могут не выходить на уровень рефлексии, осознаваемой коллективной идентичности. Осознание идентичности требует формирования цивилизационного нарратива, базового повествования, репрезентирующего ценности и смыслы цивилизации, конструирующего ее образ для самой себя, осмысление собственной истории, культурные травмы прошлого. Цивилизационные нарративы также определяют и описывают взаимоотношения с другими цивилизациями, позиционирование «своих» и «чужих» в контексте построения собственной цивилизационной идентичности. Определенные «иные» цивилизации позиционируются при этом как актуально или потенциально далекие по своим ключевым ценностям, другие — как близкие или даже референтные, как, например, цивилизация Запада долгое время воспринималась многими россиянами в качестве референтной — более прогрессивной, обладающей рядом институциональных, социокультурных, политико-правовых преимуществ [6]. Цивилизационный нарратив обладает относительной изменчивостью под влиянием масштабных внешнеполитических событий и социокультурных изменений, может переконструироваться и переформатироваться,

включает в себя коллективные коммеморации и интерпретации культурных травм.

Выводы. Таким образом, современное социально-философское изучение цивилизационно-культурных ценностей должно опираться на значительный арсенал теоретико-методологических подходов и парадигм, взаимно дополняющих друг друга в решении различных исследовательских задач. Среди таких подходов и парадигм наиболее значимыми являются:

— цивилизационный подход (объективистская методология), дающий возможность исследовать объективные — природные, климатические, этногенетические и иные предпосылки исторического формирования цивилизационного своеобразия и характеристик;

— аксиологический подход, фиксирующий содержательную специфику смысловых жизненных ценностей, составляющих культурное ядро цивилизации;

— социокультурный подход, позволяющий рассматривать базовые смыслы и ценности цивилизации в динамике социокультурного развития, глобальных культурных влияний, процесса глобализации, сквозь призму принципа социокультурной триады, в единстве социального и культурного компонентов социума;

— конструктивистская парадигма в исследовании процессов формирования и конструирования цивилизационной идентичности как субъективного аспекта цивилизации.

Несмотря на различия этих подходов, их элементы совместимы, поскольку цивилизационная проблематика сама по себе имеет комплексный характер и не может быть редуцирована к более однозначному уровню.

Список источников

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 804 с.
2. Браславский Р., Козловский В. Цивилизационное измерение структурирования обществ // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. №1. С. 148–175.
3. Ершов В.Л. Философские основы аксиологического подхода в образовании // Вестник СВФУ. 2011. №3. С. 107–111.

4. Загирняк М.Ю. Понятие ценности у Г. Риккerta и его интерпретация в философии С.И. Гессена // Кантовский сборник. 2012. №1. С. 40–44.

5. Каспэ С.И. Назад к Шилзу: социальные науки, политическая реальность и парадокс безблагодатной харизмы // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2011. №1(60). С. 5–18.

6. Кривоусков В.В. «Русский мир» как ориентир цивилизационной идентификации и социальной интеграции россиян: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Южный федеральный университет. Ростов н/Д: ЮФУ, 2016. 38 с.

7. Лавлинский С.Г. Аксиологическая парадигма раскрытия сущности культуры // Аналитика культурологии. 2009. №14. С. 53–58.

8. Прозорова Ю.А. Концептуальные ресурсы цивилизационного анализа в изучении постсоветских трансформаций в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. №2. С. 70–87.

9. Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. №4. С. 14–34.

10. Федотова В.Г. Роль модернизации в цивилизационном проекте для России // Вопросы социальной теории. 2020. Т. 12. С. 222–236.

References

1. Ahiezer A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta [Russia: criticism of historical experience]. Vol. 1. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1997. 804 p. (In Russ.).

2. Braslavskij R., Kozlovskij V. Civilizacionnoe izmerenie struktirovaniya obshchestv [The civilizational dimension of structuring societies]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. 2021; 20(1): 148–175. (In Russ.).

3. Ershov V.L. Filosofskie osnovy aksiologicheskogo podhoda v obrazovanii [Philosophical foundations of the axiological approach in education]. *Vestnik SVFU* [Bulletin of NEFU]. 2011; (3): 107–111. (In Russ.).

4. Zagirnjak M. Ju. Ponjatie cennosti u G. Rikkerta i ego interpretacija v filosofii S.I. Gessena [The concept of value in G. Rickert and its interpretation in the philosophy of S.I. Hessen]. *Kantovskij sbornik* [Kant collection]. 2012; (1): 40–44. (In Russ.).

5. Kaspje S.I. Nazad k Shilzu: social'nye nauki, politicheskaja real'nost' i paradoks bezblagodatnoj harizmy [Back to Shils: social sciences, political reality and the paradox of graceless charisma]. *Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki* «Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz» [Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics «Politiya. Analysis. The chronicle. The forecast»]. 2011; 1(60): 5–18. (In Russ.).

6. Krivopuskov V.V. «Russkij mir» kak orientir civilizacionnoj identifikacii i social'noj integracii rossijan: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk [«The Russian world» as a landmark of civilizational identification and social integration of Russians. Ph. D. (Sociology) Thesis]. 22.00.04. Juzhnyj federal'nyj universitet. Rostov-on-Don: JuFU, 2016. 38 p. (In Russ.).

7. Lavlinskij S.G. Aksiologicheskaja paradigma raskrytija sushhnosti kul'tury [The axiological paradigm of revealing the essence of culture]. *Analitika kul'turologii* [Analysis of cultural studies]. 2009; (14): 53–58. (In Russ.).

8. Prozorova Ju. A. Konceptual'nye resursy civilizacionnogo analiza v izuchenii postsovet-skich transformacij v Rossii [Conceptual resources of civilizational analysis in the study of post-Soviet transformations in Russia]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2014; (2): 70–87. (In Russ.).

9. Rakitov A.I. Novyj podhod k vzaimosvjazi istorii, informacii i kul'tury: primer Rossii [A new approach to the relationship of history, information and culture: the example of Russia]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1994; (4): 14–34. (In Russ.).

10. Fedotova V.G. Rol' modernizacii v civilizacionnom proekte dlja Rossii [The role of modernization in the civilizational project for Russia]. *Voprosy social'noj teorii* [Questions of social theory]. 2020; (12): 222–236. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 28.01.2024; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted on 12.01.2024; approved after reviewing on 28.01.2024; accepted for publication on 14.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шаровара Кристина Артемовна — ассистент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Kristina A. Sharovara — Assistant of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья
УДК 165.745(08)
DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-185-195

АНАЛИЗ СВОБОДЫ ТВОРЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Наталья Петровна Шатохина

*Донбасская национальная академия строительства и архитектуры,
Макеевка, Россия
shatohina-85@mail.ru, ORCID: 0009-0002-8299-7336, AuthorID РИНЦ: 50994578*

Аннотация. *Цель исследования* заключается в рассмотрении феномена свободы творчества в контексте синергетического метода как междисциплинарного поля исследования, позволяющего осмыслить данное явление во всей его полноте и противоречиях.

Методологический конструкт. *Исследование феномена свободы творчества базируется на синергетическом методе. Синергетическая парадигма позволяет рассмотреть его как бифуркационный механизм, запускающий процесс самоорганизации сложных когерентных систем, задействованных в процессе созидания.*

Результаты исследования. *Синергетический метод дает возможность наиболее полно отразить процесс созидания, а именно — ситуацию выбора дальнейшего сценария создания творческого продукта. Состояние вдохновения, вынашивания произведения всегда характеризуется нестабильностью, изменчивостью, хаотичностью, тогда как итог творчества гармоничен и целостен. Рассмотрение процесса творчества и феномена свободы творчества как единого, сложносформированного целого, осуществляющего самоорганизацию произвольного структурогенеза, дает возможность обнаруживать скрытые механизмы, задействованные в творческом акте, выводит науку и культуру на новый уровень.*

Перспективы исследования *определяются тем, что синергетическая парадигма лабильна и применима к анализу самых разных природных и социальных процессов. Синергетика позволяет рассматривать любое явление как комплекс самоорганизующихся систем, способных переходить от хаотичности к упорядоченности.*

Ключевые слова: *свобода творчества, созидание, синергетика, бифуркации, самоорганизация, хаотичность, структура, целостность*

Для цитирования: *Шатохина Н.П. Анализ свободы творчества в контексте синергетической теории // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 185–195. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-185-195>.*

Original article

ANALYSIS OF CREATIVE FREEDOM IN THE CONTEXT OF SYNERGETIC THEORY

Natalia P. Shatokhina

*Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture, Makeyevka, Russia
shatohina-85@mail.ru, ORCID: 0009-0002-8299-7336, AuthorID RSCI: 50994578*

Abstract. *The purpose of the study is to consider the phenomenon of creative freedom in the context of the synergetic method as an interdisciplinary field of research that allows us to comprehend this phenomenon in its entirety and contradictions.*

A methodological construct. *The study of the phenomenon of creative freedom is based on the synergetic method. The synergetic paradigm allows us to consider it as a bifurcation mechanism that triggers the process of self-organization of complex coherent systems involved in the process of creation.*

The results of the study. *The synergetic method makes it possible to fully reflect the process of creation, namely, the situation of choosing the further scenario for creating a creative product. The state of inspiration, the bearing of a work is always characterized by instability, variability, chaotic, whereas the result of creativity is harmonious and holistic. Considering the process of creativity and the phenomenon of creative freedom as a single, complexly formed whole, carrying out self-organization of arbitrary structurogenesis, makes it possible to discover hidden mechanisms involved in the creative act, brings science and culture to a new level.*

The prospects of the research *are determined by the fact that the synergetic paradigm is labile and applicable to the analysis of a wide variety of natural and social processes. Synergetics allows us to consider any phenomenon as a complex of self-organizing systems capable of moving from randomness to orderliness.*

Keywords: *freedom of creativity, creation, synergetics, bifurcations, self-organization, randomness, structure, integrity*

For citation: *Shatokhina N. P. Analysis of creative freedom in the context of synergetic theory // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 185–195. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-185-195>.*

Введение. На сегодняшний день невозможно представить целостную научную картину мира без синергетического метода познания. Синергетика позволяет нам по-новому взглянуть на вещи, в частности раскрыть как объективные, так и субъективные факторы любого явления. Без преувеличения можно заметить, что именно синергетическая парадигма способна дать ключ к познанию феномена свободы творчества, раскрыть его во всей его противоречивости и полноте. Р. А. Браже смело заявляет о том, что: «...творения гениальных мастеров кажутся человеку непосвященному неожиданными, вну-

шенными свыше и потому совершенными. Синергетика позволяет исследовать и этот феномен, рассматривая опережающее время творчество как моделирование трансцендентной реальности, взгляд в запредельные миры, в инобытие» [5, с. 186].

Синергетическое видение мира обнаруживает нелинейность везде: как во внутреннем мире человека, так и во внешнем, противостоящем ему мире. Нелинейность — свойство не только живой материи, это свойство и материального, и духовного вообще, необходимое условие сущего. Состояние нестабильности приводит к иннова-

циям, отмиранию всего предшествующего и возникновению качественно нового. Неустойчивость, приводящая к гармонии, иному порядку и иной организации дает иногда просто новый результат, а иногда (если речь идет о духовном мире личности) задействует творческие импульсы преобразования бытия. С одной стороны, теория самоорганизации систем как будто открывает новые грани свободы личности, ее осознанного выбора, а с другой стороны — подталкивает нас к мысли о предрешенности всех структурных оснований бытия, онтологической безысходности, природной необходимости, которая сама диктует нам направление в точке бифуркации, подводит нас именно к такому решению проблемного вопроса.

В последнее время появилась тенденция называть человека носителем разумной самоорганизации, свободной силой, реализующей свою энергию в универсум. Однако, как часто в реальности мы делаем свой выбор, не в силах объяснить его причины и даже абсолютно не зная их. «В конце концов, процесс рассмотрения альтернатив и выбор в пользу одной из них сами подлежат оценкам. Но если, к примеру, акт выбора описывается как добровольный, тогда в свете сделанных предположений он был бы, в свою очередь, результатом предыдущего выбора решения выбирать, а тот — результатом еще более раннего выбора выбирать выбор» [14, с. 76]. Похоже, что мы сталкиваемся с дурной бесконечностью. Свобода уже не является синонимом гармонии и истины, она может символизировать деконструктивизм, хаос, разобщенность. Это объясняется тем, что в философии возникли новые теории, согласно которым диссонанс уже не воспринимается как нечто негативное и разрушающее. Из хаоса рождаются структура и порядок, следовательно, и свобода творчества может быть порождением диссонанса, превратившегося в нечто цельное и завершенное. Именно поэтому представляется значительно важным исследовать связь между понятиями свободы созидания и деструктивизма через призму современной социальной реальности.

По аналогии с наделением термина «свобода» позитивным значением термин «деструктивизм» порождает абсолютно иной ассоциативный ряд в сознании. Он ассоции-

руется с разрушительной силой, импульсом, негативно воздействующим как на духовную, так и на материальную сферы. Страсть к созиданию проявляется наоборот — как вызов всей вселенской гармонии, как инстинктивное бессознательное желание смерти. Деструкция ломает структуру, расщепляет элементы и разбирает на части, не соединяя их в дальнейшем. Она есть враг любой упорядоченности, разрушитель законов и предписаний, жизненных норм. Деструкция как изнанка созидания также преследует определенную цель: если не разрушить полностью, то хотя бы создать видимость разрушения, полного диссонанса, дисгармонии. Деструкция намеренно разбивает конструктивность, но это не происходит стихийно. С позиции синергетической концепции феномен свободы творчества предстает как первоинтенциональная основа бытия, проявляющая себя в бифуркационной точке выбора системы.

Многоальтернативность бифуркационного выбора является главным доказательством существования свободы и возможностью прогнозировать будущее. «Наконец, знания о том, какую точку бифуркации нам предстоит пройти, на какие ветви мы можем попасть, и каков “коридор возможностей”, могут оказаться полезными всем людям, которым небезразлично будущее. Если бы такие проекты позволили хотя бы несколько уменьшить влияние одного из самых опасных мифов массового сознания по имени “Иного не дано”, то и это было бы исключительно важно [10, с. 41]. Любая сложноорганизованная система осуществляет выбор самостоятельно, и он непредсказуем. Именно в этом заключается произвольность принятия решения, от которого зависит дальнейшее развитие системы. То, что мы не можем логически обосновать причины выбора, еще не значит, что он полностью спонтанен. Изучение феномена свободы творчества не требует обоснования своей актуальности. Однако, в современной картине мира отношение к свободе созидания нуждается в глобальном переосмыслении и, соответственно, инновационном, продуктивном подходе, который совмещал бы в себе классическую парадигму и оригинальность.

Методологическая специфика синергетического подхода. Синергетическая

концепция охватывает всё большие научные пласты исследования, в некоторой мере являясь стандартным методом осмысления реальности, подходящим для описания самых разных проблем бытия. Проблема свободы творчества в этом смысле не является исключением. Синергетический метод позволяет рассмотреть свободу созидания как явление, априорно заложенное в основе всех жизненных процессов, невидимую силу, побуждающую все элементы систем к перестройке, созданию нового.

Феномен свободы творчества находит своё яркое выражение в точке бифуркации, когда система стоит перед выбором дальнейшей линии развития. В связи с этим синергетический подход представляется наиболее целесообразным при качественном анализе данного вопроса. Следует заметить, что рассматриваемая проблема мало изучена как в европейской, так и в отечественной философии. Наиболее близкими к исследуемой тематике можно считать работы В. Аршинова, В. Васильковой, В. Войцехович, Г. Кисилёва, Н. Моисеева, И. Пригожина, Ю. Сачкова, Е. Седова, Н. Урманцева, Э. Янча. Но, как уже отмечалось выше, все они не раскрывают в полной мере практическую составляющую синергетического подхода в рассмотрении феномена свободы творчества.

Современная наука с очевидностью доказывает, что создание нового всегда проходит единый путь: от хаоса и нелинейности к порядку и гармонии. Из множества вероятных вариантов система самостоятельно выбирает один путь развития, приводящий к перестройке всех элементов. «Особенно интересно отметить, что независимо от соотношений неопределенности, существуют макроскопические системы, в которых существенную роль играют флуктуации и вероятностное описание» [12, с. 139]. Однако, до сих пор остаётся неизвестным, какой именно принцип лежит в основе этих преобразований, что заставляет элементы самых разных систем стремиться к оригинальному результату.

Идеи теории самоорганизации предваряют новую философскую эпоху, даже несмотря на то, что порождают множество нерешенных вопросов. Резонно определить: стоит ли применять синергетический подход в отношении такого важнейшего для человечества

феномена, как свобода созидания. От решения этой проблемы зависят вопросы религии, этики, жизни и смерти. Скептики запросто могут усмотреть в самом использовании такого новаторского подхода к проблеме свободы созидания проявление некой антигуманной деятельности, механистического метода. Но не стоит торопиться вешать «ярлыки». Синергетический подход объективен по всем параметрам, и его можно считать действенным, как в сфере природознания, так и в сфере общественной жизни.

Синергетическая концепция, как это ни парадоксально, наиболее гуманистична из всех других, хотя бы по той причине, что ставит человека во главу строения мироздания, поскольку именно человеческое сознание, человеческое созидание признаются наиболее показательными в плане самоорганизации. Сегодня принято выделять отдельную область синергетического знания — социосинергетику, так называемую синергетику с человеческим лицом. Она может применяться или прилагаться к самым разным явлениям природы и общественной жизни. Это своего рода позитивная эвристика, эксперимент с реальностью, попытка переинтерпретировать события с позиции теории самоорганизации. Синергетика сейчас порождает новую реальность, по-новому представляет картину мира.

Синергетический метод, каким он предстает изначально в рамках термодинамики и физики, уже не может удовлетворять растущий интерес к теории самоорганизации как идее коэволюции сложных систем. Синергетический метод может быть приложен к явлениям человеческой культуры, к раскрытию тайны творчества и феномена творческой свободы в частности.

Сейчас нельзя опрометчиво утверждать, что синергетическая теория познания встает на опасный путь редукционизма, прибегая к механистическому описанию сложнейших психических и духовных процессов. Изменилось само содержание понятия «редукционизм». Теперь оно уже не носит негативный смысл, поскольку не исчерпывается описанием простых структурных образований природы. Теперь редукционизм базируется на создании абстрактных моделей, отражающих свойства сложноорганизованных систем, имеющих нелинейную динамику.

Обращение к социосинергетике далеко не случайно. Это попытка увидеть мир по-другому, вызванная ускоренным темпом жизни и глобальными процессами преобразования Вселенной. И.Н. Колядко отмечает: «...сегодня можно уже говорить о том, что сложившаяся в рамках теории самоорганизации социосинергетика и соответствующая методология описания социальных феноменов (в том числе и феномена кризиса) являются одной из перспективных стратегий исследования обществ в периоды социокультурных трансформаций» [11, с. 83]. Синергетика уже охватывает такие явления, как изображение исторических событий, прогнозирование будущего, составление карт описания познавательных процессов личности, культурные инновации, гуманитарные знания. То есть синергетическая парадигма на сегодняшний день описывает все явления реальности и может быть применима к объяснению сложнейшей из всех существующих организаций — человеческой психике.

Трудно поискать наиболее яркий пример создания нового из неожиданных комбинаций, чем процесс творчества и его продукт. И в таком варианте свобода проявляет себя как возможность альтернативного выбора, поливариантность действий. Синергетика вполне способна быть применимой в рассмотрении любых онтологических универсальных категорий, выходить за грани общедоступных знаний.

Новый диалог человека с окружающим миром влечет за собой новое понимание своего места в нем, а также возможностей собственного разума. Творческая свобода вообще — наглядный пример возникновения гармонии из хаоса, способности автора создавать конструктивное из разрозненного и несимметричного. Емкое определение творчеству дает С. А. Ганаба: «Творить — это значит уметь объединять и создавать новые конфигурации не только из неизвестных элементов, но и из известных, преодолевая их стереотипное единство и производя хаос, с которого и создается новое единство» [8, с. 22]. В произведении творчества прежде всего привлекает красота: красота выражения идеи, красота формы, красота подобранных средств, красота целостности. Но это совсем не говорит о том, что творческая красота рож-

дается исключительно из жажды разрушения прежнего, скорее, автором руководит желание собрать воедино отдельные фрагменты и создать нечто исключительное.

В блуждании по многообразию поливариантных путей проектирования будущего, при выборе только одного режима организации, только одного финала перестраивания элементов возникает иллюзия того, что автор безусловно руководит ситуацией, управляет будущим, отсюда и выводы о неограниченной творческой свободе художников, обретаемой ими в процессе созидания. Творец исконно тот, кто и сам творим, государством, другими людьми, обществом, средой обитания. Он строит себя не от себя, а от Другого. И это лишь внешняя сторона ситуации. На творческий выбор, как будет обосновано далее в процессе данного исследования, влияют и подсознательные образы, и интуитивные прозрения, и совсем необъяснимые внешние воздействия, «диктующие» условия творческого процесса или предвосхищающие его результат полностью.

Свобода — достаточно сложное понятие вообще, содержащее противоречия даже в своём определении. Свободу можно понимать по-разному. В своем труде «Царство Духа и царство Кесаря» Н. Бердяев утверждает: «Свобода как выбор и свобода как творческий акт есть основное различие свобод» [4, с. 327]. Но принцип свободного творческого становления, выбора составляет стержень синергетической парадигмы осмысления мира. Теория самоорганизации даёт возможность взглянуть на проблему свободы творчества с существенно иной позиции — как на универсальный механизм, управляющий абсолютно всеми процессами, где есть право альтернативного выбора.

Синергетическая теория призывает современного человека к поиску универсального гармоничного начала вселенских преобразований, которое обладает неограниченной свободой. Задача человечества — вписаться в самовозрождающуюся структуру мира, стать её гармоничным элементом, а не активным перестройщиком. Перестраивать можно, но только с помощью созидательной функции, неся творческий позитив, а не разрушение.

Свободный выбор, с позиции синергетики, начинается в точке бифуркации. Когда

выбор чётко определен, начинают возникать волновые колебания, диссипации. Они ведут к хаотическому диссонансу, преобразованиям в системе. Далее организация системы приобретает новые свойства, и уже можно с уверенностью говорить о новом этапе её развития.

Во многих современных изданиях, в которых рассматриваются проблемы синергетики, принято подчеркивать, что теория самоорганизации оптимистична, приводит нас к пониманию принципов эволюционирования мира, законов создания новых структур. Одновременно с этим указывается и то, что принцип осуществления выбора неясен, но главное — хаос предшествует гармонии и образуются новые системы. По меньшей мере странно называть оптимистичным неразгаданное и неизученное, поскольку именно точка бифуркации и является ключевой в образовании всей последующей структуры. По сути, происходит теоретическое блуждание в мире нереализованных возможностей и поливариантных путей будущего. В этой связи некоторые исследователи, в том числе и К. Х. Делокаров, призывают к самокритике недостающих звеньев в теории самоорганизации: «И поскольку синергетическое видение реальности “разрешает” интуитивное достраивание бытия, характер такой достройки может иметь самостоятельный интерес» [9, с. 122]. Однако, такое пренебрежение объективностью может оказаться сродни додумыванию конца сказки, который давно сочинен и просто незнаком нам в своем первоизданном виде.

Человеческое сознание в полной мере является результатом бифуркаций: будущее неопределенно, хаотично, воля играет определяющую роль в его становлении. Ни один из нас не может взять под контроль ни одну из сфер бытия. Традиционное классическое мышление с его линейностью и последовательностью показало свою несостоятельность. Оно уже не удовлетворяет прогрессивную науку, холодный детерминизм разбивается о бесконечность причудливых разнообразных форм. С этой точки зрения, синергетика более перспективна, чем формальная логика, она обходит точные, категорические утверждения, односторонние решения проблемных задач.

Велика и роль случайности в синергетической парадигме. С. Курдюмов и Е. Князева

так характеризуют этот процесс: «Нелинейное мышление, вводимое синергетикой, — это готовность к появлению нового, к выбору из альтернатив, к неожиданному разрастанию незначительных флуктуаций в макроструктуру, а также понимание возможности ускорения темпов развития, инициирования процессов быстрого, нелинейного роста» [12, с. 21]. Но именно учёт ситуативного вероятностного фактора позволяет уйти от причинно-следственных связей, которые не оставляют места для новых перспектив развития.

Трудно представить человека, которого всерьёз не интересовала бы проблема свободы творчества. В каком аспекте и в какой форме он бы её не рассматривал и не представлял, так или иначе человек стремится к постижению границ проявления своего «Я». Ему во что бы то ни стало нужно знать, насколько широко простирается поле его созидания, над чем устанавливается контроль и главное — справедлив ли он. В решении вопроса личностной свободы часто доминирует этический аспект. Человек не свободен перед обществом, на нем постоянно лежит социальное вето, внутренний мир преломляется через запреты и нормы. Как во внешних, так и во внутренних проявлениях мы не можем возвыситься над традиционностью общественного уклада, вызвать наружу свои природные силы и устремления. Возможно, именно поэтому в истории философской мысли свободу так часто относили в область недостижимого, утопического.

Ответ на вопрос, существует ли свобода творчества вообще как онтологический феномен или её нужно представлять как универсальное понятие, как раз и даёт синергетическая концепция. Метод самоорганизации наглядно демонстрирует, что источники свободы созидания заложены в самом фундаменте любой как простой, так и сложной системы. Они соединяют человека не только с миром природы, но и со всем универсумом вообще. Свобода творчества в синергетическом контексте не просто реальна, а контингентна. Для объяснения этого понятия обратимся к В. Аршинову: «Контингентность — это то, что случилось, что имеет место; случилось, однако таким образом, что сам вопрос о необходимости или случайности случившегося неуместен» [1, с. 102]. Свобода созидания

контингентна, а не случайна, её следует принимать как фактическую данность активного системного выбора.

Свободу творчества привычно связывают с человеком, поскольку она заложена в его сознании априорно, как внутренняя природа, активность. «Наша жизнь складывается из поступков свободы и несвободы. Но мы не можем додумать до конца понятие человека, не придя к *свободному духу* как чистейшему выражению человеческой природы. Ибо мы поистине люди лишь постольку, поскольку мы свободны» [16, с. 134]. Синергетический метод обосновывает личностный выбор и указывает на тесную взаимосвязь системы человека с другими внешними системами. Нестабильность мира, в котором мы живём, заставляет выбирать из множества вариантов, искать новые решения. Хаос порождает инновации, неустойчивость, творческие импульсы, неопределенность, новые позиции и установки. Это касается как физических законов, так и духовных исканий.

Современная картина мира ярко демонстрирует все недостатки вмешательства человека в естественные процессы обновления биосферы. Экологический и демографический кризис — всего лишь следствия этого вмешательства, нарушающего всеобщую гармонию. Смерть ассоциируется с конечностью, точкой, финалом и потому противостоит свободе творчества, которая, как уже говорилось, заключена в самой жизни. С.М. Сулейман в форме вопроса отражает это вечное противоречие: «Как жить в мире, осознавая бренность своего существования? Как познать бесконечное конечными средствами познания?» [15, с. 7]. Свобода творчества бросает вызов ограниченности человеческого существования. Но каким именно способом можно обрести эту свободу или хотя бы приблизиться к ней, каждый решает по-своему.

На своём жизненном пути человек преодолевает множество точек бифуркации, выбирает множество раз, следует разными путями. Он сам приходит или не приходит к *своей* свободе, иногда даже не подозревая о том, что последняя никогда не выходит из области идеального. Поиск субъективной свободы заранее обречён на провал, тогда как сосуществование сознания с творческой свободой —

объективная реальность. Самоорганизация присутствует как внутри человека, так и вне его, и свобода творчества — её неотъемлемая составляющая.

Человек не есть точка вращения вселенских сфер, он — самая сложная из всех существующих систем. Однако, несмотря на свою уникальность, каждая личность только составляет остов мироздания, но не меняет его суть. В этом постоянстве проглядывается некая обреченность и беспомощность, но такое впечатление неверно. Человек — воплощение разумнейшей самоорганизации, в нем заключены радость и полнота созидания, и поэтому ему не чужда энергия преобразований. Эксперименты природы неисповедимы, никто не может предугадать их последствий, и лишь синергетическая концепция позволяет приоткрыть завесу вселенского таинства.

Человеческая деятельность — в некоторой степени потенция развивающегося хаотичного вектора. Будущее и в нашей власти, если мы утвердимся в мире не как обыватели, а как творцы, свободные в своих авторских замыслах. Самое главное — это не переступить границу дозволенного, не нарушить гармоничное соотношение порядка и хаоса. Оно определяет детерминированность мироздания, где огромная роль отводится также случайности. В. Баранов пишет: «Системные, сверхиндивидуальные качества появляются в совокупности элементов не из потусторонних сфер, но и не из самих этих элементов — там их заведомо нет. Они появляются из специфики *взаимодействия* элементов, из характера их взаимосвязей» [2, с. 100]. Сознание человека неопределенно, только волевое усилие приводит его к структуре, упорядоченности.

Спонтанность порождает новое, и от человеческого сознания можно проследить переход к общественным, историческим явлениям, где неопределенность выступает в роли источника всех преобразований. Свобода системы проявляется в свободе выбора пути развития, и именно этот переломный момент точки бифуркации остаётся загадкой для науки.

Довольно сложно определить, что именно заставляет систему прийти к определенной линии целенаправленных преобразований, поскольку началу флуктуаций предшествует кропотливый отбор оптимального варианта

развития. Так, то, что для нас остаётся случайностью, спонтанным выбором — обоснованное решение для системы. Делая выбор, человек, как правило, соотносит в мышлении все возможные варианты, и даже когда ему самому кажется, что он совершил выбор спонтанно, решение продиктовано бессознательным. Синергетика вообще основывается на непреложности нелинейного эволюционирования во Вселенной. Выбор многоальтернативен, но механизмы его осуществления скрыты. В творческом волеии данный принцип проявляется наиболее ярко. Автор видит перед собой бесчисленное множество вариантов реализации идеи, но по непонятным для себя причинам безоговорочно выбирает только одну из них.

Результаты. Картина мира складывается из сплошных парадоксов: организация проявляется через хаос, случайность оказывается необходимостью, свобода априорно заложена в фундаменте любой системы. Нелинейное мышление — открытое креативное мышление, позволяющее нам взглянуть на мир по-иному, переосмыслить то, что складывалось веками. В. Василькова замечает: «В синергетическом описании возникает новый образ мира — мир открыт и сложно-организован, он не “ставший”, а “становящийся”, непрерывно возникающий и изменяющийся» [7, с. 21].

Человечество «привыкло» рационально мыслить, и особенно ярко это проявляется сейчас, в эпоху сухого прагматизма. Внутренний мир личности остаётся закрытым для неё самой, он перестал интересовать науку, искусство, тогда как именно постижение внутреннего мира человека и остается самой главной проблемой бытия, вечной загадкой. Невозможно постигнуть тайну Вселенной, не постигнув тайну человеческой души. Синергетическая поливариантная модель мира противостоит однозначности, рациональности в осмыслении человеческого «Я», его уникальной палитры чувств, эмоций, переживаний.

Сегодняшний день навязывает свою философию, свою систему ценностей; человек не свободен ни в одном своём решении, ни в одном действии. Все они, как правило, продиктованы достижением материальной выгоды, престижа, массового одобрения.

Чисто человеческие ценности, радости общения, не просто отошли на второй план, но уже были объявлены «старомодными». На публику делаются заявления о неограниченной индивидуальной свободе самовыражения личности, а на деле каждый из нас замкнут в тесные рамки общественных стереотипов.

Свобода творчества сейчас — скорее, умение нестандартно мыслить и преподнести свои идеи в оригинальной форме. Самовыражение, точно так же, как и свобода мысли, неограниченно. Единственным условным препятствием на пути к реализации своих замыслов является вероятность невольного плагиата, поскольку богатейшая информация о мире, расширенный доступ к ней и круглосуточное пользование делают доступными любые материалы, содержащие креативные идеи. Количественный фактор влияет на качество, создать что-то неповторимое и уникальное становится все сложнее.

Теория самоорганизации представляет креативность как явление вселенского масштаба, как свойство, присущее материи вообще, причем материи не только разумной по нашим человеческим представлениям. Все в природном и неприродном мире самообновляется и самоорганизуется по общему принципу. Как отмечает в своей статье «Методология и принципы синергетики» В.Г. Буданов, «... на каждом уровне системы сосуществуют представления, идеалы, категории “хаоса” и “вечности” как атрибутов присутствия, дыхания соседних микро и мегауровней, как принцип открытости системы, принадлежности ее к иерархической цепи мироздания. Это древние архетипы, жившие в человеческой культуре всегда» [6, с. 161]. Развивая данную мысль, можно добавить, что это принцип обновления и новообразования, без которого немислимо продолжение жизни.

Синергетическая парадигма позволяет человечеству уяснить, что стремление к созиданию заложено в самой структуре мира и в каждом индивидуальном творческом акте; меняются только его оттенки, но не сама концепция. Согласно этому, оригинальность не выступает главной целью творчества, она, по своей сути, немислива в мире, где все совершается по одному сценарию, как и немислива полная творческая свобода, покуда не осмыслен базис бифуркационной

вариативности. Автор изначально ограничен бытийной предопределенностью, но он полностью свободен в акте практического воплощения идеи. Не стоит гнаться за нестандартностью. Гораздо важнее полнота выражения содержания.

Синергетическая концепция дает нам право на надежду. Не стоит искать свободу за пределами внутреннего континуума, не стоит также подвергать себя жесткой саморефлексии, чтобы познать глубокое разочарование, как это было в экзистенциализме. Нужно просто понять, что внутренний дисбаланс, хаотичность, так органично уживающиеся с порядком и структурированностью, позволяют нам, пусть и неосознанно, осуществлять выбор из множества, самовыражаться путем непрерывного обновления всех земных процессов, достигать творческих высот.

Хаос давно уже не воспринимается как нечто негативное и дезинтегрирующее. Уже не актуально утверждение Р. Баранцева: «В современном массовом представлении хаос — беспорядочное, бесформенное, неопределённое состояние вещей, так что антитезой хаосу обычно является порядок, причём хаос — это бесструктурность, неустойчивость, стихийность; порядок — это структурность, устойчивость, организованность. Отчётливо напрашивается вывод, что хаос — это плохо, а порядок — это хорошо» [3, с. 97]. Хаос приводит нас к новой структуре, новая структура — к новому уровню гармонии и новому пониманию феномена творческой свободы. Свобода, которую нам представляет теория самоорганизации, присутствует вне нас и незримо связывает все сущее единым неразрывным законом. Впервые, не прибегая к ложным доказательствам, мы убеждаемся, что свобода разумна, априорно рациональна и самосозидательна.

Выводы. Можно прийти к осознанию того, что именно синергетическая парадигма позволяет наиболее близко подойти к разгадке феномена свободы созидания. Самоорганизация систем любого уровня говорит об очевидности взаимосвязи между всеми сферами бытия. Свобода творчества не нуждается в поиске и доказательстве своего существования, она заложена в самой основе бытия и проявляет себя в бифуркационной точке выбора раз-

вития системы. Переосмысление проблемы свободы творчества дает возможность преодолеть глобальные кризисы современной эпохи духовно-нравственного регресса.

В современной науке бытует мнение, что синергетический метод при рассмотрении явлений духовного порядка неизбежно приводит нас к редукционизму, обесценивает процесс творчества, самый священный из всех таинств человеческого разума, сводит волевой выбор личности к примитивизму и механистическому описанию. Однако пора признать, что мозг — тоже механизм, каким бы сложноорганизованным он ни был, и процесс творчества — его высшее проявление, процесс свободного созидания, в целом протекает по тому же сценарию, что мы каждодневно наблюдаем во всех природных и социальных явлениях. Именно по этой причине обращение к синергетической парадигме представляется наиболее актуальным и своевременным в данном временном контексте.

Список источников

1. Аршинов В.И. Трансгуманизм в перспективе эволюции сложности // *Философские науки*. 2013. №8. С. 11–24.
2. Баранов В.Е. Система и личность // *Философия и общество*. 2008. №2. С. 99–106.
3. Баранцев Р.В. Имманентные проблемы синергетики // *Вопросы философии*. 2002. №9. С. 91–99.
4. Бердяев Н. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 358 с.
5. Браже Р.А. Синергетика и творчество: Учебное пособие. Ульяновск: УЛГТУ, 2002. 204 с.
6. Буданов В.Г. Методология и принципы синергетики // *Философия образования*. 2006. №1(3). С. 143–172.
7. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. Синергетика и теория социальной самоорганизации // *Мир культуры, истории и философии*. СПб.: Лань, 1999. 480 с.
8. Ганаба С.А. Феномен творчества: путь от хаоса к гармонии // *Социосфера*. 2013. №4. С. 18–24.
9. Делокаров К.Х. Рационализм и социосинергетика // *Общественные науки и современность*. 1997. №1. С. 117–124.

10. Капица С.П. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 288 с.

11. Колядко И.Н. Социальный кризис как предмет социосинергетической интерпретации // Философия и социальные науки. 2016. №4. С. 82–86.

12. Князева Е.Н. Синергетика: начала нелинейного мышления / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Общественные науки и современность. 1993. №2. С. 39–51.

13. Пригожин И.Р. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках // Синергетика: от прошлого к будущему. М.: КомКнига, 2006. 296 с.

14. Райл Г. Понятие сознания / Под ред. В. Филатова. М.: Пресс, 2000. 129 с.

15. Сулейман С.М. В поисках смысла жизни. Баку: Тэбиб, 2010. 284 с.

16. Штайнер Р. Истина и наука. Философия свободы / Пер. с нем. Б. Григорова. К.: Деметра, 2007. 440 с.

References

1. Arshinov V.I. Transgumanizm v perspektive jevoljucii slozhnosti [Transhumanism in the perspective of the evolution of complexity]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. 2013; (8): 11–24. (In Russ.).

2. Baranov V.E. Sistema i lichnost' [System and personality]. *Filosofija i obshhestvo* [Philosophy and society]. 2008; (2): 99–106. (In Russ.).

3. Barancev R.V. Immanentnye problemy sinergetiki [Immanent problems of synergetics]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2002; (9): 91–99. (In Russ.).

4. Berdjaev N. Carstvo Duha i carstvo Kesarja [The Kingdom of the Spirit and the kingdom of Caesar]. Moscow: Respublika, 1995. 358 p. (In Russ.).

5. Brazhe R.A. Sinergetika i tvorchestvo: Uchebnoe posobie [Synergetics and creativity: A study guide]. Ul'janovsk: ULGTU, 2002. 204 p. (In Russ.).

6. Budanov V.G. Metodologija i principy sinergetiki [Methodology and principles of synergetics]. *Filosofija obrazovanija* [Philosophy of education]. 2006; 1(3): 143–172. (In Russ.).

7. Vasil'kova V.V. Porjadok i haos v razvitii social'nyh sistem. Sinergetika i teorija social'noj

samoorganizacii [Order and chaos in the development of social systems. Synergetics and theory of social self-organization]. *Mir kul'tury, istorii i filosofii* [The world of culture, history and philosophy]. Saint Peretsburg: Lan', 1999. 480 p. (In Russ.).

8. Ganaba S.A. Fenomen tvorchestva: put' ot haosa k garmonii [The phenomenon of creativity: the path from chaos to harmony]. *Sociosfera* [Sociosphere]. 2013; (4): 18–24. (In Russ.).

9. Delokarov K.H. Racionalizm i sociosinergetika [Rationalism and sociosynergetics]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity]. 1997; (1): 117–124. (In Russ.).

10. Kapica S.P. Sinergetika i prognozy budushhego [Synergetics and forecasts of the future]. S.P. Kapica, S.P. Kurdjumov, G.G. Malineckij. Moscow: Jeditorial URSS, 2001. 288 p. (In Russ.).

11. Koljadko I.N. Social'nyj krizis kak predmet sociosinergeticheskoy interpretacii [Social crisis as a subject of sociosynergetic interpretation]. *Filosofija i social'nye nauki* [Philosophy and social sciences]. 2016; (4): 82–86. (In Russ.).

12. Knjazeva E.N. Sinergetika: nachala nelinejnogo myshlenija [Synergetics: the beginnings of nonlinear thinking]. E.N. Knjazeva, S.P. Kurdjumov. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity]. 1993; (2): 39–51. (In Russ.).

13. Prigozhin I.R. Ot sushhestvujushhego k vznikajushhemu. Vremja i slozhnost' v fizicheskikh naukah [From existing to emerging. Time and complexity in the physical sciences]. *Sinergetika: ot proshlogo k budushhemu* [Synergetics: from the past to the future]. Moscow: KomKniga, 2006. 296 p. (In Russ.).

14. Rajl G. Ponjatie soznaniija [The concept of consciousness]. Pod red. V. Filatova [In V. Filatov (eds.)]. Moscow: Press, 2000. 129 p. (In Russ.).

15. Sulejman S.M. V poiskah smysla zhizni [In search of the meaning of life]. Baku: Tjebib, 2010. 284 p. (In Russ.).

16. Shtajner R. Istina i nauka. Filosofija svobody [Truth and science. Philosophy of Freedom]. Per. s nem. B. Grigorova. Kiev: Demetra, 2007. 440 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 11.01.2024; одобрена после рецензирования 28.01.2024; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted on 11.01.2024; approved after reviewing on 28.01.2024; accepted for publication on 14.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шатохина Наталья Петровна — кандидат философских наук, доцент кафедры «История и философия» Донбасской национальной академии строительства и архитектуры (ДонНАСА).

Россия, г. Макеевка, ул. Державина, 2

Natalia P. Shatokhina — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture (DonNACEA).

2 Derzhavina str., Makeyevka, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ ACTUAL PROBLEMS OF SCIENCE AND EDUCATION

Научная статья

УДК 330.3, 338.28

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-196-204

МОДЕЛЬ КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ ПУБЛИКАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ УЧЕНОГО В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

Инна Ивановна Сальникова

**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
s-inna79@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8945-592X,
AuthorID РИНЦ: 1068839, SPIN-код: 6089-4864**

Аннотация. В настоящее время публикационная культура играет важную роль в формировании науки, культуры и общества в целом. В то же время оценка ее качества и влияния представляет собой сложную задачу, требующую разработки новых моделей, инструментов и подходов.

Цель статьи — предложить построение математической модели, позволяющей комплексно оценить публикационную культуру ученого в научном сообществе на основе совокупности различных показателей. Именно модель комплексной оценки публикационной культуры становится необходимым инструментом для анализа и сравнения различных источников информации.

Методологией исследования является математическая модель комплексной оценки публикационной культуры ученых, основывающаяся на интеграции нескольких ключевых показателей, учитывающих различные аспекты ее развития и влияния.

Результатами работы стало выполнение актуальной и перспективной задачи — построение математической модели комплексной оценки публикационной культуры научных сообществ, что позволяет более точно оценить вклад научных изданий в развитие науки и общества в целом.

Перспективой исследования является использование данной математической модели комплексной оценки публикационной культуры для выявления лидеров и активных фигур в научном сообществе и определения приоритетных направлений и трендов в публикационной активности. Это будет способствовать развитию публикационной культуры и повышению качества научной информации, а главное — принятию обоснованных решений в научной политике и планировании научных исследований.

Ключевые слова: математическая модель, комплексная оценка, единичные показатели, публикационная культура ученого, сравнительный анализ

Для цитирования: Сальникова И.И. Модель комплексной оценки публикационной культуры ученого в современном научном сообществе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 196–204. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-196-204>.

Original article

A MODEL FOR A COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF A SCIENTIST'S PUBLICATION CULTURE IN THE MODERN SCIENTIFIC COMMUNITY

Inna I. Salnikova

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
s-inna79@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8945-592X,
AuthorID RSCI: 1068839, SPIN-code: 6089-4864*

Abstract. *Currently, publication culture plays an important role in shaping science, culture and society as a whole. At the same time, assessing its quality and impact is a complex task that requires the development of new models, tools and approaches.*

The purpose of the article *is to propose the construction of a mathematical model that allows a comprehensive assessment of the publication culture of a scientist in the scientific community based on a combination of various indicators. It is the model of a comprehensive assessment of publication culture that becomes a necessary tool for analyzing and comparing various sources of information.*

The methodology of the research *is a mathematical model for a comprehensive assessment of the publication culture of scientists, based on the integration of several key indicators that take into account various aspects of its development and influence.*

The results of the work *have become an urgent and promising task to build a mathematical model for a comprehensive assessment of the publication culture of scientific communities, which makes it possible to more accurately assess the contribution of scientific publications to the development of science and society as a whole.*

The perspective of the research *is to use this mathematical model of a comprehensive assessment of publication culture to identify leaders and active figures in the scientific community and identify priority areas and trends in publication activity. This will contribute to the development of a publication culture and improve the quality of scientific information, and most importantly, make informed decisions in scientific policy and research planning.*

Keywords: *mathematical model, comprehensive assessment, single indicators, publication culture of a scientist, comparative analysis*

For citation: *Salnikova I. I. A model for a comprehensive assessment of a scientist's publication culture in the modern scientific community // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 196–204. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-196-204>.*

Введение. В современном информационном обществе понятие «публикационная культура» появилось сравнительно недавно [13]. Были определены главные составляющие этого термина: публикационная активность и публикационный этос. В свою очередь каждая из этих составляющих включает в себя свои количественные и качественные показатели, которые являются

современными критериями оценки качества публикационно-издательской сферы в обществе:

— публикационная активность — количество публикаций, количество цитирований публикации, индекс Хирша, импакт-фактор журнала, количество скачиваний;

— публикационный этос — норма морали, эрудиция, уровень образования, прина-

длежность к научной школе, сфера интересов автора.

Учитывая то, что с каждым годом ужесточаются критерии оценивания ученых-исследователей, можно сказать, что показатель публикационной культуры становится показателем уровня компетентности и соответствия высокому профессионализму¹.

В связи с этим возникает проблема корректного оценивания такого показателя, как публикационная культура ученого или научного сообщества в целом.

Вопросами оценки одного из критериев публикационной культуры — публикационной активности — занимались такие ученые-исследователи, как А.С. Козицын, С.А. Афонин, Д.А. Шачнев, А.Л. Большеров, В.Н. Бабанов, В.Н. Хомяков, В.С. Голубев, Н.А. Зорин, Л. Колледж, К. Джеймс [1; 2; 4; 5; 6; 7]. Но используемые ими модели не дают возможности увидеть реальной картины относительно качества публикационной деятельности ученых, а лишь позволяют оценить степень влияния указанного фактора на показатели, основанные на учете количества и цитируемости научных публикаций.

Создание модели комплексной оценки публикационной культуры требует обширного аналитического исследования различных источников информации, проведения сравнительного анализа и разработки системы взаимосвязанных показателей. Ее применение позволит улучшить качество предоставляемой информации, повысить степень доверия к публикациям и предотвратить распространение недостоверных или неточных данных.

Таким образом, модель комплексной оценки публикационной культуры является важнейшим инструментом для понимания и оценки качества информации, а также для принятия обоснованных решений на основе надежных и достоверных источников. Ее разработка и использование будет способствовать развитию научно-исследовательской среды и формированию интеллектуального развитого общества.

Исследование основных показателей публикационной культуры. Основной целью создания модели комплексной оценки публикационной культуры является определение критериев и показателей, которые позволят провести объективную оценку публикаций и определить их научную, информационную и моральную ценность. Такая модель должна учитывать разнообразные аспекты публикационной культуры, включая качество научного исследования, актуальность темы, применимость и достоверность данных, методологическую обоснованность и степень этичности.

В нашем случае будет представлен инновационный инструмент для проведения комплексной оценки публикационной культуры научного сообщества. Модель комплексной оценки публикационной культуры основывается на анализе и объективном учете десяти ключевых показателей, которые, на наш взгляд, представляют собой важные аспекты публикационной деятельности ученых-исследователей.

Первым показателем в модели является количество публикаций, которое оценивает общую продуктивность публикационной активности в составе публикационной культуры.

Второй показатель — это количество цитирований публикации, показывающее значимость и полезность статьи для научного сообщества.

Третий показатель — индекс Хирша — анализирует продуктивность и влияние ученых-исследователей.

Четвертый показатель — импакт-фактор журнала — важный критерий для научных изданий, где публикуется статья. Он используется для оценки и ранжирования научных журналов по их значимости и авторитетности в научном сообществе.

Пятый показатель — количество скачиваний — это ключевой показатель, отражающий степень популярности и успеха публикации.

Шестой показатель — норма морали — это показатель нравственного сознания, совести и порядочности автора публикации.

1 Borja A. Six things to do before writing your manuscript. In this new series — «How to Prepare a Manuscript for International Journals» — a seasoned editor gives advice to boost your chances of acceptance [Electronic resource]// Elsevier Connect. Posted on 12 May 2014. URL: <https://www.elsevier.com/connect/six-things-to-do-before-writing-your-manuscript>.

Седьмой показатель — эрудиция — одно из самых ценных качеств, которыми обладает человек. Для автора это не просто показатель образованности, но и глубокое понимание и широта мышления.

Восьмой показатель — уровень образования — показатель, который не только влияет на карьерный рост и достижение успеха, но и развивает способности, формирует ценности и мировоззрение.

Девятый показатель — принадлежность к научной школе — показатель, влияющий на научный авторитет и статус ученого в научном сообществе. Он дает возможность доступа к актуальным исследованиям, современным методикам и передовому опыту в выбранной научной области.

Десятый показатель — сфера интересов автора — показатель, дающий представление о теме и области науки, в которой автор проводит исследования.

В рамках модели комплексной оценки публикационной культуры можно выделить две категории показателей. Первая категория связана с академическими аспектами, включающими научную новизну, оригинальность и значимость исследования, а также основательность аргументации и наличие методологического обоснования. Вторая же категория показателей основана на этических аспектах публикационного процесса. Среди них можно выявить наличие конфликта интересов, этическую оценку методов исследования, отношение к защите данных и конфиденциальности, а также соблюдение принципов научной этики и справедливости.

Модель комплексной оценки публикационной культуры представляет уникальную возможность объективно оценить критерии данного объекта и принять решения дальнейшего развития публикационной деятельности научного сообщества.

Методика расчета весомости единичных показателей. Идея использования комплексных критериев для численной оценки сложно измеряемых процессов, включая основные характеристики, представленные вер-

бальными показателями, вызывает различные возражения. В частности, Н. О. Лосский² в своей книге «История русской философии» высказывает мнение, что «... живая действительность настолько многогранна и полна внутренних противоречий, что попытка заменить их однозначной зависимостью принципиально обречена на неудачу». Однако сам процесс построения комплексной оценки делает это утверждение неправомерным. Различия в размерности единичных показателей публикационной культуры и опасность перекрытия низких значений одних показателей высокими значениями других также являются важными факторами.

Использование обобщенных критериев позволяет учесть несколько единичных показателей одновременно, что является главным преимуществом комплексной оценки по сравнению с использованием только единичных характеристик. Однако это также вызывает основные возражения. Самое серьезное из них заключается в том, что обобщенный критерий лишен физического смысла и представляет собой формальное понятие.

На наш взгляд, физический смысл комплексной оценки заключается в ее способности количественно оценивать степень приближения оценочного критерия к некоторому эталону. Важно понимать, что любая модель предполагает определенные упрощения реальности, поэтому любое приближение может содержать погрешность и не отражает все характеристики изучаемого процесса.

Исследователь пишет: «...человеческое понятие причины и следствия всегда несколько упрощает объективную связь явления природы, лишь приблизительно отражая ее, искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового процесса»³. А это означает, что через упрощения модель позволяет выявить характерные черты явления с целью его познания. С этой точки зрения, обобщенная оценка является вполне правомерной, если она охватывает значимые стороны процессов, хотя и не все.

Оппоненты часто противопоставляют комплексной оценке дифференциальный ме-

2 Лосский Н. О. История русской философии [Электронный ресурс]. Пер. с англ. М.: Советский писатель, 1991. 480 с. URL: [Istoriya russkoi filosofii.pdf](https://www.yandex.ru/library/docu?id=100bestbooks.ru/files/Lenin_Materializm_i_empiriokrititsizm.pdf) — Яндекс Документы (yandex.ru).

3 Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм [Электронный ресурс]. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 159–160. URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Lenin_Materializm_i_empiriokrititsizm.pdf?ysclid=lr402oj9yo245064080.

тод, который также позволяет судить о показателе публикационной культуры.

Но стоит сказать, что комплексный показатель становится незаменимым при выборе наилучшего значения в условиях одновременной оценки объекта по ряду значимых показателей. Он может быть инструментом решения задачи оптимальности. Единичные показатели, входящие в комплексный, могут ранжироваться по важности, которая количественно характеризуется их весомостью. Таким образом, комплексный показатель является функцией от единичных показателей и их весомостей [9]:

$$K = f(x_i, \alpha_i), \quad (1)$$

где x_i — значение i -го показателя, $i = 1, \dots, n$; α_i — весомость i -го показателя.

Весомость показателя является количественной оценкой его значимости среди других показателей. Величина весомости зависит от шкалы измерений и указывает на место выбранного единичного показателя по отношению к другим [9]:

$$\sum_{i=1}^n \alpha_i = \text{const}; \quad (2)$$

где α_i — весомость i -го показателя, $i = 1, \dots, n$; n — число единичных показателей.

Если все единичные показатели имеют разную размерность, то следует преобразовать их в безразмерный показатель x_i , который является частью функции (1).

Важность вида функции (1) определяется общими требованиями к обобщенному критерию.

Каждый из единичных показателей, включенных в обобщенный критерий, имеет свой диапазон варьирования. Пределы значений единичных показателей всегда можно вычислить аналитически или выбрать на основе практических соображений.

Для создания математической модели необходимо правильно выбрать набор локальных критериев и правильно оценить их весовое значение. Важность этой задачи привела к развитию математической теории важности критериев [10], которая составляет одно из направлений теории принятия решений [3]. Основой для определения весовых значений критериев является пра-

вильная ранжировка критериев по степени их важности [8].

Сравнивая критерии, можно получить линейный или частично-линейный порядок их ранжирования [12]. Эти два варианта ранжирования критериев $K_i = 1, \dots, n$, по степени их важности, когда критерий K_1 является наиболее важным, могут быть представлены соответственно в виде (3) и (4):

$$K_1 > K_2 > K_3 > K_4 > K_5 > K_6 > K_7 > \dots > K_n \quad (3)$$

$$K_1 > K_2 > K_3 > K_4 > K_5 > K_6 > K_7 > \dots > K_n, \quad (4)$$

где n — количество критериев, отобранных для сравнения вариантов.

При частично-линейном порядке ранжирования критериев могут возникать критерии с одинаковой степенью важности, например, в (4) это критерии K_2 и K_3 , а также критерии K_5 и K_6 . Критерии с одинаковой степенью важности обычно называются связанными и также имеют одинаковую весомость.

С использованием данных, полученных в результате анкетного опроса и метода сравнения критериев, можно рассчитать весовые значения показателей публикационной культуры в следующем порядке [11; 12]:

— создать квадратную матрицу попарного сравнения критериев размером n и заполнить ее коэффициентами k_{ij} , где $i = 1, \dots, n, j = 1, \dots, n$, которые показывают предпочтение критерия K_i по отношению к критерию K_j ;

— вычислить значения важности каждого критерия k_i с помощью формулы (5), где $i = 1, \dots, n$:

$$k_i = \sum_{j=1}^n k_{ij}; \quad (5)$$

— вычислить общее значение важности всех критериев k_c по формуле (6):

$$k_c = \sum_{i=1}^n k_i; \quad (6)$$

— вычислить весовые значения критериев α_i по формуле (7), где $i = 1, \dots, n$:

$$\alpha_i = \frac{k_i}{k_c}; \quad (7)$$

— проверить, что критерии нормированы, используя формулу (8):

$$\sum_{i=1}^n \alpha_i = 1. \quad (8)$$

Методика расчета комплексного показателя⁴. Для построения модели комплексной оценки публикационной культуры научного сообщества рекомендуется использовать метод экспертного опроса для выбора показателей. Анкетный опрос поможет определить номенклатуру показателей публикационной культуры и выделить основные единичные показатели, которые включаются в обобщенный критерий.

Существует множество методик расчета комплексного показателя. Для оценки публикационной культуры рекомендуется использовать методику расчета среднего взвешенного арифметического, так как все показате-

ли номенклатуры являются желательными, то есть их увеличение приводит к повышению полезного эффекта.

При построении комплексной модели, следуем нижеприведенному алгоритму.

1. Выделите объект исследования — научные сообщества, публикационную культуру которых нужно оценить.

2. Сформируйте номенклатуру единичных показателей.

3. Расставьте показатели в иерархическом порядке значимости, приведя наиболее значимые в первую строку.

4. Определите желательность или нежелательность каждого показателя.

Таблица 1
Table 1

Номенклатура показателей и их значения для проведения комплексной оценки
The nomenclature of indicators and their values for conducting a comprehensive assessment

№	Единичные показатели	Желательность показателя	Весовые значения, α_i	НС ₁	НС ₂	...	НС _n
1	Количество публикаций, K_1	ж	α_1	x_{11}	x_{12}	...	x_{1n}
2	Количество цитирований, K_2	ж	α_2	x_{21}	x_{22}	...	x_{2n}
3	Индекс Хирша, K_3	ж	α_3	x_{31}	x_{32}	...	x_{3n}
4	Импакт-фактор журнала, K_4	ж	α_4	x_{41}	x_{42}	...	x_{4n}
5	Количество скачиваний, K_5	ж	α_5	x_{51}	x_{52}	...	x_{5n}
6	Нормы морали, K_6	ж	α_6	x_{61}	x_{62}	...	x_{6n}
7	Эрудиция, K_7	ж	α_7	x_{71}	x_{72}	...	x_{7n}
8	Образование, K_8	ж	α_8	x_{81}	x_{82}	...	x_{8n}
9	Принадлежность к научной школе, K_9	ж	α_9	x_{91}	x_{92}	...	x_{9n}
10	Сфера интересов автора, K_{10}	ж	α_{10}	x_{101}	x_{102}	...	x_{10n}
Комплексный показатель, KO				KO_1	KO_2	...	KO_n

⁴ Расчет комплексного показателя качества продукции [Электронный ресурс] // Авторская платформа Pandia.ru. URL: <https://pandia.ru/text/81/009/60582.php?ysclid=lr44hkjqnd80372589>.

5. Определите весовые значения единичных показателей, придерживаясь правила, что их сумма должна быть равна 1.

6. Сформируйте математическую модель для расчета комплексной оценки с помощью формулы (9), где x_i — значение i -го показателя, $i = 1, \dots, n$:

$$KO = \sum_{i=1}^n \alpha_i x_i. \quad (9)$$

Научное сообщество, имеющее максимальное значение K , считают обладающим более высоким качеством такого показателя, как публикационная культура, по сравнению с аналогичными сообществами.

Результаты исследования научных сообществ (НС) могут быть представлены в таблице с полученными значениями (табл. 1).

Для сравнения комплексных показателей публикационной культуры научных сообществ и выявления наилучшего используются данные, полученные в результате анкетирования и предоставленных отчетов публикационной деятельности того или иного научного сообщества. Количественные показатели активности ученых в области публикаций и цитирований, качественные показатели этики научных публикаций, которые выбраны для расчета комплексного показателя публикационной культуры ученых различных научных сообществ дают возможность оценить исследовательскую активность членов научного сообщества, выделяя важные акценты в зависимости от области проведения исследований.

Заключение. Построение математической модели комплексной оценки публикационной культуры представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий учета большого количества параметров и проведения интердисциплинарного анализа. Анализ данных о качестве публикаций и их влиянии на общественное мнение может позволить лучше понять, какие факторы определяют успешность публикации, и использовать эту информацию для повышения качества и релевантности публикаций. Благодаря такой модели, будет возможно более обосновано оценивать и сравнивать публикационную культуру различных научных сообществ и стран, а также предлагать меры для ее

улучшения. Это позволит содействовать развитию науки и культуры, а также проведению рейтингов страны в международных научных сообществах.

Таким образом, используя предлагаемую математическую модель для вычисления обобщенного показателя, можно производить сравнительный анализ публикационной культуры сотрудников вуза или любого другого научного сообщества, количественно выражая научные результаты одним числом, и не использовать значения каждого отдельного показателя.

Список источников

1. Бабанов В.Н., Хомяков В.Н. Многофакторные модели оценки качества статей и публикационной активности авторов // Научные исследования и разработки. Экономика. 2019. Т. 7. №5. С. 53–59, DOI: https://doi.org/10.12737/article_5dada379bde606.76180136.
2. Большеротов А.Л. Современная наукометрия и методика её совершенствования // Вестник Дагестанского государственного технического университета. Технические науки. 2021. №48(4). С. 81–89. DOI: <https://doi.org/10.21822/2073-6185-2021-48-4-81-89>.
3. Броневиц А.Г., Розенберг И.Н. Применение моделей неточных вероятностей в математической теории важности критериев // Автоматика и телемеханика. 2017. №8. С. 127–144.
4. Голубев В.С. Критерии качества научной работы // История и современность. 2012. Вып. 2. С. 178–182.
5. Зорин Н.А. Оценка качества научных публикаций // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2011. №3. С. 71–76.
6. Козицын А.С., Афонин С.А., Шачнев Д.А. Метод оценки показателей публикационной активности // Научный сервис в сети Интернет: труды XXV Всероссийской научной конференции (18–21 сентября 2023 г., онлайн). М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2023. С. 248–256. DOI: <https://doi.org/10.20948/abrau-2023-1>.
7. Колледж Л., Джеймс К. «Корзина метрик» — лучшее средство для оценки авторитета журнала // Научный редактор и издатель. 2016. Т. 1. №1-4. С. 25–31.

8. Мендель А.В. Модели принятия решений: учеб. пособие. М.: Юнити-Дана, 2010. 463 с.
9. Напхоненко Н.В. Исследование вопросов эффективности и качества перевозок овощей автомобильным транспортом: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 1984. 199 с.
10. Подиновский В.В., Потапов М.А., Нелюбин А.П., Подиновская О.В. Теория важности критериев: современное состояние и направления дальнейшего ее развития [Электронный ресурс] // XII Всероссийское совещание по проблемам управления ВСПУ-2014 (Москва, 16–19 июня 2014 г.). С. 7697–7702. URL: <https://studylib.ru/doc/2685355/teoriya-vazhnosti-kriteriev>.
11. Постников В.М., Спиридонов С.Б. Выбор весовых коэффициентов локальных критериев на основе принципа арифметической прогрессии // Наука и образование: научное издание МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2015. №9. С. 237–249. DOI: 10.7463/0915.0802449.
12. Постников В.М., Спиридонов С.Б. Методы выбора весовых коэффициентов локальных критериев // Наука и образование: научное издание МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2015. №6. С. 267–287. DOI: 10.7463/0615.0780334.
13. Сальникова И.И. Публикационная культура современного ученого: постановка проблемы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. №1. С. 267–273. DOI: <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-267-273>.
14. Спиридонов С.Б., Булатова И.Г., Постников В.М. Анализ подходов к выбору весовых коэффициентов критериев методом парного сравнения критериев [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. Т. 9. №6. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/16TVN617.pdf>.
- 5(5): 53–59, DOI: https://doi.org/10.12737/article_5dada379bde606.76180136. (In Russ.).
2. Bol'sherotov A.L. Sovremennaja naukometrija i metodika ejo sovershenstvovanija [Modern scientometry and methods of its improvement]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Tehničeskije nauki* [Bulletin of the Dagestan State Technical University. Technical sciences]. 2021; 48(4): 81–89. DOI: <https://doi.org/10.21822/2073-6185-2021-48-4-81-89>. (In Russ.).
3. Bronevich A.G., Rozenberg I.N. Prime-nenie modelej netochnyh verojatnostej v matematicheskoj teorii vazhnosti kriteriev [Application of models of inaccurate probabilities in the mathematical theory of the importance of criteria]. *Avtomatika i telemekhanika* [Automation and telemechanics]. 2017; (8): 127–144. (In Russ.).
4. Golubev V.S. Kriterii kachestva nauchnoj raboty [Criteria for the quality of scientific work]. *Istorija i sovremennost'* [History and modernity]. 2012; (2): 178–182. (In Russ.).
5. Zorin N.A. Ocenka kachestva nauchnyh publikacij [Evaluation of the quality of scientific publications]. *Medicinskie tehnologii. Ocenka i vybor* [Medical technologies. Evaluation and selection]. 2011; (3): 71–76. (In Russ.).
6. Kozicyn A.S., Afonin S.A., Shachnev D.A. Metod ocenki pokazatelej publikacionnoj aktivnosti [Method of evaluating indicators of publication activity]. *Nauchnyj servis v seti Internet: trudy XXV Vserossijskoj nauchnoj konferencii (18–21 sentjabrja 2023 g., onlajn)* [Scientific service on the Internet: proceedings of the XXV All-Russian Scientific Conference (September 18–21, 2023, online)]. Moscow: IPM im. M.V. Keldysha, 2023. Pp. 248–256. DOI: <https://doi.org/10.20948/abrau-2023-1>. (In Russ.).
7. Kolledzh L., Dzhejms K. «Korzina metrik» — luchshee sredstvo dlja ocenki avtoriteta zhurnala [The «Basket of metrics» is the best tool for assessing the authority of the journal]. *Nauchnyj redaktor i izdatel'* [Scientific editor and publisher]. 2016; 1(1-4): 25–31. (In Russ.).
8. Mendel' A.V. Modeli prinjatija reshenij: ucheb. posobie [Models of decision-making: the studies manual]. — Moscow: Juniti-Dana, 2010. 463 p. (In Russ.).
9. Naphonenko N. V. Issledovanie voprosov jeffektivnosti i kachestva perevozok ovoshhej avtomobil'nym transportom: dis. ... kand. je-kon. nauk [Research on the efficiency and qual-

References

1. Babanov V.N., Homjakov V.N. Mnogofaktornye modeli ocenki kachestva statej i publikacionnoj aktivnosti avtorov [Multifactorial models for evaluating the quality of articles and the publication activity of authors]. *Nauchnye issledovanija i razrabotki. Jekonomika* [Scientific research and development. Economy]. 2019;

ity of transportation of vegetables by road. Ph. D. Economy diss.] 08.00.05. Moscow, 1984. 199 p. (In Russ.).

10. Podinovskij V.V., Potapov M.A., Neljubin A.P., Podinovskaja O.V. Teorija vazhnosti kriteriev: sovremennoe sostojanie i napravlenija dal'nejshogo ee razvitiya [Theory of the importance of criteria: the current state and directions of its further development] [Elektronnyj resurs]. XII Vserossijskoe soveshhanie po problemam upravlenija VSPU-2014 (Moskva, 16–19 ijunya 2014 g.) [XII All-Russian Meeting on management problems of VSPU-2014 (Moscow, June 16–19, 2014)]. Pp. 7697–7702. URL: <https://studylib.ru/doc/2685355/teoriya-vazhnosti-kriteriev>. (In Russ.).

11. Postnikov V.M., Spiridonov S.B. Vybor vesovyh koeficientov lokal'nyh kriteriev na osnove principa arifmeticheskoy progressii [The choice of weight coefficients of local criteria based on the principle of arithmetic progression]. *Nauka i obrazovanie: nauchnoe izdanie MGTU im. N. Je. Baumana* [Science and education: scientific edition of Bauman Moscow State Technical University]. 2015; (9): 237–249. DOI: 10.7463/0915.0802449. (In Russ.).

12. Postnikov V.M., Spiridonov S.B. Metody vybora vesovyh koeficientov lokal'nyh kri-

teriev [Methods of selecting weight coefficients of local criteria]. *Nauka i obrazovanie: nauchnoe izdanie MGTU im. N. Je. Baumana* [Science and education: scientific edition of Bauman Moscow State Technical University]. 2015; (6): 267–287. DOI: 10.7463/0615.0780334. (In Russ.).

13. Sal'nikova I.I. Publikacionnaja kul'tura sovremennogo uchenogo: postanovka problemy [Publication culture of a modern scientist: problem statement]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic sciences]. 2023; 16(1): 267–273. DOI: <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-267-273>. (In Russ.).

14. Spiridonov S.B., Bulatova I.G., Postnikov V.M. Analiz podhodu k vyboru vesovyh koeficientov kriteriev metodom parnogo sravnenija kriteriev [Analysis of approaches to the selection of weight coefficients of criteria by the method of paired comparison of criteria] [Elektronnyj resurs]. *Internet-zhurnal «Naukovedenie»* [The online journal «Science Studies»]. 2017; 9 (6). URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/16TVN617.pdf>. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.12.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted on 28.12.2023; approved after reviewing on 18.01.2024; accepted for publication on 14.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сальникова Инна Ивановна — старший преподаватель кафедры «Производственный и инновационный менеджмент», аспирант кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Inna I. Salnikova — Senior Lecturer of the Department of Production and Innovation Management, Postgraduate Student of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 371

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-205-212

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГОВ

*Юлия Геннадьевна Тищенко¹, Наталья Юрьевна Ковалева²,
Ирина Александровна Тищенко³✉*

¹*Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия*

^{2,3}*Шахтинский автодорожный институт (филиал),
Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Шахты, Россия*

¹*yuliatiss@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5948-0692*

²*roberto81@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8296-6404, WoS Research ID: ABG-6111-2020*

³*lingvan@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-1147-7245,
WoS Research ID: ABG-6573-2020, Scopus ID: 57222245489*

Аннотация. *Цель исследования* состоит в выделении социально-психологических особенностей процесса педагогического общения, оказывающих существенное влияние на характер его протекания и эффективность, а также в разработке теоретического курса, направленного на формирование у преподавателей определенных знаний в области социальной педагогической психологии.

Методологическая база исследования: интерпретация процесса обучения как процесса педагогического общения субъектов — обучающего и обучающихся; трактовка педагогического общения как частного случая общения; основные положения теории речевой деятельности А. А. Леонтьева.

Результаты исследования: выделены социально-психологические особенности процесса педагогического общения, учет которых необходим при его (процесса) конструировании; разработан теоретический курс направленной коррекции коммуникативной деятельности педагогов.

Перспективы исследования: разработка практического курса направленной коррекции непродуктивных навыков коммуникативного взаимодействия у практикующих педагогов.

Ключевые слова: педагогическое общение субъектов образовательного процесса, речевое взаимодействие педагога и обучающихся

Для цитирования: Тищенко Ю.Г., Ковалева Н.Ю., Тищенко И.А. Социально-психологические аспекты коммуникативной деятельности педагогов // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 205–212. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-205-212>.

Original article

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF TEACHERS' COMMUNICATIVE ACTIVITY

Yulia G. Tishchenko¹, Natalya Yu. Kovaleva², Irina A. Tishchenko³✉

¹Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia
Shakhty Road Institute (branch),

^{2,3}Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Shakhty, Russia

¹yuliatiss@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5948-0692

²roberto81@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8296-6404, WoS Research ID: ABG-6111-2020

³lingvan@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-1147-7245,

WoS Research ID: ABG-6573-2020, Scopus ID: 57222245489

Abstract. *The purpose of the research is to identify the socio-psychological features of the process of pedagogical communication, which have a significant impact on the nature of its course and effectiveness; to develop a theoretical course aimed at developing certain knowledge among teachers in the field of social pedagogical psychology.*

The methodological basis of the research is the interpretation of the learning process as a process of pedagogical communication between subjects — the teacher and the students; the interpretation of pedagogical communication as a special case of communication; the main provisions of the theory of speech activity by A. A. Leontiev.

Results of the research: *socio-psychological features of the process of pedagogical communication, the consideration of which is necessary in its (process) design, were identified; a theoretical course of directed correction of teachers' communicative activity was developed.*

Prospects for research: *development of a practical course of directed correction of unproductive skills of communicative interaction in practising teachers.*

Keywords: *pedagogical communication of the subjects of the educational process, speech interaction between the teacher and students*

For citation: *Tishchenko Yu. G., Kovaleva N. Yu., Tishchenko I. A. Socio-psychological aspects of teachers' communicative activity // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 205–212. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-205-212>.*

Введение. Проблема повышения качества профессиональной подготовки специалистов в высшей школе является одной из наиболее актуальных. Ее разработка осуществляется в нескольких направлениях, одно из них — организация и реализация эффективного педагогического общения субъектов в рамках образовательного процесса.

Интерес к проблеме эффективного педагогического общения возник, безусловно, неслучайно: современная педагогическая практика свидетельствует о том, что часть преподавателей высшей школы испытывают значительные затруднения в формировании

определенной системы знаний у студентов, организации и управлении их учебно-познавательной деятельностью, в достижении исковых целей обучения.

Обсуждение. Результаты прикладных исследований, выполненных в русле данного направления (В. А. Кан-Калик [5], И. А. Тищенко [12; 13], Н. П. Фетискин [15] и др.), позволили установить, что основными причинами низкой результативности педагогической деятельности являются незнание преподавателями специфики педагогического общения, в частности его социально-психологических

аспектов, недостаточный уровень владения ими педагогической коммуникативной техникой и как следствие — неумение педагога правильно организовать и умело реализовать целостный процесс коммуникативного взаимодействия с обучающимися. Названные недостатки встречаются в основном в практической деятельности либо начинающих педагогов, либо преподавателей, не имеющих соответствующей психолого-педагогической подготовки.

В современном научном дискурсе процесс обучения трактуется как учебно-педагогическое взаимодействие субъектов (педагога и обучающихся), коммуникативное взаимодействие которых, в сущности, и является процессом передачи социального и профессионального опыта, определенных культурных ценностей, процессом воспитания (в широком смысле этого слова). Процесс обучения как коммуникативное взаимодействие субъектов реализуется посредством их речевой деятельности и осуществляется в специфической форме педагогического общения.

Следует отметить, что качество и эффективность процесса педагогического общения зависят прежде всего от педагога, уровня его педагогического мастерства и коммуникативной культуры в целом, поскольку именно педагог является руководителем этого процесса, организует его и управляет им. В профессиональной педагогической деятельности незнание преподавателем основ педагогического общения, его специфики, недооценка им его (педагогического общения) роли и значимости приводит к деформации сферы профессионально-педагогического общения, низкой результативности как ученической, так и педагогической деятельности.

Педагогическому общению как специфической форме общения присущи основные черты и характеристики последнего. Так, будучи формой взаимодействия субъектов, педагогическое общение включает следующие компоненты: коммуникативный, интерактивный и перцептивный [1]. Каждый из названных компонентов в условиях учебно-воспитательного процесса приобретает свои специфические особенности.

Так, перцептивный аспект педагогического общения означает процесс восприятия, взаимного познания педагогом и обучае-

ми друг друга и установление на этой основе взаимопонимания. Первичное восприятие преподавателем и обучающимися друг друга (физического облика человека, его вербального и невербального поведения) существенно влияет на все последующие взаимоотношения субъектов. Первичная информация о партнере может в дальнейшем трансформироваться, но первое впечатление надолго остается преобладающим, поэтому при подготовке к учебному занятию педагог должен положительно настроиться на предстоящий процесс педагогического общения, найти те первые правильные слова, реплики, фразы, которые помогут создать психологически благоприятную атмосферу учебного занятия, установить контакт, положительные взаимоотношения между участниками этого процесса. Перцептивный аспект педагогического общения очень важен, поскольку представление о другом человеке формирует в дальнейшем определенную установку по отношению к нему, определяет эмоциональное и познавательное отношение к данному человеку, характер диалога с ним, то есть выступает в качестве регулятора поведения во взаимодействии с этим человеком.

Одной из наиболее распространенных ошибок начинающих преподавателей является недооценка значимости социальной перцепции в организации целостного и эффективного процесса педагогического общения [12]. Процесс познания субъектами педагогического общения друг друга, установления контакта, педагогически целесообразных взаимоотношений между ними должен осуществляться на основе учета возрастных и индивидуально-психологических возможностей и особенностей обучаемых, собственных особенностей и возможностей педагога. Следует подчеркнуть, что особенности личности педагога, его индивидуально-психологические и профессиональные качества оказывают существенное влияние на характер педагогического общения, стиль последнего. Лишь выстраиваемый с учетом вышеуказанных особенностей педагогический процесс может быть эффективным.

Второй компонент процесса педагогического общения — коммуникативный — включает систему, приемы и навыки речевого взаимодействия педагога и обучающихся,

содержанием которого (компонента) являются обмен информацией, активизация учебно-познавательной, творческой, речемыслительной деятельности обучающихся, оказание на них учебно-воспитательного воздействия, а также организация и развитие целесообразных межличностных взаимоотношений.

Начинающие преподаватели при подготовке к учебному занятию основное внимание акцентируют на информационном аспекте данного компонента, то есть на отборе и конструировании учебной информации, подлежащей передаче и усвоению студентами. При этом языковое оформление речевого высказывания педагога, отбор языковых и речевых средств для организации внимания и деятельности обучаемых совершенно упускается из вида. Вместе с тем к речи педагога предъявляются особенно высокие требования: она «...должна отличаться ясностью, логичностью, доходчивостью, образностью, убедительностью, ..., то есть обладать определенными качествами, которые можно разделить на две группы» [12, с. 26].

К первой группе относят те качества речи, которые делают ее правильной с точки зрения фонетики, грамматики, стилистики и т.д. Вторая группа содержит те характеристики речи, благодаря которым она без искажений доносит до сознания обучающихся мысли педагога и оказывает на них (обучающихся) нужное воздействие. К таким качествам речи относятся: ясность, содержательность, логичность, последовательность, убедительность, выразительность, эмоциональность, то есть те качества речи, благодаря которым педагог способен включить обучающихся в сознательный творческий процесс освоения знаний, управлять их мыслительной деятельностью, вызывать у них ответное сопереживание, изменять взгляды, поведение, отношения учащихся в нужном направлении.

Недопустимо, если речь педагога изобилует словесными штампами, вводными словами, жаргонизмами. Результаты многочисленных прикладных исследований в области психолингвистики свидетельствуют о том, что процент частотных словосочетаний, речевых штампов тем выше, чем менее полно спланирован смысл высказывания, то есть слабое предвосхищение смысла собственной речи отдаст говорящего во власть шаблон-

ных словосочетаний, так называемых «канцеляритов». Следовательно, степень полноты планирования смысла высказывания (или готовности мыслительного намерения) к моменту речи выступает одним из важнейших факторов, влияющих на результативность речевой деятельности, эффективность процесса педагогического общения в целом [2; 3; 4; 7; 8; 10; 11].

Искусство владения словом — «...одно из важнейших требований к деятельности педагога, поскольку его речь является не только одним из основных, неотъемлемых компонентов профессионально-педагогической деятельности, но и основным средством реализации последней» [12, с. 35].

Третий социально-психологический аспект педагогического общения — интерактивный — заключается в организации, регулировании и коррекции коммуникативного взаимодействия субъектов: преподавателя и обучающихся — их вербального и невербального поведения.

Для организации и реализации целостного и эффективного процесса педагогического общения необходимы учет возрастных и индивидуально-психологических особенностей и возможностей обучаемых, учет педагогом собственных особенностей и возможностей, а также условий конкретной ситуации коммуникативного взаимодействия субъектов, то есть умение педагога своевременно реагировать и корректировать актуальные условия педагогического процесса. Педагог должен уметь предусмотреть не только возможные отклонения от намеченного плана, но и найти способы перекомпозиции плана своих действий, поскольку эффективность процесса вербального взаимодействия в значительной мере зависит от того, насколько чутко преподаватель к малейшим изменениям коммуникативной структуры учебного занятия, насколько гибко и умело управляет он процессом речевого общения, постоянно соотнося избранный метод воздействия с особенностями конкретной ситуации общения [6; 9; 14; 15].

Все вышеперечисленные стороны педагогического общения неразрывно связаны друг с другом и выступают в единстве в реальном акте непосредственного общения, что обеспечивает эффективность учебно-воспитательного процесса в целом.

Обычно процесс повседневного общения протекает легко, без особых усилий со стороны общающихся. В целенаправленной учебно-воспитательной деятельности общение вызывает определенные трудности, связанные прежде всего с неумением педагога организовать и реализовать целостный и эффективный процесс педагогического общения вследствие отсутствия у него соответствующей психолого-педагогической подготовки. Названные причины вполне устранимы, для этого необходима целенаправленная подготовка преподавателей в области социальной педагогической психологии и коррекция их коммуникативной деятельности.

Исходя из вышеизложенного, нами разработан теоретический курс «Основы профессионально-педагогического общения», нацеленный на вооружение преподавателей необходимыми психолого-педагогическими знаниями, развитие у них коммуникативной культуры в целом. Данный курс рассчитан на 28 часов лекционных занятий и включает в себя следующие разделы и темы.

Раздел I. Обучение как педагогическое общение субъектов образовательного процесса

1. Коммуникативный уровень реализации процесса учебно-педагогического взаимодействия субъектов (2 часа).

2. Педагогическое общение как сущностная характеристика коммуникативного взаимодействия педагога и обучающихся (4 часа).

3. Роль педагога в процессе педагогического общения (4 часа).

Раздел II. Особенности коммуникативной деятельности педагога

1. Коммуникативная деятельность педагога как форма и уровень реализации его профессиональной деятельности (2 часа).

2. Профессиональное мастерство в области педагогической коммуникативной деятельности (4 часа).

3. Критерии эффективности педагогической коммуникативной деятельности (2 часа).

Раздел III. Речевое общение субъектов образовательного процесса

1. Факторы успешности речевой деятельности педагога (2 часа).

2. Вербальное взаимодействие субъектов образовательного процесса, факторы его эффективности (4 часа).

3. Конструирование педагогом процесса речевого взаимодействия с обучаемыми (4 часа).

Теоретический материал представлен в форме лекционного курса, в содержание которого введены проблемные беседы, мини-диспуты с целью более глубокого осмысления отдельных теоретических положений, тех или иных сторон изучаемого явления. Нами разработаны теоретическая модель и технология конструирования педагогом процесса коммуникативного взаимодействия с обучаемыми, которые (модель и технология) применяются при изучении тем №2, 3 раздела III [13].

Теоретический курс должен быть дополнен практической частью — психолого-педагогическим практикумом, направленным на коррекцию коммуникативной деятельности преподавателей.

Заключение. В заключение следует отметить, что в рамках исследования проблемы совершенствования профессиональной деятельности педагога разработанный нами теоретический курс экспериментально проверен: полученные положительные результаты свидетельствуют о целесообразности его применения в процессе психолого-педагогической подготовки преподавателей непедагогических вузов [12].

Список источников

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник. 5-е изд. М.: Аспект Пресс, 2014. 363 с.
2. Андриевская В.В. О планировании смысла высказывания // Сборник тезисов: Общение как предмет теоретических и прикладных исследований / Под ред. А.А. Бодалева. Л.: [б. и.], 1973. С. 6–7.
3. Бадмаев Б.Ц., Малышев А.А. Психология обучения речевому мастерству. М.: Владос, 1999. 224 с.
4. Зимняя И.А. Воздейственность выступления лектора. М.: [б. и.], 1975. 44 с.
5. Кан-Калик В.А. Учителю о педагогическом общении. М.: Просвещение, 1987. 190 с.
6. Кан-Калик В.А. Педагогическое творчество. М.: Педагогика, 1990. 144 с.
7. Кохтев Н.Н. Основы ораторской речи. М.: Изд-во МГУ, 1992. 238 с.

8. Леонтьев А. А. Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. 367 с.

9. Леонтьев А. А. Психология общения. 2-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 1997. 240 с.

10. Малышев А. А. Психология и бизнес: умение убедительно воздействовать речью. Ужгород: Патент, 1994. 88 с.

11. Сопер П. Основы искусства речи. М.: Прогресс; Прогресс-академия, 1995. 416 с.

12. Тищенко И. А. Теоретические основы моделирования коммуникативного взаимодействия субъектов в условиях профессиональной педагогической деятельности: монография / Южно-Российский государственный технический ун-т. Новочеркасск: ЮРГТУ, 2007. 121 с.

13. Тищенко И. А. Возможности направленной коррекции коммуникативной деятельности преподавателей технического вуза // В мире научных открытий. 2010. №4(10). Ч. 4. С. 191–194.

14. Учителю о педагогической технике / Под ред. Л. И. Рувинского. М.: Педагогика, 1987. 160 с.

15. Фетискин Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: учебное пособие / Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Саратов: Вузовское образование, 2014. 390 с.

References

1. Andreeva G. M. Social'naja psihologija: uchebnik. 5-e izd. [Social psychology: textbook. 5th ed.]. Moscow: Aspekt Press, 2014. 363 p. (In Russ.).

2. Andrievskaja V. V. O planirovanii smysla vyskazyvanija [On planning the meaning of a statement]. Sbornik tezisev: Obshhenie kak predmet teoreticheskikh i prikladnykh issledovanij [Collection of theses: Communication as a subject of theoretical and applied research]. Pod red. A. A. Bodaleva [In A. A. Bodaleva (eds.)]. Leningrad: [b. i.], 1973. Pp. 6–7. (In Russ.).

3. Badmaev B. C., Malyshev A. A. Psihologija obuchenija rechevomu masterstvu [Psychology of teaching speech skills]. Moscow: Vlados, 1999. 224 p. (In Russ.).

4. Zimnjaja I. A. Vozdejstvennost' vystuplenija lektora [The impact of the lecturer's speech]. Moscow: [b. i.], 1975. 44 p. (In Russ.).

5. Kan-Kalik V. A. Uchitelju o pedagogicheskom obshhenii [To the teacher about peda-

gogical communication]. Moscow: Prosveshchenie, 1987. 190 p. (In Russ.).

6. Kan-Kalik V. A. Pedagogicheskoe tvorchestvo [Pedagogical creativity]. Moscow: Pedagogika, 1990. 144 p. (In Russ.).

7. Kohtev N. N. Osnovy oratorskoj rechi [Fundamentals of oratory]. Moscow: Izd-vo MGU, 1992. 238 p. (In Russ.).

8. Leont'ev A. A. Osnovy teorii rechevoj dejatel'nosti [Fundamentals of the theory of speech activity]. Moscow: Nauka, 1974. 367 p. (In Russ.).

9. Leont'ev A. A. Psihologija obshhenija [Psychology of communication]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: Smysl, 1997. 240 p. (In Russ.).

10. Malyshev A. A. Psihologija i biznes: umenie ubeditel'no vozdejstvovat' rech'ju [Psychology and business: the ability to convincingly influence speech]. Uzhgorod: Patent, 1994. 88 p. (In Russ.).

11. Soper P. Osnovy iskusstva rechi [Fundamentals of the art of speech]. Moscow: Progress; Progress-akademija, 1995. 416 p. (In Russ.).

12. Tishhenko I. A. Teoreticheskie osnovy modelirovanija kommunikativnogo vzaimodejstvija sub'ektov v uslovijah professional'noj pedagogicheskoy dejatel'nosti: monografija [Theoretical foundations of modeling the communicative interaction of subjects in the conditions of professional pedagogical activity: monograph]. Juzhno-Rossijskij gosudarstvennyj tehničeskij un-t. Novocherkassk: JuRGTU, 2007. 121 p. (In Russ.).

13. Tishhenko I. A. Vozmozhnosti napravlennoj korrekcii kommunikativnoj dejatel'nosti prepodavatelej tehničeskogo vuza [Possibilities of directed correction of the communicative activity of teachers of a technical university]. V mire nauchnykh otkrytij [In the world of scientific discoveries]. 2010; 4(10): 191–194. (In Russ.).

14. Uchitelju o pedagogicheskoj tehnike [To the teacher about pedagogical technology]. Pod red. L. I. Ruvinskogo [In L. I. Ruvinsky (eds.)]. Moscow: Pedagogika, 1987. 160 p. (In Russ.).

15. Fetiskin N. P. Social'no-psihologicheskaja diagnostika razvitiya lichnosti i malych grupp: uchebnoe posobie [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups: textbook]. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manujlov G. M. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie, 2014. 390 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.12.2023; одобрена после рецензирования 16.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.
The article was submitted on 28.12.2023; approved after reviewing on 16.01.2024; accepted for publication on 12.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тищенко Юлия Геннадьевна — кандидат социологических наук, специалист Учебного управления, Ростовский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Нахичеванский, 29

Yulia G. Tishchenko — Candidate of Sociological Sciences, Specialist of the Training Department, Rostov State Medical University of the Ministry of health of the Russian Federation.

29 Nakhichevansky str., Rostov-on-Don, Russia

Ковалева Наталья Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» Шахтинского автомобильного института (филиала) Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Шахты, пл. Ленина, 1

Natalya Yu. Kovaleva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Shakhty Road Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

1 Lenina sq., Shakhty, Russia

Тищенко Ирина Александровна — доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» Шахтинского автомобильного института (филиала) Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Шахты, пл. Ленина, 1

Irina A. Tishchenko — Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of «Economics and Management» Department, Shakhty Road Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

1 Lenina sq., Shakhty, Russia

Вклад авторов:

Тищенко Ю. Г. — написание исходного текста.

Ковалева Н. Ю. — доработка текста; итоговые выводы.

Тищенко И. А. — методология; разработка лекционного курса.

Contribution of the authors:

Tishchenko Yu. G. — writing the source text.

Kovaleva N. Yu. — revision of the text; final conclusions.

Tishchenko I. A. — methodology; development of a lecture course.

Научная статья

УДК 373.24

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-213-223

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ПО ВОПРОСАМ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Мария Владиславовна Шенеман¹, Ольга Борисовна Истомина²✉

^{1, 2}Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

¹ms.sheneman@bk.ru, ORCID: 0009-0008-3395-7286

²olgaistomina@mail.ru✉, ORCID ID 0000-0003-4060-6106, AuthorID РИНЦ: 333150

Аннотация. Целью исследования является анализ взаимодействия педагогических работников (воспитателей) и родителей (законных представителей) обучающихся в дошкольном образовательном учреждении по вопросам реализации здоровьесберегающей среды.

Методологическая основа исследования базируется на принципах диалектического, содержательного, системного, личностно-ориентированного, деятельностного и качественно-количественного подходов. В ходе исследования была использована система взаимодополняющих и корректирующих друг друга методов: общелогических (анализ, синтез), эмпирических (наблюдение, опрос в форме анкетирования, описание) и социологических (контент-анализ, опосредованное наблюдение, анкетирование).

Результаты исследования. На основе углубленного анализа данных об уровне результативности здоровьесбережения в дошкольном образовательном учреждении, полученных в ходе эмпирического исследования, авторы определяют особенности взаимодействия детского сада и семей воспитанников в области здоровьесохранения. Особое внимание уделено изучению уровня сформированности здоровьесберегающих компетенций у педагогов как важных взрослых в жизни детей дошкольного возраста. Критерии оценивания — когнитивно-информационный, деятельностно-технологический, мотивационно-личностный. Делается вывод о возможных причинах снижения сохранности детского здоровья.

Перспективы результатов исследования видятся в их применении на практике разрабатываемой программы здоровьесбережения с целью вовлечения всех субъектов образования в её реализацию. Материалы исследования будут полезны практикам административно-управленческого аппарата в проектировании социально-экономических, социокультурных компонентов программ повышения качества образования за счет повышения вовлеченности родителей в образовательный процесс на уровне общеобразовательной организации, муниципалитета и региона.

Ключевые слова: дошкольное образование, детское здоровье, здоровьесбережение, педагогическая компетентность

Для цитирования: Шенеман М.В., Истомина О.Б. Взаимодействие участников образовательного процесса по вопросам здоровьесбережения в дошкольном образовательном учреждении: социологический анализ // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 213–223. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-213-223>.

Original article

INTERACTION OF PARTICIPANTS IN THE EDUCATIONAL PROCESS ON HEALTH-SAVING ISSUES IN A PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTION: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Maria V. Sheneman¹, Olga B. Istomina²✉

^{1, 2}Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

¹ms.sheneman@bk.ru, ORCID: 0009-0008-3395-7286

²olgaistomina@mail.ru✉, ORCID ID 0000-0003-4060-6106, AuthorID RSCI: 333150

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the interaction of teaching staff (educators) and parents (legal representatives) of students in a preschool educational institution on the implementation of a health-saving environment.*

The methodological basis of the research is based on the principles of dialectical, meaningful, systemic, personality-oriented, activity-based and qualitative-quantitative approaches. In the course of the study, a system of complementary and mutually correcting methods was used: general logical (analysis, synthesis), empirical (observation, survey in the form of a questionnaire, description), sociological (content analysis, indirect observation, questionnaire).

The results of the study. Based on an in-depth analysis of data on the level of effectiveness of health care in a preschool educational institution obtained during an empirical study, the authors determine the features of interaction between kindergarten and families of pupils in the field of health care. Special attention is paid to the study of the level of formation of health-saving competencies among teachers as important adults in the life of preschool children. The evaluation criteria are cognitive-informational, activity-technological, motivational-personal. The conclusion is made about the possible reasons for the decrease in the safety of children's health.

The prospects of the research results are seen in their application in practice of the health-saving program being developed, with the aim of involving all subjects of education in its implementation. The research materials will be useful to practitioners of the administrative and managerial apparatus in designing socio-economic, socio-cultural components of programs to improve the quality of education by increasing the involvement of parents in the educational process at the level of a general education organization, municipality and region.

Keywords: preschool education, children's health, health care, pedagogical competence

For citation: Sheneman M. V., Istomina O. B. Interaction of participants in the educational process on health-saving issues in a preschool educational institution: a sociological analysis // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 213–223. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-213-223>.

Введение. Здоровьесберегающая среда представляет собой особенную окружающую атмосферу, позволяющую сформировать, поддержать и укрепить здоровье ребенка дошкольного возраста. В современных условиях благодаря детскому саду дети могут гармонично взаимодействовать с внешним миром, получать бесценный опыт коммуни-

кации, всесторонне развиваться. Дошкольный период считается благоприятным временем для создания и закрепления основных аспектов правильного образа жизни. Вместе с обучением детей приемам оптимизации и сбережения здоровья перечисленные меры ведут к необходимому результату. Здоровый организм гарантирует успешность в таких

областях, как развитие личности, социальная роль, результативность в дидактическом процессе. Рационально организованная работа с детьми прямо отображается на состоянии здоровья. Большое значение имеет физическое воспитание, потому в детских садах целесообразно должны быть предусмотрены условия для эффективных занятий.

Оздоровительные мероприятия в любые периоды развития педагогики считались приоритетным вектором целостной системы дошкольного обучения. Актуальность упомянутого направления базируется не только на выборе учреждения. Большую роль играет ведение работы по укреплению детского здоровья. Преимущественной целью ДОУ по федеральным государственным образовательным стандартам стала деятельность, направленная на создание условий для развития физического и умственного здоровья, эмоционального благополучия воспитанников. Главные цели физкультуры в детских садах — это создание оптимальной атмосферы для проживания воспитанников дошкольного периода, разработка алгоритма построения базовой личностной культуры, всестороннее развитие человеческих качеств в зависимости от возраста и индивидуальных аспектов, подготовка к интеграции в социум.

Сберегающая здоровье система представляет собой методику, которая предлагает максимально эффективные условия, направленные на развитие физического, психического и социального здоровья её субъектов. В связи с этим появляется необходимость в формировании гибких социально-педагогических технологий здоровьесберегающего обучения и воспитания индивида на базе государственных воспитательно-образовательных организаций. Применение педагогами указанных технологий позволит заложить основы валеологической культуры, выработать у детей чувство сострадания к другим людям, конкретные умения управлять своими эмоциями, мыслями и настроением в целях предупреждения социальной девиации. Наиболее важным фактором воздействия на личность ребенка, кроме использования инновационных технологий, является атмосфера семейных эмоциональных отношений. Любовь родителей дает ребенку жизненную опору, эмоциональную поддержку и психологический

комфорт, а любящий и безгранично доверяющий родителям ребенок становится особенно восприимчивым к их влиянию.

Одним из наиболее важных факторов развития и становления ребенка как социально зрелой личности является совместная скоординированная деятельность находящихся рядом с ним взрослых: родителей и педагогов. Для того чтобы эта совместная деятельность принесла свои плоды в области социального развития ребенка, взаимодействие воспитателей и родителей должно быть организовано специальным образом. Семья и ближайшее окружение ребенка играют огромную роль в его социализации. Одной из главных задач современной педагогики является оказание помощи семье в создании полноценных условий для развития ребенка с учетом его психологических особенностей, осознания проблем в отношениях ребенка со взрослыми и сверстниками и поиск путей их решения.

Литературный обзор. Взаимодействие семьи и дошкольного образовательного учреждения в современной науке является предметом значительного числа исследований, в частности в конструкте здоровьесбережения. Проблематика сохранения детского здоровья представлена многообразием исследований отечественных ученых. Исследования И. А. Огурцовой [8], Ю. В. Ведерниковой [3] говорят о нескоординированности усилий родителей и педагогов, нежелании и неумении взаимодействовать в процессе реализации учебно-воспитательных задач и, как следствие, о необходимости создания таких организационных условий, создающих перспективу для выведения этого взаимодействия на новый уровень, при котором возможности применения здоровьесберегающих технологий могли бы быть реализованы на практике в должной мере.

В научных трудах Ю. Г. Абакумовой [1], Н. В. Вяловой и О. С. Шутовой [5], С. И. Карабаевой [7], К. В. Чедова и Р. А. Солоницина [9] и многих других рассматривается педагогическая компетентность в области здоровьесбережения дошкольников как одна из возможных причин сниженного уровня здоровья современных воспитанников. У педагогов не сформирована в той или иной степени теоретическая и практическая готовность

к применению здоровьесберегающих технологий, отсутствуют мотивационные механизмы к проработке данной проблематики, здоровый образ жизни не является фокусом как личностный фактор.

Специальные исследования в области социологии и психологической педагогики определили, что семья испытывает крайнюю необходимость в квалифицированной помощи на всех возрастных этапах дошкольника. Для того чтобы ребенок дошкольного возраста полноценно развивался, они обязаны взаимодействовать. Исходя из практического опыта, семья признает авторитет детского сада в решении задач воспитательного и образовательного характера, однако не считает необходимым принимать участие в педагогическом процессе. В свою очередь, воспитатели недостаточно высоко оценивают роль семьи, не пытаются надлежащим образом наладить обратную связь с родителями, использовать их влияние на ребенка и направить совместные усилия на его развитие и воспитание.

Т.И. Шамова и Т.М. Давыденко в своих исследованиях по управлению образовательным процессом отводят здоровью одну из ведущих ролей. Разработанная ими система контроля и оценки эффективности реализации здоровьесберегающей среды включает в себя такие показатели, как корреляция здоровья детей и детей, имеющих отклонения в здоровье, распространенность наиболее преобладающих заболеваний среди детей и уровень физического развития. Авторы настаивают на более подробном изучении внешних и внутренних факторов, оказывающих негативное воздействие на состояние здоровья воспитанников, для того чтобы обнаружить истинные причины ухудшения детского здоровья. При этом Т.И. Шамова и Т.М. Давыденко акцентируют внимание исключительно на показателях физического здоровья и развития, упуская психическое и социальное здоровье, мотивационные критерии и другое [11].

Кандидат педагогических наук, доцент Ставропольского педагогического института, Ирина Чупаха утверждает, что одно из центральных мест при решении проблемы укрепления, поддержки и сбережения детского здоровья принадлежит педагогу — носителю истинных социальных ценностей, к которым,

без сомнения, относится и детское здоровье. Эту идею, а также значимость формирования привычки ЗОЖ на этапе получения дошкольного, начального и общего образования, транслируют и федеральные документы: Закон РФ «Об образовании», Национальная доктрина образования в РФ, Концепция содержания непрерывного образования, Федеральные государственные требования к структуре основной образовательной программы дошкольного образования [10].

Вместе с тем отмечается печальный факт: современные педагоги не имеют достаточной готовности вести работу в условиях приоритета здоровья обучающихся. Об этом в своих трудах, анализирующих педагогическую деятельность, говорит Н.П. Абсакалова [2].

Встает закономерный вопрос о том, как определить уровень профессиональной компетенции у педагогов дошкольного образования в сфере здоровьесбережения.

Ход исследования. Для того чтобы определить, насколько сформирована профессиональная компетентность в области технологий здоровьесбережения у педагогов дошкольного образования, нами было проведено научное исследование на базе МБДОУ города Иркутска Детского сада №182. В исследовании приняли участие 27 педагогов (воспитатели всех возрастных групп, старший воспитатель).

Поскольку как таковой целостной и комплексной методики определения рассматриваемой педагогической компетентности на данный момент не существует, нами был определен перечень критериев (компонентов) профессиональной компетенции педагога в области здоровьесбережения:

1) когнитивно-информационный критерий — он включает в себя характеристики объема и качества теоретических сведений о здоровом образе жизни, знания о понятии здоровьесберегающей среды и технологий;

2) деятельностно-технологический критерий — формируется из практических знаний о применении здоровьесберегающих методик, сведений о повышении квалификации в этой области, а также личного желания педагога развиваться в указанном направлении;

3) мотивационно-личностный критерий — основан на осмыслении преподавателем лич-

ного смысла здорового образа жизни и того, как он сам применяет его в повседневной жизни с целью сбережения своего здоровья.

Необходимость тщательного исследования компонентов профессиональной компетентности обусловлена тем, что педагог дошкольного образования на протяжении нескольких лет остаётся важнейшим и центральным субъектом, реализующим технологии здоровьесбережения по отношению к детям, и он транслирует не только профессиональные знания, умения и навыки, но и своим собственным примером показывает воспитанникам важность приобщения к здоровому образу жизни, к его ценности. Педагог, воспитатель — это, прежде всего, человек, личность. И то, как и какими способами и приемами эта личность передает свой накопленный опыт, знания и ценности, полностью отражается на способности детей принимать эти знания, а также использовать их в своей жизни.

С целью всестороннего анализа мы разработали специальный опросник. Каждый его блок отвечает за общую картину информационных, деятельностных и мотивационных показателей.

Дополнительно могут исследоваться календарно-тематические планы воспитателей: насколько в них отражена здоровьесберегающая составляющая и каким образом она реализуется в ходе воспитательно-образовательного процесса (методы, приёмы, тематические мероприятия и т. д.), предметно-развивающая среда группы и ДОУ в целом.

1. Когнитивно-информационный компонент. Для выяснения уровня сформированности теоретических знаний воспитателей в сфере здоровьесбережения детей-дошкольников мы разработали тест «Здоровьесберегающая деятельность в ДОУ». Сюда вошли задания, направленные на ориентировку тестируемых в терминах, которые являются фундаментом здоровьесберегающей педагогики. Респондентам было необходимо выбрать из представленного перечня правильные ответы на основополагающие вопросы: «Что такое здоровье», «Здоровый образ жизни», дать понятие термина «здоровьесберегающие технологии». Помимо этого, во время прохождения теста педагоги должны были продемонстрировать знания программно-ме-

тодических основ применения здоровьесберегающих технологий в процессе воспитания и обучения детей.

Итоговая оценка теста складывается из количества правильно отвеченных вопросов, а далее выявляется уровень владения когнитивно-информационным компонентом: низкий, средний и высокий.

Полученные данные первого блока показали следующее. Высокий уровень владения теоретическими знаниями в сфере здоровьесберегающих технологий выявлен лишь у одного опрошенного (3,7% от общего числа). Средний уровень у 66,7%, а низкий — у 29,6%. Это говорит о том, что, конечно, общая масса педагогов владеет теорией на достаточном уровне, но процент низкого уровня всё же весьма велик. Вопросы, на которые часто давались неправильные ответы: «Укажите первый этап внедрения здоровьесберегающих технологий в образовательный процесс», «Физическое воспитание в дошкольных учреждениях образования регулируется: ...», «Какой документ определяет требования к организации здоровьесберегающей деятельности в общеобразовательном учреждении?». Данные вопросы содержат информацию о знаниях нормативных документов, а также о методике создания здоровьесберегающей среды в ДОУ.

2. Деятельностно-технологический компонент. Методика этого этапа тестирования демонстрирует степень сформированности у педагогов-дошкольников умений применять технологии здоровьесбережения на практике непосредственно в воспитательно-образовательном процессе.

Уровень владения методикой организации физкультурно-оздоровительной работы педагога определялся количеством баллов, полученных при анкетировании в первой части, выявлялся уровень владения данной компетенцией: низкий, средний и высокий. Во второй части педагоги отвечали на вопросы, демонстрирующие знания, умения и навыки владения здоровьесберегающими технологиями.

Результаты первой части опросника показали, что большая часть педагогов владеет деятельностно-технологическим компонентом на среднем уровне (59,2%), а на высоком — 40,8%. Низкого уровня не было выяв-

лено. Такие показатели не могут не радовать, так как практическое применение здоровьесберегающих технологий — важная часть как воспитательно-образовательного процесса в целом, так и физкультурно-оздоровительной сферы в частности. Это означает, что здоровьесберегающая деятельность имеет место быть несмотря на то, что как таковой модели в учреждении не предусмотрено. Педагоги сами, основываясь исключительно на своих знаниях и умениях, используют данные технологии, тем самым повышая и охраняя здоровье своих воспитанников.

Вторая часть опросника, основанная на знаниях и владениях возрастных особенностей детей, умениях отбирать материал для реализации задач физического развития и образовательных областей «Физическая культура» и «Здоровье», знаниях и умениях применять активные, игровые методы физического развития, воспитании культуры здоровья, показала следующее: свободно владеют вышеописанными компетенциями 46,7% из всего числа опрошенных педагогов, частично — 47,6%, совсем не владеют — 5,7%. Данные показатели говорят о том, что уровень деятельностно-технологического компонента находится на достаточном уровне, но требует совершенствования, опять же, в области теории использования здоровьесберегающих технологий, а также умений применения её на практике.

3. Мотивационно-личностная компетенция. Данная компетенция определяется на основании анкетирования, разработанного Натальей Елжовой «Охрана и укрепление здоровья детей». В ходе анкетирования наглядно выясняются субъективное отношение педагога-воспитателя к здоровью, ценностное отношение к здоровью и ЗОЖ, мотивационная готовность к осуществлению здоровьесберегающей работы, способность к саморазвитию и самообразованию и включает в себя открытые и закрытые вопросы.

Результаты исследования показали, что ведущей ценностью для педагогов является «здоровье» (74%), на втором месте расположились «любовь» и «красота», третье место занимают «деньги». Это говорит о том, что педагоги главным аспектом среди всех предложенных ценностей выделяют именно «здоровье» — а это важно в наших современных реалиях.

На вопрос «Как вы понимаете слова ЗОЖ?» чаще всего давались такие ответы: «Правильный режим, питание, прогулка, достаточно сна», «Укрепление и поддержка здоровья человека», «Отсутствие вредных привычек, постоянное занятие спортом». В ответах респондентов не было замечено полное определение данного понятия, то есть сохранение физического, психологического и социального здоровья человека. Акцентировалось внимание именно на физическом компоненте.

На вопрос «Какие вредные привычки мешают вам вести здоровый образ жизни?» были даны следующие ответы: «Лень», «Нерегулярный режим сна», «Неправильное питание, несоблюдение режима», «Вредная еда», «Малоподвижный образ жизни, телефон, курение». Это говорит о том, что современные реалии нашего мира отражают свои негативные последствия на всех людях, даже на педагогах. Стресс, усталость, недосып, неправильный режим дня, плохое питание, присутствие вредных привычек — все это следствие многочисленных неблагоприятных факторов среды, к которой мы относим и личностные (внутренние), и профессиональные, социальные, экономические и другие (внешние).

Также интересными для нас были результаты ответов на вопрос «Есть ли в вашем окружении знакомый человек, ведущий здоровый образ жизни?», на который 55,5% опрошенных ответили отрицательно. Это больше половины всех респондентов, что означает факт того, насколько важен личный пример здорового человека в окружении. Если у самих педагогов нет такого эталона, как они могут заразить своим образцом воспитанников, собственных детей?

Исходя из результатов, полученных по мотивационно-личностному компоненту, можно сделать вывод о том, что педагоги стараются вести здоровый образ жизни, приобщаться к нему, но ресурсов для этого хватает не всегда, и над этой сферой тоже необходимо работать.

Также нами было проведено исследование-анкетирование на базе МБДОУ города Иркутска №182, в котором приняли участие 29 родителей, направленное на выявление у родителей воспитанников знаний о ЗОЖ, о том, как они сами реализуют технологии здоровьесбережения в воспитании своих де-

тей и насколько оценивают условия пребывания детей в ДОУ.

На вопрос «Что такое здоровый образ жизни?» давались такие типичные ответы, как: «Здоровый сон», «Занятия спортом», «Рациональное питание», «Соблюдение режима дня», «Отсутствие вредных привычек», «Личная гигиена», «Положительные эмоции», «Предупреждение заболеваний».

На вопрос «Как вы думаете, для чего нужно вести здоровый образ жизни?» чаще всего важным считали «Иметь хорошее здоровье», «Быть успешным в жизни, добиваться успеха». Самым неважным считали ответ «Чтобы быть современным культурным человеком», средняя важность — «Быть внешне привлекательным и иметь хорошую физическую форму».

На вопрос «Что вы делаете для укрепления здоровья своего ребенка?» чаще всего давались такие ответы, как: «Слежу за соблюдением режима и рациона питания», «Стараюсь больше бывать на свежем воздухе», «Стараюсь, чтобы ребенок высыпался». Самые редкие ответы касаются отправления детей на различные спортивные секции и сокращения времяпровождения за компьютером.

Результаты по вопросу «Считаете ли вы правильным и здоровым режим и рацион питания вашего ребенка?» показали следующее: практически половина опрошенных (48,3 %) ответили «Нет» или «Не вполне». Это говорит о том, что в 50 % случаев родители сомневаются в том, что их ребенок правильно питается и соблюдает здоровый распорядок дня, что не может не вредить его здоровью.

На вопрос, касающийся оценки условий пребывания ребенка в детском саду, нуждающимися в улучшении условиями чаще всего были выбраны следующие: психологическое сопровождение педагогического процесса, помощь психолога, психологическая атмосфера в ДОУ в целом.

Проанализировав ответы родителей, можно сделать вывод о том, что родители не всегда находят время для того, чтобы обеспечить собственным детям условия, обеспечивающие реализацию здорового образа жизни, внедрение ценностей здоровья: редко водят детей на спортивные секции, не ограничивают времяпровождение за телевизором, компьютером и телефоном, частично следят за режимом дня и рационом питания, не вносят в понятие

«здоровье» всю его сущность и, что очень важно при проектировании здоровьесберегающей среды в ДОУ, родители выделяют психологический аспект как мало проработанный, нуждающийся в улучшении и развитии.

Выводы. В ходе проведенного исследования выяснилось, что сегодня педагоги дошкольного образования обладают средними знаниями о здоровье и здоровом образе жизни в целом. Ввиду отсутствия необходимой мотивации педагоги дошкольных учреждений используют здоровьесберегающие технологии в учебно-воспитательном процессе фрагментарно и достаточно бессистемно. По этой причине у детей дошкольного возраста не формируется необходимая позиция субъекта здоровьесберегающей деятельности. Необходимо повсеместно организовывать целенаправленную работу с педагогами по систематизации знаний и умений в построении процесса здоровьесбережения, в умении правильно применять здоровьесберегающие технологии, а также работать над мотивационным компонентом.

Сегодня в методической работе преобладают достаточно устаревшие формы, не соответствующие требованиям времени. Важно уйти от формального, ограниченного и малосодержательного подхода к организации здоровьесберегающего пространства, акцентировать внимание на практическом и более легком в реализации проектировании здоровьесберегающих технологий.

Следует сделать вывод о том, что при переходе к этапу моделирования и реализации здоровьесберегающей среды необходимо сделать акцент на повышении у педагогов уровня владения теоретическим компонентом данной сферы. Для этого можно проводить тематические семинары, лекции, давать возможность прохождения курсов повышения квалификации.

Заключение. Здоровьесберегающая среда имеет огромное значение для развития и становления личности. При построении специальных условий в дошкольных учреждениях и главное — при их соблюдении становится возможным полноценное сохранение и укрепление здоровья. При этом в последующем формируется осознание и понятие

культуры здоровья, а вместе с ней и понимание духовно-нравственных, эстетических и физических компонентов.

Исходя из модернизационных потребностей отечественной системы образования, в настоящее время происходят трансформационные процессы в области дошкольного образования. Федеральные госорганы, обеспечивающие общеобразовательные стандарты, подразумевают условия, позволяющие создать благоприятную обстановку, при которой будет происходить развитие детей, их навыков творческого потенциала, с учетом их текущих возрастных и индивидуальных особенностей и склонностей. В данном вопросе ребёнок предстает в качестве индивидуального субъекта отношений, наедине с собой, своими сверстниками, более взрослым окружением и социальным обществом. Всё это позволит в полной мере обеспечить современное дошкольное образование.

Теоретический анализ литературы показал, что сохранение и укрепление здоровья детей является значимой социально-педагогической проблемой, а создание адекватного здоровьесберегающего пространства — важнейшей задачей в сфере управления образовательным процессом.

Результаты эмпирического исследования и теоретической проработки темы говорят о том, что система здоровьесбережения находится под огромным вниманием со стороны родителей, педагогов, административно-управленческого аппарата и других высших органов координации дошкольного образования. Данная проблема рассматривалась и продолжает рассматриваться многочисленными учеными разных сфер научной деятельности, создаются новые практики, технологии и методы реализации сохранения детского здоровья. На наш взгляд, тенденции развития здоровьесберегающей среды должны быть сосредоточены не на создании новых здоровьесберегающих технологий, а на совершенствовании, развитии и качественном применении фундаментальных, закреплённых основ. Для этого, в частности, в концепции регулирования педагогической деятельности дошкольных образовательных учреждений необходимо учитывать контроль соблюдения использования здоровьесберегающих технологий.

В современных условиях педагогическая наука отдаёт приоритет семейному воспитанию, для чего необходимо изменять взаимоотношения между дошкольным учреждением и семьей. Взаимодействие в системе «воспитатель — ребенок — семья» должно быть эффективным и иметь дифференцированный подход к различным категориям семей.

Организация валеологического воспитания дошкольников представляет собой взаимодействие, отличающееся планомерностью, последовательностью и целенаправленностью. Оно состоит из трех связанных между собой и дополняющих друг друга блоков: взаимодействие с воспитателями, с семьей и с ребенком в указанном направлении.

Порядок взаимодействия дошкольного учреждения и семьи должен включать:

1) самосовершенствование воспитателей: ориентацию на ЗОЖ; углубление теоретических познаний в области анатомии, психологии, гигиены, физиологии, теории и методики физического воспитания и т.д.; освоение оздоровительных практик и техник в сфере физической культуры; формирование и развитие практических навыков здорового образа жизни, в том числе проведение физической зарядки, регулярных пеших прогулок, водных закаливающих процедур, дыхательных упражнений и т.д.;

2) работу с семьей: организацию теоретико-практических образовательных мероприятий в области оздоровления по темам правильного питания, закаливания, дыхательных техник, двигательной активности, релаксации и т.д.; практических мероприятий; дней открытых дверей; спортивных мероприятий «Папа, мама, я — спортивная семья» и т.д.;

3) работу с воспитанниками дошкольного учреждения старшего возраста: выработку адекватных представлений о человеческом организме и строении своего тела; сознание ценности собственной жизни и жизни других людей; выработку потребности в саморазвитии в физической и нравственной областях, в ЗОЖ; формирование умений в сфере гигиены и профилактики, оказании первой медицинской помощи, способностей предугадывать опасные для жизни последствия своего поведения; привитие положительного само- и мироощущения; формирование уважительного отношения к жизни других людей, навыков сочувствия и сострадания.

Только взаимная организованная работа воспитателей, семьи и ребенка приведет к значительным результатам.

Сейчас специалисты дошкольных учреждений находятся в поиске новых, неформальных способов взаимодействия с родителями. Хотя педагогическая литература не содержит такого понятия, эти способы внедряются в практическую деятельность детских садов. Их цель — привлечь внимание семьи к дошкольному учреждению, установить неформальные контакты с помощью мероприятий, построенных по типу телепередач или развлекательных игр. Увидев своего ребенка в новой обстановке, родители могут лучше его узнать, а также оказать содействие педагогам в реализации технологий здоровьесбережения. Организуются дни открытых дверей, готовятся утренники, конкурсы, соревнования с участием родителей. В педагогической практике важно найти новые грани взаимодействия детского сада и семьи.

Список источников

1. Абакумова Ю.Г. Ресурсы и возможности здоровьесберегающих педагогических технологий, влияющих на формирование здоровьесберегающей компетентности будущего педагога // Наука. 2020. №2. С. 149–153.
2. Абаскалова Н.П. Здоровьесберегающее образование в инновационных условиях: теория, методология, практика и опыт. Обнинск: Интеллект будущего, 2013. 280 с.
3. Ведерникова Ю.В. Взаимодействие дошкольного образовательного учреждения и родителей по формированию здоровьесберегающей среды // Дошкольное образование — развивающее и развивающееся. 2014. №3. С. 31–33.
4. Виленский М.Я. Образовательные ценности физической культуры в высшей школе: содержание, свойства, функции // Физическая культура и здоровье. 2017. №1. С. 62–67.
5. Вялова Н.В. О проблеме формирования профессиональной компетентности педагогов дошкольного образования в области здоровьесбережения детей / Н.В. Вялова, О.С. Шутова // Осовские педагогические чтения «Образование в современном мире: новое время — новые решения». 2020. №1. С. 147–153.

6. Зайцев Г.К. Валеология. Культура здоровья: книга для учителей и студентов педагогических специальностей / Г.К. Зайцев, А.Г. Зайцев. Самара: Бахрах-М, 2003. 268 с.

7. Карабаева С.И. Мониторинг готовности педагогов дошкольного образования к реализации здоровьесберегающих технологий // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. №1. С. 237–244.

8. Огурцова И.А. Исследование уровня компетентности родителей, педагогов и детей в области здоровьесбережения (из опыта работы) // Вопросы дошкольной педагогики. 2019. №8. С. 24–26.

9. Чедов К.В. Модель регионального кластера совершенствования здоровьесберегающей компетентности педагогов / К.В. Чедов, Р.А. Солоницин // Современные проблемы науки и образования. 2022. №2. С. 20–29.

10. Чупаха И.В. Научно-методическая работа педагогов по здоровьесберегающим технологиям в комплексе «Детский сад — начальная школа»: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2002. 173 с.

11. Шамова Т.И. Управление образовательным процессом в адаптивной школе / Т.И. Шамова, Т.М. Давыденко. М.: Педагогический поиск, 2001. 384 с.

12. Merrill S.M. Parent Engagement in Education: Strategies for Success // April 2010. DOI: 10.13140/RG.2.1.2744.2963.

13. Tinsley B.J. How children learn to be healthy. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2003. 204 p. DOI: https://www.researchgate.net/publication/266406013_How_Children_Learn_to_Be_Healthy.

14. Wolraich M.L. Screen time and young children: Promoting health and development in a digital world // Paediatrics & Child Health. 2017. Vol. 22. Issue 8. Pp. 461–468. DOI: <https://doi.org/10.1093/pch/pxx123>.

References

1. Abakumova Ju. G. Resursy i vozmozhnosti zdorov'esberegajushhih pedagogicheskikh tehnologij, vlijajushhih na formirovanie zdorov'esberegajushhej kompetentnosti budushhego pedagoga [Resources and opportunities of health-saving pedagogical technologies influencing the formation of health-saving competence

of a future teacher]. *Nauka [Science]*. 2020; (2): 149–153. (In Russ.).

2. Abaskalova N. P. Zdorov'esberegajushhee obrazovanie v innovacionnyh uslovijah: teorija, metodologija, praktika i opyt [Health-saving education in innovative conditions: theory, methodology, practice and experience]. Obninsk: Intellekt budushhego, 2013. 280 p. (In Russ.).

3. Vedernikova Ju. V. Vzaimodejstvie doshkol'nogo obrazovatel'nogo uchrezhdenija i roditel'ev po formirovaniju zdorov'esberegajushhej sredy [Interaction of preschool educational institutions and parents on the formation of a health-saving environment]. *Doshkol'noe obrazovanie — razvivajushhee i razvivajushheesja [Preschool education — developing and developing]*. 2014; (3): 31–33. (In Russ.).

4. Vilenskij M. Ja. Obrazovatel'nye cennosti fizicheskoj kul'tury v vysshej shkole: sodержание, svojstva, funkcii [Educational values of physical culture in higher education: content, properties, functions]. *Fizicheskaja kul'tura i zdorov'e [Physical culture and health]*. 2017; (1): 62–67. (In Russ.).

5. Vjalova N. V. O probleme formirovanija professional'noj kompetentnosti pedagogov doshkol'nogo obrazovanija v oblasti zdorov'esberezhenija detej [On the problem of formation of professional competence of teachers of preschool education in the field of child health]. N. V. Vjalova, O. S. Shutova. *Osovskie pedagogicheskie chtenija «Obrazovanie v sovremennom mire: novoe vremja — novye reshenija» [Osovsky pedagogical readings «Education in the modern world: new time means new solutions»]*. 2020; (1): 147–153. (In Russ.).

6. Zajcev G. K. Valeologija. Kul'tura zdorov'ja: kniga dlja uchitelej i studentov pedagogicheskikh special'nostej [Health culture: a book for teachers and students of pedagogical specialties]. G. K. Zajcev, A. G. Zajcev. Samara: Bahrah-M, 2003. 268 p. (In Russ.).

7. Karabaeva S. I. Monitoring gotovnosti pedagogov doshkol'nogo obrazovanija k realizacii zdorov'esberegajushhih tehnologij [Monitoring the readiness of preschool teachers to implement health-saving technologies]. *Izvestija*

vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki [News of higher educational institutions. The Volga region. Humanities]. 2014; (1): 237–244. (In Russ.).

8. Ogurcova I. A. Issledovanie urovnja kompetentnosti roditel'ev, pedagogov i detej v oblasti zdorov'esberezhenija (iz opyta raboty) [A study of the level of competence of parents, teachers and children in the field of health care (from work experience)]. *Voprosy doshkol'noj pedagogiki [Questions of preschool pedagogy]*. 2019; (8): 24–26. (In Russ.).

9. Chedov K. V. Model' regional'nogo klastera sovershenstvovanija zdorov'esberegajushhej kompetentnosti pedagogov [Model of the regional cluster for improving the health-saving competence of teachers]. K. V. Chedov, R. A. Solonichin. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija [Modern problems of science and education]*. 2022; (2): 20–29. (In Russ.).

10. Chupaha I. V. Nauchno-metodicheskaja rabota pedagogov po zdorov'esberegajushhim tehnologijam v komplekse «Detskij sad — nachal'naja shkola» dis. ... kand. ped. Nauk [Scientific and methodological work of teachers on health-saving technologies in the complex «Kindergarten — primary school». Ph. D. (Pedagogy) diss.]. Saint Petersburg, 2002. 173 p. (In Russ.).

11. Shamova T. I. Upravlenie obrazovatel'nym processom v adaptivnoj shkole [Management of the educational process in an adaptive school]. T. I. Shamova, T. M. Davydenko. Moscow: Pedagogicheskij poisk, 2001. 384 p. (In Russ.).

12. Merrill S. M. Parent Engagement in Education: Strategies for Success. April 2010. DOI: 10.13140/RG.2.1.2744.2963.

13. Tinsley B. J. How children learn to be healthy. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2003. 204 p. DOI: https://www.researchgate.net/publication/266406013_How_Children_Learn_to_Be_Healthy.

14. Wolraich M. L. Screen time and young children: Promoting health and development in a digital world. *Paediatrics & Child Health*. 2017; 22(8): 461–468. DOI: <https://doi.org/10.1093/pch/pxx123>.

Статья поступила в редакцию 27.12.2023; одобрена после рецензирования 20.01.2024; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted on 27.12.2023; approved after reviewing on 20.01.2024; accepted for publication on 14.02.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шенеман Мария Владиславовна — соискатель, Иркутский государственный университет (ИГУ); исполняющий обязанности заведующего МБДОУ г. Иркутска Детский сад №182.
Россия, г. Иркутск, ул. Игошина, 20а
Россия, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9

Maria V. Sheneman — Applicant, Irkutsk State University (ISU); Acting Head of the Irkutsk MBDOU Kindergarten №182.
20a Igoshina str., Irkutsk, Russia
9 Suhje-Batora str., Irkutsk, Russia

Истомина Ольга Борисовна — доктор философских наук, заведующий кафедрой социально-экономических дисциплин, Иркутский государственный университет.
Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

Olga B. Istomina — Doctor of Philosophical Sciences, the Head of the Department of Socio-Economic Disciplines of the Pedagogical Institute, Irkutsk State University.
1 Karl Marx str., Irkutsk, Russia

Вклад авторов:

Шенеман М. В. — концепция исследования; проведение исследования и его анализ; написание исходного текста; итоговые выводы.

Истомина О. Б. — научное руководство, концепция исследования, доработка текста, итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Sheneman M. V. — research concept; conducting research and the analysis of the data; writing the source text; final conclusions.

Istomina O. B. — scientific management; follow-on version of the text; final conclusions.

16+

Свободная цена

Издатель и учредитель: Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Телефон: (8635) 25-51-54

Сайт: www.vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU

E-mail: vestnik-npi@yandex.ru

Отпечатано в типографии ИД «Политехник» Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная

Усл. печ. л. 26,01. Уч.-изд. л. 28,0

Тираж 500 экз. Заказ №46-0100

© Составительство. Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, 2024